СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVI, № 3.

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

III — XI.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

III.

Былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури [1]).

Проф. Дестунисъ описалъ и отчасти обнародовалъ содержаніе сборника, помѣченнаго въ каталогѣ греческихъ рукописей Имп. Публ. Библіотеки №-мъ CCII-мъ. Содержаніе это слѣдующее:

1. (Заглавія нѣтъ, но оно можетъ быть возстановлено по изданію Вагнера) Διηγησις παιδιοφραστος των τετραποδων ζωων.

2. Διηγησις του πωρικολογου.

3. Προς τον ανεψιον αυτου ο κυρ σπανι παραγγελι του με ποθον εις τα ξενα.

4. Του Αρμουρι.

5. Περι της αναλωσεως και της αιχμαλοσιας ην γεγωνεν ηπω των Περσον εις αττικιν αθυνα.

6. α̃ β̃ σιναχτιχι περι πεδευσεως ανθρωπου.

7. Ο πουλολογος.

8. Заглавія нѣтъ; первый стихъ: Εδα συναξου λογισμε και λεπτηνη μου γνωσι.

---

[1]) Содержаніе этой и двухъ слѣдующихъ главъ (IV, V) воспроизводитъ отчасти мою статью, помѣщенную въ Archiv f. Slav. Philologie, т. III, стр. 549 слѣд.: Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos.

9. Заглавія недостаетъ; первый стихъ: ω παραδοξος συμφορα, ω σκοτισμα ανθρωπων.

Изъ 9 номеровъ сборника №№ 1, 2 и 7 были изданы по другой рукописи Вагнеромъ въ его Carmina graeca medii aevi (Lipsiae, 1874); №№ 4 и 5 напечатаны впервые проф. Дестунисомъ по петербургскому тексту [1]), время написанія котораго можетъ быть опредѣлено приблизительно. Въ «Шуточномъ разсказѣ о четвероногихъ животныхъ (Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων) говорится, что споръ между ними произошелъ въ 1365-мъ году; стихотвореніе, помѣщенное въ № 5 нашего сборника: «О завоеваніи и покореніи Аттической Аѳины Персами» (περὶ τῆς ἀναλώσεως καὶ τῆς αἰχμαλοσίας ἡ γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθήνα) относится, по мнѣнію издателя [2]), къ извѣстному покоренію Аѳинъ Турками въ 1456 году. Если такъ, то мы получили terminus a quo нашей рукописи, которая могла быть списана лишь позже этого событія. По общему характеру письма можно-бы отнести её къ значительно позднѣйшему времени, замѣчаетъ проф. Дестунисъ [3]), отказываясь отъ болѣе точнаго опредѣленія за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ.

Перломъ сборника является историческая пѣсня-былина объ Армури, значительно обогащающая наши свѣдѣнія о *народномъ*, средне-греческомъ эпосѣ, достойно становящаяся рядомъ съ извѣстной пѣсней: о сынѣ Андроника [4]) — и тѣми древнѣйшими

[1]) Объ Армурѣ, греческая былина византійской эпохи. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Гавріилъ Дестунисъ. Τοῦ Ἀρμούρη, ἄσμα δημοτικὸν τῆς Βυζαντίνης ἐποχῆς, ἐκδοθέν, ῥωσσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν παρὰ Γαβριὴλ Δεστούνη. Ἐν Πετρουπόλει, 1877. — О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. СПБ. 1881.

[2]) Армури, стр. I—II.

[3]) Ibid. стр. III.

[4]) Сл. Max Büdinger, Mittelgriechisches Volksepos, Leipz. 1866; Legrand, Recueil de chansons populaires grecques (Paris 1874). Сл. теперь Дестуниса, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода (1883 г.), стр. 68 слѣд.

пѣснями-былинами, которыя легли въ основу поэмы о Дигенисѣ. — Пѣсня объ Армури дошла до насъ въ неполномъ видѣ; сохранилось всего 200 стиховъ, но недостаетъ, очевидно, немногаго; по моему мнѣнію усѣченъ конецъ; попытка возстановленія предложена будетъ дальше. Что касается до запѣва, то начало ex mediis rebus совершенно въ стилѣ народной эпики и не даетъ повода предположить здѣсь какой-бы то ни было пропускъ. — Герой носитъ имя Армури, такъ названъ и его отецъ; издатель не пытается объяснить намъ это имя или прозвище [1]) и позволяетъ себѣ лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить историческія отношенія самой пѣсни. Они указываютъ на продолжительный періодъ борьбы Византійцевъ съ Сарацинами въ Сиріи, что относитъ насъ ко времени отъ VII по XI-ое столѣтіе; событія, воспѣтыя въ былинѣ, могли совершиться въ промежутокъ между этими двумя датами, вѣроятно подальше отъ первой и не позже половины XI вѣка [2]). Это хронологическое опредѣленіе подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, и словаремъ пѣсни: въ ея 200-хъ стихахъ находится нѣсколько арабскихъ словъ, но ни одного турецкаго, а слова романскаго пошиба указываютъ на древнюю либо средневѣковую латынь, не на спеціально-романское, напр. итальянское происхожденіе.

Проф. Дестунисъ присоединилъ къ изданному имъ тексту прекрасный русскій переводъ, а въ примѣчаніяхъ и предисловіи къ нему предложилъ рядъ интересныхъ наблюденій, частью касающихся отдѣльныхъ словъ, частью привлекающихъ къ сравненію матеріалъ современной народной греческой пѣсни, въ поясненіе такого-же, народнаго характера нашей былины. Этими замѣтками мы воспользуемся впослѣдствіи; пока предложимъ краткій, по возможности, пересказъ самого текста, минуя повторенія и длинноты лишь тамъ, гдѣ умолчаніе не вредитъ характеристикѣ стиля.

---

[1]) Сл., однако, его Разысканія, l. c., стр. 114.

[2]) Армури, стр. VI—VII.

I.

«Нынче особенное небо, нынче особенный день, нынче барченки (τὰ ἀρχοντόπουλα) выѣдутъ верхомъ; только лишь государя Армура сынъ не выѣзжаетъ верхомъ. И тогда-то мальчикъ идетъ къ своей мамѣ: «Пускай ты, мама, на моихъ братьевъ порадуешься!... пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься: отпусти меня, мама, верхомъ поѣхать!» И тогда мать говоритъ Армуру: «ты мальчикъ малолѣтка, не слѣдъ тебѣ верхомъ! а ужь коли охота беретъ, сыночекъ милый, верхомъ поѣхать..., тамъ, на верху виситъ копье отца твоего, что государемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи взято, сверху и до-низу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь, тогда и поѣдешь». Тогда малъ Армуровичъ плача на лѣстницу поднимается, а смѣясь съ лѣстницы спускается[1]): прежде чѣмъ захватилъ копье — оно ужь давало себя хватать, прежде чѣмъ его встряхнулъ — ужь встряхивалось; къ рукѣ своей привязалъ его, тряхнулося, согнулося.... И пошелъ опять мальчикъ къ матери: «А хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобою его изломлю?» — Какъ увидѣла это мать, велитъ архонтамъ осѣдлать воронаго отцовскаго, «что двѣнадцать ужь годовъ, воды не пивалъ, что двѣнадцать ужь годовъ подъ верхомъ не бывалъ, что разъѣдаетъ подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопаный» [2]). — Сѣлъ на него Армури, и «пока сказалъ «прощайте», на тридцать миль умчался, пока отозвался ему, умчался на шестьдесятъ на пять». На берегу Евфрата (Ἀφράτης) онъ разъѣзжаетъ вверхъ и внизъ, ища переѣзда, какой-то Саракинъ глумится надъ нимъ съ противоположной стороны: «у Са-

---

[1]) «Κλαίοντας ἀναιβαίνει τὴν σκάλαν, γελῶντας καταιβαίνει; пр. Дестунисъ сравниваетъ Νεοελληνικὰ Ἀνάλεκτα I, 2, № 23, v. 13: παιζογελῶντ' ἀνέβαινε, κλαίγοντα κατέβαινει.

[2]) Сл. Дестунисъ, Разысканія, l. c. стр. 102, гдѣ есть поправки къ первому переводу поэмы.

ракиновъ такіе кони, что вѣтеръ нагоняютъ, что голуби (τὴν φάσαν) и куропатку на лету хватаютъ, а зайца въ гору бѣгучи догоняютъ; поиграютъ ими, поласкаютъ ихъ (Дестунисъ дополняетъ: καὶ ἀφήνουν νὰ πετῶσιν или καὶ ἐλεύθερα τὰ ἀφήνουν: отпустятъ ихъ), а тамъ, когда вздумается, опять побѣгутъ и словятъ! И все-же Евфрата-рѣки переѣхать не могутъ! А ты на своей кляченкѣ хочешь его переѣхать!» — Разозлился на эти слова молодецъ, пришпориваетъ коня, хочетъ переѣхать рѣку; а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами:

43 ἦτον ὁ Ἀφράτης δυνατὸς, ἦτον καὶ βουρκωμένος,
εἶχεν καὶ κύματα βαρέα, ἦτον καὶ ἀποχυμένος.

Снова понукаетъ Армури своего воронка, взмолился звонкимъ голосомъ:

47 εὐχαριστῶ σε, Θεὲ καλέ, καὶ μυριοευχαριστῶ σε·
ἐσύ με ἔδωκες τὴν ἀνδρείαν, καὶ... (?) μὲ τὴν παίρνει τώρα» [1]).

Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: «Воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди (? εἰς τὸ μπροστοβούρκιν), бодни воронаго своего, чтобы переѣхать на ту сторону». — Наставленіе нѣсколько загадочное — либо переводъ слишкомъ подстрочный. Ангелъ говоритъ: пришпорь коня, переѣзжай, какъ есть въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою (μπροστοβούρκιν? Βοῦρκα, βοῦρκιν: pantano, malta, acquazzo; сл. v. 43 объ Евфратѣ: βουρκωμένος), метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). — Армури перебирается за Евфратъ и, не давъ «одеждѣ своей высохнуть», наѣхалъ на Саракина, ударомъ кулака вышибъ ему челюсть и спрашиваетъ: гдѣ войска? — Не пристало храбрецамъ — прежде ударить, а потомъ разспросить, говоритъ Саракинъ: «клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милой матерью (v. 61 μὰ τὸν κὺρ ἥλιον τὸν γλυκὺν, μὰ τὴν γλυ-

---

[1]) Дестунисъ обозначилъ точками опущенное имъ непонятное слово: ὀαβάκς(?). Но второе полустишье не указываетъ на пропускъ.

κεἰαν του μάνα; сл. v. 76, 87, 95), вчера насъ было набрано до сотни тысячъ, всё молодцы, отборные, съ зелеными щитами: это такой удалый народъ, что имъ и тысячи не страшно, ни тысячи, ни десятка тысячъ, ни сколько-бы имъ ни встрѣтилось». — Взъѣхавъ на вершину горы, Армури видитъ несчетное войско и раздумался: «коли нападу на нихъ невооруженныхъ, всегда будутъ хвастаться, что я засталъ ихъ невооруженными и не далъ имъ помѣряться». И онъ кричитъ, что есть силы: Вооружайтесь Саракины, собаки вы поганыя (v. 72 σκυλιὰ μαγαρισμένα; сл. v. 92); Армурычъ (Ἀρμουρόπουλος), сынъ Армура, храбрый богатырь, переѣхалъ рѣку! — Завязывается битва:

καὶ τότε πάλιν τὸ παιδὶν καὶ αὐτὸ καλὸ τ'ἀρίστι
ὡραῖον σπαθίτζιν ἔσυρε ἀπὸ ἀργυρὸν φηκάριν·
εἰς τὸν οὐρανὸν τὸ ἀπέταξεν, εἰς τὸ χέριν του τὸ δέχθη·
κροῦ πτερνιστηρέαν τὸν μαύρον του, ἐκεῖ κοντὰ ζυγώνει·
«ἀπὸ τὸ γένος τοῦ διαβὸ ἂν σᾶς ἀλησμονῆσω».
Καὶ συγκροτάει πόλεμον καλά, ἀνδρειωμένα·
τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔκοπε, ἡ μέση ἐδαπανᾶτον·
μὰ τὸν κὺρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκεῖαν του μάνα,
ὅλην τὴν ἡμέραν τοὺς ἔκοπτε τὴν ἄνω ποταμίαν,
καὶ ὅλην τὴν νύκτα τοὺς ἔκοπτεν τὴν κάτω ποταμίαν.
ἔθεσεν καὶ ἀπόθεσέν τους, κανένα δὲν ἀφῆκε.

Армури спѣшивается, чтобъ освѣжиться, а въ это время одинъ «собака Саракинъ» уводитъ его воронаго и уноситъ палицу. Сорокъ миль гонится за нимъ пѣшій молодецъ, нагналъ его у воротъ Сиріи, отсѣкъ ему руку и приговариваетъ:

99 ἄμε καὶ ἐσύ, Σαρακηνέ, νὰ πῆς καὶ σὺ μαντάτο.

До сихъ поръ мы знали объ отцѣ Армури лишь то, что онъ отсутствуетъ, что его дома желаютъ видѣть: «пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься», говоритъ Армури матери въ началѣ пѣсни. Теперь мы узнаемъ, что старикъ Армури въ плѣну у Саракинъ и сидитъ снаружи у двери своей тюрьмы, когда является на сцену раненый молодцемъ Саракинъ. Отецъ тотчасъ-же узналъ своего воронка, палицу своего сына — а всадника-то не видитъ.

103 βαρέα βαρέα ἀναστέναξεν καὶ ἐσείστη ὁ πύργος ὅλος.
καὶ τότε πάλιν ὁ ἀμηρᾶς τοὺς ἄρχοντες ἐλάλει·
«ἄμετ' ἰδέτε οἱ ἄρχοντες, τί ἔχει καὶ ἀναστενάζει;
ἂν ἔν τὸ γιώμα του κακόν, νὰ φάγη ἐκ τὸ δικό μου,
εἴτ' ἔνε τὸ οἰνάριν του κακόν, νὰ πίη ἐκ τὸ ἐδικόν μου,
εἴτε βρωμᾶ ἡ φυλακή, νὰ τὴν μοσχοκαπνίσουν,
εἴτε εἶναι βαρέα τὰ σίδερα, νὰ τὰ λαφροκοπήσουν».

Не отъ вина и не отъ пищи и не отъ тяжелыхъ цѣпей мое горе отвѣчаетъ узникъ (v. 110 слѣд.), эпически повторяя, но въ смыслѣ отрицанія, слова и содержаніе эмировой рѣчи: горе мое въ томъ, что я узналъ своего коня и палицу сына, а его самого не вижу. — «Погоди, Армуръ мой, погоди немножко, говоритъ ему эмиръ: пусть крѣпко ударятъ въ органы, пусть громко въ трубы затрубятъ, пусть соберется Вавилонія и вся Каппадокія, и тогда, гдѣ-бы ни находился твой сынокъ, ... пусть со связанными назади руками приведутъ его къ тебѣ. Подожди еще немножко». Ударили въ органы, затрубили въ трубы, — и никто не явился, кромѣ однорукаго Саракина [1]), который, на вопросъ эмира, принимается разсказывать о пораженіи саракинскаго войска молодымъ Армури. Согласно стилю народной эпической пѣсни разсказъ этотъ воспроизводитъ, большей частью дословно, и въ третьемъ лицѣ, то, что мы знаемъ уже объ этомъ дѣлѣ отъ лица самого пѣвца: ст. 134—137 = ст. 62—65, ст. 139—152 = ст. 71—84, ст. 153—158 = ст. 86—91, ст. 160—166 = ст. 93—99. Подобныя повторенія встрѣчаются и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника.

«Небось хорошо это, Армуръ ты мой, что творитъ твой сынокъ?!», говоритъ эмиръ старому узнику. «Тогда-то мой Армуръ прекрасную грамотку пишетъ и съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасною ласточкою: «Скажи ты ему, сыну суки, чаду беззаконія (v. 171: εἰπὲ τῆς σκύλας τὸν υἱόν, τῆς ἀνομίας τὸ τέκνον): гдѣ только встрѣтитъ Саракина, чтобъ его миловалъ,

---

[1]) κουτζοχέρης v. 125, 126. Сл. Μονοχεράρης, прозвище, которымъ Павликіяне переводили арабскую кличку эмира Ambron'a: Alakta = однорукій.

какъ-бы не попался ему въ руки, и ему помилованія не будетъ». А юноша тогда прекрасную грамотку пишетъ, съ птичкою посылаетъ её, съ прекрасною ласточкой: «Скажите государю моему, милому моему батюшкѣ, что пока я вижу наши хоромы на двойныхъ запорахъ, пока вижу маму мою, одѣтую въ черномъ, пока вижу братьевъ моихъ, одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я гдѣ ни найду Саракина, кровь его я выпью; а коли-то раззадорятъ меня — такъ я и на Сирію налягу: закоулки (v. 182: τὰ στεμνορύμνια) Сиріи головами наполню, сухіе гребни (v. 183: τὰ ξηροράχια) Сиріи я кровью наполню». Какъ услышалъ это эмиръ, убоялся, велитъ вывести стараго Армура: пусть вымоется въ банѣ, перемѣнится, отобѣдаетъ за его столомъ. По обѣдѣ онъ говоритъ ему: «Ну-же, Армуръ ты мой, ну-же иди на свою родину и наставь ты своего сына: зятемъ его возьму, не къ племянницѣ и не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту моему, очамъ моимъ. Наставь ты сына своего..., гдѣ только встрѣтитъ Саракина, пусть его милуетъ; а коли прибыль перепадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлятъ,... и пусть живутъ въ любви».

Этимъ кончается петербургскій текстъ былины; кончалась-ли такимъ образомъ и самая былина — вотъ вопросъ.

II.

Въ народномъ характерѣ разобранной нами пѣсни не можетъ быть сомнѣнія: за него говоритъ и языкъ и весь стиль и поэтическіе обороты — знакомыя общія мѣста современныхъ греческихъ пѣсенъ. На интересныя параллели указалъ проф. Дестунисъ (стр. XVI слѣд.); я воспользуюсь нѣкоторыми изъ его указаній, чтобы присоединить къ нимъ новыя.

Старый Армури, увидѣвъ своего коня и палицу сына, тяжко вздохнулъ, такъ что башня дрогнула, а эмиръ велитъ спросить его, чѣмъ онъ недоволенъ: виномъ-ли или пищей и т. д. (ст. 103—107). Сл. Νεοελληνικὰ Ἀνάλεκτα I, 2, № 19, 6—10:

ὁ Γιάννης ἀναστέναξε κι' ἡ φυλακὴ ἐταράχθη.
Βασιλοποῦλα τἄκουσε μέσα 'ς τὴν κάμαρά τση
καὶ στέλνει καὶ τὸν ἔκραξε γιὰ νὰ τόνε ῥωτήσῃ.
— Γιάννη, ἄν πεινᾷς δὲ γεύεσαι, Γιάννη, ἄν διψᾷς δὲν πίνεις;
Γιάννη τ' ἔχεις καὶ θλίβεσαι καὶ βαρυαναστενάζεις;[1]).

Шесть разъ встрѣчается въ текстѣ типическая клятва героя — солнцемъ и его матерью: μὰ τὸν κὺρ ἥλιον τὸν γλυκὺν, μὰ τὴν γλυκείαν τοῦ μάνα. Проф. Дестунисъ (р. XII) припоминаетъ по этому поводу извѣстное въ новогреческой народной поэзіи олицетвореніе: κὺρ Χάρος, ὁ κὺρ Βοριᾶς; новогреческія сказки знаютъ такое же олицетвореніе солнца и его матери, являющейся и въ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ, малорусскихъ, чешскихъ, словенскихъ, польскихъ и румынскихъ сказкахъ[2]). — Народное представленіе солнцевой матери восходитъ такимъ образомъ въ глубь среднихъ вѣковъ, какъ съ другой стороны солнце-исполинъ новогреческихъ повѣрій уже зародилось въ γίγας ἥλιος Θеодора Продрома (Ῥοδάνθ. καὶ Δοσίκλ. βίβλ. ς, v. I)[3]).

Птица-вѣстникъ (въ Армури: ласточка) принадлежитъ къ любимымъ образамъ народной поэзіи; онъ знакомъ и романо-

---

[1]) Сходно съ этимъ ib. I, 2, № 20, 5 слѣд.; сл. Passow, Carmina popularia № 449, 11—18; Дестунисъ, Армури, стр. XVIII, прим. 26. Сл. въ былинахъ объ Иванѣ-Гостиномъ сынѣ вопросъ Владиміра: почему онъ не ѣстъ, не пьетъ, не хвастаетъ:

Мѣсто-ли было тебя не по люби,
Хлѣбъ-да-соль не по души,
Цярой тебя пообошли,
Пьяница не надсмѣялась-ли?

Гильф. № 135; сл. Рыбн. III, № 34, vv. 24—26.

[2]) См. Лѣтописи русск. литературы 1859—1860, V: Женитьба солнца на красавицѣ Грозданкѣ; Аѳанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, I, р. 177, 180; II, стр. 40—1, 126, 129; III, стр. 390; Πολίτης, Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους и отчетъ въ моихъ Разысканіяхъ, VIII, стр. 295.

[3]) Сл. еще Никиту Евгеніана, Δροσίλλ. και Χαρίκλ., B, v. 2 (τοῦ γίγαντος καὶ φεραυγοῦς ἡλίου). Выраженіе, близкое къ образамъ новогреческой пѣсни, о красавицѣ, какъ дочери, отродьѣ солнца, также встрѣчается у Никиты, l. c. B, v. 76, 85.

германскому миннезангу. Уландъ и Ваккернагель [1]) собрали нѣсколько указаній на распространенность этого народно-поэтическаго представленія. Голубь, какъ вѣстникъ любви, встрѣчается уже въ Антологіи, № 14; въ болгарской пѣснѣ плѣнный Богданъ пишетъ своей женѣ Ангелинѣ письмо — на крылѣ голубя; тотъ-же образъ извѣстенъ и народной греческой поэзіи [2]).

Эпическимъ стилемъ отзывается и похвальба витязей, особливо передъ битвой. Ты хочешь за Евфратъ переѣхать, кричитъ Саракинъ Армури, а того не смогутъ и наши кони, что вѣтеръ нагоняютъ, голубя и куропатку на лету, зайца на бѣгу хватаютъ!

Такъ хвалится и Дигенисъ (не о конѣ):

1481 Τρεῖς φοραῖς εἰς τἀνήφορο τὸν λαγὸν ἔπιασά τον
καὶ ἄλλαις πάλιν τρεῖς φοραῖς ὀπίσω 'γύρισά τον
καὶ πέρδικα πετάμενη ἔπλωνα, καὶ 'πιανά την,
το χέρι μου, καὶ ὕστερα ἐγὼ ἐμέρωνά την [3]);

а въ критской пѣснѣ [4]) о молодцѣ говорится:

'Σ τὸ γλάκιο πιάν' ὁ νιὸς λαγὸ, 'ς τὸν πῆδο πιάν' ἀγρίμι,
Τὴν πέρδικα τὴν πλουμιστὴ ὀπίσω τὴν ἀφίνει.

Укажу въ этой связи на стремительную поѣздку Армури:

29 ὥστε νὰ εἰπῇ ὅτι·ἔχετε ὑγείαν, ἐδιέβη τριάντα μίλια,
ὥστε νὰ τὸν ἐπιλογηθοῦν, ἐδιέβη ἑξῆντα πέντε.

Сл. тѣ-же почти выраженія въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакелларія: Петръ, увозя жену Константина, пришпорилъ своего коня Склерокарта, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать: «Будьте здоровы!», онъ уже умчался на тысячу миль, прежде чѣмъ закричалъ: «Прощайте»!, проскакалъ другую тысячу (№ 2; тоже въ № 3:

---

[1]) Uhlands Schriften, III, стр. 110 слѣд.; Wackernagel, Ἔπεα πτερόεντα. Basel, 1864.

[2]) Безсоновъ, Болг. пѣсни, I, стр. 19—31: Богданъ; сл. Миладиновци Бжлг. нар. пѣсни, № 89; ibid. № 63; Müller (Fauriel), Neugriechische Volkslieder, II, стр. 46, № XXI; Passow, № CXCVIII, и passim.

[3]) Lambros, Collection de romans grecs, p. 172.

[4]) Jeannaraki, Ἄσματα Κρητικά, № 142.

пѣсня о Θеофилактѣ)[1]). Иначе выражена чудесная скорость бѣга въ пѣснѣ изъ Архипелага: воронко бѣжитъ, что вѣтеръ, за нимъ гонятся, но онъ изчезъ изъ виду; у кого изъ преслѣдовавшихъ конь былъ быстрый, тотъ еще видѣлъ пыль отъ мчавшагося; у кого былъ поплоше, не видѣлъ и пыли:

58 Μηδὲ τὸν μαῦρον εἴδανε, μηδὲ τὸν κονιαρτό του·
Ὁποῦχε μαῦρο γλήγωρο, εἶδε τὸν κονιαρτό του,
Ὁποῦχε μαῦρο πάρνακα, μηδὲ τὸν κονιαρτό του.

(Passow, № CCCCXXXIX, p. 319—20). Сл. соотвѣтствующія выраженія въ нашихъ былинахъ:

Только видѣли стараго сѣдучись,
А не видѣли стараго поѣдучись,
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился

(Рыбн. I, № 13, vv. 91—94; сл. ib. № 47, v. 76—8);

И видили добра молодца сядуци,
И не видили добра молодца поѣдуци

(Гильфердингъ № 107; сл. № 217, стр. 1026);

Еще видѣли, — Илья на коня-то сѣлъ,
А не видѣли, — куда поѣздку далъ

(Кир. I, стр. 78; сл. ib. стр. 57; IV, стр. 14);

Только видѣли молодца на конѣ сядучись,
А не видѣли со двора его поѣдучись.

(Рыбн. I, № 27, v. 258—9). Сл. ib. I, № 30, v. 70—2; II, № 28, v. 78—9, 139—140; № 65, vv. 38—39; Гильф. № 206, стр. 968.

Армури хвастается своей силой: «а хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобой его изломлю», говоритъ онъ матери, указывая на тугое отцовское копье. Сознаніемъ несокрушимой

[1]) Σακελλαρίου, Τὰ Κυπριακὰ, t. III.

мощи, выражающимся въ грубыхъ формахъ похвальбы, но переходящимъ въ сознаніе «чести и хвалы молодецкой», отзывается его рѣшеніе — не нападать неожиданно на враговъ, не приготовившихся встрѣтить его, чтобы не дать имъ повода говорить, будто онъ не хотѣлъ помѣряться съ ними ровными силами: «Саракины вооружайтесь, собаки вы поганыя, живо надѣньте брони, . . . повѣрьте вы тому, что Армуръ переѣхалъ, Армурычъ, сынъ Армура, храбрый богатырь». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отнестись къ тому эпизоду русскаго Девгенія, гдѣ греческіе витязи посылаютъ къ эмиру плѣнныхъ Саракинъ, чтобъ предупредить его: «да не рекъ бы онъ такъ, Амиръ царь, что мы пріидоша къ нему татемъ» [1]). Такъ и наши былинные богатыри не нападаютъ на спящаго врага:

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
А бить-то мнѣ-ка соннаго что мёртваго

(Гильф. № 49: Добрыня и Алеша), а въ старо-славянской повѣсти о Троянскихъ Дѣяніяхъ [3]) такъ именно говоритъ старецъ Пріамъ Ахиллу, когда тотъ, проснувшись, вдругъ увидѣлъ его въ своемъ шатрѣ: «Не бои сѧ, господине, ѿтъ млада того нѣсмъ створилъ, да спѧща витеза погоублѧ». — Непосредственно реально выражается то-же кичливое чувство мощи въ пѣснѣ о сынѣ Андроника, когда онъ велитъ связать себя по рукамъ и по ногамъ, зашить глаза тройною ниткою, прицѣпить подъ мышки свинцу и заковать ноги въ двойныя желѣзныя кляпцы — за тѣмъ лишь, чтобъ показать свою силу [3]), — какъ наши старшіе богатыри похваляются, что повернули бы землю, если бы были у нихъ кольца, одно въ землѣ, другое въ небѣ.

Молодецкую похвальбу вижу я и въ швыряніи сабли къ небу и подхватываніи ея на лету, передъ началомъ битвы (Армури, v. 81—2). Параллельныя мѣста изъ новогреческихъ пѣсенъ,

---

[1]) Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380.
[2]) Miklosich, Trojanska priča, Starine, III, 180.
[3]) Дестунисъ, Разысканія, стр. 70.

приведенныя проф. Дестунисомъ въ объясненіе соотвѣтствующаго положенія въ былинѣ объ Армури, не уясняютъ дѣла [1]). Мы имѣемъ дѣло съ типическимъ образомъ, характеризующимъ представленіе битвы — богатырской потѣхой, въ которой весело и кичливо проявляется молодецкая удаль. Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ (и румынскихъ) пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мышцы, швыряя высоко, подъ облака, свою палицу, копье либо саблю, и подхватывая на лету тяжелое оружіе, которымъ вращаетъ легко, точно лебединымъ перомъ [2]).

Это — естественная прелюдія къ битвѣ — и битва началась: Армури «заводитъ бой крѣпко, мужественно, все по краямъ рубилъ, а середина изводилась. Въ кипрской пѣснѣ у Сакелларія № 2 Константинъ бьется съ непріятельскимъ войскомъ: бросится на задній полкъ, передній идетъ въ разсыпную, бросится на передній, задній не можетъ устоять (сл. ib. № 3: Өеофилактъ по краямъ бралъ, середина изводилась). — Точнаго соотвѣтствія къ этой эпической формулѣ я не знаю. Въ былинѣ у Кир. III, № 2, стр. 119 поется:

Тутъ Константинушка Сауловичъ
Зачалъ Татаровъ *съ краю* бить;

Тамъ-же, № 2, стр. 48, vv. 161—2:

Бей-ко ты, Михайло, силу съ *крайчику*,
Не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ *матику*.

Сл. Кир. IV, № 6, стр. 44:

Доставалася Самсону *рука правая*,
Никитѣ съ Алешей *рука лѣвая*,
Илейкѣ доставалась *середка силы*, *мáтица*

(сл. Армури v. 86: τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔκοπε, ἡ μέση ἐδαπανᾶτον).

---

[1]) Сл. стр. XVIII—XIX: Passow, № CCCCXVIII, v. 35; Νεοελληνικὰ Ἀνάλεκτα I, 2, № 27 и 17: золотую сабельку, золотой ножъ выхватилъ онъ изъ серебряныхъ ноженъ, къ небу подбросилъ, а онъ очутился въ сердцѣ, вонзился въ шею.

[2]) Сл. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, р. 16, 23, 185, 243, 362, 569 (примѣры изъ былинъ можно-бы безъ труда умножить); Буслаевъ, Русск. богат. эпосъ, Русск. Вѣстн. 1862, т. 41, стр. 92; Безсоновъ, Болг. пѣсни I, стр. 15, прим. 5; мои Разысканія VI, стр. 259.

Такъ и въ нашемъ Девгеніи говорится о трехъ братьяхъ-витязяхъ: «болшый братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшый полкъ, а меншый съ лѣвую руку [1]). — Войско Сарацинъ, излюбленное прозвище которыхъ: σκυλιὰ μαγαρισμένα, напоминаетъ «собаку-Калина царя» нашихъ былинъ, вооружено зелеными щитами, πρασινοσκουταράτοι; издатель спрашиваетъ себя, не стоитъ-ли этотъ эпитетъ въ связи съ особымъ значеніемъ, какое дается зеленому цвѣту у магометанъ. Припомнимъ съ одной стороны Дигениса поэмы (по изданію Саѳы и Леграна), у котораго въ рукахъ зеленое арабское копье (не съ зеленымъ-ли значкомъ?), съ другой — зеленые шлемы старофранцузскаго эпоса.

Богатырская сила витязя проявляется съ юныхъ лѣтъ: мальчикъ Армури сгибаетъ отцовское копье, тряхнулъ имъ, хочетъ его сломить; никогда не ѣздилъ верхомъ, а только руками пріударилъ, и сталъ всадникомъ. Такъ и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника: когда ему было два года, онъ схватился за мечъ, брался за копье; въ три года онъ уже ходитъ, ничего не боится, и слава о немъ гремитъ. — Трапезунтская пѣсня о Порфиріи выражаетъ его зачинающуяся мощь — гигантскимъ аппетитомъ: ему день отъ роду, а онъ уже съѣдаетъ сухарь, на второй день — цѣлый коровай; на пятый — всѣ хлѣбы, что были въ печи:

Μονοήμερος ἔτονε κ' ἔφαγεν παξιμάτιν,
διήμερος ἐγέντουνε, ἔφαγ' ἕναν φουντάριν,
πεντεήμερος ἐγέντουνε, ἔφαγεν τὴν φουρνέαν.

Другая пѣсня изъ той-же мѣстности поетъ о «сынѣ монахини», Порфиріи, что еще въ колыбели онъ съѣдалъ по барану и овцѣ. Сыномъ монахини дѣлаетъ Порфирія и пѣсня изъ Сиры: въ пятницу она родила его, въ субботу окрестила, а въ воскресенье онъ проситъ дать ему бобовъ пощелкать; на пятый день онъ

[1]) Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380. — Въ Джангаріадѣ Altan-Zädschi сражается по рединѣ, Bogda-Dschangar на правомъ, Chongor на лѣвомъ крылѣ. Сл. Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga 1805, IV, 212—213.

берется за саблю, на шестой за копье, а на седьмой похваляется, что не боится никакого храбреца:

Ἡ καλογρηὰ ἐγέννησε τὸ γυιό της τὸ Πορφύρην,
παρασκευὴ τὸν γέννησε, σάββατο τὸν βαφτίζει,
κυριακὴ ἐζήτησε κουκκιὰ νὰ κοκκαλίσῃ,
'ς τῆς πέντε πιάνει τὸ σπαθί, 'ς τῆς ἔξη τὸ κοντάρι,
καὶ 'ς τῆς ἑπτὰ καυχήστηκεν πῶς ἄνδραις δὲν φοβᾶται и т. д. [1]).

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ юный богатырь проявляетъ себя въ недѣтскихъ «шуточкахъ», приводящихъ въ ужасъ всѣхъ окружающихъ:

Сталъ Васинька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возметъ, рука прочь,
За ногу возметъ, нога прочь,
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ, самъ сутулится [2]).

Такъ и въ сказкѣ о Русланѣ, персидскомъ Рустанѣ, пересказанной по какому-то восточному оригиналу [3]).

Мальчику-богатырю соотвѣтствуетъ и богатырскій жеребенокъ, точно предназначенный для него, подчиняющійся лишь его волѣ. Новогреческихъ пѣснямъ это представленіе извѣстно, но оно смѣшивается иногда съ другимъ, такъ-же народнымъ: о ста-

---

[1]) Сл. E. Legrand, Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française etc. Spécimen d'un recueil en préparation (Paris, 1876), p. 12—15. См. еще тѣ-же подробности въ былинахъ о Порфиріи-Лиссарѣ у Дестуниса, Разысканія № 16—19, стр. 79—84, и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника ib. стр. 68 слѣд.

[2]) Рыбн. I, № 55; Гильфердингъ, № 30, стр. 152—153; сл. стр. 215, 722 и т. д. То-же въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ, о которыхъ см. далѣе. Сл. Radloff, Proben der Volkslitter. der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, II, 254—5.

[3]) Въ Шахъ-намэ о Рустамѣ разсказывается слѣдующее: его кормятъ грудью десять кормилицъ; позднѣе онъ съѣдаетъ столько мяса и хлѣба, сколько пять взрослыхъ мущинъ. Дѣдъ дивится его росту, широкой груди, крѣпкимъ, верблюдо-подобнымъ ногамъ, львиному сердцу, силѣ льва и пантеры. Но о «шуточкахъ» нашего Руслана нѣтъ и рѣчи.

ромъ, заброшенномъ, отцовскомъ или дѣдовскомъ конѣ, ожидающемъ появленія юнаго витязя, чтобы помолодѣть и снова окрылиться. Конь молодаго Армури принадлежитъ, вѣроятно, ко второй категоріи: онъ двѣнадцать лѣтъ какъ не бывалъ подъ сѣдломъ— потому, можетъ быть, что столько именно лѣтъ отсутствуетъ его хозяинъ, отецъ молодого Армури. — Необходимо предположить, что пѣвецъ слѣдующей трапезунтской пѣсни смѣшалъ оба ходячія представленія, потому что въ началѣ говорится о старомъ конѣ, а далѣе къ нему обращаются какъ къ — жеребенку. Если это не смѣшеніе, то въ названіи «жеребенка» можно искать ироніи.

Апелаты похитили жену Акрита, когда его самого не было дома. Птица приноситъ ему вѣсть о похищеніи; онъ спѣшитъ домой, видитъ всѣ двери растворенными, окна безъ ключей, идетъ въ конюшню и обращается съ просьбой къ конямъ: Скажите, Бога ради, который изъ васъ бѣжитъ проворно? — Ни одинъ не отвѣчаетъ, не издаетъ звука; проговорился лишь *древній конь:* Дай мнѣ отборнаго корму, и я умчу тебя. — Акритъ садится на него, поѣхалъ. На Девскомъ мосту Эллины хотятъ задержать его, а онъ говоритъ: Пропустите меня черезъ мостъ, у меня конь — молодой *жеребенокъ* и не можетъ обойтись безъ корму; моя милая—дѣвица молодая и не можетъ обойтись безъ меня.— Доѣхавъ до воротъ города, куда увлекли его жену, онъ держитъ привратникомъ ту-же рѣчь: Откройте мнѣ, привратники, чтобы мнѣ войти! Мой конь — молодой жеребенокъ и т. д.! [1]). — Въ приведенной выше кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 2) Петръ увозитъ жену Константина, который также обращается къ своимъ конямъ съ вопросомъ: который изъ нихъ возмется догнать свою похищенную госпожу. При этихъ словахъ боевые кони падаютъ замертво, молодые жеребята мочатся кровью, проговорилъ лишь одинъ конь: Я силенъ и смѣлъ, и догоню мою госпожу, что тай-

---

[1]) Sathas et Legrand, Les exploits de Digenis Akritas, Introd. p. LVII—VIII. Сл. Дестунисъ, Разысканія № 3, стр. 15 слѣд.

комъ кормила меня ячменемъ изъ своего передника, поила изъ серебрянаго ковша. Наложи на меня двѣнадцать сѣделъ, десять попонъ и 18 подпругъ, и я помчусь быстро; только не шпорь меня. Сл. такой-же наказъ коня—не шпорить его—у Legrand, Recueil de chansons pop. grecques № 145, vv. 17—19; для сюжета — Passow'a Carm. pop. №№ 439, 440: та-же просьба, обращенная къ конямъ:

«Ποιὸς εἶν' καλὸς ἀπὸ τ' ἐσᾶς τοὺς ἑβδομηνταπέντε,
Ν' ἀστράψῃ ςτὴν ἀνατολὴ καὶ νὰ βρεθῇ στὴ δύσι;»
Οἱ μαῦροι ὅσοι τ' ἄκουσαν, ὅλ' αἷμα κατουρῆσαν·
Κ' ἡ μαῦρες ὅσες τ' ἄκουσαν, ὅλες πουλάρια ῥίξαν,
Κ' ἕνας παλιὸς γερούτσικος καὶ σαραντοπληγιάρης·
'Εγῶμαι γέρως κι' ἄρρωστος, ταξείδια δὲν μοῦ πρέπει.
Μὰ γιὰ χατῆρι τῆς κυρᾶς νὰ μακροταξειδέψω,
'Οποὺ μ' ακριβοτάγιζε ςτὸ γῦρο τῆς ποδιᾶς της,
Κι' ὁποῦ μ' ἀκριβοπότιζε ςτὰ χοῦφτα τοῦ χεριοῦ της.

(Passow № 439) [1]).

Эпическая подробность о конѣ, съѣдающемъ «подкову гвоздчатую», встрѣчается и въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакелларія, №№ 3 и 16: о конѣ, раздробляющемъ камень и желѣзо, пожирающемъ удила; въ одной пѣснѣ съ Олимпа то-же говорится о трехъ коняхъ:

Του Κῶστα τρώει τὰ σίδερα, τ' Ἀλέξη τὰ λιθάρια,
καὶ τοῦ μικροῦ Βλαχόπουλου τὰ δένδρα ξερριζώνει [2]).

Русскія и румынскія сказки знаютъ чудесныхъ коней, которыхъ кормятъ — горячими угольями.

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ богатырскіе кони рисуются въ тѣхъ-же самыхъ чертахъ, восполняющихъ греческія пѣсен-

[1]) Сл. Müller (Fauriel), l. c., II. № XI. Въ пѣснѣ у Jeannaraki № 263 сынъ вдовы обращается къ своему коню съ обѣщаніемъ другого рода: раззолотить его, золотыя подковы сдѣлать. стремена и уздечку изъ перстней русой дѣвицы.

[2]) Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, συλλεγέντα ὑπὸ Ἀθαν. Κ. Οἰκονομίδου, стр. 54, № 72.

ныя преданія, либо восполняемыхъ ими. Ихъ быстрота изумительна: Мать Дигениса посылаетъ ему трехъ коней,

619 'που πετοῦν 'σὰ γεράκια
για̒ να̒ περνοῦσιν ποταμοὺς καὶ τὰ πλατειά̒ κυλάκια [1]).

Съ болѣе чудесными чертами являются они въ русской повѣсти о Девгеніи [2]): одинъ конь — вѣтеръ, другой — громъ, третій — молнія. Сарацинамъ поручено увезти эмира вмѣстѣ съ его милой: какъ только выведутъ они ихъ изъ греческаго царства, да сядутъ на коня-вѣтеръ, такъ и станутъ невидимы. — Конь витязя зовется «γοργογόνατε καὶ ἀνεμοκυκλοπόδη» (Jeannaraki № 263), онъ такъ легокъ, что не поднимаетъ пыли (κορνιαχτοὺς ἒν 'βγάλλει, Сакелларій, l. c. III № 3); конь Константина (Passow, Carm. pop. № DXV) мчится, — спереди, словно молнія, сзади будто громъ [3]); не та-же-ли идея быстроты вызвала первоначально и образъ коня, напр. въ былинахъ о Сокольничкѣ:

Подъ нимъ конь, какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ?

(Рыбн. I, № 13, v. 14—16 и друг.).—Конь русскихъ сказокъ [4]) и былинъ поднимается выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго,

Иископыть мечё конную
И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
И по-пониже онъ облака ходячаго.

(Гильф. № 252: Михайло Дородовичъ); сл. Кир. III, стр. 111, № 2, v. 44 слѣд. (Суровецъ—Суздалецъ):

---

[1]) Lambros, l. c. p. 138.

[2]) Пам. старинн. русск. литер. II, стр. 383. Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, Вѣстн. Европы, 1875 г., Апрѣль, стр. 758; Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russ. Revue 1875, IV Jahrg., 6-es Heft, p. 549.

[3]) Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ, изд. Ламвромъ (стр. 121: B, 201—204):

Τὸ ἄλογο τοῦ Κωνσταντῆ ἔτρεχεν 'ς τὸν ἀέρα·
εἰς τὸ κεφάλι εἶχενε ἕναν χρυσὸ ἀστέρα,
καὶ ὀπίσω 'ς τὴν ῥάχι του ἀτὸν ζωγραφισμένο,
ἀπὸ χρυσάφι καθαρὸ καὶ λίθους κοσμημένο.

[4]) Сл. Кир. III, Прилож. стр. XXVIII—IX.

Подымается его добрый конь
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Горы и долы между ногъ пускаетъ,
Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
Широкія раздолья хвостомъ устилаетъ,
По землѣ бѣжитъ — земля дрожитъ,
Въ лѣсу раздается — на нивахъ чуть

(сл. Кир. IV, Прилож., стр. XXIX, v. 61—3: о Суровцѣ-Суздальцѣ);

Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти

(Кир. I, № 6, стр. 42, vv. 24—5); либо скачетъ черезъ стѣну бѣлокаменну (Кир. I, стр. 60, № 1),

Рѣки, озера перескакивалъ,
А темные лѣса промежь ногъ пущалъ

(Рыбн. I, № 9, vv. 27—8; сл. ib. № 10, vv. 43—5; Кир. IV, № 6, стр. 40, vv. 58—9: о татаринѣ; Гильф. № 287: объ Ильѣ); конь Михайлы Казарянина скачетъ съ берега на берегъ,

Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ

(Кир. IV, стр. 92, v. 38); конь Дюка перенесся за Днѣпръ

За цѣлый за помахъ за лошадиный,
И за цѣлую за версту онъ за мѣрную

(Рыбн. I, № 48 vv. 357—8. См. вообще пѣсни о Дюкѣ); Бурушко-косматушко Ивана Гостинаго сына

побѣга́лъ по пяти́десятъ вёрстъ,
Ско́комъ поскакалъ по семи́десятъ вёрстъ,
Засипѣ́лъ онъ по змѣи́ному,
Заревѣ́лъ онъ по звѣри́ному:
Съ горъ желты́ пѣски́ сподыма́лися,
Бѣ́лая вода всколыха́лася,
Съ теремо́въ шатры посваля́лися.

(Кир. III, № 1, стр. 3, v. 60—66)

Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко въ золоту орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ

(ib. № 3, стр. 8, vv. 130—135; сл. Гильф. № 133, стр. 696)— какъ въ кипрской пѣснѣ кони, кромѣ одного, богатырскаго, пугаются и падаютъ замертво въ виду предстоящаго бѣга [1]).

Та-же Кипрская пѣсня у Сакелларія (II, № 2) представляетъ еще и другую интересную параллель къ нашимъ былинамъ: какъ тамъ конь заказываетъ положить на себя 12 сѣделъ, 10 попонъ и 18 подпругъ, такъ поется напр. и о Дюкѣ Степановичѣ:

Сталъ сѣдлать-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верёхъ накладывалъ сѣделышко Черкасское,
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія

(Рыбн. I, № 47, vv. 37—44); либо для того,

---

[1]) Въ еще болѣе гиперболическихъ чертахъ представляется быстрота коней въ тюркскихъ и татарскихъ пѣсняхъ. Сл. въ собраніи Radloff'a, l. c. II, пѣсни объ Altyn-Mergän (стр. 278 слѣд.) и Sugdjul Mergän (стр. 307 слѣд.); въ Schifner, Heldensagen der Minussinischen Tataren — пѣсни о Kan Mirgän и Küreldi Mirgän (стр. 235 слѣд.), объ Alten Toktai и Alten Areg (стр. 313 слѣд.). Сл. еще Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser Chan's, стр. 130—131 и Zeitschr. für deutsche Mythologie, II, p. 262 слѣд. — Въ мордовской сказкѣ о «красавцѣ Дамаѣ» такъ описаны кони царя Грома: «Изъ глазъ его коней огни блещутъ, изъ ноздрей дымъ валитъ, уши прядутъ веретенами, ноги играютъ пестами, хвостъ вѣетъ начевками; когда они бѣгутъ, земля дрожьмя дрожитъ, небо звеня звенитъ; изъ подъ ногъ ихъ огни, высѣкаясь, молніей блещутъ. Когда они скачутъ, медвѣди и волки, испугавшись, по лѣсу прячутся, змѣи на своемъ пути, ошалѣвши, въ оцѣпененіе приходятъ, ястреба въ поднебесьи за облака прячутся». См. Образцы мордовской народной словесности, вып. II, Сказки и загадки, стр. 129; сл. стр. 167 (конь «легче земли»).

Чтобы добрый конь съ-подъ сидла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не вырутилъ

(ib. № 49, vv. 69—70; сл. ibid. № 24, v. 12—19: Добрыня; Кир. I, стр. 59, № 1, v. 59—63: объ Ильѣ Муромцѣ; Гильф. № 8, стр. 75: Чурила; № 189, стр. 919: то-же; и passim).

Русскія сказки разсказываютъ о неприглядномъ, «шелудивомъ» жеребенкѣ, котораго юный витязь кормитъ сорочинскимъ пшеномъ, бѣлояровой пшеницей, поитъ сытой медвяной, валяетъ въ травѣ по утренней росѣ, — послѣ чего тотъ становится ровней богатырю, настоящимъ богатырскимъ конемъ. Такимъ чудеснымъ жеребенкомъ представляется мнѣ бурушка Ивана Гостинаго сына, которымъ онъ хвалится на пиру у Владиміра; въ описаніи его есть, несомнѣнно, такая-же доля шаржа, какъ и въ малорусской колядкѣ: о молодцѣ, хвастающемся своимъ конемъ передъ королемъ:

Есть у меня да еще бурушка,
Есть у меня да каýрушка,
Трёхъ годковъ жеребýшечка:
Маленькій, космáтенькій,
Глáзочки какъ яблочки,
Копы́течки по рѣшéтечку,
Гривушка семи саженькóвъ,
Хвостикъ его семи́десятъ

(Кир. III, № 1, стр. 2, vv. 24—31; сл. Разысканія VI, стр. 281—2). На этомъ-то бурушкѣ Иванъ готовится бѣжать въ запуски съ жеребцами князя Владиміра; и вотъ онъ идетъ въ конюшню, кланяется своему коню «во правое копытечко», проситъ его сослужить ему службу. Тотъ отвѣчаетъ:

Ахъ ты Вáнюшко, Гостиный сынъ!
Сослужу я тебѣ слýжебку,
Не царскую, не государскую,
А свою собственную:
Накорми-жъ ты меня пшенóй я́ровою,
Ты напой меня бѣлой ключевой водой,
Выведи меня во чистóе поле,

Пусти́ меня на травы зелёныя,
Накорми́ меня траво́й шёлковою,
Самъ поката́йся и меня покатай.

(Кир. ib. стр. 2—3, vv. 45—54; сл. ibid. № 3, стр. 6, vv. 91—3). И онъ становится «добрымъ конемъ», какъ бурый, косматенькій, «немудрый» жеребчикъ Ильи Муромца (Рыбн. I, № 8, v. 89 слѣд.). Такъ шелудивый Шарацъ Марка Кралевича крѣпнетъ, будучи напоенъ виномъ, скачетъ на три копьища вверхъ, на четыре въ длину и т. д. [1]).

Рядомъ съ представленіемъ чудеснаго жеребенка, подъ стать юному богатырю, извѣстно въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ еще и другое: старый дѣдовскій, отцовскій конь, когда-то служившій древнимъ богатырямъ, стоитъ заброшенный и забытый, потому-ли, что его считаютъ негоднымъ, или богатырей болѣе нѣтъ; но стоитъ явиться юному витязю, и старый конь тотчасъ же распознаетъ его, соберется съ силами, выдержитъ стоя, какъ вкопанный, ударъ богатырской руки по хребту, отъ чего присѣдаютъ другіе кони [2]), и вновь готовъ на боевые подвиги.

Владимиръ велитъ Добрынѣ и Ильѣ «ѣхать въ путь богатырскую»,

Выправляти дани выходы за двѣнадцать лѣтъ,
Во тыи Индѣи во богатыи.

Добрыня жалуется матери, что у него нѣтъ «добра коня».

Отвѣчае добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!

---

[1]) О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 182—183, 260—61, 598 собралъ нѣсколько указаній для характеристики богатырскаго жеребенка въ народной поэзіи. О Шарцѣ см. Jagič въ Arch. f. slav. Philol. V, стр. 446. Разсказъ о томъ, какъ Марко Кралевичъ добылъ своего коня, помѣщенъ въ Матицѣ III, 858—9; пѣсня о томъ-же въ Даницѣ 1861 г., стр. 59.

[2]) Сл. сказку объ Ильѣ Муромцѣ у Кирѣевскаго l. c. I, стр. II Приложенія. Такимъ-же точно образомъ пытаютъ крѣпость своихъ коней Рустамъ и Зохрабъ въ Шахнамэ, Русланъ въ русской сказкѣ, Ag-Ai въ одной пѣснѣ минусинскихъ татаръ (Schiefner, l. c. стр. 83—4), Вольфдитрихъ (Holtzmann, Der grosse Wolfdietrich, строфа 1464) и друг.

Поди на конюшню стоялую,
А на другу поди ты на ковную,
Выбирай добра коня уче́наго.
Буде тутъ тебѣ не прилюбится,
Опускайся въ погрёбы глубокіи,
Стоитъ добрый конь богатырскіи
На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
На двѣнадцати тонкіихъ поводахъ,
На тыихъ-ли на поводахъ шелковыихъ,
А не нашего шолку — Шемахинскаго».

Не слюбились Добрынѣ кони на конюшнѣ, опускался онъ въ погреба глубокіе,

Увидѣлъ коня онъ добраго,
Онъ валился коню во праву ногу:
«Ужъ ты добрый конь богатырскій!
Служилъ конь и батюшку,
Служилъ добрый конь дѣдушку,
Послужи-тко Добрыни Микитичу
Во тый пути богатырскій

(Гильф. № 206, стр. 966—7. Сл. Рыбн. I, № 24, v. 134: Обсидлалъ онъ — Добрыня — дѣдушкова добра коня). — Въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ точно также говоритъ старикъ Данило молодому сыну, отправлявшемуся въ поле «пересчитывать-то видь силы невѣрные»:

А поѣдёшь ты, Михайло, во чисто̀ полё,
Выѣдёшь ты на шеломя́ на окатисто,
А по Русскому — на гору да на высокую,
Да крычи-тко ты, Михайло, во̀ всю голову,
Ище требуй-ко ты бурушка косматого:
«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку!»
Прибѣжитъ тутъ конь да видь косматые,
Стоитъ онъ на горы да на высокія».

(Кир. III, № 2, стр. 46—47, vv. 126—134; сл. мои Южно-русскія былины I, стр. 16).

И богатырскій конь служитъ своему хозяину дѣломъ и совѣтомъ: оповѣщаетъ Добрыню о томъ, что его жена готовится выйти замужъ (Кир. II, № 4, стр. 6, v. 65 слѣд.), предупреждаетъ Михайлу и Илью, что имъ не перескочить третьяго погреба (ib. III, № 2, стр. 48, v. 160 слѣд.; IV, № 6, стр. 44—5, v. 210 слѣд.), какъ кони Момчилы и Марка обѣщаютъ вынести ихъ изъ вражьей орды (Миладиновы № 105, Чолаковъ № 31, стр. 286 слѣд.); богатырь проситъ коня помочь ему въ бѣдѣ: Добрыня и Иванъ Гостиный сынъ падаютъ ему въ правую ногу, въ копыточко, Илья (Рыбн. I, № 12, v. 116 слѣд.) молитъ своего бурушку косматенькаго послужить ему, чтобы поганый не побилъ его въ чистомъ полѣ, не срубилъ-бы буйной головушки и т. п. Сроднившись съ богатыремъ, конь раздѣляетъ его горе и радость, пріязнь и вражду: Шарацъ королевича Марка самъ участвуетъ въ его битвѣ, кусая вражьяго коня [1]); Дюкъ Степановичъ наѣхалъ въ полѣ на шатеръ, у полости съ пшеницей бѣлояровой поставлена лошадь богатырская; Дюкъ не рѣшается войти въ шатеръ, какъ-бы не убилъ его спящій въ немъ богатырь, и онъ ставитъ своего коня къ чужому, у одной полости:

Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
Пойду въ шатеръ — не тронетъ богатырь,
А если кони драться станутъ,
Поѣду на уѣздъ — могу-ль уѣхати?

Кони стоятъ смирно, спящимъ богатыремъ оказывается Илья (Рыбн. I, № 47, v. 132 слѣд.; II, № 30, v. 125 слѣд.). Братство (названое) русскихъ богатырей перенесено и на ихъ коней: конь Дюка говоритъ хозяину, чтобъ онъ не боялся за него, пусть бьется «въ великъ закладъ»,

Не уступлю я братьямъ большіимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
А середній братъ у Добрыни Микитинца,

---

[1]) Jagič l. c., стр. 446.

А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова

(Рыбн. I, № 48, vv. 334—339); сл. Рыбн. III, № 34, vv. 71—3: конь Ивана Гостинаго сына провѣщился своему хозяину:

Я твою буйну голову повыкуплю,
Князя Владиміра къ стыду приведу,
А большаго брата посоромлю

(т. е. Владимирова коня. Сл. Гильф. № 135, p. 699). — Въ пѣснѣ съ Олимпа [1]) кони Константина, Алексѣя и Влахопула привязаны рядомъ въ то время, какъ ихъ хозяева пируютъ вмѣстѣ.

Эпическій образъ коня въ поэмѣ объ Армури далъ намъ поводъ къ сближеніямъ, заведшимъ насъ далеко въ область русскаго былиннаго стиля. Я сдѣлалъ это не безъ умысла, если, можетъ быть, и не достигъ его цѣли: разъяснить *ближайшее* сходство народно-поэтическихъ образовъ греческихъ и русскихъ былинъ, въ чертѣ того общаго сходства, которое достаточно объясняется единствомъ эпическаго развитія. Болѣе прочные выводы въ указанномъ направленіи находятся въ полной зависимости отъ повторенія и расширенія сравненій, напр. на германо-романскую область. Ограничусь пока общей характеристикой роли, какую играетъ конь въ средневѣковомъ французскомъ эпосѣ, напр. въ chansons de geste объ Ogier, въ Aliscans, Garin, Guillaume d'Orange, Fierabras, Renaut de Montauban и др. Характеристика эта была сдѣлана Тоблеромъ [2]):

«Если вообще можно сказать, что средніе вѣка относились къ животному міру любовнѣе, чѣмъ мы, усматривая въ немъ нѣчто отличное отъ человѣческаго не столько по существу, сколько по степени (доказательство тому въ баснѣ и легендѣ, въ естественно-историческихъ представленіяхъ среднихъ вѣковъ,

[1]) Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, № 54, стр. 172.
[2]) Tobler, Ueber das Volksthümliche Epos der Franzosen, Zeitschr. f. Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft, IV, стр. 203—204.

въ ихъ правѣ и художественной символикѣ), то едва-ли какое нибудь другое животное пользовалось такимъ почетомъ, какъ конь, взысканный природой, особливо дорогой каждому рыцарю за услуги, имъ оказываемыя. Конь — лучшее достояніе, вѣрный товарищъ витязя; онъ дѣятельно помогаетъ ему въ битвѣ, мчитъ его, куда онъ ни потребуетъ, безбоязненно бросаясь въ опасность, схватываясь съ его врагами и ихъ конями; слушается словъ хозяина, и когда иной разъ рыцарю случится, послѣ долгаго бѣга или битвы, подбодрить его ласковою рѣчью, обѣщаніемъ овса въ изобиліи и соломы на подстилку, онъ снова собирается съ силами и совершаетъ невѣроятныя вещи. Бодрствуя, онъ нерѣдко спасаетъ безпечно уснувшаго господина; его кровь питаетъ голодающаго. И хозяинъ знаетъ, чѣмъ онъ одолженъ коню, онъ обращается къ нему всегда дружественно и признательно и не рѣшается даже въ бою умертвить лошадь противника».

Интересно встрѣтить въ романскомъ эпосѣ, прошедшемъ черезъ руки литературныхъ перескащиковъ, отраженіе того двоякаго представленія о богатырскомъ конѣ — конѣ-жеребенкѣ и дѣдовскомъ, старомъ, которое мы нашли въ русскихъ былинахъ и новогреческихъ пѣсняхъ. Конь Роланда зовется veillantif (Chanson de Roland, v. 1153), можетъ быть, viel-antif (antif = antiquus) = старо-древній; съ другой стороны Babieca поэмы о Сида толкуется какъ: глупый, неразумный, и уже проф. Буслаевъ сближалъ это представленіе — съ шелудивымъ, «немудрымъ» жеребчикомъ нашихъ былинъ и сказокъ[1]).

III.

Стилистическій разборъ былины объ Армури влечетъ за собою другой: разборъ ея содержанія и плана. Мыслимо-ли и въ обычаяхъ-ли народной поэзіи такая развязка пѣсни, какую пред-

---

[1]) Сл. Damas-Hinard, Poëme du Cid, Vocabulaire, a. v. Babieca; Diez, Etymol. Wb. a. v. bava; Буслаевъ, въ Приложеніи къ Зап. Ак. Наукъ, т. V, стр. 36.

ставляетъ петербургскій текстъ? Я выше высказалъ на этотъ счетъ сомнѣніе: развязка, очевидно, усѣчена. Представимъ себѣ еще разъ весь ходъ былины. Отецъ Армури въ плѣну у Саракинъ; его сынъ, богатырь съ юныхъ лѣтъ, котораго отецъ оставилъ дома еще мальчикомъ (либо онъ родился въ отсутствіи отца), идетъ его отыскивать и съ перваго разу побиваетъ вражье войско. Еще не зная о томъ ничего, эмиръ говоритъ старику Армури, сѣтующему о сынѣ, что онъ велитъ привести его съ связанными назадъ руками. Послѣ этого понятенъ страхъ старика, какъ бы сынъ не попался въ плѣнъ, и его грамотка къ юному витязю: пусть милуетъ Саракинъ, иначе и ему помилованія не будетъ. Но сынъ не думаетъ слушаться, и вотъ эмиръ рѣшается освободить плѣнника и послать его на родину, чтобы склонить сына къ миру обѣщаніемъ почетнаго брака.

Если-бы сюжетомъ былины было: освобожденіе изъ плѣна стараго Армури, мы нашли-бы такую развязку естественной. Но герой пѣсни, очевидно, не старикъ, а сынъ, и неественнымъ представляется, что пѣсня такъ неразсчетливо удалила со сцены главное дѣйствующее лицо, не давъ ему «досказаться». Мы ожидаемъ его встрѣчи съ отцемъ — мирной или бранной? Послѣдняя принадлежитъ къ положеніямъ, излюбленнымъ въ народномъ эпосѣ, между прочимъ, въ русскомъ. На широкое распространеніе этого мотива указывали Édélestand Du Méril, Anthes, R. Köhler, О. Миллеръ и друг.; къ собраннымъ ими параллелямъ легко было-бы присоединить и новыя [1]). Изъ русскихъ извѣстны бы-

---

[1]) Éd. Du Méril, Hist. de la poésie scandinave, стр. 417—440; Carl Anthes, Das Deutsche Hildebrantslied und die iranische Sohrabsage, Weimar. Jahrbuch, IV B., I-es Heft (1856), ib. IV B., II-es Heft: замѣтки R. Köhler'a; О. Миллеръ въ Herrig's Archiv für das Studium d. neueren Sprachen, XXXIII, 257; его-же: Илья Муромецъ, 1-я глава; R. Köhler въ Revue critique 1868 г., II, стр. 413—414 (сл. тамъ-же, стр. 414: примѣчаніе G. Paris'a) и въ Richars li biaus, ed. Förster'a, p. XXIII. — Сл. Kölbing, Beiträge, стр. 197; Floovant, ed. Michelant et Guessard, Sommaire, стр. XXXIV; Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 406—7; Romania, № XXIX, стр. 60 (G. Paris); Jagič, l. c., стр. 444: бой Марка Кралевича съ племянникомъ.

лины о боѣ Ильи съ Сокольникомъ; эпизодъ пѣсни о Данилѣ Игнатьевичѣ, готовящемся сразиться съ сыномъ, котораго призналъ за татарина (Кир. III, № 2, стр. 49—50, v. 210 слѣд.); наконецъ такой-же эпизодъ въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, представляющей во всемъ своемъ развитіи такія черты сходства съ поэмой объ Армури, что подробное изложеніе ея кажется намъ необходимымъ.

До насъ дошли двѣ былины о Саулѣ или Саурѣ Леванидовичѣ (Ванидовичѣ) съ сыномъ, у Кир. III, стр. 113—116=№ I и стр. 116—124=№ II. Далѣе мы дѣлаемъ ссылки на №№ I—II.

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ.
Накопилъ онъ силушки себѣ многое множество,
Накопя онъ силушки въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латынское,
Подъ другое царство Литвинское,
Подъ третіе царство Сорочинское

(№ I; въ № II Саулъ Леванидовичъ ѣдетъ «за море синее, Въ дальну орду, въ Половецку землю»)

Провожала его молодая жёна,
Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на высокую,
Становилась на бѣлъ-горючь камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
«Далеко-ли идетъ мой князь
Сауръ сынъ Ванидовичъ?»
Изъ того-ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася, —
Во чревѣ дитя встрепенулося.
Она пишетъ ярлыки скорописные,

Посылаетъ за самимъ княземъ,
Чтобы князь Сауръ сынъ Ванидовичъ
Воротился домой:
«Молодая княгиня беременна».
Догоняетъ его скорый посолъ,
Кладетъ пакеты на бѣлы руки.
Пакеты тѣ онъ прочитываетъ:
«Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ,
Да не въ другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
Теперь не ворочусь я домой!
Коли дочь родитъ — пой-корми пятнадцать лѣтъ,
А на шестнадцатомъ за-мужъ отдай;
А сына родитъ — такъ лелѣй его до восьми годовъ,
А на девятомъ году присылай его ко мнѣ на помочь» (№ I).

Въ № II нѣтъ эпизода о змѣѣ: княгиня сама говоритъ отъѣзжающему мужу, что она «черевоста», и слышитъ отъ него тѣ-же наказы относительно будущихъ — сына или дочери. За то дѣтство и недѣтскія «шуточки» и первый выѣздъ юнаго богатыря разсказаны здѣсь подробнѣе, онъ и мать его, анонимные въ № I, названы: Константинушкой Сауловичемъ и Еленой Азвяковной или Александровной. — Ребенокъ родится вскорѣ по отъѣздѣ мужа:

А и царское дитя не по годамъ ростетъ,
А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
А которой ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ, Константинушка, семи годковъ.
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ,
И которые во полу-тридцати, —
А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,

Еще-ли дѣти купецкіе. —
Онъ шутку шутитъ не по ребячью,
А творки творилъ не по маленькимъ:
Котораго возметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ,
И котораго задѣнетъ за ногу,
По.... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окорачь ползетъ,
Безъ головы домой придетъ.
Князи-бояра дивуются,
И всѣ купцы богатые:
«А что это у насъ за уродъ ростетъ,
Что это у насъ за выблядочекъ?»
Доносили они жалобу великую
Какъ-бы той царицѣ Азвяковнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ.
Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои,
Того-ли млада Константинушку Сауловича,
Стала его журить-бранить,
А журить-бранить, на умъ учить, смиренко жить.
А младъ Константинъ сынъ Сауловичъ
Только у матушки выспросилъ:
«Гой еси, матушка,
Молода Елена Александровна!
Есть-ли у меня на роду батюшка?» (№ II)

Мать разсказываетъ ему объ отцѣ и объ его наказѣ.

Много царевичъ не спрашиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
«Конюхи, присйѣшники!
Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
Подъ то сѣделечко Черкесское,
А въ задней слукѣ и въ передней слукѣ
По тирону по каменю,
По дорогу по самоцвѣтному,
А не для ради меня молодца,
Басы для-ради, богатырскія крѣпости,
Для-ради пути для дороженьки,

Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видѣть при пути-дороженьки
Темна ночь до бѣла свѣта».
А и только вѣдь матушка видѣла:
Ставалъ во стремя вальящатое,
Садился въ сѣделечко Черкесское;
Только онъ въ ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
А и только съ собою ружье везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую,
А и мѣдну литу въ триста пудъ (№ II).

Розстань на дорогѣ, встрѣченная юнымъ богатыремъ,—типическая подробность былиннаго эпоса, и здѣсь не у мѣста: Константинъ выбираетъ среднюю дорогу, которая сулитъ богатырю «смерть напрасную» — а онъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ татарами, которые въ № II замѣнили Сарацинъ № I. Подъѣхавъ къ рѣкѣ Смородинѣ въ то время, какъ черезъ нея перевозился съ своимъ войскомъ «Кунгуръ царь Самородовичъ» (сл. Смородина — Самородовичъ и у Гильфердинга № 304: Калинъ Смарадоновичъ), онъ принимается «Татаровъ съ краю бить», бьется два дня, счастливо избѣгаетъ вражью западню (v. 178: усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы), изъ Татаръ кого перебилъ, кого домой отпустилъ, а самого Кунгура въ крохи разбилъ.

Такъ въ № II. Иначе описываются бранные подвиги молодого богатыря въ № I: какъ подошелъ онъ къ царству Сорочинскому,

Увидали старики Сорочинскіе,
Они дѣлали сходки все великія:
«Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
Просютъ поединщика».
Возговорили старики Сорочинскіе:
«Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, затюремщичекъ,
Пошлемъ мы его напротивъ силы поединьщикомъ».
Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
«Ты гой еси, полоненьщичекъ,
Ты гой еси, затюремщичекъ!
Сослужи ты намъ службу великую,

Напротивъ силы поединьщикамъ».
Возговорилъ есь князь Сауръ сынъ Ванидовичъ:
«Ой вы гой еси, старики Сорочинскіе,
Давайте мнѣ коня добраго
И збрую богатырскую».
Сѣлъ на добра коня
И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле
Съѣхались, поздоровались
И поцѣловались, врозь разъѣзжались,
И бились день до вечера,
И никто никого не одолѣваетъ.
И взозрѣлъ князь Сауръ
Сынъ Ванидовичъ на небо:
«Помоги ты мнѣ, Господи,
Молодаго воина изъ сѣдла выладить!»
И выладилъ изъ сѣдла
И палъ ему на бѣлу грудь
И сталъ его спрашивать:
«Охъ ты гой еси, молодой воинъ!
Какого ты роду-племени?»
— Не моя въ полѣ Божья помочь!
Не сталъ-бы я много спрашивать,
Срубилъ бы съ тебя буйну голову
По самыя могучія плечи!
Былъ у меня батюшка,
Князь Сауръ сынъ Ванидовичъ,
Пошелъ воевать подъ три царства,
Тамъ и пропалъ. —
Тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ заплакалъ,
И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:
«Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
Вѣдь я твой родной батюшка!»
Тутъ онъ написалъ письмо
И послалъ гонца къ своей матушкѣ:
— Гой ты еси, моя родная матушка,
Выручилъ я роднаго батюшку». (№ I).

№ II представляетъ, начиная съ эпизода о битвѣ съ татарами-Сарацинами, несомнѣнное искаженіе № I, который, съ своей стороны, могъ утратить кое-какія древнія черты, возстановимыя

изъ втораго варьянта. Такъ битва Константина съ войскомъ царя Кунгура сохранилась лишь во второмъ, поединокъ съ отцемъ — только въ первомъ, а во второмъ лишь въ крайне искаженномъ видѣ, за которымъ, впрочемъ, легко возстановить черты подлинника. Послѣдовательность здѣсь такая: Константинъ перебилъ Татаръ вмѣстѣ съ ихъ царемъ Кунгуромъ; затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ городу Угличу, вызывая поединщика; Углицкіе мужики заманываютъ его хитростью и садятъ въ погреба глубокіе; между тѣмъ Саулъ Леванидовичь, который въ этой версіи и не является плѣнникомъ, вернулся домой (во второй половинѣ былины его царство зовется: Алыберскимъ), узнаетъ, что въ его отсутствіи жена родила сына, который отправился въ поиски за нимъ; онъ тотчасъ-же ѣдетъ къ Угличу, проситъ

Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Который сидитъ въ погребахъ глубокіихъ.

«Мужики Угличи» вначалѣ отнѣкиваются, а затѣмъ старики сошлись,

Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали гербуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну литу въ триста пудъ,
И его платьице царское, цвѣтное.

Сынъ и отецъ признаютъ другъ друга; боя нѣтъ вовсе.

Въ редакціи этого эпизода, какъ онъ представляется въ № II, отецъ и сынъ отчасти помѣнялись мѣстомъ, Угличи вошли въ роль Татаръ-Сарацинъ. Послѣдовательность могла быть, первоначально, такая: царь Саулъ попадаетъ въ плѣнъ, куда его завлекаютъ хитростью (какъ въ № II Угличи его сына Константина); является Константинъ, вызываетъ поединщика; противъ него

выпускаютъ его отца-плѣнника. Былина могла кончаться—боемъ и признаніемъ.

Основаніемъ этого гипотетическаго возстановленія служитъ, съ одной стороны, нашъ № I, съ другой — поэма объ Армури, на всемъ своемъ протяженіи, за исключеніемъ конца, который по моему мнѣнію, восполняется въ свою очередь при помощи нашихъ былинъ. Для тѣхъ и другихъ планъ можетъ быть принятъ общій:

1. Отецъ въ отлучкѣ, въ плѣну.

2. Сынъ, родившійся въ его отсутствіи, съизмала проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отъискивать отца, побиваетъ вражье войско.

3. Противъ него высылаютъ плѣнника-отца. Поединокъ и спознаніе.

Отецъ носитъ въ былинахъ имя Саула = Саура, жена въ № II: Елены Азвяковны или Александровны; сынъ, тамже, имя Константина. Все это указываетъ на византійское пѣсенное или историческое преданіе, отразившееся въ нашемъ эпосѣ рядомъ эпонимовъ: Константинъ Боголюбовичъ и его жена Елена Александровна царятъ въ Константинополѣ по былинамъ объ Ильѣ [1]); Константинъ и Саулъ (= Самуилъ) извѣстны изъ духовныхъ стиховъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ и восходятъ, несомнѣнно, къ новогреческому оригиналу [2]); отечество Леванидовичъ взято, вѣроятно, отъ Левона, Леона = Льва, Левуя, Алевуя, Кир-Лея повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ и константинопольской топографіи эпископа Антонія [3]). Съ этими именами, очевидно, не гармонируютъ Татары № II, и слѣдуетъ отдать предпочтеніе № I, гдѣ

---

[1]) Сл. Кир. IV, стр. 22 слѣд.; Сказаніе о седми русскихъ богатыряхъ въ Пам. стар. Русск. литер. II (по ркп. XVIII в.); тоже въ изданіи Е. Барсова (по ркп. XVII в.); Гильфердингъ № 48, 196, 232.

[2]) Сл. мои Разысканія I, стр. 12—13; II, стр. 159.

[3]) См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (Славянскій сборникъ т. II), стр. 132—133; 157 слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 10—12.

враги названы Сарацинами, какъ съ Сарацинами-же бьется и Армури.

Я не далекъ отъ предположенія, что за былиной о Саулѣ Леванидовичѣ скрывается оригиналъ какой нибудь греческой народно-эпической пѣсни, близкой по типу къ пѣснѣ объ Армури и также воспѣвавшей битвы юнаго храбреца съ малоазіатскими исконными врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ кіевскаго и владимировскаго центровъ, къ которымъ притянуло почти все древнее содержаніе нашего эпоса, эта былина сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и Сарацинъ, которыхъ № II уже переименовалъ Татарами. Это — такой-же признакъ начинавшагося пріуроченія, какъ и имя татарскаго царя Кунгура, вѣроятно, такое-же эпонимическое, какъ Курганъ, Кумбалъ былинъ о Суздальцѣ.

Предположеніе, что византійскія былины могли проникнуть на югъ Россіи и занять мѣсто въ ея эпическомъ циклѣ, не имѣетъ, само по себѣ, ничего невѣроятнаго. Слѣдуетъ припомнить греческую колонизацію нашего Крыма, роль Сурожа въ судьбахъ древней Россіи, международное пѣсенное общеніе, сплачивавшее средневѣковую Европу тѣснѣе и многообразнѣе, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Лекапина (945 г.) пѣлись, по свидѣтельству Ліутпранда, не только въ Европѣ, но въ Африкѣ и Азіи; въ этомъ такая-же доля реторическаго преувеличенія, какъ и у автора Слова о Полку Игоревѣ, заставляющаго Нѣмцевъ и Венеціанъ, Грековъ и Моравянъ вторить пѣснямъ о славныхъ подвигахъ кіевскихъ князей. Но за шаржемъ скрывается и доля дѣйствительности: отрывки византійскихъ новеллъ заходили уже въ X вѣкѣ къ нѣмецкимъ шпильманамъ; византійскіе отголоски легко встрѣтить въ поэмахъ о Ротерѣ, о Hug- и Wolfdietrich'ахъ. Русскіе перепѣвы византійскихъ пѣсенъ принадлежатъ тому-же теченію, и ихъ необходимо принять въ разсчетъ, изслѣдуя судьбы византійскаго вліянія на литературы запада.

IV.

Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Иракліи.

I.

Пѣсни о бѣгѣ въ запуски богатырскихъ коней популярны въ румынской, русской и новогреческой народной поэзіи, какъ были когда-то въ старофранцузскихъ поэмахъ. Изъ области послѣднихъ упомяну лишь о знаменитой скачкѣ въ Renaut de Montauban; о соотвѣтствующихъ эпизодахъ въ Eracles и Voyage de Charlemagne будетъ рѣчь далѣе. Въ новогреческой пѣснѣ (Passow, Carmina popularia, № DXV) Константинъ бьется съ царемъ объ закладъ о свою голову, что его конь перебѣжитъ царскихъ коней, и остается побѣдителемъ въ состязаніи:

Ὁ Κωνσταντῆς κι' ὁ βασιλιὰς ἀντάμα τρῶν καὶ πίνουν,
Κι' ἀθηβολὴν εὑρήκανε ποιὸς ἔχει κάλλιο μαῦρο.
Ὁ βασιλιὰς βάνει φλωριά, τί ἔχει πολὺ λογάρι,
Κ' ὁ Κωσταντῆς εἶναι φτωχὸς καὶ βάνει το κεφάλι.
Ὡς τ' ἄκουσε κ' ἡ λυγερὴ τοῦ Κωσταντῆ ἡ γυναῖκα,
Στὸ σταῦλον ἐκατέβηκε, βρῶμι στὸ σφραίστο βάνει·
«Ἂν ἀπεράσῃς μαῦρέ μου τοῦ βασιλιῶς τὸ μαῦρο,
Θὰ νὰ σοῦ σκῶσω τὴν ταγὴ σαρανταπέντε φοῦκτες·
Τούταις ταῖς ζάβαις ποῦ φορῶ, πέταλα θὰ σταῖς κάμω
Καὶ τὰ σκολαρικάκια μου καρφιὰ τῶν πεταλιῶν σου».

Σαράντα μίλια τρέξανε καὶ τὰ σαράντ' ἀντάμα
Καὶ στὰ σαράντα τέσσερα πρὸς τὰ σαράντα πέντε.
Στέκει καὶ διαλογίζεται τὰ λόγια τῆς κυρᾶς του.
Σὰν ἀστραπὴ τοὖρτ' ἀπ' ὀμπρὸς καὶ σὰ βροντ' ἀπὸ πίσω.
Τὸν ἄφηκ' ἀπὸ πίσω του δέκα μιλιῶνε τόπο·
«Στέκα κ' ἐγῶμαι βασιλιάς, μὴ μὲ παραντροπιάζῃς,
Τὸ στοίχημα ποῦ βάλλαμε, διπλὸ νὰ σοῦ τὸ δώσω».

Таково, въ сущности, содержаніе нѣкоторыхъ малорусскихъ колядокъ и нашихъ былинъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ: тамъ и здѣсь таже похвальба молодца передъ королемъ, княземъ, и тѣ-же результаты бѣга. Въ русскомъ эпосѣ извѣстны пѣсни еще и о другомъ ристаніи — Дюка Степановича въ запуски съ Чурилой. Сюжетъ, очевидно, принадлежалъ къ числу излюбленныхъ; этимъ обстоятельствомъ я склоненъ объяснить, почему изъ цикла пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ сохранились главнымъ образомъ лишь тѣ, которыя воспѣваютъ именно его состязаніе на коняхъ. Что такой циклъ дѣйствительно существовалъ и еще возстановимъ по отрывкамъ и намекамъ — это я намѣренъ доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ въ настоящей главѣ. Начну съ пѣсни о «бѣгѣ».

Вызовъ къ нему исходитъ отъ князя: во полу-пирѣ

Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Гой еси, князи и бояра,
И всѣ Русскіе могучіе богатыри!
Есть-ли во Кіевѣ таковъ человѣкъ,
Кто-бъ похвалился на триста жеребцовъ,
На триста жеребцовъ и на три жеребцы похваленые, —
Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
И который полоненъ воронкó въ Большой ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутренею?»

Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь,
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
А и быть передъ княземъ невольникомъ».

Онъ принимаетъ его вызовъ: ескакать отъ Кіева до Чернигова

Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежу обѣдни и заутрени,
Ускоки давать конины,
Что выметывать раздолья широкія.
«А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
О своей буйной головѣ». —
За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто, де, гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
А никто, де, тутъ за Ивана поруки не держитъ.
Пригодился тутъ владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ они поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей —
Подписалися.

(Кир. III № 3, стр. 4—5, vv. 10 слѣд.; сл. Гильф. № 133; въ № 307, замѣнившемъ Ивана Гостинаго сына — Иваномъ Годиновичемъ, Владимиръ хвалится тремя добрыми конями). Иначе у Рыбн. III № 34 (и у Гильф. № 135): здѣсь поводомъ бѣга не вызовъ князя, а похвальба богатыря на пиру, гдѣ всѣ

Наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвасталисъ.
Ктоль хвастаетъ отцемъ-матерью,
Ктоль хвастаетъ молодой женой,

Ктоль хвастаетъ золотой казной?
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
И бѣлой лебеди не рушаетъ,
И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
«Душка Иванъ Гостиный сынъ!
Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлыя лебеди не рушаешь,
И ни чѣмъ ты, молодецъ, не хвастаешь?
Хлѣбъ-ли соль тебѣ не по душѣ,
Чарою-ль тебя пообошли,
Али пьяница надъ тобою надсмѣялася?»
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,
Чарою меня не обошли,
И пьяница надо мной не надсмѣялася.
А не чѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,
А столько я похвастаю:
Есть-ли у васъ единъ молодецъ
Ѣхать-то на добрыхъ коняхъ
Ко тому ко городу Чернигову,
А перебѣгу ровно триста верстъ
И тридцать три версты мѣрныхъ:
И съѣздить намъ промежъ обѣдней и заутреней,
Съѣздить намъ и ко обѣдни поспѣть?

Онъ бьется о закладъ съ княземъ:

Ты заложи казны своей сорокъ тысячей,
А я заложу свою буйну голову,

а Владимиръ говоритъ:

Во хмѣлѣ дѣтина порасхвастался,
Не на комъ тебѣ будетъ повыѣхать.

Дѣйствительно: у Ивана конь какъ будто не видный: косматый бурушко (Гильф. № 133), «трехъ годковъ жеребушечка» (Кир. III

№ I, стр. 2, v. 26), «бурочко, косматочко, троелѣточко» (ib. № 3, стр. 6, v. 67). Я указалъ въ предъидущей главѣ, что это — сказочный, неприглядный и шелудивый жеребенокъ, становящійся въ рукахъ юнаго богатыря чудеснымъ конемъ. Иванъ обращается къ нему съ просьбой, припадаетъ къ правому копыту (Кир. III № I, стр. 2, v. 42), въ ножку правую, во лѣвую во ноженку (Гильф. № 135, 133; Рыбн. III № 34, v. 59), говоритъ, что пробилъ свою буйную голову (Гильф. № 135), что «въ пьяномъ разумѣ поросхвастался» (Гильф. № 133). И конь обѣщаетъ постоять за хозяина: велитъ кормить себя пшеницей яровою, либо пшеномъ сорочинскимъ, поить водой ключевою, либо сытой медвяной, пустить на травы зеленыя три дня по зарѣ (Кир. III № 1, стр. 3, v. 49 слѣд.; № 3, стр. 6, vv. 91 слѣд.). — До бѣга, въ сущности, дѣло не доходитъ: одно появленіе бурушки, его чудовищное ржаніе наводитъ на всѣхъ трепетъ. Въ редакціи Кирши Данилова (Кир. III № 3, стр. 7—8, vv. 122 слѣд.; сл. Гильф. № 135, стр. 699) это разсказывается въ особенно яркихъ краскахъ:

Онъ будетъ, де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны подбрасывати:
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися;
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному, —
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися.

Испугались князья и бояре, Владиміръ

Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иванъ Гостиной сынъ!
Уведи ты уродья со двора долой:
Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраныя»

(сл. Гильф. № 133, стр. 696).

Втапоры владыка Черниговскій
У великаго князя на почестномъ пиру
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими;
— «А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ».

Иначе у Рыбн. III № 34, v. 141 слѣд.: заплативъ Ивану «великъ закладъ», Владиміръ проситъ его подарить ему «добра коня». Тотъ отвѣчаетъ:

Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
Мой конь купленъ въ Большой Орды,
Въ Большой Орды изъ-подъ матери.
За коня было плочено пятьсотъ рублевъ.
А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
Развѣ Владиміра конемъ подарить?

И онъ даритъ ему коня; но вскорѣ конюхи князя докладываютъ ему, что конь

Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
И засвисталъ онъ по змѣиному
И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ. —
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ душки Ивану Гостиному:
«Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
Мнѣ не надобенъ; поѣзжай домой»!

Эта развязка, несомнѣнно, собрана изъ мотивовъ, раньше встрѣчавшихся въ пѣснѣ: звѣриный покрикъ бурушки перенесенъ къ концу изъ того эпизода былины, гдѣ онъ впервые является на дворѣ князя; что онъ купленъ жеребенкомъ въ Большой Ордѣ — не новая черта, а также заимствованная: одинъ изъ коней, состязающихся съ бурушкой, «полоненъ... во Большой Ордѣ» (Кир. III № 3, стр. 4, v. 19); у Гильф. № 307 бурушко

Ивана, купленный «селяточкомъ» за моремъ, затоптал и залягалъ на смерть златогриваго и сивогриваго коней, а

Полонéной воронкó Илья Муромча,
Полоненый воронко едва выскочилъ.

Черта древняя, засвидѣтельствованная особой былиной[1]). Хотѣлось, очевидно, знать, откуда взялся у Ивана его чудесный конь; отвѣтъ явился сборный, потому что подлинный былъ забытъ — съ утратой полнаго пѣсеннаго цикла объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

Кое-что могли запомнить русскія сказки. Они разсказываютъ намъ о царевичѣ Иванѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, какъ тотъ и другой раздобыли своихъ коней: они стояли въ подземельяхъ, погребахъ, гдѣ ихъ заперъ за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками, какой-то древній богатырь; и они привѣтствуютъ громкимъ ржаніемъ пришествіе юнаго витязя, передъ которымъ склоняютъ колѣна [2]). Интереснѣе для нашего вопроса третья сказка объ Иванѣ (Аѳанасьевъ, Нар. русск. Сказки II № 107): жилъ-былъ старикъ со старухой, старые-престарые, а дѣтей у нихъ не было, хотя они постоянно молили Бога о ниспосланіи имъ наслѣдника. И вотъ старикъ даетъ обѣтъ: коли родится у него сынъ, взять ему въ кумовья перваго встрѣчнаго. Старуха забеременѣла и родила сына; мужъ пошелъ искать кума, и такъ какъ первый, кто ему попался на встрѣчу, былъ царь, то его и позвали на крестины. Царскаго крестника назвали Иваномъ; десяти лѣтъ онъ уже былъ высокъ ростомъ

---

[1]) См. далѣе гл. X. Въ былинѣ о Михайлѣ Казариновѣ (Кирша № XXI) богатырь освобождаетъ свою сестру-полонянку отъ трехъ татаръ, сажаетъ её на своего коня, самъ ѣдетъ верхомъ на татарскомъ, а двухъ коней ведетъ въ поводу. Владимиръ говоритъ ему:

У меня есть триста жеребцовъ,
И три любимы жеребца,
А нѣтъ такого единаго жеребца!
Исполать тебѣ доброму молодцу.

[2]) Кир. III, Приложенія, стр. XXVI—VII.

и силенъ, а крестный посылаетъ за нимъ, хочетъ его повидать. Путь былъ далекій, надо было раздобыть лошадь; вотъ отецъ и даетъ Ивану сто рублей, велитъ ему пойти въ городъ на конную и выбрать себѣ коня. По дорогѣ повстрѣчался съ Иваномъ старикъ и даетъ ему совѣтъ, отъ соблюденія котораго зависитъ его счастье: какъ придешь на конную, увидишь мужика съ тощей, паршивой клячей, её и бери; сколько бы за нее не запросилъ хозяинъ, давай, не торгуйся; лошадь поведи домой, паси её по утренней и вечерней росѣ въ теченіи двѣнадцати дней — тогда ты её узнаешь. — Иванъ такъ и дѣлаетъ, привелъ лошадь домой; отецъ недоволенъ, жалуется что деньги потрачены даромъ; по прошествіи двѣнадцати дней, когда Иванъ исполнилъ все повелѣнное старцемъ, его лошадь преобразилось, стала сильной и красивой — и юный витязь отправляется на ней ко двору. — Дальнѣйшее развитіе сказки лежитъ, собственно говоря, внѣ вопроса насъ занимающаго: царь отличаетъ передъ другими своего крестника, вызывая тѣмъ зависть въ придворныхъ, которые клеплютъ на Ивана, будто онъ похвастался, что увезетъ и возметъ себѣ въ жены царевну Анастасію прекрасную, что̀ живетъ въ тридесятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, въ мраморномъ дворцѣ. Царь повѣрилъ этому навѣту и велитъ Ивану, подъ страхомъ смерти, исполнить подвигъ, о которомъ онъ никогда не помышлялъ и который удается ему при помощи его чудеснаго коня (сл. начало сказки № 165 у Аѳанасьева III).

Я полагаю, что въ связи съ сообщенной сказкой стоитъ другая: объ Иванѣ — крестьянскомъ сынѣ, рожденномъ послѣ трехлѣтняго безплодія родителей, богатырскомъ сиднѣ, ощутившемъ въ себѣ силу послѣ того, какъ выпилъ ендову пива, поданную ему нищимъ (Кир. III, Приложенія, стр. XXIII—XXIV). Оба сюжета являются соединенными въ одной былинѣ (побывальщинѣ) объ Ильѣ Муромцѣ (Рыбн. I № 8; сл. II № 2) и соотвѣтствующемъ чувашскомъ разсказѣ (Магнитскій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 251 слѣд.): Илья — сидень; выпивъ «чарочку питьица медвянаго» изъ рукъ каликъ

перехожихъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что «богатырско его тѣло разгорѣлося». Калики говорятъ ему, между прочимъ:

55 «Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
Выходи въ раздольице чисто поле,
Покупай перваго жеребчика,
Станови его въ срубу на три мѣсяца,
Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
И въ три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его къ тыну ко высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону,
Поѣзжай на немъ куда хочешь,
Будетъ носить тебя».

. . . .

89 Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ [1]).

Существовалъ-ли въ былинной поэзіи подобный разсказъ о пріобрѣтеніи коня Иваномъ Гостинымъ сыномъ — этого мы пока не знаемъ; за то сохранились два пѣсенныхъ отрывка и небольшой эпизодъ въ былинѣ о другомъ богатырѣ, свидѣтельствующіе, что объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ пѣлось нѣкогда что-то болѣе полное и цѣльное.

Пѣсня у Кир. III № I, стр. 1—3 въ бо̀льшей своей части посвящена извѣстному намъ бѣгу въ запуски; но пѣвецъ переходитъ къ нему не прямо: онъ начинаетъ издалека, запѣвомъ, извѣстнымъ изъ другихъ былинъ [2]):

---

[1]) У Гильф. № 120 конь Ильи Муромца принадлежитъ не къ типу «немудраго жеребенка», а къ типу заброшеннаго дѣдовскаго коня.

[2]) Сл. Запѣвы у Гильф. №№ 215, 222, 228, 254, 306 и друг.; Буслаевъ, Русскій богатырскій эпосъ, Русск. Вѣстн. 1862, т. 41, стр. 558—60.

Нашему хозяину честь-бы была,
Намъ-бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ-бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу рѣку.
Ши́рока рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань.

Слѣдующіе два стиха могли быть началомъ пѣсни, къ которой, первоначально, относился приведенный запѣвъ:

Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городо́мъ,
Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ.

Пѣвецъ запамятовалъ продолженіе пѣсни и его память случайно перенеслась къ былинѣ о ристаніи Ивана Гостинаго сына. Переходитъ онъ къ ней чисто внѣшнимъ образомъ: тамъ пѣлось о похвальбѣ Ивана на пиру у князя Владиміра; у него обстановка другая: насадничекъ — и вотъ онъ продолжаетъ:

Въ этомъ во насадничкѣ сынъ со матерью,
Пью они ѣдя́, прохлажа́ются,
Про́между собою похваляются:
Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
А другой похвалился молодою женой,
А третій похвалился саблей вострою.
Взго́ворилъ Ва́нюшка Гостиный сынъ:
Ахъ вы братцы, вы бо́яры!
Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
. . . .
Я похвалюсь своимъ кау́рушкой.
. . . .
Вотъ они и закладываются,
Не объ стѣ рублей, не объ тысячи,
А просто объ своей буйной головы:
Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
Выѣхавши отъ заутрени,
Къ ранней обѣднѣ поспѣть.

Владиміръ-городъ, вмѣсто Чернигова, очевидно, по памяти о князѣ Владимірѣ.

Въ этой сборной и, очевидно, испорченной пѣснѣ одна подробность отзывается чѣмъ-то древнимъ, — памятью о какой-то *матери* Ивана Гостинаго сына. Дѣйствительно: о ней и о ея сынѣ сохранилась, въ двухъ записяхъ, одна интересная былина, которую я и приведу цѣликомъ:

Какъ отъ батюшки было умнаго,
Какъ отъ матушки да отъ разумныя,
Зарождается чадушко безумное,
Что-ль по имени Иванушко Гостиной сынъ.
Какъ не стало у Иванушка да родна батюшка,
И остается у Иванушка да родна матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна.
И унимаетъ родна матушка да своего чада,
И своего-ли чада милаго,
И того-ли дитятка любимаго,
И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
«И гой же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!
И не ходи тко, чадо, да на царевъ кабакъ,
И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
И не связывайся, чадо, со жонками со курвами,
И со тѣма-ли со дѣвками со блядками».
И не послушалъ Иванушко да своей матери,
И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
И съ тѣма-ли со жонками со блядками,
И съ тѣма-ли со дѣвками со курвами.
И какъ прослышала да éво матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна,
И приходила тутъ евȯ да родна матушка,
Приходила она да на царевъ кабакъ,
Испроговоритъ она да таково слово:
«А гой-же вы народъ люди православныи!
И не видали-ль вы моего да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что-ль по имени Иванушка Гостинаго?»
Испроговорятъ народъ да провославныя:
«А гой же ты честна вдова Офимья Олександровна!

И не видали мы твоего да чада милаго,
И что-ль по имени Иванушка Гостинаго».
Испроговоритъ тутъ Офимья Олександровна,
И что-ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкіимъ:
«А гой же вы голи вы кабацкія!
Вы скажите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
И чадо милоё, дитя любимоё,
И что-ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
И за то дарю васъ златомъ серебромъ».
И привели тутъ голи кабацкія
А й оборва́наго да добра молодца,
А й что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
И какъ беретъ Ивана родна матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна,
И какъ беретъ ево да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
И за бѣлы руки да за златы перстни,
И повела его на пристань корабельную,
И ко тѣмъ-ли купцамъ да ко заморьскіимъ,
И ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Олександровна,
Испроговоритъ она да таково слово:
«А гой же вы купци замо́ряна,
И вы замо́ряна купци да й вавилоняна!
И вы купите-тко да моего́ чада,
И моего-ли купите чада милаго,
И чада милаго купите дитя любимаго,
И что-ль по имени Иванушка Гостинаго,
И дайте-тко за нево мнѣ-ка-ва петьсотъ рублей».
Испроговорятъ купци да таково слово:
«А гой же ты честна вдова Офимья Олександровна!
И не вора-ли продаешь да не разбойника?
А й отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Олександровна
И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
Ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
«И я не вора продаю, да не разбойника,
А своего-ли продаю да чада милаго,
И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.»
А й отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И что-ль Иванушко Гостиной сынъ,

И ко тѣмъ купцамъ да ко замо́рянамъ,
Ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
«И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
И что было́-бы моёй матушкѣ
И до гробно́й доски ей да не скитатися.»
И тутъ пролилъ горячія сле́зы добрый молодецъ,
И въ слеза́хъ-то добрый молодецъ словцо повымолвилъ:
«И ты прощай-ко-сь, прощай да родна матушка,
И какъ честна́ вдова Офимья Олександровна,
И по писаному была да ро́дна матушка,
А й по житью бытью да змѣя лютая.»
И тутъ простилася да родна матушка,
А какъ простилася она да съ любимы́мъ сыномъ,
Съ любимы́мъ сыномъ да со Иванушкомъ

ильф. № 172 = Рыбн. IV, № 13).

Изложеніе сообщенной нами былины представляетъ несообразности, указывающія, по моему мнѣнію, на забвеніе цѣльнаго пѣсеннаго преданія и на попытку округлить и осмыслить на-ново удержавшіеся въ памяти отрывки. Такой процессъ реставраціи, естественный въ позднѣйшей жизни всякаго народнаго эпоса, легче представить себѣ совершившимся не на исконной почвѣ «южно-русскихъ» былинъ, а въ той сѣверной средѣ, куда проникли ихъ глухіе, невнятные отголоски.

Прежде всего пьянство Ивана, можетъ быть, такой-же поздній мотивъ, какъ и типъ пьяницы, упрочившійся за однимъ изъ младшихъ богатырей — Василіемъ [1]). Что мать продаетъ сына-гуляку и въ то-же время величаетъ его чадомъ милымъ, любимымъ — можно бы объяснить особенною устуйчивостью былиннаго эпитета; но эта усто́йчивость въ сопоставленіи противорѣчій идетъ, очевидно, черезъ край: по роду ты моя матушка, по житью-бытью змѣя лютая, говоритъ Иванъ проданный въ рабство — а былина поетъ о прощаньи матери съ «любимымъ» сыномъ и заставляетъ его просить купцовъ — дать за него

[1]) Сл. мои южно-русскія былины I, стр. 50.

цѣну вдвое бо́льшую противъ просимой, чтобы его матери можно было прожить безбѣдно до гробовой доски! Необходимо предположить въ просьбѣ Ивана сознаніе своей собственной цѣнности; вѣдь это одно и могло побудить купцовъ дать за него тысячу рублей вмѣсто пятисотъ; забота о матери, эпитеты милый, любимый объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не какъ актъ материнскаго самоуправства. Всё это могло быть забыто и спутано — и явиться передъ нами позднѣе въ новой призрачной цѣльности, — со внесеніемъ мотива сына-гуляки, проданнаго въ кабалу.

Пока мы выяснили себѣ только слѣдующее: Иванъ Гостиный сынъ — сынъ вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владимира, онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней, и остается побѣдителемъ бѣга. Я сообщу кстати содержаніе сказки-былины о другомъ Иванѣ-удовкинѣ сынѣ [1]), съ цѣлью воспользоваться нѣкоторыми ея чертами, какъ комментаріемъ къ нашимъ пѣснямъ. Иванъ, вдовій сынъ, сватается за дочь царя Волшана Волшановича; какъ въ нашихъ былинахъ о Гостиномъ сынѣ, такъ и здѣсь, герой бьется о свою голову: онъ станетъ «обряжаться», т. е. принимать различные образы; коли царь не узнаетъ его въ этихъ превращеніяхъ, пусть выдастъ за него дочь, не то отсѣчетъ ему «буйну головушку». Два раза онъ обращается горностаемъ, проникаетъ къ царевнѣ,

Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ-миловалъ онъ Марью Волшановну,
Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
«Прощай, свѣтъ, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися?»
Обвернулся Ванька горносталемъ,

---

[1]) Рыбн. I № 76: О Ванькѣ удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ. Тотъ-же мотивъ въ греческой сказкѣ у Hahn'a, Griech. Märchen № 61 (сл. прим.). Сл. еще Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 152—3.

Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Тридевять цвѣтовъ, тридевять дубовъ,
Зашелъ за тый-ли за единый дубъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Оба раза царь узнаетъ о метаморфозахъ Ивана, справившись утромъ въ своей «книгѣ волшанской», «книгахъ волшенскихъ». На третій разъ Ивану помогаетъ Могуль-птица, въ благодарность за то, что онъ прикрылъ своимъ цвѣтнымъ кафтаномъ ея дѣтенышей, прозябшихъ и перемокшихъ въ гнѣздѣ. Она даетъ ему три перышка изъ своего праваго крыла и огниво, съ помощью которыхъ онъ лишаетъ волшанскую книгу ея вѣщей силы: она уже не открываетъ царю, куда дѣлся Иванъ, и Волшанъ сжигаетъ её, а дочь выдаетъ за вдовьяго сына.

Остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой сказки-былины. Ванька удовкинъ сынъ, обладающій чудеснымъ даромъ оборотничества, является при дворѣ царя Волшана, какъ Иванъ Гостиный сынъ, также сынъ вдовы, при дворѣ Владимира съ своимъ чудеснымъ бурушкой. Имя Волшанъ, несомнѣнно, въ связи съ црквнсл. влъхвъ; его волшанскія книги — волшебныя. Нарицательное «Волшанъ» сложилось подъ впечатлѣніемъ идей волшебства, проведенныхъ въ разсказѣ; трудно представить себѣ, чтобы оно съ самаго начала стояло, какъ имя собственное, естественнѣе предположить, что оно прислонилось къ какому-нибудь болѣе древнему, созвучному. Древнерусская поэзія знаетъ вѣщую, грандіозную книгу царя Волотомана, Волотомона, Вотоломона, Волота и т. д., восходящаго, по очень вѣроятному мнѣнію проф. Ягича, къ имени Птоломея[1]). Въ одномъ русскомъ сказаніи о Соломонѣ — Волотомономъ названъ византійскій императоръ; съ другой стороны варьянты этого имени переводятъ насъ

[1]) См. V. Jagić, Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv f. Slav. Philol. I, стр. 87—88.

отъ Волотомана къ Волотомиру, Володимиру — и Владимиру. Гостиный сынъ Иванъ, объявляющійся при дворѣ Владимира, могъ впервые проявиться въ окруженіи какого-нибудь Константинопольскаго Волотомона—Волшана; первый стать на мѣсто втораго, Кіевъ на мѣсто Константинополя, греческая сказка-былина претвориться въ былину южно-русскаго цикла. Пока — это лишь одно теоретическое построеніе, отчасти лишь поддержанное предположенной нами генеалогіей пѣсенъ о Саулѣ Леванидовичѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ этой гипотезы обратимъ вниманіе еще на одну, можетъ быть, не случайную подробность, касающуюся роли Ивана Гостинаго сына въ нашихъ былинахъ. У Кир. III, стр. 70—71, № 4 (= Кирша Даниловъ) Владимиръ, думая жениться, говоритъ на пиру таково слово:

Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
Только я Владиміръ князь холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу,
Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
Станомъ бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ соболи,
А и ясныя очи, какъ бы у сокола?

Никто изъ богатырей не находитъ отвѣта; нашелся лишь Иванъ Гостиный сынъ: въ Золотой Ордѣ, у грознаго короля Етмануйла Етмануйловича, видѣлъ онъ двухъ его дочерей: Настасью и Афросинью (очевидно: вм. Апраксіи) королевишенъ;

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,

А красное солнце не печетъ лице.

. . . .

Посылай ты, сударь, Дуная свататься.

Афросинья-Апраксія выходитъ за Владимира. Ея типъ въ былинахъ крайне опредѣленный: она увлекается каликой Михайлой, милуется съ Чурилой и Тугаринымъ; она — невѣрная жена по былинному признанію. Въ виду послѣдующихъ параллелей намъ была-бы крайне важна черта, сохранившаяся въ редакціи Кирши Данилова, что именно Иванъ Гостиный сынъ указываетъ Владимиру его сверстницу. Но прозвище «Гостиный сынъ» здѣсь едва-ли не случайное; существеннѣе имя Ивана, появленіе котораго въ роли знатока невѣстъ мы объяснимъ позднѣе изъ пѣсенъ о Дунаѣ-Иванѣ ключникѣ. Замѣтимъ, что на невѣсту Владимиру указываетъ обыкновенно Дунай (у Кирши являющійся лишь сватомъ), у Гильф. № 81 (= Рыбн. I № 31) Перминъ или Пермилъ, вѣроятно тождественный съ лицомъ того-же имени, выступающимъ въ пѣсняхъ о Чурилѣ (и Дюкѣ); у Рыбн. III № 21: Илья; въ испорченной былинѣ у Гильф. № 125: Добрыня, по несомнѣнному смѣшенію съ Дунаемъ (сватами являются, нерѣдко, оба богатыря).

Въ заключеніи предложеннаго обзора мы позволимъ себѣ свести къ немногимъ чертамъ, что поютъ и сказываютъ объ Иванѣ-Гостиномъ сынѣ сохранившіяся о немъ былины и привлеченныя нами къ сравненію народныя сказки. Вѣроятность и послѣдовательность нашей схемы выяснится лишь въ связи съ слѣдующими далѣе сопоставленіями; пока её придется принять на вѣру.

1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіи ихъ молитвы и обѣта. Какой-то старикъ научаетъ его, какъ ему достать чудеснаго жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и какія-нибудь другія чудесныя познанія (Сказка о доставаніи коня; былина о Ванькѣ удовкинѣ сынѣ).

2. Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былина объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запуски съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

4. (?) Онъ указываетъ царю на его сверстницу — невѣсту, оказывающуюся впослѣдствіи невѣрной женой.

II.

Это, пока апріорное, построеніе можетъ быть возведено при помощи слѣдующихъ данныхъ къ высокой степени вѣроятности.

Въ XII вѣкѣ Gautier изъ Арраса написалъ, слѣдуя какому нибудь нынѣ утраченному византійскому источнику, большую поэму объ Eracles = Иракліи, вскорѣ послѣ того пересказанную и по Нѣмецки [1]). Сообщивъ намъ въ 5060-хъ первыхъ стихахъ легендарную исторію чудеснаго мальчика Ираклія, авторъ отождествляетъ его подъ конецъ (vv. 5060—6516) съ извѣстнымъ византійскимъ императоромъ того-же имени, заставляя его побѣдить Хосроя и снова отвоевать древо святаго креста. Это отождествленіе принадлежитъ, быть можетъ, фантазіи самого Gautier, но нѣчто не мѣшаетъ предположить, что и въ самой Византіи могъ ходить какой-нибудь баснословный разсказъ объ юности славнаго царя, подобный сообщенному въ поэмѣ. Его греческій оригиналъ утраченъ, либо еще не найденъ, но сохранился его варьянтъ, въ которомъ мѣсто чудеснаго мальчика или юноши заступаетъ чудесный старецъ. Эта редакція была недавно напе-

---

[1]) Сл. Eraclius, Deutsches und französisches Gedicht des XII Jahrhunderts, hrsg. v. Massmann. 1842. — Сл. Eraclius, deutsches Gedicht des XIII-en Jahrhunderts, hrsg. von Harald Graef. Strassburg, 1883.

чатана, по разнымъ текстамъ, Леграномъ[1]) и Вагнеромъ[2]), причемъ Gidel'ю принадлежитъ указаніе на ея отношенія къ сюжету Ираклія.

Передамъ вкратцѣ содержаніе той и другой легенды.

I. Повѣсть о мудромъ старцѣ.

Въ Византіи жилъ когда-то мудрый старецъ, богатый и семейный. Случалось такъ, что вслѣдствіи-ли неурожайнаго года или арабскихъ набѣговъ, онъ обѣднѣлъ. И вотъ онъ велитъ своимъ дѣтямъ связать себя и продать, точно преступника или раба. Услышалъ о томъ царь или топархъ и послалъ своихъ людей освѣдомиться о дѣлѣ. Они находятъ цѣну, какую запросили за старика, слишкомъ высокою, но тотъ убѣждаетъ ихъ не торговаться, ибо онъ сто́итъ большаго: онъ знаетъ природу мущинъ и женщинъ, знатокъ въ лошадяхъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. — Царь очень доволенъ, что такой мудрецъ попался ему въ руку, тѣмъ не менѣе велитъ запереть его и заставляетъ нѣкоторое время голодать: въ день ему даютъ лишь по сухарю и однажды напиться. Между тѣмъ прибылъ изъ дальнихъ странъ купецъ и предлагаетъ царю купить у него за большую цѣну драгоцѣнный камень. Привели изъ тюрьмы старика; онъ говоритъ, что камень многаго не стоитъ, такъ какъ въ немъ гнѣздится червь — что подтвердилось на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе старика опять заключили въ тюрьму, только удвоили ему дневной паёкъ. Въ другой

---

[1]) Collection de documents pour servir à l'étude de la langue Néohellenique, 1-re série, № 19: Περὶ τοῦ γέροντος τοῦ φρονίμου Μουτζοχουρεμένου. Сл. Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, 6-e année, 1872: Mémoires et notices, p. 53 слѣд.: Gidel, Histoire de Ptocholéon. — Другой пересказъ изданъ былъ Леграномъ въ № 1 новой серіи той-же Collection: Recueil de chansons populaires grecques, Paris, 1874, № 126, p. 258—284: Ὁ σοφὸς πρεσβύτης.

[2]) Wagner, Carmina Graeca medii aevi, Lips. 1874, p. 277—303: Βίος καὶ πολιτεία τινὸς δοκιμωτάτου καὶ σοφωτάτου γέροντος. Сл. Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 203, къ № 126 Легранова сборника.

разъ его снова вызвали, чтобъ узнать его мнѣніе о продажной лошади; онъ говоритъ, что эта лошадь, будучи жеребенкомъ, вскормлена была коровьимъ молокомъ, что опять-же оказалось вѣрнымъ. Старика снова заперли, а паёкъ увеличили. — Когда царь захотѣлъ жениться на дѣвушкѣ-красавицѣ, онъ обратился къ мудрецу за совѣтомъ и узнаетъ отъ него, что мать той дѣвушки была блудницей и сама она, выйдя за мужъ, станетъ торговать своимъ тѣломъ. Старику еще разъ увеличили его дневную порцію и на день начинаютъ выдавать по три сухаря. Подъ конецъ царю приходитъ на умъ разспросить своего узника о самомъ себѣ и своемъ происхожденіи. Тотъ требуетъ отъ царя предварительной клятвы, что онъ не сдѣлаетъ ему никакого зла, еслибы и услышалъ про себя что-либо дурное — и открываетъ ему, что онъ, на самомъ дѣлѣ, сынъ крестьянина, либо пекаря: онъ узналъ это изъ его обращенія съ нимъ, по тому, какъ онъ награждалъ его — увеличивая порцію хлѣба. Такъ поступать — не въ природѣ царя; прирожденная склонность оказалась въ немъ сильнѣе привычки. Опрошенная царемъ мать его сознается въ своемъ проступкѣ, а старикъ, щедро награжденный, отпущенъ на свободу. Въ одномъ изъ трехъ стихотворныхъ разсказовъ, говорящихъ о немъ, онъ названъ Львомъ, или ближе: бѣднымъ Львомъ, Πτωχολέων.

Этотъ разсказъ, быть можетъ, восточнаго происхожденія, что не трудно усмотрѣть изъ параллелей, собранныхъ D'Ancona'ой къ № 3 Cento Novelle antiche[1]). Что касается до соотвѣтствую-

---

[1]) Romania III: Le fonti del Novellino, стр. 164—165. Къ приведенной тамъ литературѣ слѣдуетъ еще присоединить повѣсть о бѣднякѣ изъ собранія разсказовъ, приписываемаго Рабби Ниссиму: пророкъ Илья предлагаетъ бѣдняку, чтобъ онъ продалъ его, какъ раба, а вырученныя деньги употребилъ бы на свое пропитаніе. Какъ тотъ ни отнѣкивался, Илья настоялъ на своемъ: Исполни мое приказаніе и продай меня. Царскій служитель покупаетъ Илью за 80000 динаровъ, и пророкъ тотчасъ-же обращаетъ на себя вниманіе царя, какъ искусный архитекторъ. Ему поручаютъ построить большой дворецъ въ шестимѣсячный срокъ, онъ созидаетъ его за ночь и самъ исчезаетъ до восхода солнца. Сл. Perles, Rabbinische Agada's in 1001 Nacht. ein Beitrag zur

щей новеллы послѣдняго сборника, то я считаю вѣроятнымъ, что ея болѣе или менѣе близкимъ источникомъ была какая-нибудь византійская повѣсть, сходная съ предъидущею. Вотъ содержаніе новеллы.

Nelle parti di *Grecia* ebbe uno Signore che portava corona di Re et avea grande reame et avea nome Filippo *et tenea in sua pregione uno savio greco per alcuno malfatto;* lo quale greco era di tanta sapienzia, che llo intelletto suo passava oltra le stelle. Et avenne che a questo Re fue presentato delle parti di Spagnia uno nobile distriere et di grande podere et di bella guisa. Mandò lo Re per malischalchi per sapere la bontà del distriere: *fuli detto che innella sua pregione era lo sovrano maestro di cciò, intendente di tutte le cose.* Fece menare-lo distriere al campo et fece traere lo greco di pregione et disse: Maestro, avisa questo distriere, *che m'è fatto conto che tu se' molto saputo.* Lo greco avisa lo cavallo et disse: Messere, elli he di bella guisa, ma tanto judico, che lo cavallo he notricato a latte d'asina (что оказывается вѣрнымъ).... Questo tenne lo Re a grande maraviglia: ordinò et stabilio che gli fosse dato mezo pane per die alle spese della corte. — Un altro giorno avenne che lo Re raunò sue pietre pretiose. Rimandò per lo detto suo greco et disegli: Maestro, tu se' di grande savere, credo che di tutte le cose t'intendi: *se tt'intendi delle virtù delle pietre, quale ti sembra di più riccha valuta?* Lo greco avisò et disse: Voi quale avete per più cara? Lo Re prese una pietra tra l'altre molto bella et dissegli: Maestro, questa mi sembra più bella et di maggior valuta. Lo greco la prese et miselasi nella palma et strinse lo pugno et misesela all'orecchie, et poi parlò et disse: Messere, qui àe uno vermine. Lo Re mandò per li maestri et fecela spezare, et trovossi inella detta pietra uno vermine. Et allotta lo Re lodoe lo greco d'oltra mirabile senno. Et ordinoe che uno pane intero li fosse dato per die alle

---

Geschichte der Wanderung orientalischer Märchen, въ Frankels Monatsschrift f. Gesch. und Wiss. d. Judenthums 1873, Februar, p. 68—69. Сл. Libro de los Enxemplos № CCXLVII.

spese di sua corte. *Poi dipo' non molti giorni lo Re ripensò di no essere legittimo.* — Онъ спрашиваетъ о томъ мудреца и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, говоритъ ему, что онъ сынъ — пекаря (pisternaio), — что подтверждается показаніемъ матери царя, допытывающаго, какимъ образомъ мудрецъ дошелъ до этого открытія. Онъ отвѣчаетъ: Messere, quando io vi dissi dello cavallo cosa così maravigliosa, voi mi stabiliste uno dono di mezo pane per die. Et della pietra quando vi dissi dello verme, voi mi stabiliste un pane intero; pensate, che allora m'aviddi di cui voi eravate figliuolo. Мудреца отпускаютъ съ почестями и большими подарками [1]).

Передъ нами на сценѣ греческій мудрецъ, царь, властвующій гдѣ-то въ Греціи, съ греческимъ именемъ Филиппа: не намекъ-ли на царя — охотника до лошадей, пользующагося для этой цѣли познаніями своего узника? Въ общемъ впечатлѣніе итальянскаго разсказа такое, какъ будто компиляторъ Cento novelle имѣлъ передъ собою знакомую намъ византійскую повѣсть, но пересказалъ её въ своей обычной компендіозной манерѣ, выставляя лишь крупныя черты и тѣмъ затушевывая мотивированіе цѣлаго. Такъ мы напр. совсѣмъ не узнаёмъ, какимъ образомъ мудрецъ попалъ въ плѣнъ къ царю, да и вопросы послѣдняго являются совершенно случайными, ибо не видно, чтобы ему заранѣе была извѣстна вѣщая мудрость его плѣнника.

II. Повѣсть о мудромъ юношѣ.

Какъ византійская повѣсть о мудромъ старцѣ отразилась въ староитальянскомъ памятникѣ, такъ византійское-же сказаніе лежитъ въ основѣ старофранцузской поэмы объ Ираклія. Пересказывая её, мы распредѣлимъ содержаніе по параграфамъ, послѣдовательно отвѣчающимъ нумерамъ схемы, установленной нами для древнихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

---

[1]) Le novelle antiche, ed. Biagi, № III = Gualteruzzi № III, Borghini № II.

1. Въ Римѣ жилъ благочестивый человѣкъ, сенаторъ, по имени Miriados (Meriados) т. е., вѣроятно: богачъ, милліонеръ; онъ и его супруга Casine'a вели примѣрную жизнь, раздавали богатую милостыню Бога ради, но въ теченіи семи лѣтъ у нихъ не было дѣтей. И вотъ они молятъ Господа, и молитва ихъ услышана: однажды ангелъ явился женѣ въ сновидѣніи, и сказалъ ей: пусть встанетъ, постелетъ богатый коверъ, поверхъ его шелковый платъ, и попроситъ своего мужа совокупиться съ нею. Въ эту ночь она зачнетъ, и весь Римъ возрадуется плоду ея чрева. На другое утро ей слѣдуетъ заказать обѣдню, а коверъ и платъ пожертвовать на церковь и на бѣдныхъ. — Совершилось всё такъ, какъ возвѣстилъ ангелъ: въ урочное время жена родила мальчика, котораго назвали Богданомъ (Dieudonné), а въ крещеніи нарекли Иракліемъ (Eracles). Въ день крестинъ Господнее посланіе снесено было ангеломъ къ кроваткѣ ребенка; никто кромѣ него не долженъ его распечатать и прочесть. А въ немъ было написано, что Господь сподобилъ его дара: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней.

2. Когда Миріадосъ умеръ, Ираклію еще не минуло 10 лѣтъ. Мать раздала все свое достояніе въ успокоеніе души покойнаго мужа, съ согласія сына. Они основали больницы, ставили монастыри и церкви, одѣляли нищихъ и сиротъ, такъ что, прежде чѣмъ истекъ мѣсяцъ, они сами стали бѣднѣе послѣдняго римскаго бѣдняка. — Въ то время былъ такой обычай, что каждый могъ продать своего ребенка. На это рѣшилась и Казина, и сынъ согласился охотно, лишь бы она продала его за большую цѣну:

416 tenes me cier,
Ne laiies rien de mil besans.

Набросивъ на его шею свой поясъ, мать повела его въ такомъ видѣ на главный базаръ города. Многіе смѣялись надъ нею, находили, что цѣну за мальчика она проситъ слишкомъ высокую, но Ираклій убѣждаетъ мать не уступать:

471 Mere (fait-il), n'en doutes rien,
Car vous me venderes molt bien.

G'iere encor lui molt cier tenus,
Cil, ki m'avra, n'est pas venus.

Такія-же рѣчи держитъ онъ и царскому сенешалю, обратившему на него вниманіе и также подсмѣивавшемуся надъ высокой цѣной. Если цѣна не по немъ, то пусть отступится отъ него, говоритъ ему мальчикъ; только пусть знаетъ, что лучшаго пріобрѣтенія онъ никогда не сдѣлаетъ. И онъ сообщаетъ ему, какими тремя чудесными знаніями онъ обладаетъ. Сенешаль хочетъ купить его; разставаясь мать и сынъ плачутъ, цѣлуютъ другъ друга, а мать сѣтуетъ:

581 Fieus, bien ait telle engendreüre!
Onkes plus douce porteüre
Ne fist mais femme, ke g'ai faite,
Et ceste iert mes tous jours retraite;
Ainc mes ne fu si dure mere
Con jou por lui, a Dieus biaus pere!
Ne n'iert mes el siecle vivant
La mere vendist son enfant,
Onkes mes nulle n'en fu teus,
Ramenbre t'ent, biau sire dieus!
Biau sire dieus, ramenbre t'ent!
Garde mon fil, maintien m'enfent,
Aies ent pité et de moi,
Car cest marcié fac jou por toi.

Между тѣмъ сынъ утѣшаетъ мать тѣмъ, что она продала его не по злому намѣренію, а Бога ради. Она, дѣйствительно, раздѣляетъ между бѣдными полученную ею цѣну, а сама идетъ въ монастырь.

Сенешаль ведетъ мальчика ко двору, гдѣ принужденъ выслушивать надсмѣшки надъ его слишкомъ дорогой покупкой; самъ императоръ, которому Ираклій заявилъ о присущихъ ему трехъ чудесныхъ дарованіяхъ, выражаетъ сомнѣніе, не шарлатанъ-ли онъ, и хочетъ испытать его. Съ этой цѣлью онъ велитъ снести на базаръ всѣ драгоцѣнные камни, какіе только находились въ Римѣ или его окрестностяхъ, а Ираклію приказываетъ выбрать

изъ нихъ самый дорогой, сколько бы онъ ни стоилъ. Ираклій разсматриваетъ ихъ цѣлыя груды, но проходитъ мимо, ничего не выбравъ. Видитъ, въ концѣ базара какой-то человѣкъ торгуетъ пряностями, рядомъ съ которыми онъ выложилъ и какой-то неприглядный камень, случайно найденный имъ по дорогѣ. Ираклій доволенъ: онъ, наконецъ, нашелъ, что ему нужно; спрашиваетъ продавца о цѣнѣ того камня, и когда тотъ запросилъ всего шесть динаровъ (deniers), велитъ ему выплатить сорокъ марокъ, а камень отнести императору. Императоръ гнѣвается за столь дорогую покупку, но Ираклій увѣряетъ его:

909 Que ceste piere vaut tout l'or
Ke vous aves en vo tresor,
K'aighe ne fu n'arme ne crient
Ne ne puet cremir ki le tient.
Se li caitis, li deceüs
N'eüst ke sis deniers eüs
Sa viertu pierdist.

Онъ предлагаетъ самъ на себѣ испытать чудодѣйственныя свойства камня и выходитъ счастливо изо всѣхъ испытаній. Самъ императоръ изъявляетъ желаніе подвергнуть себя испытанію огнемъ, и на этотъ разъ результатъ тотъ-же. Разумѣется какой-нибудь баснословный камень въ родѣ Ктезіева пантарва (Ctesias, fragm. 80; Philostrat., Vita Apollonii III, 46), играющаго роль въ VIII-й книгѣ Эѳіопикъ Геліодора, § 11:

Παντάρβην φορέουσα πυρὸς μὴ τάρβει ἐρωήν.
ῥηιδίως μοίραις καὶ τ' ἀδόκητα πέλει,

упоминаемаго и Никитой Эвгеніаномъ (τῶν κατὰ Δρόσιλλαν καὶ Χαρικλέα βιβλ. ς, vv. 398—9):

ἀλλ' Ἰνδικὴν λίθον σε παντάρβην ἔχω.
καὶ φεύξεταί με καὶ τὸ πῦρ φέροντά σε.

3. Въ другой разъ императоръ желаетъ убѣдиться, на сколько Ираклій знатокъ въ лошадяхъ. Снова изданъ приказъ: собрать

на базарѣ всѣхъ коней, какіе ни есть въ странѣ, и пусть Ираклій выберетъ изъ нихъ лучшаго. А тотъ обратилъ вниманіе на жалкаго жеребенка, у котораго всего четыре зуба; его хозяинъ-бѣднякъ готовъ отдать его за двѣ марки, хотя, говоритъ онъ, старикъ, отъ котораго онъ получилъ жеребенка, завѣрилъ его, что отъ него онъ разбогатѣетъ.

1457 Ne sai, ki il fu, nel counois,
Mais il fu tous plus blanc ke nois,
Por amour dieu le me douna,
Onkes plus mot ne me souna.

Ираклій велитъ заплатить за жеребенка 40 марокъ и увѣряетъ разсерженнаго императора, что его конь перебѣжитъ трехъ самыхъ быстрыхъ:

1540: Soient or li troi mellour prest,
Et s'il nes vainc, je vous otroi
Ke vous n'aiies mierci de moi
De ma tieste prendre et trencier.
Ici metes tout le plus cier,
Al cief de tort la-gus a val
Faites metre l'autre ceval;
Le tierc metes al cours apres
A la bonne, droit al cief pries.
U elle soit, juske al premier,
Ja ne m'i veres delaiier,
Si mouverous de ceste place;
Se jou nel tieng tout à estace
Ains ke gou viegne à l'autre enmi,
Si me faites trencier parmi;
Se il à l'autre autel ne fait,
Si me soient li doi oeil trait.

И здѣсь, стало быть, какъ въ греческой пѣснѣ о Константинѣ и нашей былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, молодецъ бьется объ закладъ о свою голову; съ *тремя* конями поэмы слѣдуетъ сличить ихъ число въ былинѣ: обыкновенно ихъ триста три, но это, очевидно, эпическая амплификація, и главное вниманіе обра-

щено на *трехъ* «жеребцовъ похваленыихъ», которые ближе и опредѣляются. Съ *тремя* лучшими конями византійскаго императора хочетъ помѣряться и архиепископъ Турпинъ въ Chançon du Voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople, хотя его скачка въ запуски болѣе напоминаетъ гимнастическія упражненія цирка:

Treis de meillors destriers qui en sa citet sont
Prenget li reis demain, si'n facet faire un cors
La defors en cel plain. Quant mielz s'eslaisseront,
Jo i vendrai sor destre corant par tel vigor
Que me serrai al tierz et si larrai les dous;
Et tendrai quatre pomes molt grosses en mon poin,
Sis irrai estruant et getant contremont,
E larrai les destriers aler a lor bandon:
Se pome m'en eschapet ne altre en chiet del poin,
Charlemaignes mis sire me criet les oilz del front [1]).

Ираклій, впрочемъ, не считаетъ возможнымъ тотчасъ-же испытать своего жеребенка: для того онъ еще слишкомъ малъ, надо выдержать его въ продолженіи года; если заставить его бѣжать теперь, онъ сдѣлается никуда не годнымъ впослѣдствіи. Но императоръ настаиваетъ на томъ, чтобы бѣгъ устроился тотчасъ-же — и Ираклій принужденъ осѣдлать своего «косматенькаго» (velus, v. 1643), еще не испытавшаго удила (v. 1518). Испытаніе оказалось блестящимъ, но у жеребенка отъ усилія не по лѣтамъ вытекъ мозгъ изъ костей промежъ мяса и шкуры (v. 1852—53: Vous veres entre quir et car — Qui la moole i est trestoute), и онъ теперь ни на что не годенъ. — Ираклій всецѣло завладѣлъ довѣріемъ императора, который проситъ его проявить еще и третій свой даръ — выборомъ достойной императора невѣсты-сверстницы.

4. По императорскому указу съѣзжаются въ Римъ со всей страны родовитыя дѣвушки. Ираклію предстоитъ сдѣлать изъ

---

[1]) Ed. Koschwitz, 2-e Aufl., vv. 495—504.

нихъ выборъ, но ни одна изъ нихъ не нравится ему, ему ясны ихъ слабости, онъ угадываетъ ихъ сокровенныя помышленія. Онъ уже возвращался домой, недовольный, когда ему повстрѣчалась красивая, бѣдно-одѣтая дѣвушка, дочь сенатора, по имени Аѳинаида; она давно потеряла отца и мать и жила у своей тетки. Её то и рекомендуетъ Ираклій императору, какъ вполнѣ достойную его жену.

2708 Ja n'iert mes femme de son pris
S'ensi se tient, con a empris.

Императоръ обрадованъ, свадьба сыграна и молодая чета живетъ счастливо. Такъ прошло семь лѣтъ. Случилось, что императоръ долженъ былъ выступить противъ непріятелей, осадившихъ его городъ; онъ беретъ съ собой и Ираклія, но предварительно спрашиваетъ его, какъ ему поступить, чтобы уберечь жену. Тотъ говоритъ, что лучшій оберегъ состоитъ — въ отсутствіи его; но императоръ не согласенъ съ этимъ и велитъ держать жену въ башнѣ подъ строгой охраной. — На одномъ большомъ празднествѣ, на которомъ, по обычаю, присутствовала и императрица, она увидѣла прекраснаго Парида и влюбилась въ него: онъ былъ красивѣйшій изъ юношей, игравшихъ передъ императрицей на арфѣ и щеголявшихъ своей ловкостью:

3447 Devant la dame a fait le jour
Maint estampie et maint trestour.

Одѣтъ онъ богато:

3462 D'uns dras de soie bien viestus
Se fut molt bien laciés as las,
Biel a le cors et gens les bras,
Les ious ot vairs, le vis traitis,
Cank'a sour lui, est bien faitis,
Cevieus a blons reciercelés,
Bien fais est molt et bien mollés.

Онъ также влюбился въ императрицу и оба втайнѣ страдаютъ. Старуха Морфея устраиваетъ свиданіе влюбленнымъ, но Ираклій

узнаетъ о томъ, благодаря своего дару прозрѣнія, и сообщаетъ императору. Когда онъ вернулся домой, любовники геройски признаются ему въ своей взаимной страсти — и прощены, по совѣту Ираклія, разъясняющаго мужу, что въ невѣрности жены виноватъ не кто иной, какъ онъ самъ.

Я не счелъ нужнымъ входить въ подробности, передавая послѣдній эпизодъ поэмы, потому что для сравненія съ пѣснями о нашемъ Иванѣ Гостиномъ сынѣ онъ предлагаетъ наименѣе матерьяла. Только въ *одномъ* пересказѣ былины Иванъ указываетъ Владиміру на Апраксію, какъ Ираклій императору на Аѳинаиду; Аѳинаида влюбляется въ Парида, какъ Апраксія напр. въ Чурилу, котораго легко было-бы сравнить съ любовникомъ французской поэмы. Далѣе сходства нѣтъ: романъ Чурилы разыгрывается на сторонѣ, съ Катериной, женой Бермяты, и было бы натяжкой съ нашей стороны предположить, что первоначально онъ могъ быть пріуроченъ именно къ Апраксіи. Иное дѣло — три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи: сличенные съ соотвѣтствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, они представляютъ существенно то-же содержаніе, тамъ и здѣсь сгруппированное вокругъ одного лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ разсказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ былинѣ о скачкѣ Ивана и въ пѣснѣ о его продажѣ матерью — эпизоды одного и того-же дѣйствія. — Съ другой стороны лишь косматенькій жеребенокъ Ираклія выяснилъ намъ настоящее значеніе «бурушки-косматушки» въ пѣсняхъ о нашемъ Иванѣ: здѣсь онъ исконн являлся чудеснымъ жеребенкомъ. тогда какъ при другихъ богатыряхъ (напр. Дюкѣ и др.) «бурушко» могъ обобщиться до значенія простой, безцѣльной клички.

На Византійскій источникъ Готье мнѣ не разъ приходилось

указывать; подтвержденіемъ этого предположенія служитъ обликъ такихъ собственныхъ именъ, какъ Athenaïs, Parides, Morphea; быть можетъ, и Римъ, какъ мѣсто дѣйствія, принадлежитъ лишь французскому перескащику, послѣдовательно увлеченному и къ упоминанію Тибра: оригиналъ могъ говорить о новомъ Римѣ, т. е. о Константинополѣ; таково мѣсто дѣйствія византійской повѣсти о «мудромъ старцѣ». — Разумѣется, греческій пошибъ собственныхъ именъ, самъ по себѣ, легко истолковать и другимъ образомъ, напр. школьно-классическими воспоминаніями трувера. Болѣе вѣса слѣдуетъ дать изображенію общественныхъ и нравственныхъ отношеній: они отзываются не стилемъ феодальной жизни, а памятью греческихъ эротическихъ романовъ и ихъ европейскихъ отраженій, въ родѣ Floire et Blanceflor. Таковы описанія: всемогущества любви — Эрота, праздника въ Римѣ (новомъ Римѣ?), гдѣ обычныя рыцарскія игры замѣнены игрой на арфѣ, пѣніемъ, пляской, бѣгомъ въ запуски, а юноши выставляютъ на показъ свою ловкость и хваткость, напоминая намъ отчасти такія-же положенія въ пѣснѣ о Чурилѣ, только съ меньшимъ противу нихъ шаржемъ и съ болѣе глубокимъ мотивированіемъ. — Принадлежалъ-ли византійскому подлиннику тотъ христіанско-мистическій колоритъ, съ которымъ разсказаны въ поэмѣ рожденіе и юность Ираклія до его появленія при дворѣ — этотъ вопросъ я не пытаюсь разрѣшить, хотя и считаю положительный отвѣтъ довольно вѣроятнымъ.

Я не утверждаю, чтобы источникомъ нашихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ былъ именно подлинникъ Ираклія, и удовлетворяюсь гипотезой, что этотъ источникъ былъ близокъ къ тому подлиннику. Изъ этого прототипа нашихъ былинъ перешли въ нихъ и купцы «вавилоняне», которыхъ сказитель едва-ли нашелъ въ эпическомъ запасѣ своей памяти. Каково было первоначально имя царя — мы не знаемъ; имя Laïs[1]) у Gautier, всегда въ риѳмѣ

---

[1]) Имя Lais встрѣтилось мнѣ еще разъ, рядомъ съ Константиномъ, въ числѣ именъ сыновей Geirarð'a, въ Mágus-saga'ѣ. Сл. Wulff, Notices sur les Sagas de Mágus et de Geirarð etc. Lund, 1874, p. 43.

съ Atanaïs (vv. 2767, 2885, 5057), быть можетъ, типическое; имя Льва, Leo, трудно было исказить такимъ образомъ. Очень можетъ быть, что царь являлся анонимный[1]), — а у русскихъ пѣвцевъ и разскащиковъ былъ готовый эпонимъ для византійскаго императора: Волотоманъ, искаженіе изъ Птолемея. Это имя и могли дать безъименному царю греческаго разсказа или пѣсни, когда она переселилась на русскую почву. Дальнѣйшая ея исторія, исторія послѣдовательныхъ искаженій и отождествленій чужого съ своимъ, представляется мнѣ ясной — если признать прочной мою точку отправленія: Волотоманъ обратился, съ одной стороны, въ Волшана нашей сказки-былины объ Иванѣ Удовкинѣ сынѣ; съ другой, Волотоманъ перешелъ незамѣтно, черезъ извѣстныя намъ посредствующія формы: Волотомиръ, Володимиръ — къ Владимиру, и могъ быть отождествленъ съ Владимиромъ нашего эпоса. Такимъ путемъ византійская сказка проникла въ кругъ южно-русскихъ былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и пріуроченій. Ей пришлось найтись въ новой, болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ либо, полупонятое, необходимо облекалось въ болѣе грубыя формы. Таково неловкое

---

[1]) У Готье Ираклій является въ Римѣ при царѣ Laïs'ѣ и въ концѣ поэмы отождествляется съ императоромъ Иракліемъ, противникомъ Хосроя. Переходъ совершается такимъ образомъ: Хосрой будто бы велѣлъ предательски убить византійскаго царя Фоку (Foucars); византійцы избираютъ ему двухъ наслѣдниковъ, Ираклій прибылъ изъ Рима первымъ и принялъ бразды правленія. — Нѣмецкая поэма объ Eraclius, слѣдовавшая Gautier, переноситъ самого Фоку въ Римъ: для него Ираклій и избираетъ жену; по убіеніи Фоки избранъ императоромъ Ираклій, отправляющійся въ Константинополь, гдѣ, со времени Константина Великаго, подобало пребывать императорамъ. Очень вѣроятно, что нѣмецкій перескащикъ удержалъ мѣсто дѣйствія въ Римѣ, согласно съ Gautier, но что отождествленіе легендарнаго Ираклія съ историческимъ наслѣдникомъ Фоки навело его на мысль перенести Фоку и въ первую часть романа, т. е. въ Римъ. На сколько эти измѣненія могли быть внушены какимъ нибудь другимъ изводомъ сказанія, помимо поэмы Готье, сказать трудно. Слѣдуетъ предположить (напр. для упоминанія вѣщаго Ираклія у Вольфрама v. Eschenbach), что такіе изводы были извѣстны. Сл. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Январь, мои: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника (по поводу изданій г. Сырку), стр. 85—87.

«щапленіе» и лубочное щегольство Чурилы — по сравненію съ византійскими юношами, красующимися передъ Аѳинаидой; тѣмъ-же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собой болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣсняхъ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя приключенія, впечатлѣніе, произведенное имъ на женщинъ: это — на столько-же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого. Мать Ивана продаетъ его не ради богоугоднаго дѣла, а потому, что онъ сталъ пьяницей; выше мы замѣтили, на сколько исказился, по сравненію съ предполагаемымъ оригиналомъ, этотъ эпизодъ, полузатерянный въ русскомъ эпосѣ, съ любовью сохранившемъ изъ всего цикла пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ — лишь былину о его бѣгѣ въ запуски. — Всюду замѣтна утрата внутренняго мотивированія, объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвергнуться византійская сага, примкнувъ къ владимировскому эпосу: она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись по мелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символическое воплотившееся въ лицѣ князя Владимира — и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна-лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ, многія другія пришлыя сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ цѣлаго, не въ случайныхъ матерьялахъ, пошедшихъ на его созданіе.

V.

Богатыри-Сурожцы.

Суровецъ Суздалецъ и Чурила Пленковичъ.

I.

Намъ уже два раза приходилось имѣть дѣло съ русскими былинами, въ которыхъ мы открывали отголоски византійскаго либо ново-греческаго эпоса. Какъ зашли онѣ на Русь? Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня нерѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими-нибудь историческими или географическими условіями, напр. сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія: я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду греческія колоніи крымскаго полуострова и обусловленныя ими культурныя, религіозныя, а за тѣмъ, быть можетъ, и народно-поэтическія связи.

Отзвукомъ послѣднихъ представляется намъ роль Сурожа въ нашемъ былинномъ эпосѣ.

Сурожъ — древняя Сугдая, Сугдея, именемъ которой во время Тцетца обозначался весь Крымъ, нынѣ Судакъ (Суракъ, Сурдакъ), Солдадія, Солдая, Содая средневѣковыхъ Европейцевъ, Шол-

тадія Эдриси — основана была, по греческому Синаксарю XII—XIV вѣковъ, около 212 года. Когда Хазары завладѣли бо̀льшею частью Таврическаго полуострова, они подчинили себѣ и Сурожъ; съ конца VII-го вѣка мы встрѣчаемъ въ немъ архіепископа, зависимаго отъ византійской митрополіи; однимъ изъ наслѣдниковъ его былъ Св. Стефанъ Сурожскій, между чудесами котораго находится загадочная легенда — о пришествіи русскаго князя «бранлива» (Бравлинъ, Бравалинъ, Бравленинъ), полонившаго всю страну отъ Корсуни до Керчи. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Сурожъ, подобно по-Сулью, Корсуню и Тьмутороканскому блъвану, отнесенъ уже къ землямъ незнаемымъ — для Руси: онѣ подчинены были въ то время Половцамъ, противъ хана которыхъ Шарукана былъ направленъ походъ 1111 года. Брунъ предполагаетъ, что его владѣнія находились въ Крыму и что подъ Сугровомъ, сожженномъ Русскими, слѣдуетъ разумѣть — Сурожъ. Это объяснило бы почему готскія дѣвы воспѣваютъ месть Шароканю — на берегу синяго моря, а вѣсть о походѣ 1111 года могла разнестись отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи — до самаго Рима.

Въ 1223 и 1239-хъ годахъ Сурожъ дважды подпадалъ подъ власть Татаръ, а съ 1253-го сдѣлался ихъ данникомъ. Его древнее коммерческое значеніе съ этимъ не прекратилось: онъ остался, по прежнему, однимъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для заморской торговли, византійскіе и итальянскіе купцы продолжаютъ посѣщать его, а Венеціанцы и Генуэзцы спорятъ изъ за обладанія имъ. Арабское названіе Чернаго моря — Сурожскимъ свидѣтельствуетъ о важности для древней Руси торговыхъ сношеній съ Сурожемъ: до позднягo времени было у насъ въ ходу обозначеніе: «гость сурожанинъ» въ значеніи купца, преимущественно шелковыми товарами, какъ и теперь еще мы говоримъ о «суровскихъ товарахъ», «суровскомъ ряду». «Суровецъ» нашихъ былинъ не что иное, какъ дублетъ съ Сурожанину; Суровецъ-Суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе

извѣстномъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Сурожъ: Суздалецъ вмѣсто Судалецъ, Сугдалецъ; въ одной пѣснѣ онъ — «богатаго гостя *заморенинъ* сынъ» (Сл. Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне*, *вавилоняне*), что едва-ли идетъ къ Суздалю, но, быть можетъ, не относится непосредственно и къ Сурожу: названіе «гостей-сурожанъ» имѣло и болѣе общее значеніе, его переносили, между прочимъ, на Генуэзцевъ, упрочившихся въ Крыму съ половины XIII-го вѣка, именно въ Кафѣ [1]).

Чтобы проникнуть въ богатырскій эпосъ «гость-суроженинъ» долженъ былъ и самъ стать богатыремъ; это лежало, впрочемъ за требованіями народной идеализаціи, въ дѣйствительныхъ условіяхъ средневѣковой торговли: надо было умѣть отбиваться отъ кочевниковъ, какъ на Западѣ отъ хищниковъ-рыцарей, чтобы провезти черезъ степи и долы къ немногимъ культурнымъ, укрѣпленнымъ центрамъ, заморскій товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и заморскія пѣсни и чудные разсказы о видѣнномъ — въ тридéсятомъ государствѣ. — Такимъ богатыремъ является охотничекъ «Суровецъ-Суздалецъ» въ сохранившихся о немъ пѣсняхъ: Кир. III, стр. 107—110 = № 1; ibid. стр. 110—112 = № 2; Кир. IV, Прилож. стр. XXVII—XXIX = № 3; Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы (Пѣсни, собранныя Мордовцевымъ и Костомаровымъ), стр. 12—14 = № 1

Въ старые вѣки, прежніе,
Не въ нынѣшнія времена, послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь, онъ Суроженинъ,
По роду гóрода Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго,
Охочь онъ ѣздить за охотою,
За гусями, за лебедями,

---

[1]) Сл. Bruun, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, Mém. de l'Académie impér. des sciences de St. Petersbourg, VII série, t. X, № 9, 1866; его-же: Черноморье, ч. II, стр. 121 слѣд. и Указатель, а. v. Сугдея, Судакъ, Сурожъ, Солдая. Наши сообщенія о Сурожѣ заимствованы, главнымъ образомъ, изъ послѣдняго труда.

За сѣрыми за утицами.
Ѣздитъ день до вечера,
А покушать молодцу нечего (№ 2).

Иначе зачинаютъ № 1 и 3: «Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ» (№ 1), «Суровецъ богатырь сынъ Ивановичъ» (№ 3) — ѣздитъ въ полѣ «ровно три» (№ 1), либо тридцать три года (№ 3) — и ничего въ полѣ не наѣзживалъ. И вотъ онъ наѣзжаетъ теперь на сырой, «колповистый» (№ 1), «не простой, корокольчестой» (№ 2) дубъ; на немъ воронъ.

9 Онъ завидѣлъ въ полѣ сырой дубъ,
Единъ сыръ дубище и кри́вистый,
Онъ кривистый дубъ, жароватый,
У дуба кореньице булатное,
А сучья-вѣтви позлаченые;
На дубу-то сидитъ птица вѣщая,
Птица вѣщая, перелетная,
Птица младъ черенъ воронъ,
Перо его какъ смола кипитъ,
А очи его какъ свѣчи горятъ воску ярова,
А ноги его какъ лучи свѣтятъ,
Какъ лучи свѣтятъ, лучи солнечные,
Лу́чи солнечные и подвосточные. (№ 3)

Такъ ѣздитъ за охотой и Михайло Казарянинъ (Кирша XXI) и съ такой-же неудачей, пока не

Наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ,
На дубу сидитъ тутъ черной воронъ,
Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ правильно перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ — что огонь горятъ.

Это напоминаетъ загадочное, вычурное изображеніе вѣщаго ворона въ поэмѣ объ Освальдѣ и еще болѣе чудеснаго ворона въ мусульманской легендѣ о рожденіи Salih'a: у него туловище черное, голова бѣлая, спина отливаетъ изумрудомъ, ноги пурпуромъ, клювъ блеститъ, какъ солнечное небо, глаза — что два драгоцѣнныхъ камня; темный покой освѣщается ими, точно

взошло солнце[1]). Сл. образъ сокола въ Völsungasaga'ѣ 139, 18, по сравненію съ Nibelungenlied: þat dreymdi mik, at ek sá einn fagran hauk mér á hendi; fjaðrar hans váru með gulligum lit = Nib. L. 13: troumte Kriemhilde—wie sie züge einen valken starc, schoen und wilde[2]). — Ирина видитъ во снѣ золотокрылаго орла (ᾀτὸς χρυσοπτερᾶτος), гонявшагося за голубкой — это ея мужъ[3]). Сл. въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ такой-же образъ разукрашеннаго сокола[4]).

Богатырь готовится стрѣлять въ ворона, но тотъ останавливаетъ его своимъ вѣщаніемъ: — эпизодъ, довольно распространенный въ нашихъ былинахъ; сл. Гильф. № 49 и 168 (Добрыня); Кир. II № 1, стр. 80—1 (Алёша); IV, стр. 94—95 (Михайло Казарянинъ); Рыбн. I № 47 (Дюкъ), II № 30 (Дюкъ) и др. Воронъ вѣщаетъ: къ чему тебѣ стрѣлять въ меня? Не будетъ тебѣ отъ того никакой корысти; лучше

32 Поѣзжай ты далече во чисто поле,
А еще того подалѣ ко синю морю,

---

1) Weil, Bibl. Legenden der Muselmänner, p. 51.

2) Сл. Edzardi, въ Germania, XXIII, p. 98.

3) Lambros, l. c. p. 142, v. 723 слѣд.

4) Качановскій, Памятники, № 85:

Соколъ піе по Вардара вода:
Нодзе му у сребро укованы,
Криле му у злато позлáтены,
На глáва му бѣлъ трендафиль цавти,
На гръло му дробенъ бисеръ трепти́.

На вопросъ дѣвушки, кто его такъ разукрасилъ, онъ отвѣчаетъ, что зять-златарь и сестра. Иначе у Караджича, Српске нар. п. из Херц. № 151:

Соко сједи на Солуну граду,
Жуте му су ноге до кољено
А златена крила до рамена,
А крвава до очију кљуна.

Солунскимъ дѣвушкамъ онъ говоритъ, что сдѣлали то три дочери его хозяина. Сл. у Kürenberg'а:

Ich zôch mir einen valken mêre danne ein jâr,
Dô ich in gezamete, als ich in wolte hân,
Und ich im sîn gevidere mit golde wol bewant,
Er huop sich ûf vil hôhe und vloug in anderiu lant.

Ко широкому, ко чистому раздольицу;
Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
Кумбалъ царь Самородовичъ,
Со многими Татарами со уланами,
Хочетъ онъ тебя погу́бити,
Погубити и сорубити (№ 1).

Въ № 2 татарскій царь названъ Курбаномъ, въ № 3 Курганомъ — и рѣчь ворона нѣсколько иная:

Поѣзжай ты въ дальне-чисто поле
Ко тому же князю ко Кургану,
Гдѣ *Курганъ* князь перевозится,
Перевозится онъ и переносится
Черезъ матушку черезъ Неву (вм. Нѣпру?) рѣку;
Его злые Татары все богатыри:
Пріищи себѣ поединщиковъ.

Эти подробности напоминаютъ намъ былину о Саулѣ Леванидовичѣ въ редакціи Кирши: Константинъ доѣхалъ до рѣки *Смородины* (сл. въ нашемъ № 1: Кумбалъ царь *Самородовичъ*),

А втапоры Кунгуръ царь перевозится
Со тѣми ли Татары *погаными*.

Погаными — или смердящими: не оттуда-ли эпитетъ *Смородовичъ* (Самородовичъ, Смарадоновичъ, сл. выше, стр. 31), *Smardo-duxzi* или *Spuzentè* (puzzolente), какъ названъ Сарацинъ въ дубровницкой легендѣ о Роландѣ? [1]).

Богатырь Суровецъ послушался совѣта ворона: наѣзжаетъ на Татаръ и принимается ихъ бить; перескочилъ черезъ первый и второй ровъ, а въ третій обрушился; но тутъ разыгралося его молодецкое сердце: схватилъ онъ Татарина и началъ имъ помахивать, гдѣ пройдетъ — тамъ улица, куда ни повернется — переулочекъ. Добрался онъ и до царя Кумбалъ или Курбана, который проситъ отпустить его, сулитъ ему золотую казну,

[1]) Сл. мою замѣтку: Die Rolandsage in Ragusa, въ Архивѣ Ягича, V, p. 468—9. Съ татарскимъ царемъ *Кумбаломъ* нашего № 1 сл. литовскаго царя *Цимбала, Чимбала* у Рыбн. I, №№ 74, 75, *Чембала, Чолпана* Гильф. №№ 61, 42 (Наѣздъ Литовцевъ).

табуны заповѣдные, хочетъ быть ему братомъ названымъ, либо ссылается на то, «что въ книгѣ написано» — не казнить царей и князей.

Таково заключеніе былины въ №№ 1 и 2, снова относящее насъ къ пѣснѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, у Кирши, гдѣ Константинъ счастливо минуетъ татарскіе рвы и «вымыслы», но разбиваетъ «въ крохи» ихъ царя Кунгура. — Иначе, нѣсколько ex abrupto, кончается былина о Суровцѣ въ № 3:

.... прибѣжалъ онъ ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлой шатеръ.
Они пили-ѣли, веселилися,
И попробавъ силы, разлучилися.

Общая основа этихъ пѣсенъ сводится къ тому, что молодой богатырь, выѣхавшій на полеванье, встрѣчается съ татарскою ратью и побиваетъ её. Если Татары принадлежатъ подлиннику, а не замѣнили какого-нибудь иного, болѣе древняго врага, и наше толкованіе: Суровецъ = Сурожанинъ въ географическомъ значеніи этого слова было-бы признано вѣрнымъ, то легко указать и на историческую подкладку нашихъ былинъ — въ враждебныхъ отношеніяхъ Татаръ именно къ Сурожу въ первой половинѣ XIII вѣка (1223, 1239, 1253 гг.). Народная пѣсня, по обычаю, извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы: Суровецъ побѣждаетъ татарскаго царя, какъ и въ нашихъ былинахъ Татары всегда бываютъ разбиты и посрамлены.

Обычное толкованіе былинъ о Суровцѣ-Суздальцѣ обобщаетъ значеніе перваго наименованія — въ смыслѣ гостя, а второму даетъ географическое значеніе въ связи съ сѣвернымъ Суздалемъ. Я ничего-бы не имѣлъ противъ такого толкованія, если-бы не слѣдующія соображенія: пѣсни о Суровцѣ-Суздальцѣ, какъ и былины о Саулѣ Леванидовичѣ, принадлежатъ къ небольшому числу обособленныхъ, не примкнувшихъ къ владимировскому циклу, охватившему все древнее содержаніе нашего эпоса. Такая обособленность мыслима либо для пѣсенъ новѣйшаго происхож-

денія, которое трудно будетъ доказать именно для нашихъ былинъ, либо для пѣсенъ древнихъ, случайно оставшихся неприуроченными къ Кіевскому центру. Что касается до такъ называемаго Суздальскаго періода нашего эпоса, то онъ весь коренится въ кіевскомъ, и мы ожидали-бы встрѣтить богатыря Суздальца — въ окруженіи Владимира.

Загадочными для меня являются братья Суздальцы въ одной старинѣ про Илью Муромца [1]): Илья убиваетъ Мамая, богатыри бросаются на Татаръ, оставивъ въ «лагеряхъ» лишь двухъ братьевъ, двухъ Суздальцевъ, чтобы было кому встрѣтить богатырей «съ пріѣзду».

Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
И поѣхали въ ту рать силу великую,
. . . .
И сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
И всѣ бы мы побили её по полю».

Эта извѣстная по другимъ былинамъ кощунственная похвальба, въ которой Суздальцы и винятся передъ Ильею, влечетъ за собою, не удвоеніе, а оживаніе павшихъ Татаръ, съ которыми не въ силахъ справиться русскіе витязи: они ѣдутъ въ Кіевъ, въ монастыри и пещеры, гдѣ и «представилися».

Слѣдующіе далѣе отрывки и упоминанія былинъ говорятъ намъ о пріѣзжихъ Суздальцахъ — на первый разъ даже не въ Кіевъ и не къ Владимиру, а въ какой-то городъ Покидошъ и къ князю Михаилу Ефимонтьевичу. Тождественъ-ли этотъ Покидошъ съ городомъ Кидишемъ или Кидашемъ одной былины о Муромцѣ (Кир. I № I, стр. 79, vv. 92—3, стр. 82, v. 200—1), съ Большимъ или Малымъ Китижемъ нижегородскаго преданія (Кир. IV, Прилож. стр. CXVIII слѣд.) — я не знаю; поводомъ къ отождествленію могла послужить лишь увѣренность, что Суровецъ-

[1]) Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-ая, стр. 32 слѣд.

Суздалецъ слѣдующей былины, дѣйствительно, изъ Суздаля, и что Покидоша слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь по близости.

Былина, о которой идетъ рѣчь, очевидно безъ конца, а въ началѣ представляетъ два неидущихъ къ дѣлу запѣва. Первый изъ нихъ (Высока ли высота — поднебесная .... Черны грязи — Смоленскія, А и быстрыя рѣки — Понизовскія) принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ былиннаго стиля[1]); второй слѣдуетъ безъ всякой связи съ предъидущимъ:

При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ — родильницы,
Черницы по дорогамъ — разбойницы,
Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ,
Братъ на брата съ боемъ идетъ,
Братъ сестру за себя емлетъ.

Это указываетъ на мотивы Іерусалимскаго стиха и, болѣе того, на эсхатологическія пророчества Андрея Юродиваго. Если запѣвъ здѣсь не случайный, то переходъ къ былинѣ могъ быть мотивированъ такъ: пришли послѣднія времена, характеризуемыя упадкомъ нравственности — общей безурядицей — и божьей карой, нашествіемъ враговъ, напр. Татаръ. Суровецъ-Суздалецъ явился-бы какъ разъ во-время, на помощь Михаилу Ефимонтьевичу. Но это было-бы слишкомъ гипотетическое возстановленіе, не поддерживаемое сохранившимся отрывкомъ былины, разсказывающимъ лишь — о пріѣздѣ богатыря:

Изъ далеча, чиста поля,
Выскакалъ тутъ, выбѣгалъ
Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
Богатаго гостя Замореннинъ сынъ.
Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Себѣ сильна-могуча богатыря,

[1]) Сл. выше, стр. 45, прим. 2.

Побиться, подраться, порататься,
Силы богатырски поотвѣдати,
А могучи плечи пріоправити.
Онъ бѣгалъ-скакалъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ,
Не нашелъ онъ въ полѣ сопротивника,
И поѣхалъ ко городу Покидошу.
Во славномъ городѣ Покидошѣ,
У князя Михайлы Ефимонтьевича,
У него князя почестной пиръ.
А и тутъ молодцу пригодилося,
Приходилъ на княженецкой дворъ,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Великому князю поклоняется.
А князь Михайло Ефимонтьевичъ
Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Подаетъ ему, доброму молодцу,
А и самъ говорилъ таково слово:
«Какъ, молодецъ, именемъ зовутъ,
Какъ величать по изотчеству?»
Сталъ, молодецъ, онъ разсказывати:
«Князь-де, Михайло Ефимонтьевичъ!
А меня зовутъ, добра молодца,
Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
Богатаго гостя Заморенинъ сынъ».
А и тутъ князю то слово полюбилося:
Посадилъ его за столы убраные,
Въ ту скамью богатырскую,
Хлѣба съ солью кушати,
И довольно пити, прохлаждатися.

(Кир. III, Прилож. стр. VIII—X = Кирша Дан. № LIV).

Суровецъ — Заморянинъ, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ наши былины говорятъ о заморскихъ товарахъ, камочкѣ и т. д. Добрыня называетъ себя скоморохомъ Данилой Заморнинымъ (Кир. II, № 7, стр. 16, v. 69), т. е. пріѣзжимъ изъ за моря: Суровецъ торгуетъ за моремъ, онъ одинъ изъ тѣхъ сурожскихъ

гостей-богатырей, которые являются при дворѣ Покидошскаго князя, заходятъ и въ Кіевъ, гдѣ у нихъ особая слобода:

Что во нашемъ во городѣ во Кіевѣ,
Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскія,
У насъ нѣтъ молодцевъ, удалыхъ Суздальцевъ,

говоритъ Иванъ Годиновичъ Владиміру (Кир. III, № I, стр. 10, vv. 38—40). Такимъ заѣзжимъ богатыремъ выступаетъ въ окруженіи Кіевскаго князя и Чурила Пленковичъ, сынъ богатаго гостя изъ Сурожа, но уже не греческаго, а итальянскаго: Пленковичъ не что иное, какъ народная перегласовка изъ Франковичъ, т. е. сынъ Франка = Пленка.

Эта перегласовка требуетъ объясненія.

Греч. φ нерѣдко переходитъ въ слав. и русск. *п*: сл. *Осипъ* (Joseph), *параонъ* (Фараонъ), *первarь* (februarius, гдѣ, впрочемъ, слѣдуетъ признать и участіе народной этимологіи), *пѣникъ* (φοῖνιξ), *дапиново* хвωик = дафиново вѣт'выи, δάφνινος, Алекс.[1]); *типанъ* фариже, *типане париже*, тифане фарижи, Алекс., φαρίον = фарижь, новогр. φαρί (Pfarit, parafrit); о типанѣ, тифане см. замѣтку проф. Ягича (ibid. стр. 214): «ja držim da je to takodjer grčka rieč, stojeći u svezi s glagolom τυφέω, možda τυφῶν — a da znači: biesan, pomaman». Укажу съ своей стороны на необъясненное до сихъ поръ слово: типа, у Іоанна Экзарха Болгарскаго: иматъ (сердце) родомъ жестокоу плоть, типами многообразными солежа сѧ (Miklosich, Lexicon, a. v. типа: sensus dubius); сл. τῦφος — Dünkel, Hoffart, Einbildung, Verblendung и т. д. — *фаносъ*, *паносъ*: вь мѣсто фаноса, место панωса = ἀντὶ φανοῦ Алекс. — *С пиникием*, var. *съ финеемь* Алекс.; плашѣ *пиничаски*, var. *финичьскый* Алекс.; Миди и *Пиницu*; много нему меда и *пиника* донесоше; *Пиником* var. *Финикомь*; *Пинику*; *Пиници* var. *Финици*; у *пиничком* крзни Алекс. Сл. тамже: de Thetide: Тетиде var. Федиде, Петиде.

---

[1]) Алекс. = хорватская Александрія, изданная проф. Ягичемъ: Život Aleksandra Velikoga, Starine, III 203 слѣд.

Слав. русск. *пр* изъ греч. φρ: phrygius: *фрідіскимь* странамь, *придиньскиемь* странамь; к *придиискои* земли, *придииску* землю Алекс.; *придежьскыѫ* отокы, *прижиискыхъ* кръвіи, *прижискыѫ* кръви; *Прижіа* = Phrygia; *Пришедъ*, *Прuидешъ* = Phrygius, Trj. pr.[1]). — Я разберу въ этой связи еще нѣсколько мѣстъ славянской Александріи. Въ Псевдокаллисѳенѣ С (ed. Müller, стр. 29—30) говорится объ Александрѣ Великомъ: «Ἀπάρας οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὥρμησε κατὰ δυσμῶν· καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀνθιστάμενος. Καὶ προϋπαντῶσιν αὐτῷ πᾶσαι αἱ βασιλεῖαι δυσμῶν. Καὶ δώροις ἐκμειλίσσονται αὐτὸν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτὸν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ὁρίοις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνθυποστρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων κύριον τὸν Λαομέδοντα». Въ сербской Александріи Кирилло-бѣлозерскаго списка $^{11}/_{1088}$, XV-го вѣка, л. 59 лиц. об. (= Ягичъ l. c., стр. 246) Александръ ставитъ Лаомедонта царемъ въ Римѣ; иначе въ концѣ романа: изъ Александрова наслѣдія Лаомедонту достается нѣмецкая и — *франкская* земля, ибо эпитетъ «фарижскій» едва-ли можетъ имѣть, въ указанной связи, иное значеніе, кромѣ «франкскаго»: «а Ламедаоушоу да *нѣмецкоую землю и фарижеское цр̃тво*» (Кир. бѣл. сп. л. 168 об.). — Рудницкій текстъ Александріи, изданный Ягичемъ, удержалъ, въ этомъ эпизодѣ (стр. 312), имя Лаомедонта, но отдаетъ ему «енглитерско господство», Пинику «*нимшку землю и пажадско господство*», вмѣсто котораго одна рукопись (с) ставитъ «*франическо господство*», другая (f) — «парижьское господьство» (сл. Новаковичъ, Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности, стр. 126 прим.), т. е., очевидно, франкское. *Пажадско* господство напоминаетъ мнѣ загадочное географическое опредѣленіе Троянской притчи: (Полинещеръ краль) «кои кралюваше по всеи *Пагажи*», и такое-же въ Александріи: «дарова му фарижа.... оседлана у *праначкои френи*», var. оу *франъчьскои* фране, in francico fraeno (Ягичъ, l. c., стр. 311; Новаковичъ, l. c., стр. 124).

Предложенныя сопоставленія даютъ намъ право допустить уравненіе: *франкъ*, *френкъ* (ФРАГЪ) = *пранкъ*, *пренкъ* — и далѣе,

---

[1]) Troj. pr. = Trojanska priča, ed. Miklošić, Starine III, стр. 147 слѣд.

съ извѣстнымъ переходомъ *р* въ *л* (и наоборотъ: Оурикшешь = Ulyxes, Troj. pr.) — *пленкъ*: отецъ Чурилы зовется Пленкъ и Пленко, онъ самъ — Пленковичъ, *Пеленковичъ, что предполагаетъ форму *пеленкъ*, отвѣчающую одному изъ наименованій, которымъ татары обозначали осѣдлыхъ въ Крыму Генуэзцевъ: Frenk, Ferenk, *Felenk* = т. е. Франкъ. Это устраняетъ безсоновское объясненіе: Плена = Плѣномъ, полономъ, а самого Чурилы — богомъ чуромъ, фаллосомъ и т. п.[1]): Чурило не что иное, какъ народная форма Кирилла, греч. Κύριλλος, црквнсл. Коурилъ, Курилъ, Кюрилъ (сл. Рыбн. III № 26: Чирилушка и Кирилушка Попленковичъ); Чурилья игуменья одной шутливой пѣсни = Кирилья[2]). Для перехода звуковъ сл. сербск. ћирил, ћурилица = alphabetum cyrillicum, црквнсл. коуриловица; сербск. комин, чемин, чимин = κύμινον, црквнсл. кюминъ, куминъ; τσ изъ κ въ новогреческихъ говорахъ: τσερί = κηρίον, τσῦμα = κῦμα, τσαίω = καίω, τσιουρὰ = κυρία и др.[3]). Можетъ быть, часть значеній, съ которыми встрѣчается русск. чуръ (чурать, чуровать, чураться и т. д.; «чуръ чуровъ и чурочковъ моихъ»; «чурочками клянусь, что не буду»), восходитъ къ греч. κύριος, средне-и новогреч. κύρ, црквнсл. куръ, курь, кюръ, киръ[4]).

Такимъ образомъ Чурило Пленковичъ, т. е. Кирило, сынъ Франка, является однимъ изъ тѣхъ-грекороманскихъ гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ, болѣе грубыхъ сосѣдей, блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки, либо выступаютъ и богатырями, какъ Суровецъ-Суздалецъ нашихъ былинъ или *Франки* старыхъ румынскихъ пѣсенъ, отождествляемыхъ г. Теодореску съ генуэзскими колонистами

[1]) Кир. IV, Прилож. стр. LVIII слѣд.

[2]) Другія толкованія словъ: чурила, чурилка, чурилья относятся къ области шутливой народной этимологіи (курить, чурка, щуриться). Сл. Опытъ областнаго великорусскаго словаря; Дополн. къ Оп. област. великорусск. слов.; словари Даля и Носовича.

[3]) Сл. Разысканія VI, стр. 289 прим. 1.

[4]) Коуръ въ извѣстномъ мѣстѣ Слово о Полку Игоревѣ («до коуръ Тмоутороканя») — не греческое-ли κύρ? Сл. Буслаевъ, Христом. 612.

Крыма и Молдавіи. Въ одной румынской колядкѣ молодецъ готовится продать своего коня, чтобы на вырученныя за него деньги сыграть свою свадьбу, а конь не знаетъ, откуда на него такая напасть; ни въ чемъ онъ не повиненъ передъ своимъ хозяиномъ — развѣ въ одномъ:

De cândŭ ne bâteamŭ
Intr' alŭ Mării prundŭ
Cu Turciĭ,
Cu Francii,
Frâncii ne'nfrângeaŭ,
Turciĭ ne băteaŭ,
'N mare ne băgaŭ,
Mulțĭ că se'necaŭ, —
Eŭ amŭ înotatŭ,
Marea'n lungŭ și'n latŭ.
D'asta'sŭ vinovatŭ,
Că m'amŭ pedicatŭ
D'uă pénă
De mrénă,
Și că țĭ-amŭ udatŭ
Pólă de caftanŭ,
Colțŭ de posunarŭ;
Dérŭ m'amŭ bisuitŭ,
La malŭ d'amŭ eșitŭ:
Din nărĭ c'amŭ suflatŭ,
Tóte le-amŭ svêntatŭ,
Nimicŭ n'amŭ stricatŭ.

Малорусская колядка, почти тождественная съ приведенной румынской и записанная въ нѣсколькихъ пересказахъ, говоритъ, лишь о Туркахъ, либо о Туркахъ и *Татарахъ*[1]), замѣнившихъ,

[1]) Чубинскій, Труды этнограф. статист. эксп. въ зап. русск. край, снаряж. Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. III (Народный дневникъ), Колядки № 19 и 39. Сл. мои Разысканія VI, стр. 278 слѣд. Къ приведеннымъ тамъ колядкамъ слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія:

Мôлôдый (имя) пô тôргу хŏдить,
Коника вŏдить, зъ коникомъ гôвŏрить:

стало быть, *Франковъ* румынскаго текста, какъ и въ нашихъ былинахъ они нерѣдко заслоняли собою другихъ, болѣе древнихъ враговъ, напр. Сарацинъ и т. п. — Въ саду, въ винограду, подъ калиною, молодецъ ведетъ бесѣду съ своимъ конемъ, хочетъ продать его за сто червонцевъ, за бочку вина, за бочку пива; а конь напоминаетъ ему о своихъ прежнихъ заслугахъ:

Якъ насъ Турки за Дунай загнали,
Більшъ потопали, якъ виринали;
А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ,
Ни чоботка, ни стременочка,
Ни стременочка, ни сіделочка (№ 39 А);
Ні поли жупана, ни чоботка сапъяна (№ 39 В).

Въ другой румынской колядкѣ о героѣ поется, что онъ бьется подъ Браилой съ Турками — и Франками:

О коню мой, коню! Прôдамъ я ҭѣбе
За сто чѐрвонцовъ, за трубку сукна, за румку вина!
— Мôлôдый (имя)! Нї прôдай мѐне,
Буду я табѣ ў вѐликой пригоди.
О, якъ будѐшь ты дӑ жанитися,
Пѐрѐвѐзу ҭѣбе черезъ сине море,
Штобъ нѐ замôчивъ полы кафтана,
Сапôги сафьяны.

(Опытъ описанія Могилевской губерніи, подъ ред. Дембовецкаго. Могилевъ, 1882, стр. 525, № 9):

Мав Їваненько вороного коня
Примав єго в рубляні стайні,
Давав му їсти яру пшеницю,
Давав му пити зелене вино.
Впвів він єго на нове місто:
Ой коню, коню, продам я тебе!
Ой пане, пане, чи не жаль ти буде?
Погадай собі, чи не жаль тобі? —
Скоро го продав, жалібно заиржавъ:
Я в тебе стояв по боки в гною,
Я в тебе їв житну солому,
Я в тебе пив холодну воду (колядка со Смотрича, неизд.).

Şi se bate cu Turcii,
Cu Turcii,
Şi cu Frâncii [1]).

Teodorescu приводитъ эти этническія имена въ связь со взятіемъ Константинополя въ 1453 году и съ разгромомъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму Турками. Ничто въ пѣсняхъ не указываетъ на память объ этихъ именно отношеніяхъ, и точная хронологія здѣсь такъ-же невозможна, какъ и относительно Чурилы нашихъ былинъ. Давность послѣдняго засвидѣтельствована отчасти — рѣшительнымъ забытіемъ этническаго значенія Пленка и Пленковича, которые всюду понимаются какъ собственное имя и прозвище по отчеству.

II.

Пѣсенъ о Чурилѣ у меня было подъ рукою 22 пересказа, не считая пяти болѣе или менѣе попорченныхъ и упоминаній Чурилы въ другихъ былинахъ, особливо въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ. Нигдѣ его пѣсенная біографія не является въ цѣльномъ видѣ, т. е. въ совокупности всѣхъ ея эпизодовъ: совокупности, выходящей изъ взаимнаго сличенія пѣсенъ о немъ и на столько естественной, что въ ней нельзя заподозрить результатъ позднѣйшаго свода. Послѣдовательность является такая: a) Владиміръ въ гостяхъ у Чурилы; b) Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владиміра; c) эпизодъ съ Апраксіей на пиру; d) впечатлѣніе Чурилиной красоты; e) Чурила и Катерина. Рыбн. I № 45 ограничивается четырьмя эпизодами (abde); Рыбн. III № 24 и Гильф. № 223 не знаютъ послѣдняго (abcd); Кир. IV, № 1,

---

[1]) Teodorescu, Noţiuni despre colindele Romăne, Bucurescĭ, 1879 г., стр. 77—78, 80—94.— Въ одной румынской балладѣ у Alecsandri (Poesiĭ populare ale Romanilor, 1867, № XXXII, стр. 24 слѣд.) паша, являющійся съ толпой Босняковъ и Браильцевъ (Braĭlenĭ din Brăila), названъ «палачемъ Франковъ», măcelarul Frâncilor.

стр. 78—86 (=Кирша Даниловъ) довольствуется тремя: аb—е; Кир. IV, № 2, стр. 86—7, двумя (cd); Гильф. № 229 и 251 первымъ (а), и, наконецъ, цѣлый рядъ пѣсенъ знаетъ только о любви Чурилы къ Катеринѣ (=е). Сл. Кир. IV, № 3, стр. 87—90; Рыбн. I, № 46; II, № 23, 24; III, № 26; Гильф. № 8, 27, 35, 67, 189, 224, 242, 268, 309. — Присоединимъ къ этому еще небольшой отрывокъ былины у Рыбн. I въ прим. къ № 45, стр. 265—6 (abc).

При слѣдующей передачѣ мы держимся установленнаго нами распорядка содержанія.

а) *Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы.*

Владимиръ пировалъ въ Кіевѣ и столъ былъ во полу-столѣ, когда явилось триста молодцовъ,

14 Всѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
Свѣтъ, государь, ты Владимиръ князь!
Ѣздили мы по полю по чистому,
Сверхъ тоя рѣки Череги,
На твоемъ государевомъ займищѣ,
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскучаго,
Не видали птицы перелетныя;
Только наѣхали во чистомъ полѣ:
Есть молодцовъ за три ста,
[Есть молодцовъ] и за пять сотъ:
Жеребцы подъ ними Латинскіе,
Кафтанцы на нихъ камчатные,
Однорядочки-то — голубъ скурлатъ,
А и колпачки — золоты плаши;
Они соболи, куницы повыловили,
И печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрѣлили,
И насъ избили-изранили;
А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,

А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися.

Не слушаетъ ихъ Владимиръ, «пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается», а между тѣмъ новая толпа вошла во дворъ: то «охотники рыболовые», также жалуются, что незнаемые люди всю рыбу у нихъ повыловили, а ихъ самихъ избили-изранили. Кто эти люди — князь узнаетъ отъ сокольниковъ и кречетниковъ, явившихся съ такимъ же къ нему челобитьемъ: они «называются дружиною Чуриловою».

92 Тутъ Владимиръ князь
За то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таковъ?»
Выступался туто старой
Бермята Васильевичъ:
«Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей [1]),
Матица-то валженая,
Полъ-середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены;
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные».

---

[1]) Сл. Гильф. № 251:
Потолоки были соболиные;
Гильф. № 223:
Да потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей.

Владиміръ съ княгинею, боярами и Бермятой ѣдутъ провѣдать Чурилу: встрѣчаетъ ихъ старый Пленъ (или: Пленка) Сароженинъ, князю и княгинѣ отворилъ ворота вальящатые, князямъ да боярамъ хрустальные, простымъ людямъ оловянные. Начинается пированье,

143 Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
«По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,
Князя, меня, въ домѣ не случилося,
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
Или какой грозенъ посолъ.»
Старый Пленка Сароженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
«Изволь ты, осударь,
Владиміръ князь со княгинею,
И со всѣми своими князи и бояры кушати:
Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
И не грозенъ посолъ,
Ѣдетъ, де, дружина хорабрая сына моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, осударь,
Будетъ предъ тобою-жь,
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Будетъ столъ во полу-столѣ.»
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ;
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается:
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть [молодцовъ] и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Впереди бѣжитъ скороходъ, заглянулъ на дворъ, видитъ, что

дружинѣ не проѣхать, и вотъ они въѣзжаютъ окольнымъ дворомъ, а Чурила догадался: беретъ золоты ключи, идетъ въ подвалы глубокіе, выноситъ князю и княгинѣ дорогіе подарки.

193 Втапоры Владимиръ князь, стольной Кіевской,
Больно со княгинею возрадовался,
Говорилъ ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
[Въ Кіевѣ жить], князю служить».

(Кир. IV, № 1, стр. 78 слѣд. = Кирша).

Былины, сохранившіе этотъ эпизодъ, передаютъ его въ существенно тѣхъ-же чертахъ, съ нѣкоторыми отличіями и новыми подробностями, которыя мы отмѣчаемъ.

Вездѣ то-же начало: три толпы являются одна за другою къ Владимиру съ челобитьемъ на Чурилиныхъ людей: — это охотники, рыбаки и сокольники-кречетники. У Рыбн. I, № 45 отличіе стушевано и три раза повторяется одна и та-же жалоба, что Чурила

Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
Кунную рыбу повыдавалъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223, Гильф. №№ 229 и 251 первыя двѣ жалобы касаются охотничьяго дѣла, третью ведутъ купцы торговые и мужики посадскіе, на Чурилиныхъ людей, что они

Ѣздя по городу уродствуютъ,
Лукъ и чеснокъ повыщипали,
Бѣлую капусту повыломали,
Красныхъ-то дѣвокъ ко сорому-де привели,
Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. (Гильф. № 229).

Владимиръ не знаетъ, гдѣ живетъ Чурила, у Гильф. № 251 онъ повторяетъ послѣ каждаго челобитья:

Не знаю я Чуриловой вотчины,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. 223 и Гильф. № 229 его научаютъ князья и бояре, у Гильф. № 251 «удалой добрый молодецъ — по имени *Иванъ*, да Ивановичъ», заступившій здѣсь *Бермяту* пересказа Кирши. *Бермята-Пермилъ* — мужъ Катерины, за которой приволокнулся Чурила; интересно, что въ пѣсняхъ о сватовствѣ Владимира на невѣсту указываютъ ему — *Иванъ* Гостиный сынъ, либо *Пермилъ* или *Перминъ*[1]). — Иванъ говоритъ:

Знаю я Чурилову вотчину,
Знаю я Чурилову поселицу,
Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ:
У Чурила дворъ на Сароги на рѣки,
Супротивъ креста Леванидова,
У Святыхъ мощей у Борисовыхъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 онъ не въ Кіевѣ, и не за Кіевомъ, а «на Почай на рѣкѣ — у чудна креста Дминдалидова» (Гильф. Мендалидова; вар. къ Рыбн. I, № 45, стр. 266: Леванидова) — у святыхъ мощей у Борисовыхъ». Почай рѣка вторглась сюда изъ былинныхъ воспоминаній: слѣдуетъ, быть можетъ и здѣсь читать Сорогу, гдѣ происходитъ охота въ началѣ пѣсни у Рыбн. I, № 45 (Сорога), Гильф. № 229 (Сарога), Кирши (Черега) и въ нашемъ пересказѣ, Гильф. № 223, припомнившемъ, некстати, и рыбу того-же имени: «рыбу сорогу повыловили»! — Гильф. № 229 ограничивается, относительно Чурилиной поселицы, общимъ указаніемъ: не въ Кіевѣ, а за Кіевомъ, какъ у Кирши: не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца; сл. Рыбн. I, № 45: Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ, — На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ. — Всего этого слишкомъ мало для какихъ-бы-то-ни-было заключеній. Подъ Малымъ Кіевцемъ, очевидно, нельзя подразумѣвать что-нибудь географически опре-

[1]) Сл. выше, стр. 53.

дѣленное, напр. городъ этого имени на Дунаѣ; Чурила живетъ гдѣ-то далеко за Кіевомъ, такъ что Владимиръ о немъ и не знаетъ; Сорога, Сарога — не указываютъ-ли на Сурожъ? Сл. Сорожанинъ, Сарожанинъ.

Описаніе Чурилина дворца вездѣ вычурное; сл. Гильф. № 229:

Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
Около двора всё булатній тынъ,
Верхи-ты были всё точёные,
Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
На дворѣ есть теремовъ до семи ихъ сотъ

(Рыбн. III, № 24: стояло теремовъ де до семидесяти; Гильф. № 251: три терема).

Пошолъ-то Владиміръ на широкой дворъ:
У Чурила первы сѣни рѣшетчатые,
У Чурила други сѣни серебряные,
У Чурила третьи сѣни были на золоти

(трое сѣней и у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 и Рыбн. I, № 45; сл. у Кирши отвѣчающіе имъ трое воротъ).

Заходилъ-то Владимиръ во высокъ терёмъ,
Въ терему полъ-середа̀ одного серебра̀,
Стѣны-потолокъ красна золота,
На́ неби сонце и въ тереми сонце,
На́ неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
На́ неби звѣзды розсыплются,
Въ тереми звѣзды розсыплются.

Тѣ-же подробности — о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ — въ фантастическомъ описаніи терема встрѣчаются у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 и Рыбн. I, № 45 (солнце, мѣсяцъ, звѣзды — и зори), въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ, Садкѣ и Дюкѣ, наконецъ въ мало-и бѣлорусскихъ обря-

довыхъ пѣсняхъ: общее мѣсто[1]), имѣвшее, быть можетъ, реальное основаніе въ какихъ-нибудь хитрыхъ деталяхъ средневѣковой архитектоники. Въ византійскомъ романѣ о Каллимахѣ и Хризорроѣ такъ описываются палаты драка: крыша у нихъ позолоченная, украшенная жемчугомъ; мало того:

423 ἀλλ' εἶχεν στέγην οὐρανὸν καὶ τοὺς αστέρων δρόμους.
. . . .
μετὰ πανσόφου μηχανῆς καὶ τέχνης παραξένου[2]).

Сходныя черты въ описаніи чудесъ Индѣйскаго царства указаны будутъ далѣе; на средневѣковую характеристику Хосроя я обратилъ вниманіе по другому поводу: въ его дворцѣ — искусственное небо, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine; Hermann von Fritzlar); сл. Gautier d'Arras, въ Eracles:

5187 Un ciel ot fait faire li fos
à cières pières et à clos
molt ricement l'ot fait ouvrer,

и описаніе «Kaiserchronik»:

11158 ein heidensker kunic hiez Cosdras,
dem geriet der vâlant,
daz er hiez wirken ubir sîn lant
einen himel êrîn.
vil gerne wolde er got sîn.
dô hiez er mâlen dar inne
die sunnen unde die maeninne
ûz den karvunkeln,
von blîe die wolken,
ûz edelme gesteine
die sternen vil kleine[3]).

---

1) Сл. мои Южно-русскія былины, II, стр. 69—71.

2) Lambros, l. c. стр. 19.

3) Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, стр. 145.

Пленчище Сорожанинъ (Рыбн. I, № 45) = Пленко гость Сорожанинъ (Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223), Плѣнкъ, сынъ Сарожанинъ (Гильф. № 229) — встрѣчаетъ Владимира; Гильф. № 229 (сходно съ Рыбн. III, № 24) описываетъ его, какъ стараго-матераго человѣка:

Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ знаметомъ

(Рыбн. III, № 24: самитомъ; Гильф. № 223: стаметомъ)

Пуговки всё вольячные,
Литъ-то вольякъ красна золота.

Въ отличіе отъ редакціи Кирши и Гильф. № 223 (разнящагося въ этомъ случаѣ отъ Рыбн. III, № 24), появленіе Чурилиныхъ молодцовъ описано во всѣхъ другихъ пересказахъ въ параллель къ тремъ толпамъ челобитчиковъ, приходящихъ къ Владимиру: ихъ также три толпы, и лишь въ третьей мы видимъ самого Чурилу. У Гильф. № 229 и Рыбн. III, № 24 этотъ эффектъ разработанъ еще особымъ образомъ: Владимиръ видитъ «въ окошко косѣрчатое» толпу молодцовъ, исполошился, говоритъ таково слово:

Не царь-ли съ ордой, не король-ли съ Литвой,
Не думные бояринъ-ли не сватовщикъ
На любимые Забавны па племянницы (Гильф. № 229).

Пленкъ его успокоиваетъ:

Не пужайся, Владимиръ, не полошайся!
Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой.
Не думные бояринъ да не сватовщикъ
На любимые Забавнѣ па племянницы,
А ѣдутъ то Чуриловы все стольники.

(Рыбн. III, № 24: повары). А затѣмъ новая толпа и то-же сомнѣніе Владимира и такой-же отвѣтъ Пленка:

А ѣдутъ то Чуриловы все ключники

(Рыбн. III, № 24: стольники). Это постепенное усиленіе — изумленія и страха напоминаетъ такой-же поэтическій климаксъ въ былинахъ о Дюкѣ, гдѣ онъ, несомнѣнно, древній.

Въ послѣдней толпѣ ѣдетъ и Чурила:

Середній ѣде улицею мо́лодецъ,
Съ коня-то онъ на ко́нь переска́киваё,
Черезъ три-то онъ коня да на четвёртаго.

Сл. Гильф. № 251 и Рыбн. III, № 24 (= Гильф. № 223):

Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Чрезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копье да подбрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.

Иначе у Рыбн. I, № 45:

Одинъ молодецъ получше всѣхъ:
Волосники — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя;
Съ коня на коня перескакиваетъ
У молодцевъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

На подбрасованіе и подхватываніе копья, въ знакъ молодецкой удали — мы указали при другомъ случаѣ[1]), какъ на общее мѣсто славяно-русскаго, румынскаго и греческаго эпосовъ. Иное значеніе имѣетъ перескакиваніе изъ сѣдла въ сѣдло и подхватываніе шапокъ, напоминающія подобныя-же упражненія Турпина въ поэмѣ о поѣздкѣ Карла Великаго въ Константинополь и Іерусалимъ. Чурила являлся не столько богатыремъ, сколько культурнымъ человѣкомъ, а понятіе культурности выразилось наивнымъ удивленіемъ къ ловкости, граничившей съ фиглярствомъ, къ ще-

[1]) Сл. выше, стр. 12—13.

гольству и нарядности, переходившей въ жеманство. У Чурилы шея, что бѣлый снѣгъ, лицо, будто маковъ цвѣтъ; у Кирши передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобы лицо не загорѣло. Сл. въ пѣснѣ о Дюкѣ, Рыбн. II, № 30: надъ его матерью несутъ подсолнечникъ «чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое»; въ № 28 ibid. она для этой цѣли «обвѣшана бархатомъ», но у Рыбн. III, № 29 «подсолнечные» — вѣроятно, люди, несущіе зонтики-подсолнечники: «Потомъ пошла уже другая толпа — подсолнечныхъ сорока саженъ» (?) — а у Гильф. № 230:

Идутъ какъ тутова три женщины,
Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной.

Въ одной кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 15) Ародафнуза защищается отъ солнечныхъ лучей вѣткой розмарина; другая выводитъ, въ окруженіи Дигениса, какого-то паликара, маленькаго роста, съ длинными волосами и — зонтикомъ на плечахъ (ib. № 17).

Вездѣ эпизодъ о поѣздкѣ Владимира къ Чурилѣ кончается приглашеніемъ послѣдняго на княжую службу въ Кіевъ.

b) *Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира.* Въ Кіевѣ онъ былъ «счастливъ добрѣ», говорится о Чурилѣ въ одной пѣснѣ о Дюкѣ Степановичѣ (Кир. III, № 2, стр. 104); въ былинѣ о Дунаѣ онъ выдаетъ его невѣстѣ изъ княжей казны «платьице женское цвѣтное» и «соянъ хрущатой камки» (ib., № 4, стр. 78); въ пѣснѣ о «Сорока каликахъ со каликою» (l. c. № 2, стр. 87) онъ вызывается у княгини Апраксіи учинить между ними обыскъ. Его споръ съ Дюкомъ, такимъ же пріѣзжимъ богатыремъ, какъ и онъ, относится ко времени его кіевскаго служенія. Послѣдовательность былинъ о Чурилѣ въ этомъ эпизодѣ нѣсколько перебита, а кое-гдѣ и подновлена. У Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 84 слѣд.) Чурила прямо является *позовщикомъ* Владимира, но Рыбн. I, № 45 и III, № 24 = Гильф. № 223 указываютъ мѣсто этой подробности лишь послѣ приключенія съ Апраксіей, котораго Кирша не знаетъ. Послѣдовательность возстановляется на первый

разъ при помощи Рыбн. I, № 45: Владимиръ предлагаетъ Чурилѣ жить въ Кіевѣ *«въ курятникахъ»* (sic.).

Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
И живетъ-то Чурила во Кіевѣ,
У князя у Владиміра въ курятникахъ.
И возговоритъ княгиня Опраксія:
«Ай-же ты, солнышко Владиміръ князь!
Положи-тко Чурилу *во постельнички*,
Чтобы стлалъ онъ перину пуховую,
И кладалъ-бы зголовьице высокое,
И сидѣлъ-бы у зголовьица высокаго,
Игралъ-бы въ гуселышки яровчаты
И спотѣшалъ-бы князя Владиміра».
И возговоритъ Владиміръ таковы слова:
«Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
Не довлѣетъ ти жить въ курятникахъ,
А довлѣетъ жить ти въ постельничкахъ.
. . . .
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
И живетъ то Чурила въ постельникахъ.

Слѣдуетъ за тѣмъ, безъ всякого мотива, предложеніе князя Чурилѣ — быть *позовщикомъ;* Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 объясняютъ это рѣшеніе — страстью Апраксіи къ Чурилѣ, но не — постельнику, какъ значится, согласно съ Рыбн. I, № 45, въ испорченномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7, а *чашнику* и *стольнику*.

c) *Эпизодъ съ Апраксіей на пиру.*

Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
На хорошá на новаго на стольника,
Да завёлъ государь да почестной пиръ.
Да премлáдый Чурила-то сынъ Плёнковичъ.
Да ходитъ-де ставитъ дубовы́ столы,
Да желтыми кудрями самъ потря́хиваётъ,

Да же́лтыи кудри разсыпаются,
А бывъ скаче́нъ жемчу́гъ раскатается.
Прекрасная княгина-та Апраксія
Да рушала мясо лебеди́ноё,
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Обрѣзала да руку бѣлу правую.
Сама говорила таково слово:
— Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
Да помѣшался у меня́ разумъ во буйно́й головѐ,
Да помутилисе у м'ня-де очи ясные,
Да смотричи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Да на его́-то на́ кудри на желтые,
Да на его́-де на́ перстни злаченые,
Помѣшался у м'ня разумъ во буйно́й головѐ,
Да помутились у меня да очи ясные».
Да сама говорила таково слово:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу
Не на́ этой а ёму службы быть,
Да быть ему-де во *постельникахъ*,
Да стлати ковры да подъ насъ мяккіе».
Говорилъ Владиміръ таково слово:
«Да суди́ тѣ Богъ, княгина, что въ любовь ты мнѣ пришлѝ.
Да кабы ты, княгина, не въ любовь пришла,
Да я срубилъ-бы тѣ по плечъ да буйну голову,
Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила».
Да снялъ-де Чурила съ этой бо́льшины,
Да поставилъ на бо́льшину на и́ную,
Да во ласковые *зазыватели*,
Да ходить-де по городу по Кіеву,
Да зывати гостей во почестной пиръ.

(Гильф. № 223 = Рыбн. III, № 24, гдѣ, впрочемъ, нѣтъ отповѣди князя Апраксіи. Сл. варьянтъ у Рыбн. I, № 45, стр. 266 прим.). Въ искаженномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7 послѣдовательность могла быть та-же самая: пиръ у Владимира, княгиня заглядѣлась на Чурилу и порѣзала себѣ «руку лѣвую»; слѣдовало, вѣроятно, ея предложеніе сдѣлать Чурилу постель-

никомъ и отповѣдь, чтобы быть ему не *постельникомъ*, а *позовщикомъ*. Вмѣсто того говоритъ сама княгиня:

Не годенъ Чуривушка во постельнички,
Во наши во постели княженецкія;
Сказана Чуривѣ служба явленая:
Ёму ѣздить по городу по Кѣеву,
Ёму звать гостей съ гостинами жоны и т. д.

Впечатлѣніе, произведенное на Апраксію Чурилиной красотой, разсказано съ тѣми-же анекдотическими чертами и въ другой былинѣ: объ Апраксіи и Тугаринѣ. Я имѣю основаніе предположить, что въ послѣднемъ случаѣ это черта перенесенная — можетъ быть, изъ былинъ о Чурилѣ. Дѣло въ томъ, что Тугаринъ явился въ Кіевѣ лишь вслѣдствія искаженія древней пѣсни о немъ и послѣдовавшаго оттого смѣшенія Константинополя съ Кіевомъ; что при дворѣ Владимира онъ, собственно, является насильникомъ, не красавцемъ κατ᾽ ἐξοχὴν, какимъ вступаетъ вездѣ нашъ Чурила, и что если былина заставляетъ Апраксію заглядываться на Тугарина, то она указываетъ уже на позднюю детеріорацію пѣсеннаго преданія, совершившуюся преимущественно на сѣверѣ, очерствившую образъ Владимира и заставившую Апраксію влюбляться во всякаго мущину. — Такъ или иначе, разсказъ «о порѣзаніи рукъ» болѣе у мѣста при Чурилѣ, и интересно наблюденіе, что бо̀льшая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области — апокрифа, откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелфы Тимоѳеевны, и Сафатъ рѣку, и Леванидовъ крестъ — и чашу калики Михаила[1]).

---

[1]) Сл. параллели, собранныя мною въ Beiträge, l. c. стр. 570 и, въ особенности, Köhler'a, Zum Spruch vom könig Ezel, Germania XIV, 243—5; его-же, ib. XXVIII, стр. 11 слѣд. и Anzeiger für Deutsches Alterthum u. deutsche Litteratur IX. стр. 204 (въ разборѣ Grünbaum. Jüdischdeutsche Chrestomathie, p. 227 и 165). Большая часть сопоставленій Köhler'a (кромѣ тѣхъ, которыми я пользуюсь въ текстѣ) могутъ быть названы варьянтами къ нашему сюжету: засматривается не женщина на мужчину, а молодецъ на красавицу, и съ тѣмъ-же результатомъ.

Въ двѣнадцатой сурѣ Корана пересказано слѣдующее равинское преданіе объ Іосифѣ: онъ отвергъ любовь жены Пентефрія, ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду, возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: Пойди и покажись имъ! Когда увидѣли онѣ его, восхитились его красотою: Это — не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ, сказали онѣ, и — порѣзали себѣ руки. — Это тотъ самый, изъ за котораго вы такъ поносили меня, отвѣтила жена Пентефрія (Geiger, Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? Bonn, 1833, стр. 141 слѣд.). — Въ еврейскомъ Sepher Hajjaschar (Geiger l. c., стр. 143) прямо сказано, что женамъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ и изрѣзали себѣ пальцы. Арабскіе толкователи нашли эту подробность въ разночтеніяхъ къ пересказанному выше мѣсту Корана, которое Elpherar (Geiger l. c.) толкуетъ такимъ образомъ: жены порѣзали ножемъ свои руки, думая, что рѣжутъ апельсинъ, но не почувствовали при томъ никакой боли, ибо всё ихъ вниманіе было обращено на Іосифа.

Исторія Іосифа и Зулейки (= Μεμφία греческаго апокрифа) нѣсколько разъ пересказывалось по Корану арабскими поэтами (сл., между прочимъ, v. Hammer, Rosenöl, стр. 71—2); на такомъ могаметанскомъ источникѣ основанъ соотвѣтствующій эпизодъ въ староиспанской поэмѣ объ Іосифѣ: Zuleja пригласила къ себѣ городскихъ женъ:

Diolas sendas toronjas e caminetes en las manos,
Tajantes e apuestos e mui bien temperados.
    E fuese Zuleja a do Jusuf estaba,
De purpura e de seda mui bien lo aguisaba,
E de piedras preciosas mui bien lo afeitaba,
Berdugadero en sus manos a los duennas lo embiaba.
    Ellas de que lo bieron perdieron su cordura,
Tanto era de apuesto e de buena figura;
Pensaban que era tan angel e tornaban en locura,

Cortabanse las manos e non se ábian cura.
Que por las toronjas la sangre iba andando.
Zuleja quando lo bido toda se fue alegrando, и т. д.

d) *Впечатлѣніе Чурилиной красоты.* Непосредственно за эпизодомъ къ Апраксіей слѣдуетъ въ отрывкѣ у Кирши (Кир. IV, № 2, стр. 86—7) явленіе Чурилы-*позовщика;* всѣ дивуются на него:

Встаетъ Чурива ранёхынько,
Умывается (Цы)Плёнковичъ бѣлёхынько,
Надѣватъ сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Пятки гла́дки, носкѝ плоскѝ,
Кругъ пятѝ хоть яйцо́мъ прокати,
Подъ пяту воробей проскочи.
Поѣхалъ Чуривушка по городу по Кѣеву,
Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трешшатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ — лишь око́ненки звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ — манатьи на сеѣ дёрутъ.

Та-же послѣдовательность у Рыбн. I, № 45, vv. 180—184 и Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223: Чурила идетъ улицами, переулками,

Желтыми кудрями всё потряхиваетъ,
Желтые-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Смотрючись на красоту Чурилову,
Старицы по кельямъ опакишь (Гильф. № 223: онатѝ) дерутъ;
Смотрючись де на красоту Чурилову
Молодые молодицы въ голенище сц...;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Красные дѣвки очелье (Гильф. № 223: отселья?) дерутъ.

(Рыбн. III, № 24; старицы вм. «стары» Кирши, а кельи явились по связи съ особеннымъ значеніемъ «старицы»). — Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 заставляетъ Апраксію еще разъ повторить просьбу — Владимиру, чтобы онъ поставилъ Чурилу въ по-

стельникахъ — что̀ очевидно здѣсь не у мѣста. Оба пересказа былины заключаются предложеніемъ князя Чурилѣ — хоть въ Кіевѣ жить, хоть домой пойти, а въ дому у него онъ не нуженъ. Чурила уѣзжаетъ къ себѣ — потому что былина не знаетъ объ его отношеніяхъ къ Катеринѣ. Что эпизодъ о ней слѣдовалъ за разбираемымъ нами, доказывается тѣмъ, что описаніе Чурилина убранства, красоты и впечатлѣнія, ею произведеннаго, обыкновенно стоитъ передъ свиданіемъ съ Катериной въ былинахъ, знающихъ её въ связи съ цѣлымъ, либо обособившихъ её въ отдѣльную пѣсню. Такъ въ отрывкѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8: Чурила

4 добро по городу погуливалъ,
Подъ нимъ травка-муравка не̇ топчется,
Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.

Сл. «*щепливую походку*» Чурилы въ былинѣ о Добрынѣ, Кир. II, № 1, стр. 31, vv. 280—1; Рыбн. I, № 32 въ былинѣ о Днѣпрѣ Королевичнѣ и Донѣ Ивановичѣ, v. 21 слѣд. (Нѣтъ молодцовъ походкой, пощипкой — Противъ Чурилища Опленковича: Идетъ то Чурилище по Кіеву, Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются). См. еще въ пѣсняхъ о Чурилѣ описаніе его *наряда* у Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. №№ 8, 35, 189, 309; *типическое впечатлѣніе красоты* у Рыбн. I, № 45, vv. 181—184 (Какъ стары старухи костыли грызутъ, А молоды молодицы мошны дерутъ и т. д.), № 46, v. 7—8 (На его дѣвки глядятъ — золоты пелы ломятъ, Стары бабы глядятъ — прялицы ломятъ), Гилбф. № 309, (Красныя тѣ дѣвки вѣдь стёкла рвутъ .... Старыя старухи вѣдь клюхи́ тѣ грызутъ).

Всѣ эти описанія отзываются тѣмъ грубоватымъ шаржемъ, культурно-историческое значеніе котораго мы старались уяснить себѣ по другому поводу[1]). Въ одной былинѣ о Дунаѣ (Кир. III, № 3, стр. 58 слѣд., vv. 135—137), которую мы разберемъ

[1]) Сл. выше, стр. 67—68.

далѣе, въ связи съ пѣснями о Чурилѣ, тѣ-же впечатлѣнія выражены мягче: молодцы идутъ по Кіеву, а

> Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися:
> «Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?»

Сл. въ романѣ Ѳеодора Продрома впечатлѣніе, какое производитъ красота Дозиклея:

H. 195 Ὁ πᾶς γὰρ ὄχλος τῶν προπομπῶν παρθένων
ὅλοις βλεφάροις τὸν Δοσικλέα βλέπων
ἡλίκον εἰσδέδεκτο τῇ ψυχῇ βέλος·
ὁποῖα πάντως οἶδεν ἐντείνειν Ἔρως,
φαρμακτὰ πικρὰ πυρπολοῦντα καρδίαν.
Ἡ μὲν γὰρ αἰδοῦς ἐκποδὼν τεθειμένης
ἤγγισεν, ἀντέβλεψεν ἀπλήστοις κόραις,
ὡς ἐγγύθεν βλέπουσα καθαρῶς βλέποι·
ἄλλη προσῆλθε, τοῦ χιτῶνος ἥψατο
κἀκ τῆς ἀφῆς ἔλαβε δεύτερον βέλος·
ἄλλη παροιστρηθεῖσα ταῖν δυοῖν πλέον
καὶ πάντας ἐκπτύσασα δεσμοὺς αἰσχύνης,
ὠχρὰν δὲ σεμνὴν ἐξάρασα τῆς χρόας
προσῆλθεν ἠσπάσατο τὸν νεανίαν
καὶ πάντας ᾠίστευτο τῆς ψυχῆς τόπους [1]).

e) *Чурила и Катерина.* Такъ она названа въ большинствѣ пересказовъ: Кир. IV, № 1, стр. 85: *Катерина;* Рыбн. I, № 45, 46; II, № 23, 24; III, № 25, 26 (= Гильф. № 67), 27 (= Гильф. № 224); Гильф. №№ 8, 35, 242, 309, 268; Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, Чтенія Общ. ист. и древн. 1877 г., III, стр. 18 слѣд.: *Катерина Микулична;* Гильф. № 27, 189: *Катерина Викулична;* у Гильф. № 132, гдѣ Добрыня является въ роли Чурилы, Катерина Микулична, но въ № 110 ibid., гдѣ Добрыня замѣнилъ Бермяту, *Домна Александровна.* — Мужъ Катерины носитъ имя *Бермяты Васильевича* (Кир. IV, № 1,

---

[1]) Τοῦ φιλοσόφου Κύρου Θεοδόρου τοῦ Προδρόμου τῶν κατὰ Ροδάνθην καὶ Δοσικλέα βίβλια θ, у Hercher, Erotici scriptores graeci, t. II, стр. 408.

стр. 85; Рыбн. I, № 45; II, № 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. №№ 268 и 309), *Пермяты Васильевича* (Гильф. № 35), *Бермяты Михайловича* (Гильф. № 242), *Пермитьева* (Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд.; жена безъ имени: Пермитьиха), *Пермяна Васильевича* (Гильф. № 189), *Бурмяна Ивановича* (Рыбн. III, № 25), *Вельмы Васильевича* (ib. № 26 = Гильф. № 67), *Бермаса Васильевича* (Шейнъ, l. c.), *Ермы Васильевича* (Рыбн. I, № 46), *Безмѣра Васильевича* (Гильф. № 8). — Очевидно, это тотъ самый Бермята, который въ редакціи Кирши одинъ знаетъ гдѣ живетъ Чурила, указываетъ на него Владимиру и ѣдетъ къ нему съ княземъ — а впослѣдствіи платится за свое указаніе — домашнимъ горемъ. — Въ пѣснѣ о Дюкѣ, побѣдившемъ Чурилу своимъ щегольствомъ, Перминъ Ивановичъ говоритъ Владимиру:

Посмотри-тко ты да на лѣву́ руку:
Молодой Щурилушка да Плёнковичъ
Прозакла́далъ ёнъ свою буйну̀ головушку

(Гильф. № 85; у Рыбн. I, № 48 эти слова приписаны Дунаю) Въ другой, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29 Дюкъ, явившись въ Кіевъ, становится въ церкви между Бермятой Васильевичемъ и Чурилой.

Съ Катериной Чурила знакомится уже будучи въ роли позовщика: у Рыбн. I, № 45 онъ идетъ «Звать князей-бояръ на почестенъ пиръ»; всѣ любуются имъ (слѣдуетъ типическій эпизодъ: впечатлѣніе красоты);

Идетъ-то Чурила въ суконный рядъ
Ко старому Бермяту Васильевичу
Звать его на почестенъ пиръ:
«Ай-же ты, Бермята Васильевичъ!
Поди-ка, сударь, на почестенъ пиръ,
Ко князю поди, ко Владиміру».
Скажетъ Бермята сударь Васильевичъ:
«Ай-же ты, Чурила Пленковичъ!
Поди-ка въ мои палаты бѣлокаменны,

Зови-ка Катерину Микуличну,
Любимую мою семеюшку».

Чурила идетъ, а Катерина зазываетъ его къ себѣ. Такъ представляется положеніе и у Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 85):

Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ
И собралъ ко князю на почестный пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ,
Къ той Катеринѣ прекрасныя,
И тутъ онъ позамѣшкался.

Долго ждали на пиру, пока явился Чурила — но Владимиръ «ни во что положилъ» его мѣшканье.

По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала
Пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій *слѣдъ*,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;
А иные тутъ усмѣхаются
[Усмѣхаются], сами говорятъ:
«Знать, это не зайка скакалъ,
[Не зайка скакалъ], не бѣлъ горностай,
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ
Катеринѣ прекрасныя.

Этотъ слѣдъ по порошѣ сохранился и въ былинѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8, у Рыбн. II, № 24 и въ испорченномъ видѣ и съ лишними подробностями въ другихъ пересказахъ: выпадала пороша, не бѣлый горностай прометывалъ по ней слѣды, а Чурила;

Вслѣдъ ходя малые ребятушки
Обирали гвоздочки серебряные,
Тѣмъ де ребята головы кормятъ.

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224. Сл. Гильф. № 268 и начало пѣсни у Рыбн. II, № 23:

Не бѣлый заюшка проскакиваетъ,
Не мелки слѣдочки прометываетъ:
Гвоздички серебряны выраниваетъ.
Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,
Гвоздички серебряны нахаживали.

Въ былинахъ, обособившихъ приключеніе съ Катериной, дѣло прямо начинается съ того, что Чурила ходитъ, ѣздитъ щеголемъ по городу, а Катерина зазываетъ его къ себѣ (Сл. Кир. IV, № 3, р. 88, Рыбн. I, № 46; II, №№ 23 и 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. 8, 27, 35, 189, 309; Шейнъ, l. c.). Но у Гильф. № 268 сохранились слѣды древнихъ отношеній: Чурила-позовщикъ забытъ, онъ находитъ Бермяту у заутрени, а тотъ, безо всякаго мотива, яснаго изъ Рыбн. I, № 45, посылаетъ его къ себѣ домой:

Кто-ли отъ бѣды да откупается̀,
Иной-то на́ бѣду но накупается̀. [1])
Старые Бермята Васи́льеви̇̀чъ
Онъ на бѣду ту вѣдь самъ идётъ,
Посылаетъ-ли Чурила во высо́къ терёмъ:
«Ты подп-тко-лп, Чурпло, во высо́къ терёмъ.»
Заходптъ-лп Чурило во высо́къ терёмъ,
Стоитъ-то Катерпна, Богу мо́лится

(— не подъ вліяніемъ-ли заутрени, на которой обыкновенно стоитъ Бермята?). Менѣе значенія, въ смыслѣ возстановленія древняго состава пѣсни, слѣдуетъ дать Рыбн. III, № 26, гдѣ Катерина обнаруживаетъ болѣе раннее знакомство съ Чурилой (v. 19: Что-же ты, Кирила, вечоръ не бывалъ?); сл. Гильф.

[1]) Сл. тѣже выраженія о Чурилѣ у Рыбн. I, 45. См. выше стр. 95.

№ 67 (Что-же ты, Чурила, не пожаловалъ?) и Рыбн. I, № 45 (Все ждала Чурилушку Пленковича; сл. Шейнъ, l. c.).

Мужа Катерины нѣтъ дома, и обыкновенно онъ въ церкви (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224; Гильф. 8, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнъ, l. c.; у Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд. и Рыбн. I, № 45, 46 этой подробности нѣтъ), когда является Чурила. Жена зазываетъ его, ведетъ въ горницу, садитъ за дубовый столъ, угощаетъ; насыпаетъ пшеницы бѣлояровой его коню (Шейнъ, l. c.; Гильф. № 8; сл. ib. № 189 = здѣсь № 27 ibid.), зоветъ молодца на кроватку тисовенькую, слоновыхъ костей. Интересно, что въ цѣломъ рядѣ пересказовъ этотъ эпизодъ предваряется игрой Катерины и Чурилы въ шахматы (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 27, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнъ, l. c.):

Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начала играть съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
«Младое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ,
А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей.»

Три раза даетъ ей Чурила матъ, а она бросила доску и шахматы и говоритъ:

«Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я не знаю играть съ тобой во шахматы,
Я не знаю глядѣть на твою красоту,
На твои-то на кудри на желтые,
На твои на перстни злаченые:
Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
Помутилися у меня очи ясные,
Смотрючись де, Чурило, на твою красоту.»
Брала Чурила за руки за бѣлыя,
Вела его въ ложни во теплыя
Да ложилась на кровать спать слоновыхъ костей,
Начали съ Чуриломъ забавлятися (Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224).

На брачно-символическое значеніе игры (въ шахматы, шашки и т. п.) въ средневѣковой и народной поэзіи я указалъ въ другомъ мѣстѣ, по поводу соотвѣтствующаго эпизода въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ [1]).

Любовной бесѣдѣ Катерины съ Чурилой мѣшаетъ «сѣнная дѣвушка» (Кир. IV, № 3, стр. 88), «старая служанка» (Рыбн. II, № 23; Гильф. №№ 242, 309: служанка); дѣвка «дворовая», «челядична», «челягична» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67), «целядична» (Рыбн. I, № 46), «челя́динна» (Гильф. № 35), «челяночка» (ib. № 27), «черная дѣвчоночка челя́динка» (ib. № 189, сл. Шейнъ, l. c.), «черная дѣвка служанка» (Гильф. № 268), «чернавка» (Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224), «дѣвчоночка чорная», «челя́динка» (Гильф. № 8), «чернавушка» (Рыбн. II, № 24), «Чернява колачница» (Рыбн. I, № 45): — собственное имя изъ эпитета. — Въ былинѣ у Рыбн. I, № 45 она предупреждаетъ Чурилу не ходить въ «палаты во Бермятины», а Катерина бросаетъ её за тѣ слова «о сыру землю» (сл. Гильф. № 35); въ другихъ она грозится донести обо всемъ мужу, и её стараются закупить обѣщаніемъ награды (Рыбн. I, № 46, Гильф. № 8, 27, 35, 189), при чемъ нѣкоторые пересказы (Гильф. № 8, 27, 189; Шейнъ, l. c.) заставляютъ Катерину пожалѣть о подаркахъ, посуленныхъ Чурилой:

Еще а й же ты Чурилушка Плёнковичъ!
Еще шапочку-то эту самъ сдержи,
А й полтинки серебра мнѣ́-ка-ва отдай

(Гильф. № 189).

Служанка бѣжитъ и все открываетъ отсутствовавшему мужу (у Рыбн. I, № 45 эта черта просто забыта). Онъ говоритъ ей:

Ты правду говоришь — стану жаловать,
Неправду говоришь — голову срублю

---

[1]) Южно-русскія былины, II, стр. 71, 72—3.

(Рыбн. II, № 23; сл. Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 309);

либо:

Буде правду говоришь, я за мужъ возму,
А неправду говоришь, голову срублю

(Рыбн. I, № 46; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 242), что отвѣчаетъ особой развязкѣ этихъ былинъ, лишь случайно не досказанной въ Рыбн. I, № 46

Мужъ спѣшитъ домой, стучится въ ворота (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 268), два (Рыбн. II, № 23, Гильф. № 242) и три раза (Гильф. № 309, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224):

Застучалъ во кольцо во серебряное,
Спитъ Катерина, не пробудится;
Застучалъ де Бермята во второй наконъ,
Спитъ Катерина, не пробудится;
Застучалъ Бермята во третій наконъ
Изо всей могуты богатырскія:
Всѣ теремы пошаталися,
Маковки поломалися (Рыбн. III, № 27).

Катерина выбѣгаетъ въ одной рубашкѣ безъ пояса, волосы у ней растрепаны, грудь открыта, на ногахъ одни чулки безъ чоботовъ, либо «сафьяны башмачки на босой ноги» (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 189, 242, 268, 309). Мужъ спрашиваетъ, отчего она такъ растрепана, «не снарядна»?

Сегодня у насъ вѣдь честный праздникъ,
Честное Христово Благовѣщенье

(Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224; сл. Рыбн. II, № 23, 24; Гильф. № 242, 309). У ней болитъ «буйная голова», ей «и не можется, и хворается» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67;

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; сл. Шейнъ, l. с.); заболѣло сердечко ретивое (Гильф. № 8; см. № 268, 309).

Либо вопросъ такой: почему она не пошла въ церковь?

Ай-же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскіихъ?
Еще нельзя-то мнѣ идти да во Божью церковь

(Гильф. № 35).

Что дома у него непрошенный гость — въ этомъ мужъ убѣждается, обыкновенно, не съ разу: онъ видитъ чужого коня (Рыбн. I, № 46, III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 8, 35, 189, 242, Шейнъ, l. с.; въ № 8 и 189, Гильф. мужъ сноситъ ему голову), шапку («золотокъ колпакъ», Кир. IV, № 3, стр. 89; Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 309: шапка), «перчатки шелковы» (Кир. IV, № 3, стр. 89), кафтанъ («зеленъ кафтанъ» Кир. ibid.; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224: платье; Рыбн. II, № 23: кафтанъ, № 24: «шуба соболиная»; Гильф. № 242: «шинель-сертукъ»; № 268 ibid.: кафтанъ), сапоги («сафьяны сапожки, Кир. l. с., стр. 89; Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67: лапотцы; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. II, № 23, Гильф. № 309: сапоги), саблю (Рыбн. II, № 24), санки и плетку (Рыбн. I, № 46). — Что это такое? спрашиваетъ мужъ, а Катерина отвѣчаетъ, что всё это пожаловали ей батюшка и матушка, братецъ съ сестрицей, хочетъ она снарядить своего мужа «лучше стараго», либо это — вещи ея брата, помѣнявшагося съ Чурилой (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. I, № 46, II, № 23, 24; Гильф. № 35, 189, 242, 268, 309, Шейнъ, l. с.). — Въ двухъ пересказахъ (Гильф. №№ 35 и 189; сл. ib. № 8) мужъ готовъ вѣрить отповѣди жены и обращается къ дѣвкѣ съ угрозой — доказать, что она ему показывала. — Чурилу онъ находитъ на кровати (Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 =

Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 67, 242, 268, 309), либо за печкой:

Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горятъ,
То ясны очи глядятъ, то Чурило́вы

(Кир. l. c. № 3, стр. 90), наконецъ — въ ларцѣ: такъ у Шейна, l. c., Гильф. № 8 и — 189, прибавляющемъ слѣдующія новыя черты: Перминъ подходитъ къ воротамъ, увидала его Катерина:

«Еще охъ-ти мнѣ да пере-о́хъ-ти мнѣ,
Куды-то я кладу да Чурилушку,
А й Чурилушку да Плёнковича?»
Еще брала тутъ она да золоты́и ключи,
Отмыкала она тутъ кованы́и ларцы̀,
Полагала Чурилушку Плёнковича̀,

а на вопросъ мужа, кто у нея былъ въ гостяхъ, «быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой», отвѣчаетъ:

Еще бы́ла калика перехожая.
Накормила, напоила, на пори́нки отдохну̀лъ.

У Рыбн. I, № 45 дѣло кончается обращеньемъ Бермяты къ Чурилѣ:

Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ,
А экъ-ли зовутъ на почестенъ пиръ?

намекая на Чурилу, проникшаго къ нему въ званіи позовщика. Былина, очевидно, тѣмъ не кончалась: обыкновенно она заключается смертью Чурилы и Катерины:

Выходи-ко ты, Чурило, середи пола̀,
До тебя-то, мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
Мы съ тобой, Чурило, *побратуемся*.
Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо,
На красно крыльцо, на перильчато:
Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
На другомъ женихѣ, — вострой сабелькѣ

(Кир. l. c., стр. 90). Ст. 105 явился, вѣроятно, когда забыто было значеніе братанья — какъ *братанья въ битвѣ* (если это не иронія на мнимое братанье Чурилы съ братомъ Катерины, сл. Рыбн. № 23). У Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67 мужъ убиваетъ Чурилу и Катерину; такъ и у Рыбн. II, № 24, такъ было, несомнѣнно, и у Рыбн. I, № 46 [1]); сл. еще Гильф. 242, 268; либо: обоихъ любовниковъ, дѣвку, чтобъ не доказывала на мужнихъ женъ, и себя (Гильф. № 8, 189); или: убитъ одинъ Чурила (Рыбн. II, № 23; Гильф. № 35), а Катерина сама себя убиваетъ (Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Гильф. № 309).— Иногда былина кончается бракомъ мужа съ дѣвкой-доносчицей (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Рыбн. I, № 46 [1]), Гильф. №№ 242, 268, 309). Лишь у Шейна, l. c., мужъ ограничивается смертью любовника, а жену щадитъ.

Таково содержаніе былинъ о Чурилѣ. Для устойчивости пѣсеннаго преданія, въ его послѣднемъ эпизодѣ, интересно замѣтить, что въ пяти (шести: Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224) пересказахъ онъ пріуроченъ къ празднику Благовѣщенія. Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь, не столько хронологическаго, сколько мѣстнаго указанія? (церковь?).

III.

Эпизоду о Чурилѣ и Катеринѣ особливо посчастливилось: онъ сохранился по крайней мѣрѣ въ шестнадцати пересказахъ, выдѣленныхъ изъ общей связи. Это выдѣленіе должно было отразиться на внѣшнемъ видѣ пѣсни: она забыла объ отношеніяхъ къ Владиміру и Апраксіи и прямо выводитъ на сцену Чурилу, ѣздящаго щеголемъ по городу и зазываемаго Катери-

---

[1]) Сл. выше, стр. 107.

ной. Гильф. № 242 присоединяетъ къ этому еще новую романтическую подробность: Чурила

Выѣзжае противу́ дому Бермятова,
Заигралъ онъ во доску гусельнюю,
Да перву́ доску играе про Кіевъ градъ,
А й дру́гу до́ску и́грае про свою поѣздочку,
А й третью доску игра́е про Бермятовъ домъ,

послѣ чего Катерина его зазываетъ. — Эти подробности напоминаютъ сходныя въ былинахъ о Добрынѣ и Садкѣ [1]) и, можетъ быть, перенесены оттуда, но положеніе, во всякомъ случаѣ, новое, напоминающее Харикла ночью у терема («πρὸς αὐτοὺς παρθενῶνας») Каллигоны:

В 320 Καταλαβούσης τοιγαροῦν τῆς ἑσπέρας
ἀναλαβὼν κίθαριν ἠργυρωμένην
ἐπεκρότουν κρούσμασι καλλιστοκρότοις,
καὶ συγκροτῶι ὥδευον εἰς Καλλιγόνην [2]),

Дигениса, поющаго на лирѣ подъ башней своей милой:

Е 1731 Καβαλλικέυει ’ς τἄλογο κρατῶντας καὶ τὴν λύρα,
Τραγούδι εὔμορφό ’λεγεν γιὰ τὴν ’δική του μοῖρα....
1755 Τριαντάφυλλό μου κόκκινο καὶ ῥόδο μυρισμένο,
μῆλό μου ὡραιότατον ἄξιο καὶ πλουμισμένο,
σήκω, γλυκύτατό μου φῶς, γιὰ νὰ περιπατοῦμεν,
Αὐγερινὸς ἀνέτειλεν καὶ ἔλα νὰ διαβοῦμεν».
Τοῦτὰ ’λεγεν ὁ Διγενὴς καὶ ’σήμαινεν τὴν λύρα [3]).

Популярность пѣсни о Чурилѣ и Катеринѣ засвидѣтельствована, между прочимъ, — ея искаженными перепѣвами, бросающими косвенный свѣтъ на историческую жизнь былины. У Гильф. № 132 Добрыня Микитиничъ (при Пермятѣ Васильевичѣ и Кате-

---

[1]) Сл. Разысканія VII, стр. 216—218.
[2]) Νικήτου τοῦ Ἐυγενειάνου τῶν κατα Δρόσιλλαν και Χαρικλέα βιβλ. θ., у Hercher, Erotici scriptores graeci, II, стр. 458.
[3]) Lambros, Collection de romans grecs, p. 182—3.

ринѣ Микуличнѣ) замѣнилъ Чурилу, наоборотъ, въ № 110 Гильф. онъ является на мѣсто Бермяты, при Щурилѣ Щиплёнковичѣ — и Домнѣ Александровнѣ.

Замѣны эти могутъ быть отчасти объяснены: Добрыня ухаживаетъ за Мариной, какъ Чурила за Катериной; какъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ эпизодъ его любви къ Катеринѣ является лишь послѣ его служенія въ должности *чашника*, *ключника*, *позовщика* при дворѣ Владимира, такъ и былины о Добрынѣ и Маринѣ открываются общимъ мѣстомъ:

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владимира
Три года Добрынюшка *стольничалъ*,
А три года Никитичъ *приворотничалъ*,
Онъ стольничалъ, *чашничалъ* девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ

(Кир. II, № 6, стр. 53 = Кирша; сл. ibid. № 1, стр. 41, № 4, стр. 48; Рыбн. II, № 2, стр. 11; Шейнъ, l. c. стр. 16). — Съ другой стороны, трагическая судьба Марины, наказанной Добрыней, повела къ его отождествленію не только съ Иваномъ Годиновичемъ (Гильф. № 194), но и съ Бермятой; всѣ они убиваютъ вѣроломныхъ женъ, какъ Дмитрій князь наглумившуюся надъ нимъ *Домну* Фалелѣевну: зазвавъ её къ себѣ на пиръ, онъ бьетъ её до полусмерти (Кир. V, стр. 13—15). У Рыбн. I, № 79 вмѣсто Дмитрія является Митрій Васильевичъ, *Домна* названа *Александровной;* пѣсня развивается тождественно, но ея печальная развязка усилена. — Сидя въ новой горенкѣ, подъ косящатымъ окномъ, Домна Александровна потѣшается надъ Митріемъ Васильевичемъ:

«Ѣздитъ-то Митрій Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
Напередъ горбатъ, назадъ покляпъ,
Глаза у него бытто у совы,
Брови у него бытто у жоги,
Носъ-то у него бытто у жу́рава». —

Приклпкала сестрица Марья Васильевна:
«Ай-же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!
Заводи, братецъ, пиръ-пированьце,
Зазови-тко Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ».

Приходятъ послы къ Домниной матери, просятъ отпустить дочь «на почестный пиръ». Мать не отпускаетъ её, она видѣла сонъ,

«Бытто золота цѣпоцечка разсыпалася,
Разсыпалася она и укаталася.»
Говоритъ Домна Александровна:
«Ай-же, родна моя матушка!
Про себя спала, про себя сонъ видла!
Уйду я за мужъ за Митрія Васильича»,

и она отправляется къ нему. Онъ встрѣчаетъ её,

Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
Велъ ю за столы за дубовые,
Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ,
И учалъ онъ Домну по бѣлу тѣлу:
И шелковый поясъ расплетается,
Домнино тѣло разбивается.

Узнавъ о томъ, мать Домны спѣшитъ ко двору Дмитрія, увидѣла её мертвой и сама падаетъ на кирпичный полъ бездыханная.

Говоритъ тутъ родной сестрицы Митрій Васильевичъ:
«Ай-же ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
Ты сдѣлала три головки безповинныихъ!»
Онъ схватилъ съ гвоздя булатній ножъ,
Наставилъ тупымъ концемъ во кирпиченъ полъ
И острымъ концемъ во бѣлы груди.

Поводы къ сближенію ясны: Дмитрій *Васильевичъ* = Бермята, Безмѣръ, Вельма и т. д. *Васильевичъ*; *Домна* Александровна = Катерина извѣстныхъ намъ пѣсенъ о Чурилѣ, *Домна* у Гильф. № 110; сестра мужа являлась отчасти въ роли дѣвки-доносщицы,

тройственная смерть въ концѣ — также напоминала развязку эпизода Чурилы съ Катериной.

Иной типъ искаженія представляетъ Рыбн. III, № 25: имена сохранены, мотивы страшно перепутаны, либо поняты ложно, но одна черта, можетъ быть, не лишена значенія: Бурмянъ братается съ Чурилой; если здѣсь не искаженіе того символическаго братанья въ битвѣ, которое мы видѣли у Кир. IV, стр. 90, v. 105, то Чурила проникнулъ въ домъ Бермяты — какъ крестовый братъ: тѣмъ грѣховнѣе его проступокъ; званіе крестоваго брата отягчаетъ, въ глазахъ Добрыни, притязаніе Алеши на руку его жены.

Чурила снаряжается куда-то въ путь; дѣвушка челядинка, — та самая, которая и здѣсь, какъ вообще въ пѣсняхъ этого цикла, доноситъ мужу Катерины на Чурилу — провожаетъ его словами, въ стилѣ тѣхъ, съ которыми въ другихъ былинахъ конь обращается къ своему хозяину: черезъ первый, второй ровъ перескачу, въ третій попаду:

Станешь во чистомъ полѣ стрѣлятися,
На добрыхъ коняхъ разъѣзжатися,
Первой ты разъ стрѣлишь — не дострѣлишь,
Другой разъ ты стрѣлишь — не дострѣлишь,
Третій разъ стрѣлишь — перестрѣлишь.
Пойдетъ сила-армія великая,
Черезъ три стѣны кони перемахивать—
Твое конишко маломочное,
Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ.

(Сл. въ былинѣ о Дунаѣ, Кир. III, № 2, стр. 57—8: не дострѣлилъ, перестрѣлилъ, попалъ; сл. ib. № 3, стр. 68; № 4, стр. 79 и passim въ пѣсняхъ объ этомъ богатырѣ). Въ чистомъ полѣ онъ съѣзжается съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ — и предлагаетъ ему побрататься крестами! — Катерина Микулична, «богатырша.... великая», оказывается далѣе — сестрой Чурилы —, очевидно, по смѣшенію: въ пересказахъ, разобранныхъ выше, она постоянно ссылается на брата, съ которымъ, будто-бы,

Чурила помѣнялся конемъ, шапкой и т. д. — Далѣе эти братскія отношенія забыты: Катерина видитъ подъѣзжающаго Чурилу, засыпаетъ пшеницы бѣлоярой его коню (съ тѣми-же почти словами, что у Гильф. № 27 и 189) — и проситъ Бурмяна отдать ей Чурилу — котораго приводитъ въ теремъ и замыкаетъ во «дубовый ларь», какъ у Гильф. № 8 и 189. Слѣдующія слова, очевидно, обращены къ Чурилѣ:

Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
Что ему (Бурмяну) по разуму разложится,
Можетъ быть, онъ къ намъ не воротится.

Между тѣмъ Бурмянъ вернулся, и та-же дѣвка, которую мы встрѣтили въ началѣ пѣсни — при Чурилѣ (сл. v. 80 = v. 18), говоритъ Бурмяну:

Поди, сходи теперь во высокъ теремъ,
Ко той Катерины Микуличной:
Тамъ обряженъ Чурилушка Пленковичъ.

Былина кончается тѣмъ, что Бурмянъ убиваетъ Чурилу и Катерину, дѣвку-доносчицу и себя, какъ у Гильф. № 8 и 189, пошедшихъ, очевидно, изъ одного источника съ разбираемой.

Отчудившись, въ большинствѣ пересказовъ, отъ Кіева и Владимира, былина въ двухъ редакціяхъ сохранила — или возстановила? — порванную связь, но въ силу особаго пріема: приключеніе съ Катериной отнесено въ какое-то другое мѣсто, Чурила остается въ живыхъ — и затѣмъ уже ѣдетъ къ Владимиру. У Гильф. № 27 эта послѣдовательность нѣсколько спутана: Чурила живетъ въ Кіевѣ, а дальше говорится, что онъ пріѣзжаетъ «ко городу ко Кіеву, — Да ко славному царю(?) ко Владиміру»; слѣдуютъ: зазываніе Катерины, кормленіе коня, игра въ шахматы и — «тисова кровать». «Дѣвчонка челяночка» спрашиваетъ Катерину, кто у ней въ гостяхъ — «али братъ родной, али мужъ грозной»; Чурила сулитъ ей подарки, Катерина отговариваетъ.

Видитъ Чурила — дѣлати теперь нечего.
Поѣзжаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву;
Ко тому-то царю ко Владиміру,
Крестъ-то ведетъ по писа́ному,
А поклонъ-то ведетъ по уче́ному,
Бьетъ-то челомъ князю Владиміру:
«Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
Грозно-кіевскій великіи!»
Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
«Скажи, чей ты да откулешной,
Ты коёй орды, ты коёй земли,
Ты чьего отца, чьей-то матери?»
— Отца матери не помню теперь,
Есть молодецъ я Чурилушка Пленковичъ —.

(Конца пѣвица не помнила).

Пріѣздомъ въ Кіевъ кончается и былина о Чурилѣ у Гильф. № 127. Она требуетъ особаго объясненія.

Въ пѣсняхъ о князѣ Волконскомъ и *Ванькѣ* ключникѣ, — князь узнаетъ изъ доноса служанки[1]) о томъ, что его ключникъ живетъ съ его женой, велитъ его казнить, а она умираетъ. Имя ключника обыкновенно: Ваня, Ванюша, Иванъ, Иванушка. — Въ пѣсняхъ о «молодцѣ и королевнѣ» молодецъ любитъ царскую дочь, проговаривается о томъ во хмѣлю; развязка либо такая-же, какъ въ предъидущихъ, либо счастливая — и молодецъ отпущенъ во свояси. Такъ у Рыбн. III, № 52 (= Гильф. № 155):

Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву,

просится къ нему въ конюхи, попадаетъ черезъ три года въ *стольники*, въ *ключники*; Настасья королевна проситъ его себѣ въ *кроватники*, и отецъ

---

[1]) Сл. Кир. V, стр. 141: «Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку — Черезъ такую *подлость — самую послѣднюю*»; сл. стр. 142: *подлую .... послѣднюю;* р. 154: черезъ самую *подлячку черезъ послѣднюю;* 157: *подлячку послѣднюю.* Тоже въ былинѣ о Чурилѣ и Катеринѣ особаго состава (Рыбн. III, № 25): v. 18: черная, *послѣдняя подляночка;* v. 80: *послѣдняя подляночка.*

Пожаловалъ ей любимаго ключника
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьице
И натянуть соболино одѣяльице.

Онъ хвастается «въ царевомъ кабакѣ» своею связью съ королевной, ему велено отрубить голову, а онъ проситъ повести себя мимо королевнина окошечка. Она видитъ его, приказываетъ замѣнить его мертвымъ татариномъ, — а самого отпускаетъ, наградивъ казной, къ отцу и матери, женѣ и малымъ дѣтушкамъ. Сл. Рыбн. I, № 77 (Настасья); Гильф. № 162 (Настасья), № 184 (Елена). У Рыбн. III, № 53 молодецъ «отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ», заходитъ въ Литву; далѣе развитіе тоже (имя королевны Елена), но въ заключеніи — свиданье съ женой и дѣтьми. Сл. Рыбн. II, № 49 (имя молодца: Василій Буслаевичъ, но v. 19 заставляетъ предположить, что первоначально оно было другое: Дунай), № 50 (опущены: хвастовство и казнь; самъ король отпускаетъ молодца на родину); I, № 78 (королевна: Аннушка). — Король названъ: Литонскимъ, Литовскимъ, Политовскимъ (Прусскимъ, Шведскимъ).

Обратимся къ былинамъ о Дунаѣ: за немногими исключеніями, отчасти объясняемыми случайностью, Дунай обыкновенно указываетъ Владиміру на подходящую ему невѣсту, сверстницу. Какъ узналъ онъ о ней?

Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ,
У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ:
Ровно три года я былъ въ *кóнюхахъ*,
Три года у воротъ стоялъ,
У воротъ стоялъ *приворотничкомъ;*
Три года я у дверей стоялъ,
У дверей стоялъ *придверничкомъ;*
Три года я у стола-стоялъ,
У стола стоялъ — *стольничалъ.*
У того-же у короля у Ляховинскаго
Есть двѣ дочери, двѣ хорошія.

Когда Дунай является къ королю сватомъ, тотъ спрашиваетъ его, пріѣхалъ-ли онъ къ нему «по старому служить» (Кир. III, № 1, стр. 54—55). Подобныя указанія можно встрѣтить и въ другихъ редакціяхъ былины, досказывающей въ другомъ мѣстѣ исторію служенія Дуная при дворѣ Ляховинскаго — или Литовскаго короля. Такъ напр. у Рыбн. I, № 30: Дунай и Добрыня силой заставляютъ короля отдать за Владимира одну изъ своихъ дочерей Апраксію, которую и увозятъ. По дорогѣ ихъ нагоняетъ другая дочь, богатырша Настасья; Дунай не признаетъ её, бьется съ ней, сшибъ съ коня, хочетъ пластать груди бѣлыя, но

У его сердечушко ужахнулось,
А рука въ плечи застоялася.
«Что-же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
Въ одной бесѣдушки не сиживали,
Съ одной чарочки не кушивали?
А ты жилъ у насъ ровно три году:
Первый годъ жилъ ты въ *конюхахъ*,
А другой годъ ты жилъ во *чашникахъ*,
А третій годъ жилъ во *стольникахъ*».

У Кир. III, № 3, стр. 58—69 эти указанія сведены въ цѣлое, напоминающее пѣсни о королевичѣ: Дунай гуляетъ, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховинскому, три года служитъ *конюхомъ*, три года *стольничалъ*, три года *клюшничалъ*, Настасья королевична его у души держала. Онъ хвастается этимъ на пиру, осужденъ на казнь, но когда его ведутъ мимо дома Настасьи, она слышитъ его голосъ, велитъ на мѣсто его отрубить голову пьяницѣ кабацкому, а Дуная отпустить. Онъ приходитъ въ Кіевъ, и когда Владимиръ раздумался о невѣстѣ для себя — онъ является естественнымъ ему укащикомъ.

Сходство мотивовъ этой былины съ содержаніемъ пѣсенъ о Ванькѣ, Иванѣ-ключникѣ и о королевичнѣ ясно само собою. Иванъ могъ-бы съ точно такимъ-же правомъ выступить въ роли укащика — что и сдѣлала былина у Кир. III, № 4, стр. 70 слѣд.,

замѣнившая Дуная — Иваномъ Гостинымъ сыномъ, тогда какъ другая (l. с. № 1, стр. 9 слѣд.) называетъ его Иваномъ Годиновичемъ [1]).

Мы можемъ вернуться теперь къ былинѣ о Чурилѣ, Гильф. № 127: Щурилушко Щапленковичъ идетъ скитаться отъ «худой женишки», какъ Ванька ключникъ, «изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду», нанимается на десять лѣтъ въ услуженіе къ королю Литовскому. Стосковался онъ по своей сторонѣ; королевна даетъ ему денегъ на дорогу; онъ идетъ «по городу да Океанову», заходитъ въ кабакъ и здѣсь въ пьяномъ видѣ хвастаетъ:

«И я жилъ, молодецъ, у короля въ Литвы,
. . . .
И спалъ я у дочери королевскоей,
И спалъ я на правой руки,
И на правой руки у бѣлой груди,
Цѣловалъ ю во уста да й во сахарныи.»
И услыхали тутъ короля да литовскаго
А слуги вѣдь да и вѣрныи,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи и т. д.

Чурила проситъ повести его на казнь («на поле Куликовое») мимо королевскаго дома, а королевна также спасаетъ его (нѣтъ лишь замѣны татариномъ, либо пьяницей), какъ въ другихъ пѣсняхъ Ивана и Дуная: «да спустите на волю да й на вольнюю». Снова идетъ Чурила по городу «Кіанову» (сл. выше «Океяновъ), вышелъ на дорогу; видитъ впереди пахаря, до котораго доходитъ лишь на третій день (неумѣло пріуроченный эпизодъ изъ пѣсни о Микулѣ Селяниновичѣ) [2]); здоровается съ престарѣлыми родителями, —

[1]) Сл. выше, стр. 53.

[2]) Чурила въ роли Вольги, съ Дюкомъ, въ роли Микулы, встрѣчается еще у Барсова, Пам. нар. творчества въ Олон. губерн., стр. 18 слѣд.: Чурила нагоняетъ Дюка-пахаря лишь на третій день — что отвѣчаетъ извѣстному эпизоду пѣсенъ о Вольгѣ, который съ трудомъ нагоняетъ пахаря Микулу и не въ силахъ опередить его кобылу на своемъ конѣ. Это вызвало память о скачкѣ Чурилы и Дюка въ былинахъ о послѣднемъ: слѣдуетъ скачка богатырей, осложненная мотивомъ поединка, въ которомъ Дюкъ оказывается побѣжденнымъ. Онъ будетъ меньшимъ братомъ, Чурила бо̀льшимъ, и какъ у Гильф. № 127 одинъ Чурила, такъ здѣсь онъ и Дюкъ ѣдутъ на службу къ Владиміру.

«да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ». Отдохнувъ три дня, ощутивъ «по себѣ силу великую», онъ

ладитъ итти да вѣдь во Кіевъ градъ
Да ко солнышку князю́ да ко Владимиру,
Да даваться-то на службу богатырскую.
Ёнъ пришолъ-ли то ко городу ко Кіеву
На этотъ-ли на дворъ на княженецкой-то,
. . . .
Ёнъ крест-отъ кладётъ да по писа́ному,
Да поклон-отъ ведетъ по учоному,
И на двѣ, на три, на четыре сторонки поклоняется,
Да солнышку князю́ да вѣдь Владимиру
Ёнъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину,
Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:
«И ты солнышко Владимиръ князь стольнё-кіевской,
И возьми-тко мня въ службу богатырскую.»

Князь принимаетъ его. Былина кончается, стало-быть, совершенно также, какъ Гильф. № 27: тамъ приключеніе съ Катериной помѣщено передъ поѣздкой Чурилы въ Кіевъ; здѣсь точка отправленія была иная: послѣдовательная служба Чурилы при Владимировомъ дворѣ въ званіи чашника, стольника, постельника, позовщика-зазывателя, эпизодъ съ Апраксіей (быть можетъ, приравненный къ приключенію съ Катериной?) и удаленіе Чурилы отъ двора — всё это вело съ сближенію съ соотвѣтствующей схемой пѣсенъ объ Иванѣ ключникѣ-королевичѣ-Дунаѣ: съ послѣдовательной службой въ конюхахъ, стольникахъ, ключникахъ, кроватникахъ, любовью королевны — и отъѣздомъ молодца; въ былинѣ о Дунаѣ Кир. III, № 3, стр. 58—69 — въ Кіевъ, какъ и въ разбираемой нами пѣсни о Чурилѣ. Ясно, что послѣдняя сложилась, хотя изъ собственныхъ матеріаловъ, но по типу другихъ пѣсенъ, представлявшихъ сходныя положенія; что Гильф. №№ 27 и 127 являются, во первыхъ, продуктомъ выдѣленія былинъ изъ кіевской связи и — вторичной попытки привести ихъ въ эту связь, послѣ развитія на сторонѣ. Для обратной гипотезы,

что въ нихъ сохранились образчики пѣсенъ о Чурилѣ до ихъ пріуроченія къ Владимиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый слѣдъ этого пріуроченія, повлекшаго за собою перенесеніе въ Кіевъ всего, что когда-либо пѣлось о Чурилѣ — для подобной гипотезы Гильф. №№ 27 и 127 представляютъ слишкомъ мало данныхъ. — Я принужденъ оставить безъ прямаго отвѣта и другой вопросъ, открываемый сопоставленіемъ былинъ о Чурилѣ — и о ключникѣ-королевичѣ: мотивъ служенія по восходящей степени и любовь княгини-королевны встрѣчается тамъ и здѣсь; на какой сторонѣ преимущество бо̀льшей древности и возможно-ли здѣсь предположеніе заимствованія или только вліянія, съ той или другой стороны? Я не рѣшусь въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ указанію на «общіе эпическіе мотивы», которые могли пристать одинаково тамъ и здѣсь, безъ внутренняго содержательнаго повода. Такое предположеніе можно-бы допустить, a priori, развѣ для аналогичнаго эпизода въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ.

Заключу указаніемъ на одну странную былину, отзывающую сказочно-книжномъ складомъ: о пагубѣ «молодаго дѣтинушки Гусина Плёнковича Бусурьманищемъ Шаркомъ великаномъ». — «Горемычно стало Шарку великану свою жизнь коротати»: палъ его конь, изломался мечъ, «обуяла имъ страсть побѣдная» къ Марьѣ, Лебеди Бѣлой. «Молодой дѣтинушка» Гусинко Плёнковичъ» (= Чурило), съ которымъ онъ братается, указываетъ ему «у князя у Новгородьскаго» (sic) — жеребенка не объѣзженнаго — онъ будетъ ему подъ стать; въ Кіевѣ, въ палатахъ Владимира, мечъ кладенецъ; но когда великанъ проговорился о своей страсти къ Марьѣ, Гусинко Плёнковичъ останавливаетъ его: тебѣ-ли, бусурманскому сыну, «рѣчи таки вымолвливать»? «Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно», схватилъ Гусинка за его бѣлую грудь, закинулъ его за тридевять земель (Рыбн. II, № 25).

Эта невѣроятная былина записана г. Шкалинымъ, какъ и слѣдующая, служащая ей какъ-бы продолженіемъ и того-же

стиля (Рыбн. I, № 51): о состязаніи Шарка великана съ Дюкомъ Степановичемъ «Ко святой Руси Шаркъ-великанъ широку дорожку прокладывае», очевидно — въ Кіевъ; Дюкъ слышитъ о томъ, молится, проситъ благословенія у отца(?) и матери: хочетъ выѣхать противъ недруга. Два раза они съѣзжаются, но Дюкъ струсилъ и откладываетъ поединокъ; въ третій разъ, когда его конь попятился по прежнему, онъ вступаетъ въ пѣшій бой: мечи разсыпались въ черепья, враги сплетаются руками, кровь течетъ ручьемъ; тутъ Дюкъ вспоминаетъ — о запасномъ мечѣ, которымъ и сноситъ противнику голову.

Связь этой псевдо-былины съ предъидущей поддерживается отчасти 1) испорченной пѣсней у Рыбн. I, № 52, гдѣ на Дюка перенесенъ сюжетъ Хотена Блудовича, а невѣста Дюка, зовется «*Бѣлой Лебедью*» — какъ въ былинѣ о Чурилѣ и Шаркѣ является Марья *Лебедь Бѣлая*, и 2) Рыбн. II, № 26, записанной тѣмъ-же г. Шкалинымъ и представляющей смѣшеніе пѣсенъ о спорѣ Дюка съ Чурилой — съ мотивами Шарка: Дюкъ ѣдетъ въ Кіевъ, по просьбѣ царевны вступаетъ въ состязаніе съ Чурилой (Гусинко Пленковичъ), её самое увозитъ, тогда какъ его вѣрный слуга, Никита Полица схватываетъ Чурилу,

Ко вѣдьмы Кіевской во темну яму забрасыватъ,

какъ Шаркъ Чурилу у Рыбн. II, № 25. — Царевна не названа, но осталась память объ ея прозвищѣ, гдѣ мы вовсе не ожидали-бы встрѣтить её: Дюкъ хвалится конемъ,

Не гнаться за мной самой кобылѣ *Бѣлой Лебеди* (!).

Шаркъ великанъ, по объясненію Безсонова (Кир. IV, Приложеніе, стр. CXV), искаженіе имени *Шарукана*, хана половецкаго, котораго мы встрѣтили выше властителемъ Сугрова = *Сурожа* (Брунъ). Если такъ, то его враждебное столкновеніе съ *Сурожаниномъ Чурилой* было-бы — заманчивымъ отзвукомъ изъ сѣдой дали, исторической нотой, удержавшейся въ широкой гармоніи эпоса. Къ сожалѣнію, былины о Шаркѣ такъ сильно отзываются стилемъ лубка и какъ-бы намѣренной складкой, что на нихъ трудно

что-либо построить. Интересно и прочно въ нихъ сопоставленіе Чурилы и Дюка въ борьбѣ съ однимъ и тѣмъ-же врагомъ, при различномъ исходѣ дѣла: Чурила, «молодой дѣтинушка», оказывается побѣжденнымъ, Дюкъ побѣдителемъ. Когда Чурила и Дюкъ сходятся вмѣстѣ, напр. въ пѣсняхъ объ ихъ щегольствѣ, бѣгѣ въ запуски, ихъ роли оказываются тѣ-же (исключеніе представляетъ лишь испорченная былина у Барсова, Пам. стр. 18 слѣд.). Это отличіе лежитъ въ ихъ пѣсенномъ типѣ: Дюкъ — выходецъ изъ «Индіи богатой», оттого у него все чудесно: и нарядъ и роскошь жизни и невѣроятной быстроты конь; всё это оттѣняется и тѣмъ болѣе выставляется на показъ сопоставленіемъ съ нимъ Чурилы, который уходитъ на задній планъ. Въ царство Дюковой матери ѣдутъ послы Владимира и входятъ въ страну чудесъ; въ типѣ Чурилы нѣтъ ничего баснословнаго, онъ главнымъ образомъ красавецъ-щеголь, и я не далекъ отъ предположенія, что поѣздка Владимира въ его помѣстья на Сорогѣ сложилась по подобію соотвѣтствующаго эпизода пѣсенъ о Дюкѣ — и подъ вліяніемъ его сопоставленія съ Чурилой. Существеннымъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго «щапленія», впечатлѣніе, какое онъ производитъ на женщинъ — и на Апраксію (если здѣсь дѣло не въ типическомъ положеніи); его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ, который указалъ на него Владимиру, быть можетъ, побратался съ нимъ — и былъ имъ, впослѣдствіи, обманутъ. Какъ видно — это матерьялъ новеллы, не фабліо о невѣрной женѣ гостя Терентьища, наставляемаго скоморохами (Кирша № 2, Рыбн. III, № 43), а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giraldi Cintio.

Иллюстрируя былины о Чурилѣ необходимо имѣть въ виду заѣзжаго гостя изъ франкскаго, т. е. итальянскаго Сурожа, и впечатлѣніе чужой, блестящей цивилизаціи, увлекавшей однихъ, тогда какъ другіе находили для нея призрительныя слова протеста. «Ай ты, Чурило сухоногое — Поди, щепи ты съ дѣвками да съ бабами» (Рыбн. III, 29; сл. IV, №№ 9, 10; Гильф.

№№ 225, 230), ходи за бабами по Кіеву (Рыбн. I, № 48), «бабами уплаканный» (l. c. № 49; сл. Гильф. № 152), «бабій умоленникъ и старушій упрашивальникъ» (Рыбн. II, № 30), — говоритъ Чурилѣ, побѣдивъ его въ конскомъ бѣгѣ, Дюкъ Степановичъ. — Такъ наши древніе ревнители протестовали противъ мірской утѣхи, противъ прельщеній латинства, а суровые французы сѣвера противъ лоска и изнѣженности провансальцевъ. — Чурила остался героемъ любовной новеллы, случайно перенесенной въ былину; такимъ-же помнила его старая малорусская свадебная пѣсня:

Ішов Журило з міста,
За німъ дівочок триста.

Въ варьянтѣ, слышанномъ Липинскимъ, еще удержалась древняя форма имени: Чурило; пляска, сопровождавшая пѣсню, носила названіе: *Джурыло* или *Цюрыло* [1]). Это одинъ изъ рѣдкихъ слѣдовъ эпоса, удержавшихся въ поэзіи народнаго обряда.

---

[1]) Жегота Паули, ч. II, стр. 149—150; Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. нар. I, 54—56; Петровъ, Слѣды сѣверно-русск. былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ, Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1878, стр. 387. Сл. еще Дашкевича, Былины объ Алешѣ Поповичѣ (Кіевъ, 1883), стр. 55—56 прим. Съ статьей г. Дашкевича я могъ познакомиться уже во время печатанія этой работы.

VI.

Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ.

За исключеніемъ трехъ испорченныхъ былинъ о Дюкѣ (Рыбн. I, № 51, 52 и II, № 26), разсмотрѣнныхъ нами въ концѣ предъидущей главы, всѣ остальныя — ихъ было у меня подъ руками до 30 №№ — развиваютъ одно и то-же содержаніе, представляя сходный планъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не ограничиваются однимъ какимъ нибудь эпизодомъ цѣлаго. Въ общихъ чертахъ планъ этотъ представляется слѣдующій: 1) выѣздъ Дюка; 2) Дюкъ въ Кіевѣ; его похвальба и состязаніе съ Чурилой; 3) послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери. — Въ § 1 выдены, въ нѣсколькихъ пересказахъ, подробности, лишь развивающія идею «препятствія» (заставы; встрѣча съ Ильей и Идолищемъ); между § 2 и 3 порядокъ кое-гдѣ перебитъ, но легко возстановимъ путемъ сравненія. — Царство Дюка географически опредѣляется: это *Индія* (Рыбн. I, № 47, 49, Гильф. № 152, 159); *Индія и Корела* (Рыбн. II, 27, Гильф. № 9) *или Корига* (Рыбн. III, № 31); *Индія, Волынъ-городъ, Галица проклятая* (Рыбн. I, № 48; сл. Гильф. № 85: Галичь, Индія, Волынъ; ib. № 218: Волынъ, Индія, Галицъ); *Волынецъ, Галичъ, Сорочина, Индія* (Рыбн. II, № 29); *Волынъ, Галичъ, Сорочина, Ко-*

рела, Индія (Рыбн. II, № 28, Гильф. № 225); *Галичъ, Волынь, Карела, Индія* (Рыбн. III, № 29); *Индія, Корела, Волынецъ* (Рыбн. III, № 30; Гильф. № 115); *Волынецъ, Галичъ, Корела* (Гильф. № 213, 230; Кир. III, № 2, стр. 101; Барсовъ, Пам. нар. творства въ Олонецкой губ., стр. 71 слѣд.); *Галичъ, Корела* (Рыбн. II, № 30; IV, № 9); *Волынь, Галичъ* (Гильф. № 243; сл. ib. № 279: Изъ Волынца-то города изъ Далеча!); лишь въ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50: Клинъ! — Соединеніе Индіи богатой и Корелы проклятой встрѣчается, какъ общее мѣсто, и въ другихъ былинахъ. Сл. Рыбн. IV, № 17 = Гильф. № 12.

Перейдемъ къ изложенію былины.

I.

1) *Выѣздъ Дюка.* Онъ снаряжается въ путь: описываются его лукъ и стрѣлы (полтораста Кир. III, № 1, стр. 101; триста три, ib. № 2, стр. 102, Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; триста тридцать три Рыбн. II, № 28; тридцать три Гильф. № 279), между которыми три драгоцѣнныя:

Колоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы — за синимъ моремъ,
Своимъ устьемъ впала въ сине море.
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронялъ онъ перьица во сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,

Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По камешю по дорогу самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перѣвивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ сиия моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго

(Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., v. 41 слѣд.). У Кир. III, № 1, стр. 100—1 орелъ роняетъ тѣ перья «въ Окіянъ море», ихъ собираютъ корабельщики — «плоты плотить, корабли снастить»; либо: орелъ сидитъ «на синенькомъ на камешки» (переходъ эпитета отъ «сиия моря»), роняетъ перья, ихъ подбираютъ гости-корабельщики, покупаютъ «мужики-то индѣйскіе», Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, сл. ib. № 159. Сл. Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29 = Гильф. № 225: орелъ садится

На бѣлъ каменный стеняпъ,
И кроится перьяча орлиныя,
Отлетаетъ на море на синее;
И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
И обираютъ перьица сиза орла,
Развозятъ перьица по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
Дарятъ царей и царевичевъ,
Дарятъ королей да и королевичевъ,

Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырей.

. . . .

А тымъ эти стрѣлы дороги:
Втераны были въ пяты
Каменье самоцвѣтное, все яхонты;
Гдѣ стрѣла летитъ,
Отъ нея лучь печетъ:
Въ день — красно солнышко,
Въ ночь — отъ свѣтлаго мѣсяца.

(Сл. Рыбн. IV, № 9). У Рыбн. III, № 30 орелъ сидитъ на камени,

На тоемъ на камени на латырѣ;
Аще тотъ орелъ своразнется,
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ,
Тутъ ѣздятъ гости-корабельщики,
И берутъ-то перья орловые и т. д.

(Сл. Гильф. №№ 115, 230). Послѣдняя подробность (о пѣтухахъ), вѣроятно, апокрифическая, указывающая на источники нашего стиха о Голубиной книгѣ [1]).

---

[1]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 213, 215—216, прим. — Сл. въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ Ильи его встрѣчу съ разбойниками: описывается богатое вооруженіе Ильи: у коня промежъ ушей «вплéтанъ былъ свѣтёлъ камень», ради темной ноченьки; «Розстрѣлялъ я всѣ стрѣлки каленыя, — Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ» (Гильф. № 305). Къ нимъ, а не къ шляпѣ, какъ у Гильф. № 291, или сѣдлу (ib. № 287) относилась первоначально подробность объ орлиныхъ перьяхъ:

Перена она перьемъ орлиныимъ,
Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
И того-ли орла, кой леталъ по крутымъ горамъ,
Ударился онъ о горючь камень,
Обломалъ онъ перья орлиныя.
Ѣхали купцы Измайловски,
Собирали перье орлиное,
Везли-то старому въ подарочкахъ.

Измайловскіе купцы, вѣроятно, *измаилитскіе*, отвѣчающіе *индѣйскимъ* въ былинахъ о Дюкѣ, упоминающихъ рядомъ съ Индіей — и *Сорочину*. Сл. выше, стр. 48, купцовъ *вавилонянъ* въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

На другихъ частяхъ Дюкова вооруженія былины останавливаются мало: лишь Кир. III, № 2, стр. 101 (= Кирша Даниловъ) даетъ ему «куякъ и панцырь чиста серебра», кольчугу «красна золота»[1]), да въ Гильф. № 218 говорится о «сбруѣ лыцарской»: остромъ мечѣ «подъ пазухой», тугомъ лукѣ на плечѣ и булатной палицѣ, которую Дюкъ «въ кольцо кладалъ». — Все вниманіе обращено на его бурушку, описаніе котораго восполняетъ, въ одномъ цѣльномъ образѣ, матерьялы, собранные нами въ другомъ мѣстѣ (см. гл. III) для характеристики богатырскаго коня въ нашемъ эпосѣ. — Бурушко, каурушко, маленкій, косматенькій принадлежитъ къ типу чудеснаго жеребенка, встрѣченному нами въ пѣсняхъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ: тамъ онъ объявился намъ, въ связи съ цѣлымъ, возстановленнымъ нами преданіемъ, какъ принадлежащій къ его древней основѣ; здѣсь, при Дюкѣ, онъ, можетъ быть, лишь перенесенный. Какъ бы то ни-было, но подобно конямъ Армури и Ираклія, и онъ представляется жеребенкомъ (сл. Гильф. № 20: Бралъ коника да мала шахманка), лошадочкой малешенькой, удалешенькой (Ефименко, Матеріалы, стр. 18), «не ѣзжанымъ» Гильф. № 218, 225, 230:

Выбиралъ коня собѣ да добраго,
Коня добраго да не ѣзжалаго,
Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
Да шерсть у бурушка по три пяды,
А грива у бурушка да трёхъ локотъ,
А фостъ у бурушка да трёхъ сажонъ,
А фостъ и грива до сырой земли,
Фостомъ слѣды да онъ запахиватъ

(Гильф. № 230; сл. ib. № 225; Рыбн. II, № 28). — Какъ жеребенокъ Армури «стоитъ какъ вкопанный», такъ и конь Дюка

[1]) Тѣми-же чертами описано у Кирши № XXI и вооруженіе Михайла Казаринова, выѣзжающаго, подобно Дюку, «изъ Волынца города изъ Галичья». Послѣднее указаніе, встрѣтившееся намъ въ пѣсняхъ о Михайлѣ (=Алешѣ), лишь въ пересказѣ Кирши, обличаетъ вліяніе запѣва какой-нибудь былины о Дюкѣ, въ родѣ Кирши № III.

вросъ въ землю, и онъ поитъ и кормитъ его, прежде чѣмъ пуститься въ путь, какъ Иванъ Гостиный сынъ своего бурушку:

По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поилъ бурка питьемъ медвяннымъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 159). — Слѣдуетъ подробное описаніе, какъ герой сѣдлаетъ своего коня, повторяющееся и въ другихъ былинахъ съ тѣми-же общими мѣстами, на которыя мы уже имѣли случай обратить вниманіе (см. выше стр. 16—17, 20—1):

Сталъ сѣдлать-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верёхъ накладывалъ сѣделышко Черкасское
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія и т. д.

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30; Гильф. №№ 9, 115, 159, 213, 218, 279). Конь оказывается «крылатымъ» (Рыбн. II, № 27); быстрота его описывается знакомыми намъ (см. выше стр. 11) типическими чертами:

Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли — куда поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
Поѣхалъ молодецъ поверхъ травы,
Поѣхалъ молодецъ ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго

(Рыбн. II, № 28). Сл. Рыбн. III, 29, 30, 31; Гильф. № 9, 115, 218, 225, 230; Гильф. №№ 20, 213 и 230 (см. стр. 1105: Не поспѣть къ христосскіи заутрены) прибавляютъ новыя подроб-

ности, напоминающія извѣстную быстроту Всеслава Полоцкаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ,
Ко заутренки пошелъ христосскіи,
И отстоялъ заутренку христосскую.
Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церквы,
Отъ тыи заутрены отъ христосскіи,
Набъ поспѣть къ обѣденки христосски
И ко стольнёму городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру.
. . . .
А й выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
И толь садился ёнъ да на добра коня.
. . . .
Какъ пошолъ его добрый конь въ полъ дерёвца,
Ёнъ приправилъ коня повыше деревца,
А й повыше деревца стоячаго,
А й пониже онъ облачка ходячаго.
И разстаяньица было немножечко
Отъ Волынца города отъ Галича
И до стольнёго города до Кіева,
До ласкова князя до Владыміра,
Разстаянья было триста тридцать верстъ.
Переѣхалъ боярской Дюкъ Степановичъ

(Гильф. № 213).

Кіевъ — конечная цѣль Дюковой поѣздки. Какъ распредѣлился первоначально въ былинахъ разсказъ о ней? Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ нашего взгляда на значеніе эпизода о «заставахъ», встрѣчаемыхъ Дюкомъ на пути въ нѣкоторыхъ пересказахъ пѣсни. Изъ многихъ, бывшихъ у меня подъ рукой, десять начинаются съ разсказа объ охотѣ Дюка, послѣ чего слѣдуетъ его просьба къ матери — отпустить его на подвиги, къ князю Владиміру. Такъ у Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152: тамъ и здѣсь къ эпизоду охоты неловко припутано и добываніе Дюкомъ орлиныхъ перьевъ, которыми украшены его стрѣлы; сл. Рыбн. II, № 28, III, № 29, 30, 31, Гильф. 20, 115, 159, 225, 230. —

Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., гдѣ просьба къ матери опущена, не идетъ въ сравненіе ни съ указанными былинами, ни съ тѣми, гдѣ порядокъ представляется обратный: просьба Дюка къ матери — и охота: такъ у Рыбн. I, № 47, II, № 27, 30, Гильф. № 218 (сл. ib. № 279). — Въ первой группѣ охота Дюка разсказана такимъ образомъ: онъ ѣздитъ у синя моря, стрѣляетъ гусей, лебедей, сѣрыхъ малыхъ уточекъ, разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы. Слѣдующая за тѣмъ просьба къ матери мотивирована лишь въ трехъ пересказахъ: у Рыбн. III, № 31:

Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
По тѣмъ-ли по мелкіимъ по заводямъ
И по тѣмъ-ли луговьямъ по зеленымъ,
И не наѣхалъ богатырь въ чистомъ поле себѣ супротивника,
Только слышалъ въ далекѣ-далечѣ чистомъ полѣ про Кіевъ градъ:
Кіевъ градъ на красы стоитъ,
На красы стоитъ да упечечьи,
Во Кіевѣ князь-богачъ живетъ.

У Гильф. № 230 Дюкъ, возвращаясь съ охоты, встрѣчаетъ каликъ, идущихъ изъ Кіева, и узнаетъ отъ нихъ, какъ далекъ онъ отъ Галича, и какія на прямой дорогѣ заставы. — Наконецъ въ № 20 Гильф. богатырь выѣзжаетъ въ чисто поле,

Хоче пóстрѣлить да чорна ворона.
Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
«А й же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Не збей моей туши о сыру́ землю,
А й не рушай моихъ перьевъ по чисту́ полю,
Не пролей-ко крови по сыру́ дубу!
Слава тая по Ру́си носится:
Старца убить, не спасе́ньё добыть,
Во́рона убить не коры́сть получить.
А й поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
Есте во Кіеви бога́тыри,
Е кому да тамъ поправиться,
Е кому съ тобой да супротивиться.

Дюкъ знаетъ теперь, гдѣ ему искать супротивника — и слѣдуетъ его просьба къ матери, съ которой, наоборотъ, начинается другая группа пѣсенъ о немъ. — Передавая этотъ эпизодъ, общій той и другой группамъ, мы слѣдуемъ обѣимъ.

Дюкъ хочетъ «поразмять своего плеча богатырскаго», съѣздить въ далеко чисто поле. Говоритъ его мать, Мамелфа Тимоѳеевна:

«Ай-же ты, мое рожоно дитятко,
Молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
Не бывалъ ты, молодецъ, во чистомъ полѣ,
Не слыхалъ ты крику звѣринаго,
Визгу-писку Татарскаго,
Не видалъ поѣздки богатырскія:
Не можешь вынесть изъ чиста поля головушки.
А лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко стольному ко князю ко Владиміру,
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
Заводитъ столованье почестенъ пиръ,
На поѣздѣ удалыихъ много жалуетъ,
Жалуетъ безсчетной золотой казной.
. . . .
Какъ поѣдешь во далече далече чисто поле,
Не идь-ка ты на славну на Палачь-гору Аѳанасьеву:
На тую гору много заѣзжаетъ добрыхъ молодцевъ,
А вѣдь-то мало выѣзживаетъ.
А още-ль случится тебѣ путь
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко стольному ко князю ко Владиміру,
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
Заводитъ столованье почестенъ пиръ:
На честномъ пиру не хвастай сиротскимъ имѣньицемъ,
Имѣньицемъ сиротскимъ, богачествомъ,
Не хвастай мною матушкой» (Рыбн. I, 47, см. II, № 30).

Въ другихъ пересказахъ самъ Дюкъ изъявляетъ желаніе посмотрѣть на князя Владиміра и его могучихъ богатырей, на

Апраксію и на Кіевъ, что «на красы стоитъ», Рыбн. I, № 47: Скажутъ, вашъ городъ на красы стоитъ, на угожествѣ, — Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живетъ; ib. № 49: Что Кіевъ-градъ очень красивъ — добрисъ; Гильф. № 9: въ чести́ въ добри; Барсовъ, l. c., стр. 71: Кіевъ-градъ на горы стоитъ; Рыбн. III, № 31: на красы стоитъ да упечечьи. (Сл. Рыбн. II, № 51, стр. 274 въ сказкѣ-былинѣ о Дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ: славенъ Кіевъ градъ на красы стоитъ, на красы-басы на великія). Сл. Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29, 30; IV, №№ 9, 10; Гильф. № 20, 85, 115, 159, 213, 225, 230; Ефименко, Матеріалы, № IV, стр. 17—18, № IX, стр. 36. — Предупрежденіе матери — не хвастать — является довольно общей чертой: сл. Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. I, № 50; II, № 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 20, 85, 213, 218; Ефименко, l. c.; но рядомъ съ этимъ цѣлая группа пересказовъ вводитъ и другой мотивъ: мать предупреждаетъ сына объ опасностяхъ, ожидающихъ его на пути. Иногда это — «заставы» баснословнаго характера въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаетъ царевичъ народныхъ сказокъ, напр. греческой сказки о Безсмертной водѣ [1]), и нашъ Егорій храбрый въ духовныхъ стихахъ о немъ [2]); иной разъ —

---

[1]) Амарантосъ или розы возрожденной Эллады, собр. Георг. Эвлампіосъ (СПБ. 1843), стр. 88.

[2]) Въ моихъ Разысканіяхъ II, стр. 143, разбирая эпизодъ «заставъ» въ большомъ стихѣ о Егоріи Храбромъ, я предположилъ, что основною въ немъ чертою могли быть «горы толкучія». Я полагаю теперь, что этотъ образъ внушенъ мѣстными палестинскими легендами. Въ храмѣ св. Георгія въ Діосполисѣ находится колонна, къ которой привязано было колесо, орудіе казни святаго. «Εἰς τὸν αὐτὸν κιόνα ἐστι μάρμαρον τετρυπημένον ποιοῦν σημεῖα. Ἐὰν ἐξαγορεύσῃς, δύνασαι διελθεῖν ἀκωλύτως καὶ εὐκόλως· ἐὰν δὲ οὐκ ἐξαγορεύσῃς, διελθεῖν οὐ δύνασαι. Καὶ πρὸς δύσιν τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὡς ἀπὸ μιλίων τεσσάρων, ἐστὶ τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγξεως καὶ οἱ ἀτόκιοι λίθοι, οἷς λέγουσιν οἱ προφῆται· Ὅτε ἡμεῖς σιωπήσομεν, οἱ λίθοι οὗτοι κράξονται» (Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 5). Сближеніе двухъ подробностей: непроходимаго для не покаявшихся отверстія въ колоннѣ — и неплодныхъ камней могли быть точкой отправленія для поѣздки Георгія — между толкущихся горъ. — Интересно у Епифанія сочетаніе «воды испытаніи» и «неплодныхъ

богатырская застава, съ Ильей во главѣ; либо то и другое является въ соединеніи. — У Рыбн. I, № 49 мать говоритъ, что на прямой дорогѣ къ Кіеву

Есть три заставы великія.
Первая застава великая:
Стоятъ тутъ горы толкуціи;
Тыи-жь какъ горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
Есть другая великая тамъ застава:
Сидятъ тамъ птицы клевуціи;
Тые птицы тебя съ конемъ склюютъ,
Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,

камней». Первая восходитъ къ библейскому испытанію чистоты женъ (не дѣвственницъ), которымъ давали испить «горькія воды»; неплодные (не рожающіе) камня принадлежатъ, не смотря на ссылку на «пророковъ» (Луки, 3, 8; 19, 40), спеціально нашему тексту. Въ протоевангеліи Іакова такъ испытывается дѣвственность Маріи и Іосифа: «καὶ εἶπεν ὁ ἱερεύς· Ποτιῶ ὑμᾶς τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγξεως Κυρίου, καὶ φανερώσει τὰ ἁμαρτήματα ὑμῶν ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν. Καὶ λαβὼν ὁ ἱερεὺς ἐπότισεν τὸν Ἰωσήφ, καὶ ἔπεμψεν αὐτὸν εἰς τὴν ὀρεινήν· καὶ ἦλθεν ὁλόκληρος. ἐπότισεν δὲ καὶ τὴν Μαριάμ, καὶ ἔπεμψεν αὐτὴν εἰς τὴν ὀρεινήν· καὶ ἦλθεν ὁλόκληρος». Сл. маршрутъ Зосимы (Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 66): *церковь Георгія; домъ Захаріи*, гдѣ родился Предтеча; «И есть тутъ *кладязь*, а глаголютъ: коли дѣвицы испіютъ тое воды, а не сохранили дѣвства своего, ино имъ уста позлатѣютъ; сія же *вода* взовъ (?) есть *на обличеніе*. И оттуду поидохъ къ *камени*, идѣ-же Елисаветъ скрыся со младенцемъ отъ Иродовыхъ слугъ».

Пользуюсь случаемъ для замѣтки къ Разысканіямъ X, стр. 377: опущены при печатаніи свѣдѣнія о древѣ распятія въ Иверскомъ монастырѣ у Даніила Паломника и Гогары, Сахаровъ, l. c., стр. 26 и 114. — Въ «Διήγησις Δανιὴλ μητροπολίτου Ἐφέσου καὶ περίοδος τῶν ἁγίων τόπων» (конца XV вѣка), издаваемомъ проф. Дестунисомъ для Православнаго Палестинскаго Общества, такъ объясняется причина наименованія Иверскаго монастыря Крестнымъ: «ὑποκάτω τῆς ἁγίας τραπέζης τοῦ ναοῦ τούτου ἐστὶν ὥσπερ τις ὀμφαλὸς διὰ μαρμάρου, ἐν ᾧ φασι τόπῳ τοὺς τρεῖς δαλοὺς ξηροὺς ὄντας ὁ Λὼτ μετὰ τὸ ἁμαρτῆσαι ὁδηγίᾳ δηλονότι τοῦ τε Ἀβραὰμ καὶ μάλιστα τοῦ ἱερέως ἐκείνου Μελχισεδὲκ ἐφύτευσεν, οἵ τινες βλαστήσαντες καὶ ἑνωθέντες καὶ δένδρον ἓν ὑψίκομον γεγονότες, ὕστερόν τε ὑπὸ τοῦ Σολομῶντος τοῦ δένδρου ἀποκοπέντος καὶ ἀχρήστου εὑρεθέντος, ἐν τῇ οἰκοδομῇ τοῦ ναοῦ τοῦ ὑπ' αὐτοῦ κτιζομένου, ἐξ αὐτοῦ τοῦ ξύλου κατασκευασθῆναι ὕστερον τὸν τοῦ Χριστοῦ σταυρὸν οἰκονομικῶς φασι (гл. 14, стр. 17—18).

Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
Есть третія великая тутъ застава:
Лежитъ Змѣище-Горынчище,
О двѣнадцати змия о хоботахъ;
Тоя змия тебя съ конемъ сожретъ и т. д.

Дюкъ счастливо минуетъ всѣ три заставы: не успѣли горы столкнуться, птицы расправить крылья, змѣй свой хоботъ, какъ онъ уже проскакалъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152). Сл. Гильф. №№ 9, 159: тоже; 85 (змѣи поклевучіе, звѣри поѣдучіе, горушки толкучія).

Иначе въ другой группѣ былинъ: Рыбн. I, № 47, II, № 30, III, № 31, Гильф. № 218, 279: заставъ нѣтъ, мать совѣтуетъ Дюку не заѣзжать на «славну на Палачь-гору Аѳанасьеву» (Рыбн. I, 47; Рыбн. II, 30: гора шеломчатая; Гильф. № 218: Палань-гора; у Гильф. № 279 вмѣсто того: Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полё). Дюкъ не слушается и ѣдетъ: разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы (Рыбн. I, 47, II, № 30, Гильф. № 279),

И наѣхалъ во сыромъ дубу черна ворона,
Черна ворона граючаго,
Самъ говорилъ таково слово:
«Ай-же ты, воронъ, птица вѣщая,
Вѣщая птица, граючая!
Натяну какъ свой тугой лукъ,
Положу-то калену стрѣлу,
Спущу-то тетиву шелковую,
Распущу твое перье по чисту полю,
Пролью кровь твою по сыру дубу,
Предамъ ти смерти напрасныя:
Не попадайся-ка на выстрѣлъ впереди богатыря!»
Испровѣщилъ воронъ языкомъ человѣческимъ:
«Ай-же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Не бей-ка ворона на сыромъ дубу,
Не проливай моей крови горючія:
Поѣзжай-ка още впередъ по чисту полю,
Такъ найдешь себѣ поединщика,
По плечу себѣ супротивника.

Дюкъ, дѣйствительно, наѣзжаетъ въ полѣ на шатеръ, въ которомъ спитъ какой-то богатырь; изъ того, что его конь смирно сталъ рядомъ съ богатыревымъ, онъ заключаетъ, что хозяинъ его не тронетъ — и онъ будитъ его. Спалъ, оказывается, Илья Муромецъ. Онъ спрашиваетъ Дюка объ его имени и изотчинѣ и зачѣмъ разбудилъ его: помощь-ли его ему нужна, или хочетъ съ нимъ «спробовать силы-удачи молодецкія». Но тотъ и не думаетъ помѣряться съ Ильей:

Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?
Тебѣ смерть на бою не написана;
А мнѣ ѣхать съ тобой въ чисто поле,
Положить надоть буйная головушка.
Не на то будилъ, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,
А на то будилъ, что будетъ надежный товарищъ въ чистомъ полѣ,
Повыучитъ всѣмъ похматкамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ.

Тутъ богатыри «крестами побраталися», стали пить зелено вино, какъ является «изъ чиста поля поганый Идолище», ищущій себѣ поединщика, пожирающій «по быку семилѣтнему ко выти» и побиваемый Ильей. — Уже затѣмъ богатыри направляются къ Кіеву, но не доѣхавъ до него, Илья велитъ Дюку ѣхать одному, повторяетъ завѣтъ матери — не хвастать на пиру,

А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,
Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто поле,
Ко моему шатру бѣлополотняному —
Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ (Рыбн. I, № 47).

Тотъ-же самый распорядокъ содержанія представляетъ, въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ, и Рыбн. II, № 30 (гора-шеломчатая; всѣ стрѣлы разстрѣлены; воронъ вѣщаетъ о поединщикѣ, Илья и Идолище и напутствіе Ильи Дюку); у Рыбн. III, № 31 сокращено: Дюкъ тотчасъ по выѣздѣ, наѣзжаетъ на шатеръ Ильи, не желаетъ съ нимъ бороться, и ѣдетъ въ Кіевъ, напутствуемый обѣщаніемъ помощи («Не станутъ-ли обижать, сюда вѣсть держи»). У Гильф. № 218 послѣдовательность такая: Палань-гора,

(стрѣлянья нѣтъ), воронъ указываетъ на поединщика: Илью; Дюкъ будитъ его, братается, явленіе Идолища (былина на этомъ кончается). Въ № 279 Гильф. Дюкъ разстрѣлялъ всѣ стрѣлы (эпизода съ ворономъ нѣтъ), встрѣча съ Ильей, отказъ отъ боя и мирное столованье богатырей.

Разборъ пересказаннаго нами эпизода приводитъ прежде всего къ убѣжденію, что Идолище въ немъ лишній, перенесенный изъ былинъ о немъ и о Тугаринѣ — по слѣдамъ Ильи. Важнѣе вопросъ — чѣмъ объяснить появленіе послѣдняго? Дюкъ говоритъ, что ищетъ себѣ въ немъ товарища, помощника, и Илья обѣщаетъ уберечь его отъ обиды — но именно въ этой роли Илья въ пѣсняхъ о Дюкѣ выступаетъ случайно. Кромѣ того заявленіе Дюка не вяжется и съ вѣщаніемъ ему ворона, что онъ найдетъ — себѣ поединщика. Замѣтимъ, что въ русскихъ былинахъ воронъ обыкновенно вѣщаетъ богатырю о предстоящемъ ему боѣ: такъ Добрынѣ (Гильф. № 49: съ Алёшей; Гильф. № 168: съ Татарами), Алёшѣ (Кир. II, № 1, стр. 80—1: съ Татарами), Михаилу Казаринову (Кир. IV, стр. 94—5: то-же), Суровцу-Суздальцу (то-же. См. выше, стр. 72—3), Ильѣ (Рыбн. III, № 14, Гильф. №№ 219, 226, 233: передъ боемъ съ сыномъ), Королевичу изъ Крякова (Рыбн. I, № 72, Гильф. № 182: передъ враждебной встрѣчей съ братомъ). Ясно, что въ былинахъ о Дюкѣ, передъ мирной его встрѣчей съ Ильей, онъ не у мѣста. Тѣмъ страннѣе его появленіе въ № 20 Гильф., принадлежащемъ, какъ мы видѣли, къ той группѣ былинъ, которыя помѣстили эпизодъ о стрѣляньи Дюка передъ его просьбой къ матери и выѣздомъ: здѣсь воронъ проситъ богатыря не убивать его, а отправиться — въ Кіевъ, гдѣ онъ найдетъ себѣ сопротивника. Едва-ли пѣсня могла имѣть въ виду его состязаніе съ Чурилой.

Но вернемся къ вопросу, какимъ путемъ Илья попалъ въ пѣсню о выѣздѣ Дюка. Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: на пути въ Кіевъ Дюкъ встрѣчаетъ разныя заставы: горы толкучія, птицъ клевучихъ (звѣри поѣдучіе), змѣище Горынчище (змѣи поклевучіе). Какъ древенъ этотъ мотивъ въ былинѣ и не

вставленъ-ли онъ позднѣе, какъ общее мѣсто, для выраженія трудности и дальности пути? — Не рѣшая вопроса, я полагаю однако, что этотъ мотивъ древнѣе другихъ, являющихся вмѣсто него, либо рядомъ съ нимъ, въ эпизодѣ выѣзда. Но помимо баснословныхъ заставъ, русскія былины знали еще и другую: богатырскую, стоявшую на стражѣ Кіева, съ Ильей Муромцемъ во главѣ. Ея нельзя было миновать пріѣзжему витязю, — и вотъ нѣкоторыя былины присоединили къ змѣямъ и звѣрямъ — и богатырскую стоянку. Такъ у Рыбн. II, № 27: сѣры волки, змѣи лютыя, двѣнадцать богатырей съ Ильей (замѣтимъ, что на пути къ Кіеву Дюкъ побиваетъ еще — и Соловья разбойника); ibid. № 28: люты звѣри, люты змѣи, Илья Муромецъ въ шатрѣ; Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225: Горынь-змія о двѣнадцати главахъ (хоботахъ); лютый звѣрь; «стадо грачевъ — По нашему, стадо *черныхъ вороновъ*, — И хочутъ вороны молодца расторнути»; шатеръ Ильи Муромца; Гильф. № 230: Горынь-змѣя, стадо «лютыхъ грачёвъ — По русски назвать дакъ *черныхъ вороновъ*»; стадо «лютыхъ гонцёвъ — По русски то назвать дакъ сѣрыхъ волковъ»; «богатырь во бѣломъ шатрѣ» (Илья). — Рыбн. III, № 30: змѣи, звѣри, пять богатырей съ Ильей; Гильф. № 115: змѣи, звѣри, семь богатырей съ Ильей. — Такимъ образомъ мотивъ заставы втянулъ Илью въ пѣсню о поѣздкѣ Дюка, но надо было что-нибудь разсказать про ихъ встрѣчу. Дюку не биться съ Ильей — и онъ дѣйствительно отказывается отъ желанія поратиться съ старымъ богатыремъ, котораго величаетъ, и обнадеженъ обѣщаніемъ его помощи — если-бы ему плохо пришлось въ Кіевѣ. Такъ у Рыбн. II, № 27, 28, 29 = Гильф. № 225; Рыбн. III, № 30, 31; Гильф. № 230 (сл. еще ib. № 279). — Мы уже сказали, что былины о дѣйствительной помощи Ильи почти ничего не знаютъ.

Изъ своднаго типа былины, подобнаго разобраннымъ нами, выдѣлились впослѣдствіи тѣ пересказы, которые знаютъ одну лишь богатырскую заставу, или собственно говоря — встрѣчу Дюка съ Ильею. Передъ тѣмъ могли пѣть о какой-нибудь изъ

другихъ встрѣчъ: съ птицами клевучими, лютыми грачами — *черными воронами* — и это явилось поводомъ къ обособленію, подъ вліяніемъ былинъ съ эпизодомъ о *вѣщемъ воронѣ:* Дюкъ выѣхалъ, разстрѣлялъ всѣ стрѣлы, встрѣчаетъ ворона, который и указываетъ ему на шатеръ Ильи.

Еще новое измѣненіе былины явилось продуктомъ другого смѣшенія: въ началѣ пѣсни о выѣздѣ Дюка подробно говорится о его чудесныхъ *стрѣлахъ* съ орлиными перьями; это дало поводъ пѣвцу тотчасъ-же припомнить эпизодъ о *стрѣльбѣ* Дюка и такимъ образомъ перенести его ближе къ запѣву, передъ просьбой къ матери. Перенесеніе было на-ново мотивировано — его охотой; желаніе Дюка — выѣхать является послѣ того совсѣмъ неожиданнымъ. У Рыбн. I, № 49 = № 152 еще ясны слѣды совершившейся спайки: Дюкъ ходитъ-гуляетъ по тихіимъ заводямъ, бьетъ гусей-лебедей, растрѣлялъ всѣ стрѣлы, между ними три, которымъ онъ цѣны не вѣдаетъ: онѣ оперены орлинымъ перомъ, которое подбирали гости-корабельщики, покупали мужики индѣйскіе, приносили Дюкову батюшкѣ въ подарочки,

А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Съ тоя съ великія со радости
Пошелъ ко государынѣ родной матушки,
Онъ сталъ просить прощеньице съ благословеньицемъ и т. д.

Въ одномъ случаѣ (Гильф. № 20) мы видѣли, что съ эпизодомъ стрѣльбы, перенесенъ былъ къ началу пѣсни и эпизодъ съ грающимъ вѣщимъ ворономъ.

2) *Дюкъ въ Кіевѣ. Его похвальба и состязаніе съ Чурилой.*

Мать заказываетъ Чурилѣ (Рыбн. I, № 47) не хвастать въ Кіевѣ

Имѣньицемъ сиротскимъ, *богачествомъ,*
Не хвастай много *матушкой;*

либо Гильф. № 230:

Пофасташь, Дюкъ, ты родной *матушкой,*
Пофасташь, Дюкъ, да ты добрымъ *конёмъ,*

Пофасташь, Дюкъ, да *золотой казной*,
Пофасташь, Дюкъ, да *платьемъ цвѣтныимъ*.

Я полагаю, что это указываетъ на дѣйствительную послѣдовательность настоящаго (хвастовство *богатствомъ: платьемъ, конемъ*) и слѣдующаго отдѣла (посольство въ царство Дюковой *матери*), который мы и отнесли въ конецъ, тѣмъ болѣе, что тѣ пересказы былины, въ которыхъ посольство является включеннымъ въ эпизодъ «состязанія», обнаруживаютъ, по моему мнѣнію, слѣды позднѣйшей вставки.

Почти вездѣ Дюкъ застаетъ Владимира въ церкви у обѣдни, откуда и идетъ къ нему на пиръ; тѣ немногіе пересказы (Кир. III, № 2, стр. 103, Рыбн. IV, № 9, 10), гдѣ Дюкъ прямо приходитъ въ гридню, въ палату, опустили и его глумленіе на пути изъ церкви. — Владимиръ спрашиваетъ его, откуда онъ и кто такой? Отвѣтъ Дюка тотчасъ же вызываетъ сомнѣніе Чурилы въ его самозванствѣ; сомнѣніе ничѣмъ не мотивированное въ Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152 (сомнѣніе выражаютъ «князи да вси бояра», «да вся мелка чета»), Рыбн. II, № 30, III, № 31 (вм. Чурилы — «молодой Шатенька, племянникъ княжескій»), Гильф. № 20 (гдѣ слова Чурилы приписаны Владимиру), 85, 159, но легко объяснимое изъ намековъ и другихъ пересказовъ. Мы уже знаемъ изъ Гильф. №№ 20, 213 и 230, что Дюкъ хочетъ отстоять «христосскую» заутреню дома и въ тотъ-же день поспѣть въ Кіевъ къ обѣдни; у Рыбн. I, № 47 онъ говоритъ на пути Ильѣ, что ѣдетъ ко Владиміру «ко ранныя обѣдни воскресенскія» (v. 170; сл. v. 270 и 282; сл. Рыбн. II, № 30, Гильф. № 115). На вопросъ Владимира онъ отвѣчаетъ:

Я есть изъ Индии богатыя,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
Отстоялъ дома раннюю заутреню,
И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. Гильф. №№ 9, 159). Либо Владимиръ спрашиваетъ:

Ты откулѣшный, удалый-добрый молодецъ?
«Есть я изъ Волынъ-города изъ Галича,
Изъ той Сорочины изъ широкія,
Изъ той Индѣи богатыя,
Изъ тоя Корелы упрямыя»
Давно-ли выѣхалъ изъ Волынъ-города изъ Галича?
«Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы,
А поспѣлъ сюды къ заутрени Христосьскія».
А дороги-ль у васъ такіе кони?
«У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
А моему-то коню и смѣты нѣтъ»

(Рыбн. II, № 28: Чурила замѣненъ Алёшей). У Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225 Дюкъ поспѣваетъ отъ вечерни въ Галичѣ къ заутрени въ Кіевѣ; дивятся этой его отповѣди князья и бояра:

«Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
Много-ли отъ Кіева до Галича разстоянія»?
Говорятъ князья и бояра:
«Прямымъ ходомъ на три мѣсяца,
А окольней дорогой на шесть мѣсяцевъ,
Были бы де кони перемѣнные,
Съ коня на конь де перескакивать,
Изъ сѣдла въ сѣдло переметывать».

И здѣсь Владимиръ освѣдомляется, дороги-ли кони въ Галичѣ: есть во всякую цѣну, отвѣчаетъ Дюкъ:

«А моему добру коню,
Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю».
Говорятъ тутъ князья и бояра:
— Свѣтъ Государь, Владимиръ князь!
Не бывать тутъ Дюку Степанову,
Только быть мужиченку засельщику
И быть деревенщины:
Жилъ у купца-гостя торговаго
И укралъ у него платье цвѣтное;
Жилъ у иного у боярина,
Угналъ у боярина добра коня,
На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,

Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
Надъ нами, боярами, пролыгается.

Такъ говоритъ въ другихъ пересказахъ и Чурила (Рыбн. III, № 31 = Шатенька), и въ этой связи его сомнѣніе понятно: изумительная быстрота, съ которой Дюкъ перенесся въ Кіевъ, кажется невѣроятной, заявленіе Дюка — ложью; Чурила попытается доказать это впослѣдствіи, помѣрившись въ конскомъ бѣгѣ съ пріѣзжимъ богатыремъ, котораго считаетъ нахвальщикомъ.

Что роль Ильи-пособника въ судьбѣ Дюка чисто внѣшняя, созданная позднѣйшимъ развитіемъ былины, доказывается, для разобраннаго эпизода, его упоминаніемъ у Рыбн. II, № 30 (сл. I, № 47): отвѣчая Владимиру о себѣ, Дюкъ говоритъ, между прочимъ:

Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья Муромецъ,
То-бы я не былъ и во Кіевѣ (?).

У Ефименка l. c. № IV, Дюкъ находитъ Илью — въ Кіевѣ, въ церкви; позванный княземъ на пиръ, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ другими богатырями:

У нихъ кони скако̀мъ скачутъ,
А у Дюка идетъ ступью бродо̀вою.
Говоритъ Дюкъ: «У меня такія лошадочки водовозныя».
А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
«Ты не хвастай Дюкъ Степановичъ!»

Но онъ повторяетъ туже похвальбу и на пиру:

Есть-то у меня добрыхъ коней,
Добрыхъ коней наступчивыхъ.

Дюкъ уже нарушилъ однажды заповѣдь матери, похваставъ своимъ конемъ; Рыбн. II, № 29 развиваетъ мотивъ похвальбы— еще въ церкви: стоитъ Дюкъ на обѣднѣ,

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владиміра взглянетъ,
Только головой поша́таетъ,

На Апраксію королевичну взглянетъ,
И рукой махнетъ,

о чемъ Владимиръ и допрашиваетъ его позднѣе на пиру. — Либо Чурила уличаетъ его въ томъ, что «все онъ, дѣтина, на платье поглядываетъ» (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159; сл. Рыбн. III, № 29, 31).

Обыкновенно похвальба продолжается на пути изъ церкви кс двору и палатамъ Владимира:

Онъ иде, молодой бояринъ, на *сапожки* поглядыватъ,
Поглядыватъ на сапожки, на *шубку* посматриваетъ.
. . . .
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!
У васъ все не по нашему:
Во той земли, богатой орды,
Во тоя Индѣи богатыя,
Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ
Настланы мостики калиновы,
Разостланы сукна кармазинныя,
Не мараются сапожки сафьянныя во грязи черныя

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 48, 49 = Гильф. № 152; II, № 30, Гильф. № 9, 20, 85, 159, 213, 225, 230). Другіе пересказы развиваютъ это подробнѣе:

У моей сударыни у матушки
Мощены *мосты* были все дубовые,
Сверху стланы сукна багречевыя,
Наперед пойдутъ у насъ лопатники,
За лопатниками пойдутъ метельщики,
Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные, всё сосновые.
. . . .
У моей сударыни у матушки,
Надъ воротами было *иконъ* до семидесяти [1]),

[1]) Сл. соотвѣтствующую подробность въ былинахъ о Чурилѣ, выше стр. 90.

Всѣ иконы были на золотѣ,
А у тебя, Владимиръ, десятка нѣтъ.
. . . .
У моей сударыни у матушки
На дворѣ стоятъ *столбы* все́ серебряные,
Продернуты *кольца позолоченыя*,
Разоставлена *сыта медвяная*,
Есть насыпана *пшена бѣлоярая*,
Есть что добрымъ конямъ пить и кушати —
А у тебя, Владимиръ, того не случилося».

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225); Гильф. № 230 добавляетъ:

Ты мой маленькой бурушко косматенкой!
Помрёшь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
Какъ вѣдь брошено овсишка тебѣ зяблого.
Во своёмъ ты городѣ во Галичѣ,
У моей государыни у матушки,
Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлоярова.

Сл. еще Рыбн. II, № 28, III, № 30, 31. — Описаніе чудесныхъ палатъ Дюковой матери — и Чурилиныхъ? — несомнѣнно повліяло на стилистическое развитіе, какое получила похвальба Дюка на пути изъ церкви, равно какъ и слѣдующая — на пиру у Владимира. — Чурила по прежнему уличаетъ Дюка въ хвастовствѣ: когда тотъ оглядываетъ свои сапоги и шубку, онъ говоритъ:

Заподлинно есть холопина дворянская:
Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ (Рыбн. I, № 47).

Ты убилъ купца либо бояріна,
Снялъ-же тутъ сапожки да зеле́нъ сафьянъ,
Самъ-же ты сапожковъ знать не держивалъ,
Все-же на сапожки ты поглядывашь.
А ударимъ-ко, бояринъ, во великъ залогъ
Ѣздить-то же намъ да е по три́ годы,
А по три́ годы-то намъ-же ѣздить по́ три дни,
Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи,
Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 глумится надъ Дюковымъ хвастовствомъ — не Чурила, а бояре и богатыри. Вызовъ Чурилы обыкновенно слѣдуетъ за третьей похвальбой Дюка — на пиру, гдѣ онъ продолжаетъ гнушаться и чваниться, откладывая верхнюю корочку колача (Кир. III, № 2, стр. 104), либо бросая его подъ столъ и выливая за окно чару: всё это у него дома лучше. Иногда похвальба ростетъ: Дюкъ продолжаетъ говорить о своихъ богатствахъ, между прочимъ, о цвѣтныхъ платьяхъ (Рыбн. I, № 47; II, № 30) — можетъ быть, припомнившихся здѣсь пѣвцу въ связи съ слѣдующимъ далѣе вызовомъ Чурилы? Въ сущности, еще ранѣе того Дюкъ обратилъ на себя вниманіе своимъ щегольствомъ, чѣмъ и объясняется, что̀ у Гильф. № 9 Чурила вызываетъ его на состязаніе уже на пути изъ церкви. — Вся сцена на пиру понята, какъ обычная въ русскихъ былинахъ похвальба «во полу-столѣ», и кое-гдѣ разработана въ чертахъ этого мотива: у Дюка дома — всѣ мѣдные, крыши серебряныя, «Шо́ломы, потоки золочоные, — Шарики самоцвѣтныи камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ» (Гильф. № 20); у его матушки

Построены тридцать три терема златоверхіе,
И въ сѣни зайдешь во рѣшатчаты,
Въ други зайдешь частоберчатыя,
А въ третьи зайдешь въ стекольчатыя [1]);
Въ теремы зайдешь златоверхіе:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори,
Все-то въ терему по небесному (Рыбн. III, № 31).

Взойдешь на нашъ широкій дворъ,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одинцовыя,
Наши любимые конюхи
По этимъ по сукнамъ катаются,
Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.

---

[1]) См. тоже въ былинахъ о Чурилѣ, выше, стр. 86—7, 90.

Зайдешь во гридню во столовую,
Всѣ окошечки скутаны,
Вкладены въ стѣны камни драгоцѣнные,
Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ

(Рыбн. II, № 28; сл. III, № 30, Гильф. № 115). Все это хвастовство привязывается къ гнушенію — яствами и напитками княжескаго стола.

Не перебирая всѣхъ пересказовъ этой сцены остановимся на одномъ изъ пространныхъ, Рыбн. II, № 30: у Владимира «столованье, почестный пиръ»;

Какъ тутъ всѣ на пиру напивалися,
Какъ всѣ на пиру наѣдалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ,
Умной и разумной хвастаетъ
Старымъ батюшкой и старой матушкой,
А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
Молодой бояринъ сидитъ — да ничѣмъ онъ не хвастаетъ;
Потому онъ не хвастаетъ,
Что чару пьетъ, — а другу за окошко льетъ,
Колачикъ ѣстъ, — а другой подъ столъ мечетъ,
А съ инаго верхнюю корочку вырѣжетъ — на столъ кладетъ,
Середочку самъ онъ съѣстъ,
А нижнюю корочку подъ столъ кинетъ.

На вопросъ Владимира, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не могу я ѣсть вашихъ колачиковъ,
Не могу я пить вашихъ напиточекъ сладкіихъ,
Потому что ваши напиточки сладкіе, меды да стоялые
Повѣшены во погреба глубокіе,
Туда не ходятъ вольные воздухи, —

Оны тамъ затхнулися:
Потому и не могу я пить вашихъ сладкихъ напиточковъ.
А у васъ еще печки кирпичныя, помяльца сосновыя,
Пашутъ печки кирпичныя,
Пекутъ колачики крупичаты, —
Они па́хнутъ на фою̀ сосновую:
Для того я не могу ѣсть и колачиковъ.

Иное дѣло у его матери:

«Есть у насъ печки муравлены,
Помяльчики шелковыя,
Купаютъ въ росу медовую,
Пашутъ печки муравлены,
Пекутъ колачики крупичатые:
Колачикъ съѣшь — другаго хочется,
Другой-то съѣшь, — по третьемъ душа горитъ.
Эта похвальба, да не похвальба:
Какъ водочки сладкія, меды стоялые
Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ,
Туда подведены вѣтры буйные;
Повѣютъ вѣтры буйные въ чистомъ полѣ,
Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ,
И загогочутъ бочки какъ лебеди,
Какъ лебеди на тихихъ заводяхъ:
Такъ отъ того не затхнутся водочки сладкія
И меды стоялые;
Какъ чару пьешь — другой хочется,
Другую пьешь, — по третьей душа горитъ».
Тутъ какъ говоритъ солнышко Владнмеръ князь:
«Ай какъ-бы на это на пору на времячко
Былъ-бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ,
Онъ-бы зналъ, что̀ съ тобою поговорить!».

Какъ разъ является Чурила, всѣмъ ведетъ поклонъ по писаному, по ученому, одному лишь Дюку «не клонитъ буйныя головы». Дюкъ упрекаетъ его за это невѣжество, пошло у нихъ «слово за слово»:

Ай-же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
Можешь-ли ты со мною споровать?
Ты передо мною пастушина деревенская.
Въ той-то земли, во богатой орды,
Въ той Корелы богатыя
. . . .
У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:
Потому жь оны не держатся,
Что швецы у насъ не выводятся:
Та толпа швецовъ со двора сошла,
А другая толпа швецовъ да на дворъ пришла [1]).
Это хвальба, да не похвальба:
Есть нѣсколько лошадей — стоятъ на стойлахъ лошадиныихъ,
Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
Только выскочатъ на чисто поле прогулятися.
Это хвальба, да не похвальба:
Есть насыпано двѣнадцать погребовъ, всё глубокіихъ,
Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго жемчуга;
На одинъ я на погребъ, — на красное на золото,
Скуплю и спродамъ вашъ городъ Кіевъ». [2])
Тутъ солнышку князю рѣчи не прилюбилися:
«Какого намъ послать обчѣнщика,
Обцѣнить животы всѣ Дюковы?».

О такомъ-же невѣжествѣ Чурилы на пиру говоритъ и Рыбн. III, № 31, послѣ чего Дюкъ также хвастаетъ:

Вамъ въ городѣ Кіевѣ гостиный рядъ продать,
Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать.

И здѣсь, какъ у Рыбн. II, № 30, Владимиръ рѣшаетъ послать оцѣнщиковъ «описать имѣніе Дюка Степановича», и разсказомъ

---

[1]) Сл. ту-же подробность о «швецахъ» и далѣе у Рыбн. I, № 47, vv. 397 слѣд.

[2]) Сл. Гильф. № 230:

Да а й ты Чурило сухоногое,
Сухоногое Чурило, грабоногое!
Я своимъ имѣньицемъ-богачествомъ
Да и вашъ-отъ весь я столенъ Кіевъ градъ
Я продамъ имѣньемъ да и выкуплю.

о томъ кончается былина, тогда какъ Рыбн. II, № 30 заставляетъ Чурилу уже послѣ оцѣнки состязаться съ Дюкомъ — платьями и конями. Уже a priori такая послѣдовательность представляется нелогичной: во всѣхъ пересказахъ былины Владиміръ убѣждается, что богатства Дюка неоцѣнимы; вызовъ Чурилы послѣ того просто необъяснимъ. Настоящій планъ выяснился намъ отчасти изъ всего хода пѣсни: тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ Дюкъ хвастаетъ своимъ *конемъ;* на пути изъ церкви охорашивается, поглядывая на свое *платье,* сапожки и шубу; на пиру кичится *богатствомъ;* Рыбн. II, № 30 собралъ всѣ эти моменты похвальбы въ сценѣ на пиру: Дюкъ хвалится цвѣтными *платьями, конями, казной.* — Соображая всѣ имѣвшіеся у меня пересказы былины легко прійти къ заключенію, что первоначальная послѣдовательность могла быть такая: за похвальбой на пиру и вызовомъ Чурилы слѣдовало a) *испытаніе щегольства,* Чурила и Дюкъ одѣваются въ запуски другъ передъ другомъ; *одежду Чурилѣ приноситъ изъ Индіи* (Корелы и т. д.) *его конь;* b) *скачка;* c) *посольство* въ царство Дюка и оцѣнка его богатства.

Такой распорядокъ представляетъ Рыбн. I, №№ 48, 49 (= Гильф. № 152), Гильф. 85, 159. Не идутъ въ сравненіе пересказы, сохранившіе лишь нѣкоторые изъ намѣченныхъ мною моментовъ (*a b c*) пѣсни, такъ какъ для нихъ трудно установить, въ какомъ именно мѣстѣ совершилось выпаденіе того или другаго эпизода. Таковы пересказы у Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., Гильф. № 180, Рыбн. III, № 31 (*c*); Гильф. № 128 (*b*); Рыбн. IV, № 9 (*a b*). — Рѣшающимъ является Гильф. № 9: Дюкъ хвастаетъ на пути изъ церкви и на пиру; Чурила вызываетъ его (на пути изъ церкви) — ѣздить съ нимъ въ теченіи трехъ лѣтъ по Кіеву въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. — Дюкъ посылаетъ въ Индію ко своей матери коня — *за платьемъ;* только что привезли его, какъ Владиміръ снова шлетъ въ Дюково царство оцѣнщиковъ — между прочимъ, Добрыню; когда они вернулись, оказывается, что Дюкъ и Чурила уже три года и три дня ѣздили и щеголяли другъ передъ другомъ

въ запуски; остался еще день, который былина и наполняетъ разсказомъ, обычнымъ для *a* (щеголянье) и *b* (скачка). — Не менѣе характеренъ для генеалогіи былинъ Рыбн. II, № 29 (сл. Барсовъ, l. c.): здѣсь за похвальбой и вызовомъ слѣдуетъ посольство въ Индію, ради оцѣнки и — за платьемъ Дюковымъ, послѣ чего уже идетъ *a* и *b*; у Рыбн. II, № 28 за посольствомъ Добрыни (для оцѣнки «животовъ») также идетъ *a b*, но за платьемъ Дюка коню приходится бѣжать въ Индію; у Рыбн. II, № 30 порядокъ такой: посольство Добрыни; Дюкъ шлетъ своей матери «письмы строгія» — прислать ему платья и коней; у Гильф. № 213: скачка, посольство; Дюкъ посылаетъ коня за платьемъ. Эти примѣры уясняютъ намъ поводъ, по которому мотивъ посольства = *c* былъ перенесенъ изъ конца былины въ непосредственное сосѣдство съ вызовомъ: Чурила вызывалъ Дюка пощеголять съ нимъ въ запуски въ перемѣнныхъ платьяхъ, Дюкъ посылалъ за ними въ Индію — коня (Рыбн. I, №№ 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28; Гильф. № 9, 85, 189, 213); этотъ эпизодъ напомнилъ другое посольство, также въ Индію, но для оцѣнки Дюкова живота; посломъ, либо въ числѣ другихъ, является, обычно, Добрыня. Оба эпизода были сближены (Гильф. № 9, Рыбн. II, № 28), либо смѣшены (Рыбн. II, № 29), — и, наконецъ, посольство оцѣнщиковъ (*c*) и совсѣмъ вторглось на мѣсто разсказа о посылкѣ за платьемъ и получился распорядокъ: *c a b* (Рыбн. IV, № 10); либо путемъ дальнѣйшаго искаженія: *a c b* (Рыбн. III, № 29, Ефименко, № IX, Гильф. № 225), *b c a* (Гильф. № 213; такъ, вѣроятно, и въ недопѣтой былинѣ Рыбн. III, № 30). Гильф. № 230 (*c a b*) представляетъ, сходно въ этомъ случаѣ съ Гильф. №№ 20 и 213, ту новую черту, что Дюка, до возвращенія оцѣнщиковъ, Владимиръ садитъ «во глубокъ погребъ». Такъ у Гильф. № 159 («И не спустили тутъ Дюка Степановича — Съѣздить за платьемъ за цвѣтнымъ») и Ефименка l. c. № IV (Нѣтъ ни вызова, ни щапленья, ни скачки, а за похвальбой — посольство въ Дюково царство).

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію эпизодовъ щеголянья

и скачки, посмотримъ, чѣмъ сказалось въ этомъ отдѣлѣ былины пособничество Ильи. У Рыбн. II, № 28, когда Владиміръ рѣшилъ послать оцѣнщиковъ въ Дюково царство, Дюкъ стрѣляетъ и на стрѣлѣ шлетъ «ярлыки» ко Илью Муромцу, всё еще стоящему въ шатрѣ. По вызову Ильи Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ, и Дюкъ проситъ быть его оцѣнщикомъ въ Индіи. Позднѣе, когда Дюкъ перещапилъ Алёшу (= Чурилу) и хочетъ снести ему голову (закладъ о головѣ), Илью вызываютъ изъ чиста поля, и онъ проситъ Дюка пощадить соперника. — Въ № 30 ibid. Илья впервые является изъ поля въ эпизодѣ скачки и говоритъ Чурилѣ, побившемуся съ Дюкомъ о головѣ:

Вѣрно, надоѣла тебѣ жизнь на семъ на бѣломъ свѣту?
Хоть-бы не перескочилъ конь у молода боярина,
У молода боярина у Дюка Степановича,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
Далъ-ли я вамъ отсѣчь буйну голову молодому боярину,
Когда я засматривалъ ровно три года во каждый день?

(т. е. имѣлъ о немъ попеченіе). Лишь у Рыбн. III, № 29 (сл. Ефименко, № IV) Илья, вызванный Дюкомъ (ярлыки на стрѣлѣ), идетъ за него поручителемъ (вмѣстѣ съ голями кабацкими, явившимися, очевидно, по слѣдамъ Ильи, но выступающими въ той-же роли и у Рыбн. I, № 28, Гильф. № 225, 230) въ его закладѣ съ Чурилой — вмѣсто владыки Черниговскаго (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Гильф. №№ 9, 159), знакомаго въ этомъ значеніи изъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. У Барсова, l. c., за Дюка ручается вмѣстѣ съ Ильей и Добрыня. — Роль пособника, очевидно, не выдержанная и поздняя, вызванная центральнымъ положеніемъ Ильи въ «кіевскомъ», не «южно-русскомъ» эпосѣ — въ томъ болѣе широкомъ значеніи этого слова, какое вообще имѣетъ въ виду настоящее изслѣдованіе. — Именно внѣшній характеръ связи Дюка съ Ильей (и Владиміромъ) представляется мнѣ яснымъ признакомъ «присталости» Дюка къ кіевскому циклу.

Обратимся, въ порядкѣ, нами установленномъ, къ эпизоду *«щапленія»* Дюка и Чурилы.

Стали оны ѣздить-то день за день,
День за день и още годъ за годъ,
Проѣздили поры-времени по три году,
Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосьскія.
Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки воплетано по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застенутся, такъ обоймутся,
А разстенутся, и поцѣлуются.
Поглянулъ Владиміръ на праву руку
На молода Чурилушку на Пленкова,
Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
«Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Прозакладалъ все свое имѣніе богачество».

Дюкъ выступаетъ въ точно такой-же одеждѣ, но у него на головѣ еще и «шляпонька»:

Спереду такъ введено красно солнышко,
И сзаду введёнъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
А на верховьицѣ шляпы быдто жаръ горитъ.
Говоритъ ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
«Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
Молодой Чурилушко Опленковичъ
Прозакладалъ свою буйну головушку (Рыбн. I, № 48).

Такъ и у Гильф. № 85, съ новой подробностью: Чурила повелъ плеткой по бѣлой груди:

Еще петелки-ты свищутъ по соло́вьему,
А й то пуговки крычатъ-то по звѣриному;

повелъ Дюкъ, и отъ посвисту соловьяго и покрику звѣринаго народъ сталъ падать на кирпичный полъ.

Иначе у Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152 (сл. Гильф. № 159): въ церкви Чурила стоитъ на правомъ крылосѣ, Дюкъ на лѣвомъ.

Какъ тотъ Чурилушко Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Плыветъ змищще-Горынчище.
Тутъ всѣ въ церкви пріужаснулися.

Дюкъ также начинаетъ поваживать по пуговкамъ:

Вдругъ запили птицы пѣвуціи,
Закричали звѣрки всѣ рыкуціи:
А тутъ всп во церкви да о зень пали,
О зень пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ,
Пріуйми-тка птицы ты клевуціи,
Призаклиць-ка ты звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
Оставь людей намъ хоть на сѣмена».

Но Дюкъ унимается лишь по просьбѣ своего «крестоваго батюшки», а самъ говоритъ Владимиру:

Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
Намъ которому съ Чурилой голова рубить?

Оба мотива соединены въ пространной былинѣ у Рыбн. II, № 30:

Обувалъ Чурила сынъ Пленковичъ сапожки-зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскіихъ;
Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ,
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;

А по пуговкамъ поведетъ,
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Обувалъ лапотцы семи шелковъ;
Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
А въ пяты-тѣ вплетено по камешечку самоцвѣтному:
Днемъ итти — какъ по красному солнышку,
Ночью итти — какъ по свѣтлому мѣсяцу;
Надѣвалъ онъ шапочку со рогавками:
У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,
Отъ камешечковъ печетъ какъ отъ краснаго отъ солнышка [1]);
Надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ дорогимъ подъ самитомъ,
Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
Во пуговки-то было влито по лютому звѣрю:
По петелкамъ какъ поведетъ, —
Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову,
По пуговкамъ какъ поведетъ, —
Тутъ всѣ люты звѣрья закрычатъ во всю голову:
Отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго,
Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,
Такъ всѣ будутъ на земли лежать.

Сл. Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225; Рыбн. IV, № 10 (у Чурилы въ пуговкахъ молодцы и дѣвицы, у Дюка звѣри и змѣи), Рыбн. IV, № 9 (отъ Дюковыхъ пуговицъ «стукъ да гремъ»); Гильф. № 9 (у Чурилы отъ пуговки до пуговки «пошли враны, стали прогуркивать», а отъ петелки до петелки «поплыла змѣя, стала просвистывать»; у Чурилы въ первомъ случаѣ «птицушки пѣвучіи», во второмъ «звѣрюшки крыкучіи»). Сл. еще Гильф. № 230. — Въ одной кипрской майской пѣснѣ (Сакелларій № 22) сынъ проситъ мать подать ему шляпу о тридцати углахъ, съ тридцатью верхами и тридцатью верхушками, вокругъ сидятъ птички, посреди — голуби. «Голуби, голуби,

---

[1]) Сл. Рыбн. II, № 28, v. 430 слѣд.

понесите меня, чтобы мнѣ увидѣть дядю своего — что алую розу, отца — что мѣсяцъ».

Καὶ φόρησ' μου τὴν σκούφιάν μου τὴν τρανταμασσουρένην,
ὁποῦ 'χει τρᾶντα μάσσουρους καὶ τρᾶντα μασσουρούδια,
καὶ γύρου γύρου τὰ πουλιὰ καὶ μέσα τὰ πεζούνια.
Πεζούνιά μου, πεζούνιά μου, πετάξετέ με πέρα,
νὰ 'δῶ τὸν θεῖόν μου ῥοδινὸν, τὸν κῦρίν μου φεγγάριν и т. д.

Щапленье въ церкви пуговками и петелками — послѣднее состязаніе въ щегольствѣ изъ многихъ ему предшествовавшихъ: по смыслу вызова Чурилы, онъ и его противникъ должны были въ теченіи извѣстнаго времени являться въ «смѣнныхъ», «перемѣнныхъ» платьяхъ (Рыбн. I, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 85, 159, 225, 230) — и на смѣнныхъ коняхъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, 30; IV, № 9; Гильф. №№ 9, 159). На послѣднее требованіе былины отвѣтили различно: у Чурилы коней — цѣлое стадо,

А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше поутру повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повыкатаетъ,
На бурки-то шерсть перемѣнится

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 9, 159).— У Рыбн. II, № 30 мать Дюка посылаетъ ему перемѣннаго платья и «добрыхъ коней стады — стадами, шерстью разною». — Иногда ѣзда по городу Дюка и Чурилы выражается предложеніемъ Владимира Дюку прогуляться съ его князьями, боярами и могучими богатырями (Гильф. № 213). Владимиръ, очевидно, поставленъ здѣсь вмѣсто Чурилы, какъ у Рыбн. III въ № 30, замѣнившемъ Чурилу — Владимиромъ (въ эпизодѣ вызова) и Алешей Поповичемъ (въ сценѣ скачки) и обратившемъ гулянье на коняхъ въ какое-то рыцарское «штурмованье». Вліяніе лубочной сказки, съ подробностями западнаго турнира, несомнѣнно въ слѣдующей сценѣ: Владимиръ говоритъ Дюку:

«Не угодно-ли тебѣ съѣздить во чисто поле,
Съ нашими богатырями силы поотвѣдати?»
Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
«Я още витязь молодый,
Съ вашима богатырями незнакомый,
Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли».
И тутъ съѣхалось на княжей дворъ
Сильніихъ могучіихъ богатырей:
Въ первыхъ старый Донской казакъ Илья Муромецъ,
А во вторыхъ Добрынюшка Никитьевичъ,
А третій Олешинька Поповичъ,
Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
Пятой Василій Буслаевичъ,
Шестой Чурилушка Щапленковичъ,
Седьмой Иванъ сынъ Годиновичъ.

Какъ видно — сборъ богатырей случайный, для фона, на которомъ тѣмъ ярче выйдетъ богатырство Дюка — въ общемъ хорѣ русскаго эпоса нигдѣ не являющагося богатыремъ. Пріемъ, напоминающій, si licet parva componere magnis, подобные-же искусственные сборы богатырей въ Rosengarten'ѣ и Þidreksaga'ѣ.

Съ богатырями ѣдетъ и Владиміръ,

Посмотрѣть на дѣло ратное, на побоище смертное.
Не ясные соколы по полю летаютъ,
А сильніи могучіи богатыри разъѣзжаютъ.
И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
Онъ бурушка подправливаетъ,
Косматаго понуживаетъ,
И столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ,
А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.
Не два ясныхъ сокола слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжается:
Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь реветъ,
А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,
И оборачиваетъ копье тупымъ концомъ,
И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь, —
И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла
И палъ на землю, что овсяный снопъ.

И подъѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владиміру,
Бьетъ челомъ, главу свою поклоняетъ,
И князь его выхваляетъ.
Тутъ ѣхать-ли не ѣхать Василью Буславьевичу.
Тутъ не два орла слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:
Василій Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются;
Другъ друга они ударяютъ,
У нихъ копья изъ рукъ выпадаютъ;
И другой разъ разъѣзжаются,
У Дюка сердце разгоряется,
А Василій на Дюка разъяряется,
А Дюкъ ударилъ Василья по буйной головы,
И тутъ палъ-то Василій о сыру землю.
И тутъ-то Дюкъ разъѣзжается,
А Иванъ-то Годиновичъ похваляется,
Съ княземъ Владиміромъ прощается и съ богатырями;
И тутъ-то онъ разъѣзжается,
И съ Дюкомъ-то онъ сражается, —
Дюку-то онъ покоряется.
И мирно поѣхали они во городу ко Кіеву.
И говоритъ Олешинька Поповичъ:
«Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
Мы поѣдемъ-ко черезъ Нѣп(ръ)-рѣку скакать».

Скачкой черезъ рѣку кончается въ былинахъ гулянье на коняхъ, какъ сценой въ церкви щапленье въ запуски Дюка и Чурилы. Скачутъ черезъ Днѣпръ или Пучай рѣку; Дюкъ обращается къ своему коню, падаетъ ему «на стену на лошадиную», проситъ помочь ему.

Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
«Не убойся-тко страха, Дюкъ Степановичъ,
Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныхъ,
Не уступлю я братьямъ большіимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,

А середній братъ у Добрыни Микитинца,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова».

Богатыри скачутъ:

Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
На добромъ конѣ на богатырскоемъ
За цѣлый за помахъ лошадиный
И за цѣлую за версту за мѣрную;
И зглянулъ онъ на правую на ручушку,
Какъ нѣтъ подлѣ него товарища,
Молода Чурилушки Опленкова:
Чурила-то Пленковичъ посередъ Нѣпры пріогрюшился
Съ добрымъ конемъ со богатырскіимъ.
Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенько поворотъ держалъ,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку повыскочилъ
И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащилъ
Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,
И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,
И говорилъ онъ Чурилы таковы слова:
«Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
Не твое-то дѣло есть охвастати,
Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,
А твое дѣло столько ходить тобѣ по Кіеву,
По Кіеву ходить тебѣ за бабами».

(Рыбн. I, № 48). Почти также передается этотъ эпизодъ и въ другихъ пересказахъ: просьба коню встрѣчается еще у Гильф. № 85 (конь Чурилы — меньшій братъ, у него одно крыло подкожное, у Дюкова два, у Ильина — три), 128, Рыбн. II, № 30 («Ежели не перескочишь черезъ Матушку Нѣпру рѣку, — То поѣду я искать своего братца крестоваго, — Стараго казака Илью Муромца»). Вездѣ Дюкъ вытаскиваетъ изъ воды упавшаго Чурилу, которому иногда собирается рубить голову (Рыбн. II, № 30, III, № 29; Гильф. № 9, 159, 225; сл. Рыбн. IV, 10), но за него просятъ «Старыя старухи, молодыя молодухи — И красныя дѣвушки» (Рыбн. II, № 30), либо князь со княгинею (ib. III,

№ 29; сл. Гильф. № 9, 159, 225), либо «просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить» (Рыбн. IV, № 10) — и онъ отпускаетъ его. Презрительнымъ обращеніемъ къ Чурилѣ, которому пристало возиться съ дѣвками и бабами, а не хвастать, обыкновенно кончается этотъ эпизодъ пѣсни (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 30, III, № 29, IV, № 10; Гильф. № 9, 85, 128, 159, 225). Особо стоитъ Рыбн. II, № 29: скачки нѣтъ, щепятъ платьями; побѣдивъ Чурилу, Дюкъ ухватилъ его

И съ конемъ въ карманъ посадилъ.

И на этотъ разъ онъ отпускаетъ его по общей просьбѣ. Очевидно воспоминаніе объ Ильѣ, посаженномъ въ карманъ женой Святогора, о Добрынѣ — въ карманѣ у поляницы. Можетъ быть, такимъ-же воспоминаніемъ (сл. въ былинахъ о старшихъ богатыряхъ эпизодъ о «сумочкахъ») отзывается развязка у Ефименка, l. c., № IX: Дюкъ предлагаетъ Ильѣ и Добрынѣ скакать черезъ рѣку; ему это удается, они не въ силахъ,

Тутъ де они и уходилися.

3) *Послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери.*

Послы ѣдутъ:

Подъѣхали подъ Индію подъ богатую,
Повыстали на гору на высокую,
Увидили Индію тую богатую,
Сами говорятъ да таково слово:
«Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
Чтобы зажгали Индію ту богатую:
Ай, горитъ Индия та богатая!»
Какъ подъѣхали они поближе де:
У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны и т. д.

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. ib. № 159). Или:

Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую,
Вся Индѣя что-ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи!
. . . .
Думали Индѣя перепаласи,
Ажно ихъ Индѣя не спугаласи:
Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти

(Гильф. № 9; сл. еще № 85).

Только у Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд. и въ подновленномъ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50 самъ Владиміръ ѣдетъ въ царство Дюка, чтобы удостовѣриться, на сколько вѣрна его похвальба богатствомъ. Во всѣхъ другихъ пересказахъ идутъ туда послы-оцѣнщики, всего чаще *Добрыня* (Рыбн. I, № 48: Дунай, Василій Казимировичъ, Алеша Поповичъ; № 49: *Добрыня* и Илья = Гильф. № 152, 159; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30, 31, Гильф. № 225, 230, Барсовъ, l. c.: *Добрыня;* Гильф. № 9: *Добрыня*, По́тыкъ, Алеша; № 85: двѣнадцать богатырей, съ ними Дюкъ; № 180: Чурила и Алеша; № 213: «обцѣнщики»; № 20: мастеры молодые», «писаря ученые»; Ефименко l. c. № IV: Михайлушко Петровичъ съ Алешей; № IX: Алеша и Илья). — Посольство описывается въ началѣ, какъ рядъ иллюзій и неожиданныхъ разубѣжденій: на первыхъ же порахъ Владиміръ или его послы видятъ такое богатство, что невольно поражены — а между тѣмъ до Дюка еще далеко, и встрѣтились пока лишь его служилые люди.

И пріѣхали они *на пашню* къ нему,
Ко тѣмъ *крестьянскимъ дворамъ;*
И тутъ у Дюка *стряпчій* былъ,
Припасъ про князя Владимира почестный столъ
. . . .
И будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу-столѣ,
Владиміръ князь полсыта наѣдается,
Полпьяна напивается,

Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
«Каково про тебя сказывали,
Таковъ ты и есть».
Покушавши, ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо:
А и домъ его крестьянскій переписывали —
Бумаги не стало. То оттеля Дюкъ Степановичъ
Повелъ князя Владиміра
Со всѣми гостьми и со всѣми людьми
Ко своей сударынѣ *матушкѣ*.

И здѣсь, во полу-столѣ, Владиміръ отказывается отъ оцѣнки:

Хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать,
Да отложилъ всѣ печали на радости

(Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд.).

Другіе пересказы умножаютъ встрѣчи Владиміровыхъ пословъ до послѣдней — съ матерью. Число ихъ въ цѣльныхъ былинахъ (Гильф. № 180 не кончена) колеблется: ихъ *двѣ* (Гильф. № 213, Ефименко № IX: *портомойница*, мать), *три* (Гильф. № 152: *портомывница*, калачница, матушка; такъ, вѣроятно, и въ тождественномъ пересказѣ у Рыбн. I, № 49 и у Гильф. № 159, гдѣ при первомъ опредѣленіи, несомнѣнно, пропускъ: я не Дюкова матушка; Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230: колачница, бажатушка, матушка; Гильф. № 225: *портомойницы*, божатушка, матушка; Ефименко № IV: служаночки, *портомойницы*, матушка), *четыре* (Рыбн. I, № 48: рукомойница, *портомойница*, стольница, матушка; Рыбн. II, № 29: работница, *портомойница*, нянюшка, матушка; Рыбн. III, № 31: коровница, хлѣбница: «я на Дюка хлѣбы пеку», наложница, матушка; Гильф. № 85: рукомойница, судомойница, стольница, матушка; Барсовъ l. c.: *портомойница*, постельница, стольница, матушка), *пять* (Рыбн. II, № 28: *портомойница*, постельница, стольница, чашница, матушка; Рыбн. II, № 30: халуйница, рукомойница, постельница, колашница, матушка) и *шесть* (Гильф. № 9: коровницы, *портомой-*

ницы, постельницы, колачницы, горничны, матушка). — Любовь къ троичности, обнаруживаемая русской народной поэзіей, даетъ право предположить, что первоначально встрѣчъ было *три:* мать являлась послѣдней, первой, можетъ быть, портомойница, встрѣчающаяся на этомъ мѣстѣ въ восьми пересказахъ (Гильф. № 152 = Рыбн. I, № 49; Гильф. № 159, 180, 213, 225; Рыбн. II, № 28, Барсовъ l. c., Ефименко № IX; оттуда уже: рукомойница, судомойница); за тѣмъ нѣкоторую устойчивость на второмъ мѣстѣ обнаруживаетъ *божатушка* (Рыбн. III, № 29, Гильф. №№ 225 и 230) [1].

Встрѣчи описываются либо такъ, что послы находятъ Дюкову мать и ея прислужницъ сидящими каждая въ отдѣльныхъ покояхъ (Рыбн. I, № 48, Гильф. № 85), либо шествующими изъ церкви (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 9); въ большинствѣ пересказовъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, №№ 28, 29; III, № 29, 31; Гильф. № 159, 213, 225, 230) первыя встрѣчи совершаются въ покояхъ, и лишь мать Дюка объявляется на пути отъ обѣдни. — Добрыня

доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И идетъ въ его теремъ златоверховатый.
И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ:
На небѣ сонце, и въ теремѣ сонце,
На небѣ мисецъ, и въ теремѣ мисецъ.
И сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ серебрѣ;
И приходитъ онъ и покланяется:
«Здравствуешь, Дюкова матушка!»

---

[1]) Сл. былины о князѣ Романѣ: наѣхали Татары, ищутъ княгиню Марью Юрьевну, встрѣчаютъ ея *портомойницу* и стали её бить; она отвѣчаетъ:

Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница.

Вторая встрѣча съ *ключницей;* княгиня выдаетъ себя сначала за свою *постельницу.* Кир. V, № 2, стр. 96—99; сл. Якушкинъ, Русскія пѣсни (СПБ. 1860), № II, стр. 66—68.

Она отвѣчаетъ ему:
— Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова работница;
Ступай туды во второй покой. —
Приходитъ во вторый покой:
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ золотѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
И женщина отвѣчаетъ ему:
«Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова портомойница;
Ступай впередъ въ третій покой. —
Приходитъ онъ въ третій покой:
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Женщина ему отвѣчаетъ:
«Я не Дюкова матушка,
А я Дюкова нянюшка;
Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
Да всѣмъ тебѣ не накланяться;
А Дюкова матушка къ обѣдни ушла.
Поди къ обѣдни воскресныя,
Да смотри, да всякому не кланяйся:
Когда пройдутъ мятельники изъ церкви,
Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
Тогда Дюкову матушку
Ведутъ дѣвицы подъ руки:
Она вся въ каменьяхъ драгоцѣнныихъ.
И тогда пошелъ Добрыня Никитьевичъ
Къ обѣдни воскресныя,
И стоитъ онъ у церкви у соборныя;
И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
И народъ идетъ, кто въ шелку,
Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ,
Да пошли и мятельники,
Да пошли и лопатники,

Позадѣ Дюкову матушку
Ведутъ дѣвицы подъ руки;
И покланяется Добрыня Дюковой матушкѣ:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
— Здравствуй, удалый добрый молодецъ!

(Рыбн. II, № 29). — У Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225, 230, прислужницы Дюковой матери сидятъ въ теремахъ; отъѣхавъ отъ одного Добрыни просыпаетъ въ полѣ ночку темную, и затѣмъ уже доѣзжаетъ до другого; въ № 31 ib. теремовъ тридцать три, «вершки свиваютъ въ одно мѣсто». — Появленіе Дюковой матери описывается съ особою торжественностью: её ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею, «вся она обвѣшана бархатомъ, чтобы не запекало её солнце красное» (Рыбн. II, № 28), либо надъ нею несутъ подсолнечники-зонтики (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; Рыбн. II, № 30). Она принимаетъ пословъ и угощаетъ ихъ, при чемъ обыкновенно общее мѣсто Чурилина хвастовства: одинъ калачикъ съѣшь, другого хочется, другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ. — Узнавъ о цѣли пріѣзда, мать ведетъ оцѣнщиковъ по кладовымъ, погребамъ и клѣтямъ, и они принимаются переписывать: сбрую лошадиную (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, Гильф. № 9, 159), погреба глубокіе, въ которыхъ висятъ бочки съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. III, № 31, Гильф. № 159), бочки «красна золота не держанаго», (Гильф. № 230), погреба съ «деньгой нехоженой» (Рыбн. III, № 29); сл. Рыбн. II, № 30. Къ предметамъ оцѣнки иные пересказы присоединяютъ еще: платья (Рыбн. II, № 28, 30), сапожную и сѣдельную клѣтки, амбары съ товарами заморскими (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), коней (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 230); въ 33-хъ теремахъ сидятъ Дюковы счетчики, казну сводятъ (Рыбн. III, № 31); либо: стоитъ семьдесять столовъ, у каждаго стола по три человѣка, на щетахъ ходятъ, казну принимаютъ; семьсотъ человѣкъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ (Рыбн. II,

№ 28). — Встрѣчаются и баснословныя черты: послы идутъ на широкій дворъ:

А течетъ тутъ *струйка золоченая*, —
А тутъ не могли они смѣты дать

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152: струйка золоченая). Сл. то-же у Гильф. № 159:

А по той же по Индѣи по богатоей,
А по той-то по Корелы по проклятоей,
Потекла рѣка да было съ золотомъ

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 мать идетъ къ погребамъ,

Вынимать она *три камешка* съ погрёбовъ глубокіихъ,
«Ай-же вы господа мои общѣнщички!
Можете-ль этимъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»
Да когда отъ тыихъ вѣдь тутъ камешковъ
По всему по городу по Галичи
Всякіи огни горя, лучи пекутъ,
Ёны господа да ту́тъ общѣнщички,
Ёны стали тутъ да пороздумались,
А й не могутъ оны да тутъ цѣны вѣдь дать,
Еще что стоятъ этыи три камешка.
Говоритъ тутъ Дюкова-то матушка,
А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна:
«А й же вы господа да тутъ общѣнщички!
Ужъ что вы стали подроздумались?
Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать?
А й надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
Дакъ не дорого вы стоите господа общѣнщички,
А й общѣнщички да столно-кіевски!»
Говорятъ господа вѣдь тутъ общѣнщички:
«А й же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
А й честна вдова Офимья ты Тимоѳеевна!
А й не можёмъ тутъ мы цѣны-есть дать
Твоимъ-ли этымъ тутъ камешкамъ,
Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
А й велики вѣрно что у Дюка́ животы.

Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
А ещё семь разъ спродать ёго повыкупить,
Накупить бумаги да черниловъ-то,
То не хватитъ намъ у Дюка животовъ уписать».

Этимъ характернымъ признаніемъ: что если продать Кіевъ, либо Кіевъ и Черниговъ, да купить бумаги (чернилъ и перьевъ) для описи Дюковыхъ животовъ, то бумаги не хватитъ — этимъ признаніемъ обыкновенно кончается эпизодъ «оцѣнки» (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 28, 30; Гильф. № 159; сл. еще Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225, 230). Похвальба Дюка еще разъ оправдалась; но ему въ Кіевѣ, очевидно, дѣлать нечего: лишь у Рыбн. II, № 30 заключеніе такое:

Тутъ-то узнали молодаго боярина
По всимъ землямъ, по всимъ ордамъ;
Тутъ-то сталъ вездѣ поѣзживать
Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
Со братцемъ крестовымъ.

У Ефименка № IV Дюкова матушка посылаетъ Ильѣ съ оцѣнщикомъ — Дюковы «сапожки обродочки»:

Тутъ Дюкъ съ Осударемъ поназванались,
Поназванались, покрестовались.

Въ другихъ пересказахъ Дюкъ уѣзжаетъ во свояси (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), раздавъ по монастырямъ свое цвѣтное платье (Рыбн. II, № 28), не смотря на приглашеніе Владимира — остаться и — торговать во весь вѣкъ безпошлинно (Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152, 159). У Гильф. № 230 онъ говоритъ на отъѣздѣ Владимиру:

«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
Какъ вѣдь съ у́тра солнышко не спекло,
Подъ вечеръ со́лнышко не огрѣё.
На пріѣздѣ молодца ты не учостовалъ,
А теперь на поѣздѣ не учостовать,
А будь-ко свинья да ты безшорстная!»

Полагаю, что то-же значеніе имѣетъ и его рѣчь къ князю въ Гильф. № 213, хотя издатель и толкуетъ её какъ приглашеніе Дюка Владиміру — пріѣхать къ нему въ гости:

«А й гости Владиміръ стольно-кіевски!
Ты гости-тко князь да на ту-же честь,
А й на ту-же честь какъ и меня употчивалъ!»

Особое, очевидно, не традиціонное окончаніе представляетъ прозаическій пересказъ былины у Рыбникова I, № 50, которымъ, по причинѣ его сказочнаго характера, мы до сихъ поръ и не пользовались. Дюкъ носитъ здѣсь имя Юнки; Владиміръ съ Чурилой, князьями-боярами и приказными ѣдутъ его «животовъ обцѣнивать». — «Пріѣхалъ князь Владиміръ и дивится Юнкову дому: такого дому нигдѣ не видано. Взялъ его Юнка, и за руку, и ведетъ въ палаты — инъ половицы въ полу стеклянные, подъ ними вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половица точно треснетъ. Упирается князь, боится ступать по половицамъ; однакожь ведутъ, такъ надо итти». Такъ въ сказаніяхъ о Соломонѣ царица Савская не рѣшается вступить въ воду — стекляный полъ, на которомъ стоитъ престолъ Соломона. — «Сѣли за столъ, ѣли такія яствія, какихъ не слыхано, пили питья, какихъ не видано. Послѣ столованья спрашиваетъ князь Владиміръ: Гдѣ-же мои подъячіи? — Привели подъячихъ, такъ они высохли, какъ щепочки, съ тоски, что не могли обцѣнить одного сѣдла тридцать человѣкъ. Посмотрѣлъ на сѣдло князь и сказалъ: Кто сѣдло наладилъ, тотъ только и обцѣнить можетъ. — Попался князь въ услуженіе Юнкѣ (по условію заклада?), а Юнка говоритъ ему: «Мнѣ твоей службы не надо, у меня своихъ животовъ много, а ты поѣзжай домой, да соблюдай, чтобы впредь у васъ чужаго человѣка незнакомаго въ домѣ не обижали».

Повторимъ въ заключеніи разбора пѣсни о Дюкѣ, что не всѣ пересказы сохранили её въ полности, иные ограничились запоминаніемъ одного или другаго ея эпизода. Такъ № 128 Гильф.

знаетъ лишь скачку Дюка съ Чурилой, которая пріурочена къ обычной похвальбѣ богатырей на княжескомъ пиру; наоборотъ, Гильф. № 243 выдѣлилъ описаніе чудесъ Дюкова царства, къ которому придѣлалъ небольшой запѣвъ:

Кого нѣтъ сильняе да могучѣе?
Старика Ильи да Ильи Муромца.
Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе?
Молодца-то Дюка да Степанова:
Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
Да кругомъ двора да всё булатній тынъ,
Столбики были точеные,
Да точёные да золочёные,
Да на кажномъ столбичку́ по маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорого́ю мѣдью всё казарскіе,
Да пекутъ лучи да солнопечные
По тому по городу по Галицѣ,
Да по той Волынъ-земли богатые.
Да ещё у Дюка у Степанова
Ворота были вольячные,
Подворотенки были хрустальніе,
Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
Да еще у Дюка у Степанова
Надъ воротами да надъ широкима
Да стоя у Дюка чудны о́бразы,
Да горя свѣчи неугасимые.
Да еще у Дюка у Степанова
Да стоятъ три церкви три соборные:
Да на кажной церквы по три маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорогою мѣди всё казарскіе,
Да пекутъ лучи да солнопечные
По тому по́ городу по Галицѣ,
Да по той Волынъ-земли богатые.
Да во перву церкву соборную
Туда ходитъ Дюкова-то матушка,
Да во другу церкву соборную
Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ,

А во третью церкву соборную
Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова.
Середи двора его широкаво,
Да стоятъ три терема высокіе,
Да высокіе да златоверхіе.
Да во первомъ терему высокіемъ
Да живётъ тутъ Дюкова-та матушка,
А во другомъ тереми высокіемъ
Да живётъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
Да во третьемъ тереми высокіемъ
Да живётъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора того широкаго
Да стояли погребы глубокіе;
Да во эти погребы глубокіе
Бочки спущены да на тетивочкахъ,
Да во эти погребы глубокіе
Да прове́дены да трубы мѣдные,
Трубы мѣдные да изъ чиста поля.
Да повіютъ вѣтры со чиста поля
Да во эти трубы да во мѣдные,
Да во эти погребы глубокіе,
Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
Оттого ли пиво да не затыхается [1]).

---

[1]) Этотъ отрывокъ былины выдѣленъ изъ типа, представляемаго цѣльной пѣсней у Ефименка, Матеріалы № IV: именной запѣвъ, описаніе Дюкова царства — и просьба Дюка къ матери благословить его съѣздить въ Кіевъ.

Начало:

Нѣту на силу Самсонову,
Что того-же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье Осударя Ильи Муромца,
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешеньки Поповича,
На имѣнье Садка-купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова.
Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ и т. д.

Сл. ib. № IX: былина прямо начинается описаніемъ Дюкова царства; испорченный варьянтъ, въ которомъ три боярина щапятъ съ Дюкомъ, а онъ скачетъ въ запуски съ Ильей, Добрыней и Алешей: не могли они перескочить черезъ рѣку, «Тутъ де они и уходилися». Сл. выше стр. 160.

Обособленное такимъ образомъ описаніе Дюкова царства, съ его дворомъ, тремя церквами и тремя теремами, напоминаетъ подобныя же черты малорусскихъ колядокъ съ ихъ тремя крестами, церквами, окнами и т. п. («Зе̂лёный дворъ, — Мѣдныя во̂роты, — По̂дво̂ротнички, — Рыбьи косто̂чки и т. п.[1]) — какъ Дюкова скачка находитъ себѣ знаменательную параллель въ томъ-же мотивѣ колядокъ малорусскихъ и румынскихъ. Былевыя, балладныя пѣсни могли пѣться въ пору народныхъ, годовыхъ или бытовыхъ празднествъ; ихъ отзвуки и теперь слышны въ брачныхъ и рождественскихъ напѣвахъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ, Южноруссовъ; излюбленные въ колядкахъ мотивы скачки и чудесныхъ чертоговъ, можетъ быть, — обобщившіеся отзвуки этихъ пѣсенъ, либо поддержаны были ихъ древнею популярностью.

II.

Дюкъ Степановичъ — пріѣзжій богатырь; онъ даже не остается въ Кіевѣ, какъ напр. Чурила, и я считаю древнимъ то заключеніе былины, гдѣ Дюкъ, недовольный пріемомъ Владимира, уѣзжаетъ во свояси, что̀ не помѣшало ему въ позднейшемъ синкретизмѣ эпоса такъ-же постоянно примкнутъ къ Кіеву, какъ Чурилѣ и Ивану Гостиному сыну. — Онъ — «бояринъ», «княженецкій сынъ» (Рыбн. I, № 48, vv. 290, 292); его имя — Дюкъ, несомнѣнно, византійское Δούκας, извѣстное какъ титулъ, а затѣмъ какъ родовое и — собственное имя. Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ Андроника Дука, на дочери котораго женится отецъ Дигениса[2]); Дука, отца Дигенисовой жены[3]); сербск. болг. дукъ = дожъ; Дукадинъ = ducatus = Герцеговина; мальчика

[1]) Опытъ описанія Могилевской губерніи, подъ ред. Дембовецкаго, стр. 531.

[2]) Sathas et Legrand, p. 6; сл. Lambros l. c. p. 129, v. 405.

[3]) Sathas et Legrand, p. 92, 98.

Докадинче сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ [1]). — Дукъ перешелъ въ имя собственное, какъ Девгеній и Акритъ заслонили въ томъ-же значеніи собственное имя Василія въ старо-русской повѣсти о Девгеніи.

Откуда пріѣзжаетъ Дюкъ? Изъ Индіи, Волынца Галицкаго, Корелы. Эти противоположныя указанія, служащія теперь къ обозначенію чего-то неопредѣленно далекаго, надо помирить. Корела — если только это имя не испорчено изъ другого (сл. корлязей нашей лѣтописи; королязей = каролинговъ = франковъ вставки въ нѣкоторыхъ текстахъ Слова Даніила Заточника) — можетъ принадлежать лишь сѣверу и предполагаетъ, во всякомъ случаѣ, Корелу, какъ что-то еще мало-извѣданное, темное, иначе её не употребили бы для обозначенія чудесной дали. — Въ Кіевъ пѣсня о поѣздкѣ Дюка могла быть занесена изъ Галича, торговаго центра въ XII-мъ вѣкѣ, ведшаго, между прочимъ, обширную торговлю и съ греческими колоніями Черноморья. Дюкъ, стало быть, оттуда и пріѣзжалъ — объяснили себѣ пѣвцы, и этотъ географическій фактъ внесенъ былъ въ былину, когда она переселилась въ Кіевъ и пристала къ князю Владиміру. Относплось-ли имя Дюка = Δούκας къ этому этапу пѣсни или принадлежитъ еще болѣе древнему — это вопросъ лишній и для насъ не существенный. Древняя, до-Кіевская пѣсня во всякомъ случаѣ не знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ какой-нибудь другой царь, и ея молодецъ = Дюкъ пріѣзжалъ издалека: изъ Индіи. Съ переходомъ былины изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волынецъ, въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ, къ тому и другому — еще и Корела. Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ, можетъ быть, на пути, по которомъ чуждая пѣснь двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе — на сѣверныя окраины. Судя по молчанію нашей начальной лѣтописи именно о Корелѣ [2]), слѣдуетъ предположить, что внесеніе ея въ нашу былину могло совершиться уже

[1]) Сл. напр. въ сборникѣ Качановскаго №№ 151—155.

[2]) Н. Барсовъ, Очерки Русск. Истор. Географіи, стр. 49, 57—8.

на сѣверѣ. Повліяли-ли на то баснословныя представленія о чудесной Біарміи норманновъ — я сказать не рѣшусь.

Дюкъ, или кто-иной, названный впослѣдствіи Дюкомъ, пріѣзжалъ, стало-быть, первоначально изъ «Индіи богатой», изъ страны чудесъ и баснословнаго богатства, какою представляло её себѣ воображеніе средневѣковаго человѣка [1]), настроенное извѣстнымъ Посланіемъ пресвитера Іоанна, изстари переведеннымъ чуть-ли не на всѣ европейскіе языки, между прочимъ и на русскій. На значеніе этого памятника для объясненія «Индіи богатой» «Дюковой матушки» давно было указано въ нашей литературѣ; въ послѣдній разъ г. Баталинымъ [2]). Я думаю остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Эпистолія пресвитера Іоанна къ императорамъ Фридриху I либо Эммануилу объявилась въ XII-мъ вѣкѣ [3]). Общественныя, политическія и религіозныя неурядицы этого и предшествовавшаго столѣтія невольно вызывали утопію блаженной, а потому далекой страны, гдѣ всѣ люди нравственны и не нуждаются, гдѣ нѣтъ и той распри, въ которой терзалось и крѣпло средневѣковое сознаніе: распри церкви и государства. Эту страну

---

[1]) Сл. Kunstmann, Die Kenntniss Indiens im 15 Jahrhundert. 1863.

[2]) Н. Баталинъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Воронежъ, 1876.

[3]) Сл. замѣчательныя изслѣдованія Царнке: De patriarcha Johanne quasi praecursore presbyteri Johannis (1875 г.); Quis fuerit qui primus presbyter Johannes vocatus sit, quaeritur (1875 г.); De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur (1874 г.; цитуется далѣе: Epist.); De epistola Alexandri papae III ad presbyterum Johannem (1875 г.); De rege David filio Israel filii Johannis presbyteri (1875 г.). — Всѣ указанные выше №№ явились, какъ программы Лейпцигскаго университета. Сл. того-же автора: Der Priester Johannes, zweite Abhandlung, enthaltend Capitel IV, V und VI, изъ 8-го тома Abhandlungen der philol. hist. Classe d. kön. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften. Leipz. 1876 (цитуется далѣе: Presb. Johann.); Ueber eine neue, bisher nicht bekannt gewesene lateinische Redaction des Briefes des Priester Johannes, въ Berichte über die Verhandlungen der kön. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol. hist. Classe, XXIX B. (1877), p. 111—156. — О пресвитерѣ сл. также соображенія Бруна въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin, XI B., 4—5 Heft, стр. 279 слѣд. (Die Verwandlungen des Presbyters Johannes). — Брошюра G. Brunet, La légende du prêtre Jean (Bordeaux, 1877), лишена всякаго значенія.

помѣстили въ Индіи, о чудесахъ которой ходили древніе разсказы: уже Ктезій, Димахъ, Мегасѳенъ и, позднѣе, Псевдокаллисѳенъ населили её пигмеями, грифами, чудовищными народами, помѣстили въ ней золотой источникъ, камень-пантарбъ, дѣлающій невидимкой, муравьевъ, сбирающихъ золото и т. п. Съ другой стороны вѣсти Мегасѳена о Брахманахъ и Сарманахъ, свѣдѣнія о святой жизни брахмановъ-гимнософистовъ, распространенныя Мегасѳеномъ, Филостратомъ, Палладіемъ и Псевдокаллисѳеномъ, смѣшались съ смутной памятью о христіанахъ въ Индіи — и сложилось представленіе о далекомъ христіанскомъ царствѣ, гдѣ люди блаженствуютъ, не зная ни лжи, ни татьбы, ни разврата, гдѣ земля всё даетъ въ изобиліи, а всѣмъ правитъ могучій властитель, пресвитеръ и царь въ одномъ лицѣ: пресвитеръ Іоаннъ. — Обстоятельства времени дали этой утопіи значеніе жгучаго памфлета: Востокъ подвигался на Европу, предвѣстіе крестовыхъ походовъ — и ожиданій, что тамъ, гдѣ-то далеко, есть великое царство христіанъ, которое, въ минуту опасности, явится на помощь своимъ единовѣрцамъ. — Эпистолія пресвитера къ европейскимъ монархамъ, наполненная описаніемъ чудесъ и нравственнаго и матеріальнаго благоустроенія его царства, кончалась увѣреніемъ, что онъ, во главѣ несмѣтнаго войска, прійдетъ поклониться Гробу Господню и постоитъ за святое дѣло.

Эти грезы надолго овладѣли умами: путешественники искали пресвитера въ глубинѣ Азіи и нерѣдко находили его — путемъ безсознательнаго или сознательнаго отождествленія; фантастическіе разсказы Елисея (XII в.), Мандевиля (1356), Іоанна Witte de Hese (1389) — всецѣло коренятся въ представленіяхъ эпистоліи.

Presbiter Johannes sum, dominus dominantium, говоритъ о себѣ пресвитеръ [1]), et praecello in omnibus divitiis, quae sub

---

[1]) Текстъ сообщается по изданію Zarncke, Epist.; отмѣны противъ основнаго текста, представляемыя позднѣйшими редакціями, каждый разъ цитуются подъ сиглой, установленной издателемъ.

caelo sunt, virtute et potentia omnes reges universae terrae. Septuaginta duo reges nobis tributarii sunt.... In tribus Indiis dominatur magnificentia nostra, et transit terra nostra ab ulteriore India, in qua corpus Sancti Thomae requiescit, per desertum et progreditur ad solis ortum, et redit per declivum in Babilonem desertam juxta turrim Babel. — Слѣдуетъ описаніе чудесъ фауны и звѣрообразныхъ народовъ, обитающихъ въ Индіи; редакція С прибавляетъ къ этому перечню и народы, заключенные Александромъ Великимъ, во главѣ ихъ: Гогъ и Магогъ. Istas nempe et alias multas generationes Alexander puer magnus rex Macedonum conclusit inter altissimos montes in partibus aquilonis. Quas cum volumus ducimus super inimicos nostros et datur eis licentia a majestate nostra, quod eos devorent, et continuo nullus hominum, nullum animalium remanet, quin statim devoretur. Inimicis namque devoratis, reducimus eas ad propria loca. Et ideo reducimus, quia, si absque nobis reverterentur, omnes homines et universa animalia, quae invenirent, penitus devorarent. Istae quidem pessimae generationes ante consummationem saeculi tempore Antichristi egredientur a quatuor partibus terrae et circuibunt universa castra sanctorum et civitatem magnam Romam.... Nec mirum, quia numerus earum est sicut harena, quae est in litore maris, quibus certe nichil resistere potest. Hae vero generationes, sicut quidam propheta prophetavit, propter suas abhominationes non erunt in judicio, sed deus deorum mittet super eas ignem de caelo, et ita consummabit eas, quod nec etiam cinis ex his remanebit.

Это — извѣстное преданіе Псевдокаллисѳена (Müller, C, III, 26; BC, III, 29) о томъ, какъ по молитвѣ Александра Великаго двѣ горы, «сосцы Борея», сошлись на разстояніи десяти футовъ, которое онъ велѣлъ задѣлать мѣдными вратами и залить составомъ, предохранявшимъ ихъ отъ дѣйствія огня и желѣза. За этими вратами онъ заперъ, будто-бы, нечистые народы, питавшіеся всякою нечистью и падалью и грозившіе стать гибелью землѣ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Гогъ и Магогъ

(или: Готъ и Маготъ). — Преданію этому суждено было играть значительную роль въ христіанской эсхатологіи [1]), гдѣ заключенные Александромъ народы, вырвавшись изъ-за горъ, являлись Божьимъ бичемъ, предвѣстниками приближающейся кончины міра. Пока они находятся подъ властью Пресвитера: такъ въ редакціи C эпистоліи и въ ея различныхъ отраженіяхъ. Chronicon Turonense говоритъ подъ 1227 г. о Давидѣ, баснословномъ потомкѣ Пресвитера: ex alia parte Acconensis episcopus publice praedicabat, quod David rex utriusque Indiae ad Christianorum auxilium festinabat, adducens secum ferocissimos populos, qui more belluino Sarracenos sacrilegos devorarent [2]). У Жуанвилля [3]) Гогъ и Магогъ помѣщены у предѣловъ Пресвитерова царства, за непроходимыми скалами: «et disoient (li Tartarin) que léans estoit enclos li peuples Got et Margoth, qui doivent venir en la fin dou monde, quant Antecriz venra pour tout destruire»; то-же у Марко Поло: «et sachiés que en ceste provence estoit le mestre seje dou Prestre Johan.... et ce est le leu, qe nos apellon de se en nostre païs Gogo et Magogo; mès il l'apellent Ung et Mungul» [4]). У Іоанна Witte de Hese — Гогъ и Магогъ локализованы во владѣніяхъ Пресвитера: et dicitur, quod ibidem sunt Gog et Magog, conclusi inter duos montes [5]). — Эти горы, сошедшіяся и имѣющія когда-то разойтись, повели къ образу толкущихся горъ: въ нѣмецкомъ текстѣ Мандевилля [6]): Man findet da zcu lande etzlich gebirge, das sere hoch ist, unnd das eyn gebirge gegin dem andern zcu stosset, unnd das mer umb slichet nyder das

---

[1]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, I, стр. 293, 299, 303—4, 310, 313 и прим. на стр. 313—314 и passim; I, II, стр. 51—2, 64, 73 прим., 75. Сл. также мои Замѣтки по Литературѣ и народной словесности I, стр. 84—5. Новое изслѣдованіе о библейскомъ Магогѣ сдѣлано было Lenormant'омъ въ Muséon, t. I, № 1, стр. 9—48 (1882 г.).

[2]) Zarncke, Presb. Johann., p. 9.

[3]) ib. p. 84.

[4]) ib. p. 110.

[5]) ib. p. 171.

[6]) ib. p. 149.

gebirge gar ferre und dringet sich hindurch unnd dar zcwschen; und das ist so gruwelich, das keyn schiff von eyme gebirge an das ander mag, unnd dy leute hyczu unnd darzcu horen eyns das ander unnd ire hunde unnd ire pferdt unnd ire hanen unnd ire geschreige unnd mogen doch nymmer zcusammene kommen, wy wol sy sich horen und gesehn unnd zcu sammene ruffen unnd reden kegn eynander, unnd meynet man, das dy czwey gebirge eyn berg sint gewest unnd eyn landt unnd eyne sprache, bis das das grosse mer von Indien mit gewalt dy gebirge durchdrungen hat unnd zcwei werlt also von eynander gescheiden hat, dy nach eyne sprache haben unnd zcusammene mogen reden, so sy das gewinde, das das mer dy sluffe durch dringet, nicht hindert. Wenn sich dy sere wegen (Wan so es sere weet *B*), so mogen sy nicht gehoren».

Возвратимся къ тексту эпистоліи: въ предѣлахъ Пресвитеровой Индіи течетъ рѣка Ydonus, выходящая изъ рая (de Paradiso) и влекущая съ собою множество драгоцѣнныхъ камней; есть и гора Олимпъ, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens. Variatur autem sapor per singulas horas diei et noctis et progreditur itinere dierum trium non longe a paradyso, unde Adam expulsus est.... Ibi sunt lapilli, qui vocantur midriosi, quos frequenter ad partes nostras deportare solent aquilae, per quos rejuvenescunt et lumen recipiunt. Si quis illum in digito portaverit, ei lumen non deficit, et si est imminutum, restituitur, et quo plus inspicitur, eo magis lumen acuitur. Legitimo carmine consecratus, hominem reddit invisibilem, fugat odia, concordiam parat, pellit invidiam....

Juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit rivulus quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Aperitur enim aliquando terra, et si quis inde transit, tunc potest intrare et sub velocitate exire, ne forte terra claudatur. Et quicquit de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae, quia harena et sabulum nil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitu-

dinis, in quod homines terrae nostrae intrant et maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt, nec audent illos vendere, nisi prius excellentiae nostrae demonstrent, et si eos in thesauros nostros vel ad usus nostros retinere volumus, data medietate precii accipimus.... Ultra fluvium vero lapidum sunt X tribus Judaeorum, qui quamvis fingant sibi reges, servi tamen nostri sunt et tributarii excellentiae nostrae.

Редакція C, внесшая въ текстъ эпистоліи эпизодъ о Гогѣ и Магогѣ, повторила-ли подробность, уже стоявшую въ древнемъ текстѣ? Разсказъ о десяти іудейскихъ колѣнахъ, живущихъ за песчаной рѣкою, куда проникнуть и откуда выйти можно лишь когда расходятся горы (aperitur enim aliquando terra — ne forte terra claudatur?) — явился-ли дублетомъ къ образу толкущихся горъ, заключившихъ Гога и Магога, которыхъ древніе памятники отождествляли именно съ десятью колѣнами Израильтянъ, либо помѣщали ихъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ? [1]). Или слѣдуетъ предпо-

[1]) О легендарной локализаціи десяти колѣнъ израильскихъ сл., между прочимъ, Fabricii, Cod. apocr. Novi Testam. II, 174 слѣд.; Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, II, p. 732—42; Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—4, 299, 372, 386, 400 слѣд.; Israel Levi, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch (Revue des études juives, № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 88); Graf, Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, v. II, p. 544—8. — Еврейскія повѣрья говорятъ о героѣ изъ Іосифова рода, который, побѣдивъ на сѣверѣ Гога и Магога, освободитъ десять колѣнъ, томившихся въ ихъ сосѣдствѣ (сл. Beer, Welchen Aufschluss geben jüdische Quellen über den zweihörnigen des Koran, въ Zeitsch. d. d. Morgenländischen Gesellschaft, IX, 793). Древняя локализація Гога и Магога на Кавказѣ, гдѣ Евреи удержались долгое время спустя по распаденіи Хазарскаго царства, могла поддержать въ христіанской средѣ предположеніе ихъ тождественности: въ IX в. Христіанъ Друтмаръ, извѣстный подъ названіемъ Корвейскаго грамматика, замѣчаетъ въ своей Expositio ad Matth. 24, что Gog и Magog — Гунны или Хазарскія племена, «quas Alexander conduxerat» — приняли, вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ, еврейскую вѣру (Bibl. P. P. Max. XV, 157 f.); Richerius Senonensis (Böhmer, Fontes rerum Germ. III 56, l. IV, c. 19) говоритъ о Татарахъ: Alii vero asserebant eos Judaeos illos esse, quos ferunt ab Alexandro Magno intra Caspios montes quondam fuisse inclusos. — Въ средневѣковыхъ памятникахъ отождествленіе либо географическое сближеніе десяти израильскихъ колѣнъ съ Гогомъ и Магогомъ встрѣчается не разъ; слѣдующія указанія собрались у меня нѣсколько случайно. Сл. Орозія l. III c. 7; Кельнскую хронику (Eccard, Corp.

ложить въ нашемъ случаѣ отраженіе еврейской легенды, сложившейся уже на почвѣ апокрифической IV-й книги Ездры: о десяти колѣнахъ, переселенныхъ за Евфратъ и рѣшившихъ странствовать, пока не достигнутъ страны, куда никогда не заходила нога человѣческая, и тамъ въ чистотѣ хранить вѣру и обычаи предковъ? До этой страны они доходятъ послѣ полуторагодоваго пути, и оттуда они явятся въ концѣ дней, чтобы собраться вокругъ Мессіи. Легенда эта, повторенная въ Carmen Apologeticum Коммодіана (c. XLII), нашла себѣ особое выраженіе въ повѣсти, о которой я поговорю при другомъ случаѣ: о «сынахъ Моисея», Рахманахъ = Рехавитахъ Зосимова Хожденія [1]).

Quando procedimus ad bella contra inimicos nostros, продолжаетъ Пресвитеръ, XIII cruces magnas et praecelsas, factas ex auro et lapidibus pretiosis, in singulis plaustris loco vexillorum ante faciem nostram portari facimus, et unamquamque ipsarum secuntur X milia militum et C milia peditum armatorum, exceptis aliis, qui in sarcinis et curribus et in ducendis victualibus exercitus sunt deputati. Cum vero simpliciter equitamus, ante majestatem nostram praecedit lignea crux, nulla pictura neque auro aut gemmis ornata, ut semper simus memores passionis domini nostri Jesu Christi, et vas unum aureum plenum terra, ut cognoscamus, quia caro nostra in propriam redigetur origi-

---

Hist. Med. aev. t. I, p. 712, 713); Готфрида изъ Витербо, Pantheon, part. XI; Ranulphi Higden, Polychron. l. II, c. 34; Guilelmus de Rubruquis; неизданную еще Александрію Вилькина (Grion, I Fatti di Alessandro Magno, p. 202); Генриха Нейстадскаго (Von Gotes zuokunft, ed. Strobl: vv. 5424—5: die rôten Juden, das volc Gog — Amazônes und Magôg; vv. 5684—5: zehen der geslehte sint — Und kâmen von Japhêtes kint); Hugo von Langensteins Martina (hrgr. v. A. v. Keller, p. 484: Sun diu zehin geslcht wesin — Diu von Jacob kamen); Der jüngere Titurel, ed. Hahn, vv. 6057—60 (красные Евреи); Libro de Alexandre, строфа 1938 слѣд (сл. Morel Fatio, Recherches sur le Texte et les sources du libro de Alexandre, Romania XIII, p. 76—7); Мандевилля; Pecorone, Giorn. XX nov. 1 и Bacon, Opus majus, p. 100. Сл. еще Weissman, Alexander, II, 463—6; Liebrecht къ Gervasius von Tilbury Otia Imperialia, p. 95—6.

[1]) Сл. объ этомъ мою нынѣ печатающуюся работу объ источникахъ Сербской Александріи.

nem i. e. terram. Et aliud vas argenteum plenum auro portatur ante nos, ut omnes intelligant nos dominum esse dominantium. — Тѣ-же символическіе крестъ и сосуды упоминаются и въ повѣсти Елисея [1]) и въ текстахъ Мандевилля [2]).

Palatium autem, quod inhabitat sublimitas nostra, ad instar et similitudinem palacii, quod apostolus Thomas ordinavit Gundoforo regi Indorum, in officinis et reliqua structura per omnia simile est illi. Laquearia, tigna quoque et epistilia sunt de lignis cethim. Coopertura ejusdem palacii est de ebeno, ne aliquo casu possit comburi. In extremitate vero super culmen palacii sunt duo poma aurea et in unoquoque sunt duo carbunculi, ut aurum splendeat in die et carbunculi luceant in nocte. Majores palacii portae sunt de sardoni commixto de cerastis, ne aliquis latenter possit intrare cum veneno, ceterae ex ebeno, fenestrae de cristallo. Mensae, ubi curia nostra comedit, aliae ex auro, aliae ex ametisto, columpnae, quae sustinent mensas, ex ebore. Ante palacium nostrum est platea quaedam, in qua solet justicia nostra spectare triumphos in duello. Pavimentum est de onichino, ut ex virtute lapidis animus crescat pugnantibus. — In supradicto palacio nostro non accenditur lumen in nocte, nisi quod nutritur balsamo. Camera, in qua requiescit sublimitas nostra, mirabili opere, auro et omni genere lapidum est ornata.... Semel in die comedit curia nostra. In mensa nostra comedunt omni die ·XXX· milia hominum praeter ingredientes et exeuntes. Et hi omnes accipiunt expensas singulis diebus de camera nostra tam in equis quam in aliis expensis. Haec mensa est de precioso smaragdo, quam sustinent duae columpnae de ametisto. Hujus lapidis virtus neminem sedentem ad mensam permittit inebriari. — Ante fores palacii nostri juxta locum, ubi pugnantes in duello agonizant, est speculum praecelsae magnitudinis, ad quod per ·CXXV· gradus ascenditur. Gradus vero sunt de porfiritico, partim de serpentino

---

[1]) Presb. Johann., p. 126.

[2]) l. c. p. 182—3 (французскій текстъ), p. 135—6 (англійскій), 144 (латинскій), 150—1 (нѣмецкій).

et alabastro a tercia parte inferius. Hinc usque ad terciam partem superius sunt de cristallo lapide et sardonico. Superior vero tercia pars de ametisto, ambra, jaspide et panthera. Speculum vero una sola columpna innititur. Super ipsam vero basis jacens, super basim columpnae duae, super quas item alia basis, et super ipsam quatuor columpnae, super quas item alia basis et super ipsam ·VIII· columpnae, super quas item alia basis et super ipsam columpnae ·XVI·, super quas item alia basis, super quam columpnae ·XXXII·, super quas item alia basis et super ipsam columpnae ·LXIIII·, super quas item alia basis, super quam item columpnae ·LXIIII·, super quas item alia basis et super ipsam columpnae ·XXXII· Et sic descendendo diminuuntur columpnae, sicut ascendendo creverunt, usque ad unam. Columpnae autem et bases ejusdem generis lapidum sunt, cujus et gradus, per quos ascenditur ad eas. In summitate vero summae columpnae est speculum, tali arte consecratum, quod omnes machinationes et omnia, quae pro nobis et contra nos in adjacentibus et subjectis nobis provinciis fiunt, a contuentibus liquidissime videri possunt et cognosci. — Дворецъ этотъ находится въ Сузахъ.

Редакція B[I] (B[II], B[III]) присоединила къ дворцу, описанному выше, второй, построенный отцемъ Пресвитера, Quasideus, согласно велѣнію, бывшему ему во снѣ: «Fac palatium filio tuo, qui nasciturus est tibi, qui erit rex regum terrenorum et dominus dominantium universae terrae. Et habebit illud palatium a Deo sibi talem gratiam collatam, quod ibi nullus esuriet, nullus infirmabitur, nullus etiam intus existens poterit mori in illa die, qua intraverit. Et si validissimam famem quis habuerit et infirmaverit ad mortem, si intraverit palatium et steterit ibi per aliquam moram, ita erit satur, ac si de centum ferculis comedisset, et ita sanus, quasi nullam infirmitatem in vita sua passus esset. — Quasideus велитъ построить дворецъ, in cujus compositione non sunt nisi lapides preciosi et aurum optimum liquatum pro cemento. Caelum ejusdem i°. tectum est de lucidissimis saphiris, et clarissimi topazii passim sunt interpositi, ut saphiri ad

similitudinem purissimi caeli et topacii ad modum stellarum palatium illuminent. Pavimentum vero est de magnis tabulis cristallinis. Camera vero nec aliqua divisio est intra palatium. Quinquaginta columnae de auro purissimo ad modum acus formatae infra palatium juxta parietes sunt dispositae. In unoquoque angulo est una, reliquae infra ipsas locatae sunt. Longitudo uniuscujusque columpnae est LX cubitorum, grossitudo est, quantum duo homines suis ulnis circumcingere possunt, et unaquaeque in suo cacumine habet unum carbunculum adeo magnum, ut est magna amphora, quibus illuminatur palatium ut mundus illuminatur a sole.... Nulla fenestra nec aliquod foramen est ibi, ne claritas carbunculorum et aliorum lapidum claritate serenissimi caeli et solis aliquo modo possit obnubilari.

Въ редакціи D описывается еще и третій дворецъ, quod fuit Pori, regis Indorum, de stirpe cujus omnia signa nostra et progenies descendit. In quo quidem pallacio multa sunt humanis mentibus penitus incredibilia. Ibi sunt columpnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columpnas, habentes folia aurea et ramos, alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis.... In aula hujus pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter. — Similiter praedictae statuae musicae ita sunt aptatae, quod ad voluntatem regis dulcius et suavius quam credi potest cantabant. Quod mirabilius est omni mirabili, more ystrionum videntur modis diversis jocari, et hinc inde torqueri. Quas nempe statuas et aves tam in hyeme quam in aestate, quando nobis placet, facimus cantare et jocare, dulcedo et suavitas cujus cantilenae tot et tanta est, quod auditores incontinenter obdormire facit et quodammodo extra mentes efficiuntur.

Описанія индѣйскаго царства, составленныя по Эпистоліи, говорятъ о двухъ дворцахъ Пресвитера, причемъ первый дворецъ посланія, разнообразно видоизмѣненный, обыкновенно лежитъ въ основаніи новыхъ изображеній, а третьи палаты редакціи D привлечены лишь нѣсколькими своими чертами.

Такъ у Елисея[1]): первый дворецъ Пресвитера находится въ концѣ первой Индіи, въ Gamarga; второй — въ Селипѣ на Евфратѣ.

Civitas illa pulchra et habilis est, plena populo, undique circumdata est muro. Muri ejus 30 passus habent altitudinis, duos autem latitudinis. In eadem civitate summum *palatium* presbyteri Iohannis aedificatum est. Quod palatium a tempore Quasidei incoeptum est. Quasideus autem vocabatur, quia dicior erat aliis regibus et etiam major; idcirco vocabatur Quasideus. Ipse autem dominabatur super *duas et 70 civitates et provintias;* solium eius in eadem civitate erat. Qui dum quadam nocte in thalamo suo dormiret, relatum est ab angelo in sompnis, ut surgeret aedificare palatium filio suo, qui nasciturus esset ei in eodem loco, ubi beatus Thomas apostolus regi Gundafaro designaverat. Locus ille erat in civitate eadem. Ipse autem rex accessit et invenit magistros, et pervenit ad locum et ibidem jussit fieri palatium, cujus longitudo est 15 stadiorum, altitudo 500 cubitorum, latitudo 400. Est autem *quaedam columpna in medio palatii posita,* ex lapidibus preciosis, ex auro et ex omni metallo conposita: exteriores lapides omnino porfiretici. Super columpnam illam sunt bases, super quas bases sunt 5 columpnae berillae, super quas 5 columpnas sunt aliae bases, super quas bases sunt aliae 10 columpnae ametistae, super quas 10 columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam pavimentum ex saphiris conpositum, ut animus ingredientium et egredientium revirescat nec valeat provocari ad aliquod malum. Supra praedictum pavimentum sunt bases, super quas bases est quoddam aliud

1) Presb. Johann., p. 125 слѣд.

pavimentum, super quod pavimentum sunt aliae 15 columpnae smaragdinae, super quas columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam aliud pavimentum ex onichinis, in quo rex tenet consistorium propter honestatem lapidum. Et super ipsum pavimentum sunt aliae 20 columpnae lapidum topaticae. Ita vadunt ascendendo columpnae et bases et pavimenta usque ad 72 gradus ordinatim, alia vero parte palacii veniunt descendendo de gradu ad gradum usque ad inferiorem statuam, super quam omne palatium consistit. Super unamquamque columpnam positi sunt carbunculi ad modum amphorae, unde numquam dies ibi deesse poterit: semper adest ibi claritas, nulla obscuritas potest inesse palatio prae splendore preciosorum lapidum, qui in palatio sunt. In summitate autem palatii est quaedam columpna smaragdina, super quam sunt duo poma aurea et duo carbunculi. Poma fulgent in die, carbunculi in nocte. Est autem in inferiori pavimento quaedam alia columpna, conposita ex onichinis et facta ad modum acus; inferior locus est subtilis, superior est grossus, et super ipsam columpnam carbunculus est positus, ex quo 10 milia hominum vident absque ullo lumine, qui comedunt ad mensam regis. Columpna illa, super qua positi sunt carbunculi, inferius est gracilis et superius grossa; nam si superius esset subtilis et inferius grossa, grossitudo illa inferior auferret splendorem superioris carbunculi, ut non adeo claresceret. Sunt etiam ibi tabulae iacinctinae et smaragdae et ametistae ex diversis matierieis preciosiorum lapidum. Ad quas tabulas astantes numquam inebriari possunt propter virtutes lapidum. — In eodem palatio sunt 12 ianuae, 8 sunt aureae, 4 ex lapidibus preciosis conpositae et ex cornibus cerastinis. Per istas 4 ianuas homines ingrediuntur. Una posita est ad orientem, alia ad occidentem, altera ad meridiem, alia ad septentrionalem plagam. Si quis per orientalem vult ingredi, ibi est lapis tantae candiditatis, quod non posset pati introitum, nisi temperatus esset cum aliis lapidibus. Si quis per occidentalem vult ingredi, est ibi lapis tantae frigiditatis, quod non posset habere introitum, nisi temperatus

esset a custodibus palatii. Si quis per meridianam vult ingredi, bene potest, quia temperata est cum bonis lapidibus. Si quis per septentrionalem vult ingredi, ianua illa distemperata est, ita ut amitteret sensum et vires et omne bonum, quod in se est, ut loqui non valeret propter distemperantias lapidum. Unaquaeque istarum 4 ianuarum habet cornua cerastina, ut nullus cum aliquo veneno possit ingredi; alioquin cornua sudarent. Qui vero sic ingrederetur, mox deprehenderetur et iudicaretur secundum legem regis. — Est etiam ibi plateola, ubi *arbor aurea est cum ramis et foliis, super quam sunt aves aureae ex omni genere, quae apud Indos inveniuntur. Ipsa arbor concava est, et rami et folia. Ibi est etiam fovea, cui insunt folles fere 60 ex arte factae. Homines vero ingrediuntur foveam et inflant folles, et sic inflatur arbor et rami et folia, deinde inflant aves, et unaquaeque incipit cantare juxta genus suum.*

Въ текстахъ Мандевилля первый дворецъ Пресвитера находится въ Сузѣ (франц. текстъ: Suse, ркп. busse?; англ. текстъ: Suse, лат.: Suze, нѣм.: Suse); «il a aussi un moult bel palays a Nise (?), la ou il demeure, quant il luy plaist, mais l'air n'est mie du tout si atrempé comme il est ailleurs en tout son pays». — Латинскій текстъ помѣщаетъ въ числѣ прочихъ чудесъ Индіи еще дворецъ богатаго «Villanus», такъ называемый «райскій» [1]).

По Johannes Witte de Hese [2]) городъ, въ которомъ живетъ Пресвитеръ, зовется Эдессой (Edissa). Et illa civitas est capitalis tocius regni sui et est sita in superiori India in fine terrae habitabilis, et illa civitas est maior quam essent xxiii^or^ civitates Colonienses. Et habitacio presbiteri Iohannis est sita in medio civitatis, et habet bene in longitudine duo miliaria teutonica et eciam bene tantum in latitudine, quia est quadratum, et palacium stat super columpnas, quarum sunt, ut dicitur, ix C in numero, et *media inter istas columpnas est maior aliis*, et ad hanc sunt facti quatuor *magni gigantes* de lapidibus preciosis et deauratis,

1) Presb. Johann., p. 183, 146.
2) Pr. Joh. стр. 165 слѣд.

stantes inclinatis capitibus subtus palacium, acsi portent totum palacium. Et ad quamlibet aliam columpnam sunt eciam factae ymagines, ad unam *ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos deauratos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis sibi propinando et sic econtra.* Et istae ymagines sunt de lapidibus preciosis deauratis. Et ita sub palacio est magnus transitus, ad quem populi multitudo convenit. Et ibidem fiunt iudicia spiritualia et saecularia omni die et concilia dominorum civitatis.... Item idem palacium custoditur omni nocte mille viris armatis. Item in palacio est unus pulcher ambitus, stans eciam super columpnas, ad quas sunt facti ymagines paparum et imperatorum Romanorum, qui fuerunt, et aliquarum reginarum, scilicet Helenae. Item ascendendo palacium sunt quingenti gradus veniendo ad primam habitacionem, et in quolibet gradu sunt duo vel plures *leones viventes*, detenti ibidem. Et si aliqui haereticorum vel paganorum praedictos gradus ascenderent, a leonibus interficerentur, ut dicitur. Et istud palacium infimum vocatur *«palacium prophetarum»*, quia omnes prophetae sunt ibidem facti de lapidibus preciosis et deauratis, et est ornatum pannis preciosissimis, et lanternis die ac nocte ardentibus. — Слѣдуютъ далѣе, постепенно возвышаясь по лѣстницѣ, еще нѣсколько покоевъ, носящихъ особое названіе каждый: *palacium patriarcharum, habitacio sanctarum virginum, habitacio sanctorum martirum et confessorum, chorus sanctorum apostolorum, chorus sanctae Mariae virginis et angelorum:* «ibi capella pulcherrima, et de mane omni die post ortum solis cantatur ibi missa de beata virgine solempniter. Et ibi est speciale palacium presbiteri Iohannis et doctorum, ubi tenentur concilia. *Et illud potest volvi ad modum rotae, et est testudinatum ad modum coeli*, et sunt ibidem multi lapides preciosi, lucentes in nocte, ac si esset clara dies. — Послѣдній, седьмой покой, названъ *«chorus sanctae Trinitatis»*, et ibi est capella pulcherrima pulchrior aliis.... Et ista capella est nimis alta *testudinata, et est rotonda ad modum coeli stellati et transit*

circumeundo ad modum firmamenti et est pavimentata de ebureo, et altare est factum de ebureo et de lapidibus preciosis.... Et ibi prope est dormitorium presbiteri Iohannis, mirae pulchritudinis et magnitudinis et testudinatum et *stellatum ad modum firmamenti; et ibidem est sol et luna cum septem speris planetarum, tenentes cursus suos ut in coelo, et hoc est artificialiter factum.* Item ibi est speculum, in quo sunt positi *tres lapides preciosi,* quorum unus dirigit et acuit visum, alter sensum, tercius experienciam. Ad quod speculum sunt electi tres valentissimi doctores, qui inspiciendo speculum vident omnia, quae fiunt in mundo.... Item stat ibi *magnus gygas,* fortiter armatus; et dicitur, quod si aliquis inimicus intraret post occasum solis, quod gygas illum interficeret. Item supra isto septimo et ultimo palacio sunt xx turres mirae altitudinis et pulchritudinis deauratae, sub quibus totum palacium concluditur et tegitur. Et in isto ultimo palacio sunt etiam xxiiii palacia seu camerae, quae *possunt circumvolvi ad modum rotae.* Et ita istud totum palacium habet *septem* habitaciones prius narratas, in quibus adhuc plura mirabilia et rara.... Item istud totum palacium est situm super uno flumine, quod dicitur Tigris, veniente de paradiso, *de quo flumine proicitur aurum*».

Обращаемся еще разъ къ показаніямъ Пресвитера: «Singulis mensibus serviunt nobis reges ·VII·, unusquisque illorum in ordine suo, duces ·LVII·, comites ·CCCLXV· in mensa nostra, exceptis illis, qui diversis officiis deputati sunt in curia nostra.... Quorum unusquisque singulis mensibus redeunt ad domum propriam per vices suas. Ceteri a latere nostro nunquam discedunt».— Въ концѣ посланія онъ снова возвращается къ своимъ служилымъ людямъ: «dapifer enim noster primas est et rex; pincerna noster archiepiscopus et rex, camerarius noster episcopus et rex, marscalcus noster rex et archimandrita, princeps cocorum rex et abbas». — Но и его мелкіе служилые люди — такіе-же большіе бары: редакція D разсказываетъ о мельницѣ на золотыхъ столбахъ съ жерновами изъ «adamante lapide», которые приводились

въ движеніе силою какого-то чудеснаго камня. Та-же сила заставляетъ зерно подниматься на мельницу черезъ полую колонну, а муку спускаться такими-же жолобами въ пекарню, гдѣ она тотчасъ-же обращается въ хлѣбъ. «Pavimentum clibani est de topazio frigido, qui naturaliter est frigidus, ut caliditas pasti temperetur, alioquin panis non coqueretur sed combureretur, tantus est calor pasti. Longitudo hujus furni est XL cubitorum, latitudo XV. Hostia sunt hinc et inde X, et pro unoquoque hostio sunt X pistores, et unusquisque pistorum habet de beneficio furni possessiones quingentorum militum et alias divitias multas. Magister pistorum habet tantum quantum omnes pistores habent. Tot etiam sunt molendinarii, et omnes sunt in beneficio aequales cum pistoribus nostris».

Таковы разсказы о чудесахъ Индіи — въ эпистоліи и ея отраженіяхъ. Придите и посмотрите, говорилось въ заключеніи эпистоліи: «sed cum veneris ad nos, dices, quia vere sumus dominus dominantium universae terrae.... Si potes dinumerare stellas caeli et harenam maris, dinumera et dominium nostrum et potestatem nostram». Иначе въ русскихъ пересказахъ [1]): «аще хощеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да пріѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, а не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своея». Нѣсколько иначе въ ркп. Ундольскаго: «И вы, послове, послушайте, да скажите своему царю Мануйлу греческому, да продайте свою землю греческую, да на то купите бумаги и чернилъ, на чемъ вамъ писать моя земля чудеса Индѣйская, да сядьте себѣ писати со всѣми своими

---

[1]) Русскіе тексты посланія напечатаны по разнымъ рукописямъ: Тихонравовымъ, въ Лѣтоп. русской литературы и древности, т. II, Смѣсь, стр. 100—103; Баталинымъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ (Воронежъ, 1876), стр. 120—124; Хрущовымъ въ Пам. древней письменности, 1880, вып. III, стр. 11—15; начало у Пыпина, Очеркъ, стр. 91—2. — Въ приложеніи мы печатаемъ Посланіе по списку Кир. Бѣлоз. № 11/1088, XV вѣка.

книжники и скорописцы, ино вамъ не написать моей земли и чудесъ до исхода души своей; и се не будетъ вашея земли съ бумагу и съ чернила, да пришедъ послужите моему чашнику, и вы будете богаты свыше царства своего»[1]). — Уже О. Миллеръ[2]) обратилъ вниманіе на сходство этого заключенія съ такимъ-же въ былинѣ о Дюкѣ:

Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
На эти на бумаги на гербовыя,
Да на чернила, перья продай още Черниговъ градъ,
Тогда можешь Дюково имѣнье описывать.

Въ латинскомъ текстѣ заключеніе другое, и въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе вліяніе былины на русскіе пересказы Посланія, чѣмъ обратное, предполагающее существованіе особаго текста эпистоліи. То-же можно сказать и о другой подробности: Пресвитеръ награждаетъ своихъ людей «tam de *equis* quam in aliis expensis». Мать Дюка посылаетъ ему «добрыхъ коней стадыстадами, шерстью разною» (Рыбн. II, № 30), Владимировы послы описываютъ ихъ въ царствѣ Дюковой матушки (Рыбн. l. c.; Гильф. № 230);

На дворѣ стоятъ столбы всё серебряные,
Продернуты кольца позолоченыя,
Разоставлена сыта медвяная,
Есть насыпана пшена бѣлоярая,
Есть что добрымъ конямъ пить и кушати

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225). Сл. Рыбн. II, № 30 и Ефименко, Матеріалы № IV, стр. 17:

Во той во оградѣ булатныя
Надѣланы были бойни-кузницы,
Теплы конюшни стоялыя;

---

[1]) Баталинъ, l. c., p. 124.
[2]) Илья Муромецъ, стр. 594—5.

Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
Пьютъ-то ѣдятъ траву шелковую,
Запиваютъ водой свѣжей, ключевою.
Во той-то оградѣ булатныя,
Было триста столбовъ серебряныхъ,
Четыреста было золоченыхъ,
Мѣдныхъ и желѣзныхъ
Числа смѣты нѣтъ.

Въ одномъ изъ древне-русскихъ текстовъ сказанія Пресвитеръ говоритъ: «да еще стоятъ среди моего двора 40 столбовъ серебрянныхъ, позолоченныхъ, и во всякомъ столпѣ вковано по 40 колецъ, а у всякаго кольца привязано по 40 коней, а на тѣхъ коняхъ ѣздятъ со мною на всякую потѣху» [1]).

За вычетомъ этихъ эпизодовъ все вообще содержаніе Дюковыхъ былинъ обличаетъ вліяніе Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ. Начну съ мелочи: съ описанія роскошной пекарни Пресвитера въ редакціи D, которая невольно напоминаетъ глумленіе Дюка за столомъ Владимира и его разсказъ о муравленыхъ печкахъ и шелковыхъ помелочкахъ! — Но намъ важнѣе уяснить себѣ общій планъ нашихъ былинъ по отношенію къ матеріаламъ эпистоліи.

Какой-нибудь византійскій пѣвецъ или разскащикъ XII вѣка легко могъ представить себѣ, что греческій императоръ, лично или черезъ пословъ, пожелалъ удостовѣриться въ дѣйствительности чудесъ Индіи. Его герой не могъ-бы миновать на ея границахъ «горъ толкучихъ», которыя представились на пути Дюка; Индія открылась-бы ему горящею золотомъ, какъ послу-Добрынѣ. Тамъ течетъ «струйка золотая» — Тигръ, несущій въ себѣ золото; тамъ хоромы Пресвитера, не столько дворецъ, сколько цѣлая система дворцовъ, невиданное великолѣпіе которыхъ, въ эпистоліи и ея подражаніяхъ, является преувеличеннымъ отголоскомъ одной лишь, возможной въ средніе вѣка дѣйстви-

[1]) Баталинъ, l. c., p. 99 прим.

тельности: придворной византійской. Въ опочивальнѣ Пресвитера вращаются солнце и луна и семь небесныхъ планетъ — какъ въ индѣйскихъ теремахъ Дюка [1]); на драгоцѣнныхъ колоннахъ горятъ карбункулы-самосвѣты, какъ въ Дюковой Индіи крыши всѣ серебряныя, «щеломы, потоки золоченые — Шарики самоцвѣтные камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ». Пѣвецъ-разскащикъ не забылъ-бы, вѣроятно, и еще одной хитрости-мудрости Пресвитерова дворца: ряда колоннъ, на каждой, поочередно, изображеніе царя и царицы, у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты (ludos = арабск. al'-oud и его европейскіе производные) и кубки (cyphos = scyphos): они точно подносятъ другъ другу «зелена вина», и лишь по ошибкѣ переселились въ Дюковы пуговки и петелки:

Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ,
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

Въ основаніи могло лежать описаніе какого-нибудь органа особаго устройства, въ родѣ механическихъ птичекъ на золотомъ деревѣ, поющихъ подъ давленіемъ мѣховъ: о немъ говоритъ въ описаніи индѣйскаго царства Елисей, онъ встрѣчается въ средневѣковыхъ романахъ и его видѣли, въ дѣйствительности, при византійскомъ дворѣ, въ числѣ прочихъ диковинокъ [2]). Сл. описаніе органа съ еще болѣе сложнымъ механизмомъ въ нѣмецкой Александріи Ламирехта (= Alberic de Besançon?).

---

[1]) Сл. въ монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ, основанномъ Константиномъ Мономахомъ, сводъ на подобіе неба, съ золотыми звѣздами.

[2]) Сл. Разысканія IV: Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной книгѣ.

Но пойдемъ далѣе за воображаемымъ византійскимъ пѣвцомъ-разскащикомъ. Семьдесять два царя, князя и т. п. находятся въ окруженіи Пресвитера, прислуживаютъ ему, одинъ въ качествѣ чашника, другой стольника, третій — архимагера (prince de qeux) и т. д. Легко и совершенно въ народномъ стилѣ было — извратить послѣдовательность: не цари-стольники, чашники — а простые стольники, чашники, служилые люди, встрѣченные пришельцомъ, посломъ, представляются ему въ такомъ блескѣ, что онъ принялъ ихъ — за царя, какъ Добрыня принимаетъ за Дюкову матушку — портомойницу, божатушку, служанокъ, сидящихъ въ теремахъ, въ шолку, золотѣ и серебрѣ. Подобной народной разработкѣ могла подвергнуться и другая подробность эпистоліи: торжественное шествіе Пресвитера, съ тринадцатью драгоцѣнными крестами и блестящей военной свитой, могло быть понято какъ шествіе изъ церкви — во время котораго Добрыня впервые видитъ Дюкову матушку, въ толпѣ дѣвушекъ, метельщиковъ, людей, несущихъ надъ ней зонтикъ-подсолнечникъ. — Что до «tres lapides preciosi, quorum unus acuit et dirigit visum, alter sensum, tercius experienciam» (Joh. Witte de Hese), то о нихъ ходила такая легенда: Пресвитеръ Іоаннъ шлетъ пословъ къ именитому и могущественному императору Фридриху, «a ccolui che veramente fue specchio del mondo in costumi, et amò molto dilicato parlare, et istudiò in dare savi risponsi. La forma et la intenzione di quella anbasciaria si fue solo in due cose, per volere al postutto sapere et provare se lo Imperadore fosse savio in parole et in opre. Et mandolli per li detti anbasciadori tre pietre nobilissime, et disse loro: donatele allo Imperadore et ditegli da mia parte, che vi dicha qual è la migliore cosa del mondo; et lle sue parole et risponsi serberrete». Посланники являются ко двору императора, который хвалитъ присланные ему драгоцѣнные камни и велитъ ихъ спрятать, не спросивъ объ ихъ свойствахъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Пресвитера, онъ говоритъ его посламъ: Ditemi al vostro singnore, che la miglore cosa del mondo si è misura. — Когда посланники, вернувшись во свояси,

сообщили своему повелителю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, онъ «lodò lo'mperadore et disse che molto era savio in parole, ma non in fatti, per ciò che non avea dimandato delle vertù delle pietre le quali erano di così grande nobilitade. — Rimandòvi gli anbasciadori allo Imperadore et proferselli, se lli piacesse che'l presto Giovanni il fare'siniscalco della sua corte. Et feceli contare tutte le suoi riccheze et le diverse generazioni delli sudditi suoi et lo modo del suo paese. — Таково, какъ извѣстно, содержаніе письма Пресвитера Іоанна, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ котораго онъ также предлагаетъ императору поступить къ нему на службу. — Da indi a pocho tempo, pensando lo Presto Giovanni, che lle pietre che avea donate allo Imperadore avevano perdute le loro virtude, poi che non erano per lo Imperadore conosciute, tolse uno suo carissimo lapidario et mandollo celatamente in della corte dello Imperadore et dissegli: Al postutto metti lo ingegnio tuo sì che tue quelle pietre mi rechi et per nessuno tesoro rimangnia. Lo lapidario si mosse guernito di molte pietre di grande bellezze, giunse a corte dello Imperadore, puosesi presso dal suo palagio. Questi fece bottegha et incominciò a lleghare di molte belle pietre. Li baroni venieno et li cavalieri et vedevano lo suo mistieri. Lo lapidario era molto savio: quando vedea alcuno che avesse luogo in corte, donavagli. Donò anella molte; tanto che la lode di lui andò davanti allo Imperadore. Lo Imperadore mandò per lui et mostrogli sue pietre. Lo maestro le lodoe, non di grandi vertude. Dimandò se avesse più care pietre. Lo Imperadore fece venire le tre pietre preziose, quelle che lo maestro disiderava di vedere et d'avere. Allora lo lapidario si rallegrò et prese l'una di queste tre pietre et rinchiusesela in mano, et disse: Messer, questa pietra vale la migliore cittade che voi avete. Et poi prese l'altra et disse: Questa vale la migliore provincia che voi avete. Poi prese la terza et disse: Questa vale più che tutto il vostro imperio. Strinse lo pugno colle dette tre pietre: la vertù dell'una sì lo celò sìe che lo Imperadore nè sua gente non lo poteno vedere. Et andonne per li gradi del palazo

et andossi via. Et tornò al suo singnore messer lo Presto Giovanni, et rapresentogli le pietre con grande allegreza [1]).

Та-же новелла встрѣчается и въ сѣверномъ пересказѣ, изданномъ Гисласономъ по одной исландской рукописи XIV вѣка, съ нѣкоторыми отличіями и явными искаженіями. Разсказывается объ одномъ Датчанинѣ, отправившемся путешествовать куда-то на югъ и дошедшемъ до Индіи. Въ одномъ большомъ городѣ онъ остановился у какого-то скабина (échevin), который далъ ему три небольшихъ драгоцѣнныхъ камня, въ подарокъ его королю. Вернувшись домой, датчанинъ исполнилъ порученіе. «Не думаю, чтобъ эти камни многаго стояли, говоритъ король, и дорого за нихъ я не дамъ, но я сохраню ихъ, потому что пославшій ихъ мнѣ, вѣроятно, потребуетъ взаимнаго подарка». Черезъ нѣкоторое время какой-то незнакомецъ явился къ королю, когда онъ былъ за столомъ; поклонившись, онъ спросилъ, передали-ли ему камни, посланные изъ Индіи? Тотъ отвѣчалъ утвердительно. — «Желаете-ли вы вознаградить пославшаго?», спросилъ далѣе незнакомецъ. — «Не знаю, на сколько камни того стоятъ.» — «Покажите ихъ мнѣ». — Когда принесли камни, онъ взялъ ихъ въ руку и сталъ объяснять королю ихъ достоинства. «Вы считаете ихъ ничего не стоящими, — а вотъ этотъ камень таковъ, что если взять золота, одного вѣсу съ нимъ, и положить къ нему, золото всё время будетъ удвояться; этотъ камень предохраняетъ носящаго его при себѣ въ сраженіи, будь онъ даже невооруженнымъ, отъ всякой раны; что до третьяго, продолжалъ пришлецъ, то я, держащій его, теперь стою здѣсь, а черезъ мгновеніе буду въ Индіи». И онъ дѣйствительно исчезъ изъ виду при закрытыхъ дверяхъ. О какомъ это разсказывается королѣ, навѣрное не знаю, говорится въ концѣ повѣсти; говорили мнѣ,

---

[1]) Текстъ Biagi № 2 = Gualteruzzi (Milano, 1825), nov. 2; Il Novellino ed. Domenico Carbone (Firenze 1862) Nov. I; въ изданіи Borghini (Giunti 1581) № 1. Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 102—103.

что то былъ Вольдемаръ старый, у котораго много было рѣдкихъ камней, привезенныхъ изъ Индіи [1]).

Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XIV вѣка пресвитеръ Іоаннъ посылаетъ императору Фридриху II платье изъ саламандровыхъ кожъ, сосудъ съ молодящей водой и золотой перстень, дарующій побѣду, съ тремя камнями: одинъ изъ нихъ не даетъ человѣку погибнуть въ водѣ, еслибъ онъ находился въ ней въ теченіи цѣлаго года; другой дѣлаетъ его неуязвимымъ, третій невидимымъ. Развязка разсказа иная [2]).

Это не тѣ-ли три *камешка*, которые Дюкова мать показываетъ Владиміровымъ оцѣнщикамъ: отъ нихъ «огни горя, лучи пекутъ» — и послы не въ состояніи цѣны имъ дать? «Камни-самосвѣты» подставились, вѣроятно, на мѣсто какихъ-нибудь другихъ, болѣе диковинныхъ, — какъ общее мѣсто: по Midrasch Bereschit Rabba камéнь-самосвѣтъ, висѣвшій въ воздухѣ, замѣнялъ Ною въ ковчегѣ солнце и мѣсяцъ (Wünsche, Bibl. rabbinica, IV, 134). Такихъ камней много въ Индіи Пресвитера, въ византійскомъ дворцѣ Гугона — и Дарія (въ сербской Александріи, ed. Новаковичъ, кн. II, гл. 11: «четири же камены на четири оугле тоѥ полати бѣхоу, иже вь ношти ꙗко огнь вь мѣсто свѣшть свѣтехоу»); въ палатахъ Дигениса есть башня, и въ ней покой, весь въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ: его освѣщаетъ ночью «большой круглый камень». Въ русскихъ былинахъ такіе камни-самосвѣты, *«тироны»*, вплетены бываютъ въ лапотцы, въ шапку, у коня межь ушей (Кир. I, стр. 87) и т. п.; въ сербской Александріи кн. II, гл. 31 Александръ носитъ такой камень передъ войскомъ на копьѣ «вь мѣсто лоучева фаноса». Кстати: ти́ронъ или тиро́нъ, т. е. оберегъ-камень? Новогр. τηρῶ — смотрѣть, глядѣть, но и сохранить, беречь.

---

[1]) R. Köhler, La nouvelle italienne du prêtre Jean et de l'empereur Frédéric Barberousse et un récit islandais, Romania XVII, p. 76 слѣд.

[2]) Сл. Zarncke, Der Priester Johannes. Erste Abhandlung (въ Abhandlungen d. philol. hist. Cl. d. k. sächs. Ges. d. Wiss., т. VII), vv. 1019 слѣд.

Въ предложенной выше реставраціи византійской пѣсни-разсказа мы держались плана Дюковой былины, собственно ея послѣдней части, но пересказали её при помощи матеріаловъ Эпистоліи и памятниковъ, отъ нея пошедшихъ. Соотвѣтствіе вышло значительное, полученное, какъ мнѣ кажется, безъ помощи натяжекъ. Византійскій посолъ ходилъ въ Индію богатую и лицезрѣлъ ея чудеса; впослѣдствіе вмѣсто него ходилъ туда-же посолъ или послы Владимира; мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе Эпистоліи, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и его побѣдоносная похвальба. Кто являлся въ роли Дюка въ предполагаемомъ оригиналѣ его былины? Едва-ли самъ Пресвитеръ; что до Дюковой матушки, то она могла развиться уже на почвѣ русскаго пріуроченія. Какого роду-племени Дюкъ, Соловей Будимировичъ, Иванъ Гостиный сынъ? могли спрашивать себя пѣвцы, пріобщившіе къ Кіеву и Владимиру бродячія пѣсни объ этихъ «захожихъ» богатыряхъ? Сказать что-либо объ ихъ отцѣ не умѣли; отецъ Чурилы — одно имя: онъ для того только и выведенъ, чтобы учествовать Владимира до появленія сына; а генеалогическая струнка, столь сильная въ сложеніи всякаго эпоса, продолжала звучать — и ей отвѣтили типическимъ образомъ матери, строгой, любящей и журливой, — образомъ нѣсколько иконописнымъ. Явилась мать у Соловья Будимировича, у Дюка: она и стала распоряжаться въ царствѣ — Пресвитера Іоанна.

На сколько первичная былина о Дюкѣ возстановляется данными Посланія, она представляетъ собою архаистическій типъ. Кіевское пріуроченіе чувствуется слабо: Дюкъ въ Кіевѣ не уживается; для народной гордости не сдѣлано никакой уступки: Дюкъ приходитъ ко двору кіевскаго князя, похваляется, и пѣсня кончается посольствомъ къ нему, которая вѣнчаетъ побѣдой его похвальбу.— Представимъ себѣ, что пѣсня подобнаго рода зашла въ другую среду, исполненную бо̀льшаго самосознанія, хотя бы сознанія силы, дивящуюся, но не смущающуюся несмѣтными богатствами и невиданными чудесами иной страны. Характеръ пѣсни измѣнится — подъ вліяніемъ болѣе крѣпкихъ жизненныхъ идеаловъ

и прочнаго общественнаго строя: тотъ-же, кто станетъ дивиться, поспѣшитъ похвастать и самъ.

Таковы отношенія нашихъ пѣсенъ о Дюкѣ къ той сказочной схемѣ, на которой построены старофранцузскія преданія — о паломничествѣ Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь. Взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ могутъ быть выражены такимъ образомъ:

A. a) Дюкъ хочетъ повидать Кіевъ и Владимира.

b) Въ Кіевѣ похваляется.

c) Послы Владимира ѣдутъ въ Индію: встрѣчаютъ другъ за другомъ служилыхъ людей Дюка, которые производятъ на нихъ царское впечатлѣніе: стряпчаго въ крестьянскихъ дворахъ, который ихъ угощаетъ, портомойницу, колачницу и т. п., у которыхъ ночуютъ; видятъ мать Дюка, торжественно шествующую подъ балдахиномъ и т. д., чудеса роскоши и искусства: затѣйливое изображеніе дѣвушекъ и молодцевъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу вино и т. д.

B. a) Карлъ хочетъ повидать византійскаго императора Гугона, о величіи и могучествѣ котораго говоритъ ему его жена.

b) На пути въ Константинополь онъ и его паладины встрѣчаютъ служилыхъ людей императора: пастуховъ овецъ и коровъ и свинопасовъ, среди которыхъ думаютъ обрѣсти его самого: такъ роскошно они живутъ, угощаютъ путниковъ и даютъ имъ ночлегъ. — Видитъ самого императора въ торжественномъ шествіи (балдахинъ), чудеса роскоши и искусства: дѣвушекъ и молодцовъ на пилястрахъ, играющихъ, кивающихъ другъ другу и т. п.

c) Карлъ и его паладины хвастаются.

Отношеніе этой схемы къ предъидущей ясно само собою; матеріалъ разсказа одинъ и тотъ-же, но пониманіе другое. Нерѣдко наша былина и старофранцузское преданіе покрываютъ другъ друга, указывая позади себя на болѣе древній, общій обоимъ, источникъ; вліяніе эпистоліи легко замѣтить тамъ и здѣсь въ общихъ чертахъ, но на сторонѣ французскаго сказанія заимствованій обнаруживается больше и онѣ сохранились

чище: и въ его оригиналѣ цѣлью странствованія могла быть Индія, чудеса которой были перенесены на Константинополь, когда путешественникомъ туда сталъ являться не византійскій витязь или императоръ, а — Карлъ Великій.

Древняя повѣсть о Хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь [1]) разсказана въ старофранцузской поэмѣ, сохранившейся лишь въ одной (нынѣ утраченной) рукописи XIII—XIV вѣка, но относимой къ XI-му, можетъ быть вѣрнѣе, къ первой половинѣ XII-го вѣка. Тому-же столѣтію принадлежитъ, вѣроятно, и та особая ея редакція, къ которой восходятъ кимрійскій и старосѣверный переводы (XIII в.) и оригиналъ старофранцузскаго Galien. Koschwitz (Sechs Bearbeitungen № I) издалъ кимрійскую Ystoria Charles по Красной книгѣ Hergest'a, доказавъ зависимость ея текста отъ сходнаго, встрѣчающагося въ кимрійскихъ-же переработкахъ Псевдо-Турпина.— Старосѣверный переводъ романа вошелъ въ составъ Karlamagnus-saga; отъ него зависятъ шведскій и датскій пересказы; двѣ поэтическихъ обработки Хожденія, исландскій и фарейскій были недавно изданы Kölbing'омъ (Koschwitz l. c. № V и VI: Geiplur и Geipa-táttur). — Что до французскаго Galien, то онъ сохранился 1) въ прозаическомъ Galien le Restoré одной парижской ркп. Bibl. Nationale fr. 1470, anc. 7548 (у Koschwitz'a l. c. № III = G) и въ старопечатномъ текстѣ романа того-же имени (ib. № IV = G'), указывающихъ на общій имъ, болѣе древній прозаическій оригиналъ; 2) въ эпизодѣ эпической компиляціи, ходящей подъ именемъ Guerin de Montglanc, стихотворный текстъ которой недавно открытъ P. Meyer'омъ въ одной чельтенгэмской ркп. XV вѣка, прозаическій пересказъ извѣстенъ

[1]) Koschwitz, Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel. Heilbronn, 1880 и 1883 гг.; его-же: Sechs Bearbeitungen des altfranzösischen Gedichts von Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel., l. c. 1879; Gaston Paris, La chanson du pélérinage de Charlemagne, въ Romania № 37, p. 1—50. Сл. его-же ibid, № 45, p. 1—13: Le roman de la geste de Montglane и статью о Galien въ Hist. litt. de la France, t. XXVIII, p. 221 слѣд. — Karlamagnussaga цитуется далѣе по изданію Unger'a.

по старопечатному изданію и одной рукописи библіотеки Арсенала (у Koschwitz, l. c. № II = P). — Всѣ эти тексты Galien'a восходятъ къ предполагаемой особой рецензіи Хожденія XII вѣка, при посредствѣ вторичной ея переработки, совершенной, вѣроятно, въ XIII столѣтіи. — По догадкѣ G. Paris'a эта-же стихотворная переработка дала матеріалъ для франко-итальянской поэмы, конца XIII либо начала XIV вѣка, и отъ нея-то, нынѣ утраченной, ведутъ свое начало позднѣйшіе итальянскіе прозаическіе пересказы, вродѣ того, который внесенъ въ Viaggio di Carlo Magno in Ispagna, и эпизода «похвальбы» въ Libro del Danese [1]). — На данныхъ указанныхъ выше поэмъ построена отчасти и старо-англійская, отрывокъ которой, сильно испорченный, напечатанъ былъ Sir Fr. Madden'омъ въ предисловіи къ Sir Gawain и въ новомъ изданіи балладъ Перси: Карлъ Великій замѣненъ Артуромъ; какъ тотъ хвастается своимъ величіемъ, такъ Артуръ Круглымъ столомъ; жена Карла указываетъ ему на византійскаго императора Гугона, Женьевра — на Корнуэльскаго короля; и Карлъ и Артуръ идутъ съ своими спутниками, какъ паломники, но похвальбу (gabs) французскихъ поэмъ замѣнили въ англійской — обѣты (vows) [2]).

Разбирая содержаніе разсказовъ о хожденіи Карла мы будемъ слѣдовать установленной выше схемѣ.

---

[1]) Romania, № 37, p. 3, прим. 1. Сл. Koschwitz, Sechs Bearbeit. p. XVI—XVII и Rajna въ Romania 1875 г., p. 401—2, 414 слѣд.

[2]) G. Paris, l. c. p. 2, прим. 1, стр. 10, прим. 1. Въ одномъ еще неизданномъ романѣ цикла Круглаго стола (Rigomer) Артуръ садится на коня и Gauvain держитъ ему стремя. Артуръ смѣется; спрошенный королевой о причинѣ своего смѣха, онъ говоритъ: Какъ мнѣ было не развеселиться, когда я подумалъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучше царя, чѣмъ я, нѣтъ коня лучше моего, и что лучшій рыцарь держитъ мнѣ стремя. Царица замѣчаетъ, что правда прежде всего и что найдется рыцарь, который поспоритъ съ Gauvain'омъ. Разгнѣванный Артуръ готовъ побить жену, грозитъ ей смертью, если она не назоветъ ему того рыцаря. По просьбѣ Gauvain'a царицѣ даютъ срокъ на годъ — по истеченіи котораго лучшимъ рыцаремъ являлся, быть можетъ, Ланцелотъ. Сл. G. Paris, Études sur les Romans de la Table Ronde, I: Lancelot du Lac, въ Romania, № 40, p. 493—4 и прим. на стр. 494.

a) Однажды, когда Карлъ былъ въ аббатствѣ Saint-Denis, въ вѣнцѣ и при мечѣ, онъ покичился передъ женою:

> 7 Il la prist par le poin desoz un olivier,
> De sa pleine parole la prist a araisnier:
> «Dame, veïstes onques rei nul de desoz ciel
> Tant bien seïst espée ne la corone el chief?

Нечего тебѣ хвастать, говоритъ ему жена: Знаю я другого царя, болѣе величаваго и милостиваго чѣмъ ты. — Карлъ смущенъ и разгнѣванъ этимъ отвѣтомъ, настаиваетъ на томъ, чтобы жена назвала ему, кого она разумѣетъ: онъ самъ пойдетъ убѣдиться въ истинѣ ея словъ, и если окажется, что она сказала неправду, онъ велитъ снести ей голову съ плечъ. Та называетъ Гугона, императора Рима и Константинополя, обладающаго Персіей и Каппадокіей (48 Et si tient tote Perse tresque en Capadoce). — Карлъ объявляетъ баронамъ о своемъ рѣшеніи: посѣтить Іерусалимъ, чтобы поклониться гробу Господню, а за тѣмъ и Константинополь. Онъ и двѣнадцать его перовъ идутъ, въ одеждѣ паломниковъ, съ сумой и клюкой; при нихъ 80000 войска, о которомъ далѣе вовсе не упоминается. Перы названы: Rollant, Olivier, Turpin, Guillelme d'Orenge, Ogier de Danemarche, Naimon, Gérin, Bérenger, Ernalt de Gironde, Aïmer, Bernard de Brusban и Bertrans. — Путь идетъ сначала на Іерусалимъ, гдѣ Карла привѣтствуетъ Патріархъ, дающій императору частицы мощей и святынь; лишь на обратномъ пути паломники попадаютъ въ Константинополь. — Хожденіе Карла въ Іерусалимъ, о которомъ существовали древніе разсказы, сплочено чисто внѣшнимъ образомъ съ его хожденіемъ къ Гугону, почему въ слѣдующемъ изложеніи мы его и не касаемся, тѣмъ болѣе, что G. Paris обстоятельно комментировалъ, съ точки зрѣнія топографической и археологической, іерусалимскій эпизодъ поэмы. Позволю себѣ коснуться лишь одной подробности. Въ Karlamagnus-saga говорится, что Патріархъ далъ императору плащаницу и онучи Христа, частицы честнаго креста, остріе копья, которымъ былъ

прободенъ Спаситель, и копье св. Меркурія. Вернувшись во Францію Карлъ положилъ онучи въ Aix'ѣ, плащаницу въ Compiègne (Komparins), честной крестъ въ Орлеанѣ; остріе копья онъ велѣлъ вдѣлать въ рукоять своего меча, почему его и прозвали Joyeuse; оттуда, будто-бы, и военный кликъ французскихъ рыцарей: Montjoie. — G. Paris (l. c. p. 34, прим. 4) находитъ то-же преданіе — объ остріи — и въ Chanson de Roland:

Asez savuns de la lance parler
Dunt nostre sire fut en la cruiz naffrez;
Charles en ad la mure, mercit Deu:
En l'orie punt l'ad faite manuvrer.
Par ceste honur e pur ceste bontet
Li noms Joiuse l'espée fut dunez.
Barun franceis nel deivent ublier:
Enseigne en unt de Munjoie crier.

Въ греческихъ легендахъ оба обрѣтенія честнаго креста царицей Еленой нѣчто подобное разсказывается — о Константинѣ Великомъ [1]).

Таковъ разсказъ поэмы XI-го вѣка о «выѣздѣ» Карла; въ сущности таковымъ представляютъ его и вся ея отраженія.

---

[1]) Я имѣю въ виду напечатанную у Гретсера (Gretseri, Opera omnia, Ratisbonae MDCCXXXIV, t. II, p. 429—36) легенду о нахожденіи честнаго креста царицей Еленой, и именно слѣдующій эпизодъ: Μεταχαλεσαμένη (т. е. Елена) γὰρ ἄνδρα πιστὸν καὶ ἐπιστήμονα ὤν πλείονες προεμαρτύρουν, ἔφη πρὸς αὐτόν· Βασιλέως ἔνταγμα φύλαξον καὶ βασιλέως μυστήριον ἔργασαι. Λάβε τοὺς ἥλους τούτους καὶ ποίησον σαλιβάριον ἐν τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἐφ' ᾧ ὁ βασιλεὺς ἐποχεῖται. Οὗτος γὰρ ἔσται ὅπλον ἀκαταμάχητον πρὸς πάντας τοὺς ὑπεναντίους, νῖκος τε βασιλέων καὶ εἰρήνη πολέμου, ὅπως πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν ὑπὸ τοῦ προφήτου καὶ ἔσται ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις τὸ ἐπὶ τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἅγιον κληθήσεται τῷ Κυρίῳ. Сходно въ одномъ греческомъ житіи, по ркп. XI-го вѣка, предварившемъ, въ эпизодѣ о рожденіи Константина, извѣстный разсказъ Никифора Каллиста: Елена приноситъ сыну гвозди отъ креста Господня; онъ-же «τῶν δὲ ἥλων τοὺς μὲν εἰς τὴν περικεφαλαίαν τὴν ἑαυτοῦ ἐχάλκευσε, τοὺς δὲ ἀνέμιξεν ἐν τῷ σαλιβαρίῳ τοῦ ἵππου αὐτοῦ, ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος· ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἔσται τὸ ἐπὶ τοῦ χαλινοῦ τοῦ ἵππου τοῦ βασιλέως ἅγιον τῷ Κυρίῳ Παντοκράτορι». — Житіемъ этимъ, равно какъ и другимъ, также по списку XI вѣка, я могъ пользоваться въ копіяхъ В. К. Эрнштедта, которому и приношу мою благодарность.

Вездѣ дѣло начинается съ похвальбы императора и отповѣди жены; только въ P (Guerin) эта черта смягчена: «Et qui vouldroit savoir qui mouvoit l'empereur et ses barons a venir par la, dit l'istoire que au partement de l'empereur en la cité de Vienne estoit la royne laquelle dist Charlemaine qu'elle avoit ouy parler du plus riche prince du monde. Sy ne se pot tenir l'empereur de lui enquerir qui estoit cellui prince. «En non deu, sire», ce lui respondi la dame, «c'est le roy Hugues de Constantinoble, duquel je me merveil plus que d'aultre chose, car j'ay sceu par certains pelerins lesquelz ont esté au Saint Sepulcre ou vous devez aler par promesse qu'il a le plus beau tresor du monde. Sy vous prie que par la retournez pour en savoir la certaineté.» Sy lui respondi l'empereur qui grant desir avoit de toutes nouvelles savoir(s), qu'il passeroit par la voirement et que de ce qu'il auroit veu lui ferait faire savoir la vraie verité».

Имена перовъ, спутниковъ Карла, въ различныхъ пересказахъ слегка колеблются и искажаются, представляя, впрочемъ извѣстное число постоянныхъ собственныхъ именъ. Столь-же постоянно имя Константинопольскаго императора: Hugues, — on (поэма), Hugh (кимр.), Huguon (Guerin), Hugues (Galien), Hugon (сага), Hugunn, Hugi (Geiplur), Hugon (Geipa-táttur) [1]. — Давно тому назадъ я пытался связать это загадочное имя съ Hugdietrich'омъ, царящимъ въ Константинополѣ въ старонѣмец-

---

[1]) Húgon, царь Miklagarð'а (= Константинополя) въ Mágussaga, очевидно, тождественъ съ нашимъ, какъ и начало саги обличаетъ вліяніе Хожденія: Hlöðver, король Саксланда, внукъ Карла Великаго, спрашиваетъ однажды своего совѣтника Сигурда — существуетъ-ли на свѣтѣ царь равный ему могуществомъ (сл. въ началѣ Хожденія хвастовство Карла В.). Тотъ отвѣчаетъ, что пока у него нѣтъ семьи, его могущество не полно, и указываетъ ему на подходящую жену: Ерменгарду, дочь византійскаго императора Гугона. Этимъ мотивируется брачная поѣздка Hlöðver'а въ Константинополь. Далѣе сага развивается своеобразно; замѣтимъ только, что Hlöðver, разгнѣвавшись на жену, задаетъ ей, въ числѣ другихъ трудныхъ уроковъ, и задачу: построить дворецъ, столь-же великолѣпный, какъ Гугоновы палаты. Сл. Wulff, Notices sur les sagas de Mágus et de Geirarð et leurs rapports aux épopées françaises Lund, 1874; Suchier, Die Quellen der Magússaga въ Germania XX, стр. 275.

кихъ поэмахъ о немъ и Wolfdietrich'ѣ [1]). — Такое-же сближеніе предлагаетъ теперь и G. Paris [2]).

b) Карлъ и его паладины подъѣзжаютъ къ Константинополю. Издали свѣтятся его колокольни, куполы, золотые орлы;

264 Destre part la citet demie liue grant
Troevent vergiers plantez de pins e loriers blanz;
La rose i est florie, li albors et l'aiglenz.
Vint milie chevaliers i troverent seanz,
E sont vestut de pailles e de hermines blans
E de granz pels de martre josqu'as pies traïnanz.
As eschies et as tables se vont esbaneiant,
E portent lor falcons et lor ostors alquant;
E treis milie pulceles a orfreis reluisanz.
Vestües sont de pailles, ont les cors avenanz.
Et tienent lor amis, si se vont deportant.

Карлъ со своими ѣдетъ дальше,

283 Trovat le rei Hugon a sa carue arant;
Les cunjugles en sont a or fin reluisant,
Li aissels et les röes e li coltres aranz.
Il ne vait mie a piet, l'aguillon en sa main,
Mais de chascune part at un fort mul amblant;
Une chaiere sus le tient d'or sozpendant.
La sist li emperere sor un coissin vaillant —
La plume est d'oriol, la teie escharimant —
As piez un eschamel neielet d'argent blanc,
Son chapel en son chief; molt par sont bel li guant;
Quatre estaches d'or mier entorn lui en estant,
Desus i at jetet un bon paille grizain.
Une verge d'or fin tint li reis en sa main,
Si conduit son arere tant adrecieement,
Si fait dreite sa reie cum ligne qui tent.

---

[1]) Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, въ Russ. Revue, IV Jhrg., 6 Heft, p. 554, прим. 18.

[2]) l. c. p. 15, прим. 2.

Императоры здороваются, Гугонъ предлагаетъ пріѣзжимъ свое гостепріимство.

317 Li reis desjoint ses boes et laisset sa charue;
E paissent par ces prez, amont par cez coltures.
Li reis montet al mul si s'en vait l'ambleüre.
«Sire», dist li reis Carles, «ceste vostre charue,
Tant i at de fin or que jo n'en sai mesure;
Se senz guarde remaint, crien qu'ele seit perdue».
E dist Hugue li reis: «De tot ço n'aiiez cure;
Onques nen out larron tant com ma terre duret.
Set anz i porrat estre, ne serat remoüe».
. . . .
Li reis brochet le mul si s'en vait l'ambleüre
E vint sus al palais ou out s'oissor veüe.
Il l'at fait conreer; et cele est revestue,
Li palais et la sale de pailles portendue;
A tant es-vos Charlon od sa grant gens venue.
L'emperere descent defors le marbre blanc,
Cez degrez de la sale vint al palais errant.
Set milie chevaliers i troverent seanz
A peliçons hermines, blialz escharimanz;
As eschies et as tables se vont esbaneiant,
La defors sont corut li plusor e alquant,
Reçurent les somiers et les forz mulz amblanz,
A lor ostels les meinent conreer gentement.

Въ тѣсной связи съ поэмой стоитъ кимрійскій пересказъ: Карлъ и его перы пришли въ широкую, цвѣтущую равнину, покрытую цвѣтами и холенными деревьями. Здѣсь они встрѣтили толпу тысячи въ три человѣкъ: всѣ богато одѣты, точно каждый изъ нихъ царь или властелинъ. Одни изъ нихъ играли въ шашки, другіе въ шахматы, у этихъ сидѣли на рукахъ сокола, тѣ бесѣдовали съ благородными дѣвицами и царевнами; ихъ было много, такъ что Карлъ подивился такому множеству родовитыхъ людей. Онъ спрашиваетъ одного изъ нихъ, гдѣ бы ему повидать императора. Онъ впереди — пашетъ.

Въ этомъ эпизодѣ кимрійской прозы и соотвѣтствующемъ поэмы кое-что не досказано: въ другихъ текстахъ Карлъ встрѣчаетъ пастуховъ и т. д. Гугона, которыхъ принимаетъ за людей сановныхъ, именитыхъ. То-же могло быть и здѣсь: играютъ, забавляются охотой, очевидно, простые смертные, служители императора; въ первомъ покоѣ императорскаго дворца Карлъ видитъ позднѣе рыцарей, играющихъ въ шашки, шахматы и другія игры — какъ на дворѣ у Дюка

Разостланы сукна одинцовыя,
Наши любимые конюхи по сукнамъ катаются,
Въ кости, зернь, въ шашечки поигрываютъ.

Явленіе Гугона описывается въ кимрійскомъ текстѣ такимъ образомъ: онъ пашетъ, у его плуга сошникъ и омешики золотые, ярмо изъ драгоцѣннаго камня; за волами онъ не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой растянуто, на четырехъ золотыхъ жердяхъ по краямъ стула, шелковое покрывало, не пропускавшее солнечныхъ лучей; въ рукахъ онъ держитъ вмѣсто бича золотую трость; онъ проводитъ борозды такія прямыя и красивыя, какъ настоящій пахарь, а дѣлаетъ это не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ»; «со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей» [1]).

Сага тѣсно примыкаетъ къ поэмѣ: 20 тысячъ рыцарей заняты играми (sumir léku at skaktafli, sumir at kvátrutafli, sumir báru gáshauka, sumir vali á höndum), четыре тысячи дѣвушекъ пляшутъ въ хороводѣ (fjórar þúsundir meyja gerðu þar

---

[1]) Бытіе гл. III, 17, 19. Полагаю, что эти именно тексты отвѣчаютъ приведенному въ кимрійскомъ оригиналѣ и его англійскомъ переводѣ: «In the sweat und labour of thy body und the sorrow of thy heart shall thy food be». Koschwitz, l. c. p. 26.

hringleik, klaeddar með guðvefjapellum, hver annarri fegri, ok helt hver i hönd annarri ok svá sínum unnasta). Гугонъ пашетъ подъ шелковымъ балдахиномъ (undir guðvefjarpelli); когда онъ оставляетъ въ полѣ свой драгоцѣнный плугъ, Карлъ дѣлаетъ ему то-же замѣчаніе, что и въ поэмѣ, и слышитъ ту-же отповѣдь (þó at hann laegi þar sjau vetr, þá mundi engi maðr misþyrma honum). Объясненія, почему Гугонъ занимается земледѣліемъ, не дается никакого.

Играющіе и веселящіеся юноши и дѣвушки являются и въ исландскихъ Geiplur — передъ встрѣчей съ пашущимъ императоромъ (сл. Koschwitz, Sechs Bearb. V, строфа 54), и въ фарейскомъ Geipa-táttur, гдѣ эпизодъ пашни опущенъ, а встрѣчи развиты своеобразно: триста пляшущихъ рыцарей, одѣтыхъ въ золото и шелкъ(?), триста дѣвушекъ въ хороводѣ, между ними молодцы, держащіе ихъ за руки; далѣе, у воротъ дворца, пара бѣлыхъ медвѣдей, у другихъ — двѣнадцать псовъ; въ палатѣ бьетъ изъ подъ полу ядовитый источникъ, на скамьяхъ горитъ пламя.

21 Tá ið tú kemur mitt á leið,
allt sigi eg taer satt,
trý sins hundrað riddara
teir ganga og troða ein dans.

22 Trý sins hundrað riddara
teir hava so víðar vegir,
teir hava eingi onnur klaeði,
uttan gull og vovin frei (?).

23 Trý sins hundrað jómfrúar
taer ganga og troða ein dans;
knegt í millum hvörja,
taer halda saer í hand.

24 Tá ið tú kemur at borgar lið,
býst taer ei við frið;
standa har tvaer hvítabjörnir
hvörjum minni lið.

25 Har íð taer hvítabjörnir
vilja at taer leggja,
snarliga skaltu vísa teim
tey hvössu svörðs eggjar.

26 Har íð taer siggja
svörðs eggjum við,
báðar detta hvítabjörnir
steindyr niður.

27 Tá íð tú kemur at öðrum portri
hallar inn á golv,
standa har í bondunum
úlvhundar tolv.

28 Har íð teir siggja
svörðs eggjum við,
allir detta úlvhundar
steindyr niður.

29 Tá íð tú kemur innan halla,
elvist taer meiri vandi:
borð og beinkir og ljósasta ker
uppi á eingjum standa.

30 Tá íð tú kemur innan halla,
harmin mantú kenna,
eiturkelda á golvi stendur,
eldar á beinki brenna.

(сл. строфы 34—42). Медвѣди и псы, въ сущности, выходятъ изъ категоріи *встрѣчъ*, напоминая гигантовъ и львовъ въ описаніи дворца Пресвитера Іоанна, такія-же диковинки византійскихъ палатъ у Ліутпранда — и препятствія на Дюковомъ пути изъ Индіи.

Пересказы въ Guérin и двухъ текстахъ Galien'а передаютъ согласно и съ особыми обстоятельствами эпизодъ встрѣчъ. Сообщаемъ его по рукописному Galien (= G) [1].

---

[1]) Нѣсколько варьянтовъ, приводимыхъ подъ строкой, заимствованы изъ печатнаго текста Галіэна = G' (Koschwitz, № IV).

Карлъ и его спутники вышли въ долину, «ou ilz adviserent ung tref moult bel et moult richement ouvré, *et fust pour ung roy*, ouquel tref demouroient *porchiers;* et dessus le tref avoit ung pommel doré (ркп. dozé), et estoit ce tref au roy Hugues, lequel ne mist jamais son entente a esperviers, a autours, ne a chasser en bois ne en nulle autre maniere, mais alloit chascun jour labourer a la charrue et mectoit son entente à nourrir porcs et vaches et moutons et les tenoit en grant sollempnité; et estoient les porchiers qui gardoient ses porcs en sa court plus presez que autres, car ilz avoient trefz ou ilz hebergeoient aux champs aussi riches *comme si ce fust pour ung roy ou pour ung prince* [1]); et disoient plusieurs que le roy Hugues fut ainsi destiné en son enfance par phées [2]), mais non obstant ce si estoit il en son pais en grant paix et estoit [craint] et doubté de chascun tellement qu'il n'y avoict si osé ou monde qui lui osast meffere. Si advint que quant Roland eut le tref regardé si dist tout hault: «Vez cy grant richesse et se ainsi estoict que ce tref fust aux Sarrasins, tantost l'aurions conquesté». — «Roland», dirent les autres, «vous dictes moult bien et c'estoit bien nostre penser». Si print Charlemaigne son destrier et ses .xii. pers avecques lui jusques au tref ou ilz trouverent des gens dedens, et il leur demandent qui y sont, et ilz leur respondent qu'ilz sont tous porchiers et qui gardent les pourceaux qui estoient illecques, desquelx ilz avoient chescun par an cent sextiers de froment quant ce venoit en aoust [3]), et y avoit bien cent milliers de pourçeaux. «Et a qui estes vous?» dist Charlemaigne. «Sire», dirent ilz, «nous sommes au roy Hu-

---

[1]) Les porchers et vachers honoroit a sa court plus tost que ceux qui portoient couronne a leur teste; et aussi estoyent ilz habillez si richement qu'il sembloit proprement a les voir que ce fussent roys, ducz ou contes.

[2]) On dict qu'il fut predestiné en son enfance d'une fée qui luy donna celle de labourer et d'estre le plus riche qui fust sur terre.

[3]) Et le porchier luy respondit qu'il avoit au moys d'aoust par chacun an cent septiers de fourment pour chacun pourceau; et adonc Rolant et tous les autres furent tous esbahys et veoient que les porchers estoient vestus de drap d'or et de velours, qui estoit une plaisante chose a veoir dedans une porcherie.

gues le Riche; mais s'il vous plaist, dictes nous de quel terre vous estes». — «Certes», dist le roy Charlemaigne, «je suis roy des Françoys et suis Charles appellé, et veez cy mes .xII. pers avecques moy. Si nous dictes si nous pourrions huy mais estre herbergez en ce tref». — «Ouy», ce dist le porchier, «et feussiez vous quatre cens, pour l'amour de mon sire le roy Hugues, et si aurez pain, vin, chair et tout tant qu'il sera a vostre plaisir». — «Sire», dist Rolant, «s'il estoict sceu en France qu'en l'ostel d'un porchier vous eussiez logé, a tousjours mais vous seroit reprouché». — «Rolant», dist Charlemaigne, «or ne m'en parlez plus, car de telz porchiers n'a gueres en France».

Si sault avant le porchier qui fut preux et habille, et a dit a Ogier: «Vous me semblez expert et hardi jouvencel; prenez ce bastonnet et faictes appareiller ce qui semblera bon a vostre seigneur». Lors fist dresser les tables et appareiller tout ce qui estoict necessaire, et Ogier servoit le roy de tout ce que mestier lui estoict [1]); et quant Rolant l'advise, si se prent a rire et appella les autres compaignons et leur dist: «Dieu a faict aujourd'uy ung moult bel miracle quant il a fait Ogier maistre d'ostel d'un porchier». Si s'en vont riant les barons de ces parolles, mais Ogier n'en estoit pas trop contens. Si soupperent a leur aise et furent moult bien serviz et puis s'allerent reposer; et quant ce vint que le jour fut levé si se habillent et apprestent. Puis monte l'empereur a cheval et les .xII. pers aussi et se mectent a leur chemin; si les convoya le porchier troys lieues loing [2]). — Si erre-

---

[1]) Alors Ogier print les tables et les dressa, et puis après mist les napes dessus comme un valet, et le porchier luy apporta un grand tas de vaisselle d'or et d'argent pour servir le noble roy Charlemaigne.

[2]) Or chevaucherent roydement jusques a la vespre tant qu'il arriverent dedans une isle qu'on appeloit Marade qui estoit fort verdoyante ou il y avoit un autre pavillon lequel estoit encores plus riche sans comparaison que l'autre, faict et ouvré d'ouvrage Sarrazine, et reluysoit a l'encontre du soleil la pomme qui estoit d'or ou y avoit une escarboucle qui flamboit si cler qu'a peine on en perdoit la veue quand on le regardoit, et jamais ne vy un si riche tref. — Съ остро-

rent jusques a none et puis trouverent ung tref qui estoict moult riche; et avoit par dessus le tref ung pommel moult flamboiant. Si le regarde Charlemaigne, puis dit a son nepveu Rolant: «La royne n'aura ja garde de ce qu'elle me dist a mon despartement, car bien congnois qu'elle disoit verité, car oncques mais en mon vivant ne vis telle richesse». Lors s'adressent au tref; si y avoict dedens des gens qui yssirent dehors [1]) et demanderent aux pers qui ilz estoient et les pers leur respondirent: «Veez cy le roy de France Charlemaigne et tous ses .xii. pers qui allons de jour en jour querant le roy Hugues; si nous dictes si vous nous pourrez mes huy herberger». — «Ouy», dist ung *vachier*, «et feussiez vous troys mille; et aurez pour vous aider tout tant que pourrez demander». Lors dist Roland au roy par maniere de gaberie: «Beaulx oncles, par cellui Dieu qui fist le firmament, se ne feussent les porchiers qui gardent les porcs et les vachiers qui gardent les vaches, je cuide que jamais ne retournissions en France; si cuide que leur mestier vous soit plaisant puis que ainsi vous allez (ms. aller) acointer d'eulx».

Quant le vachier sceut que le roy Charlemaigne estoict et qu'il sceut lequel c'estoict d'eulx, pour lui porter honneur alla son destrier saisir et lui dist: «Sire, tout ce qui est ceans est a faire vostre plaisir». Lors Charlemaigne descendit de son destrier et les .xii. pers aussi; si fut incontinent tout le soupper apresté et les tables mises et adressées. Lors se assist Charlemaigne a table et ses .xii. pers et furent moult bien serviz, et le vachier apporta davant le roy Charlemaigne entre deux platz deux grans chappons roustiz, et quant Roland les vit si dist a Olivier et aux autres tout hault tant que Charlemaigne l'ouyt: «Dieu a faict grant miracle a l'empereur aujourd'uy, puis que Dieu lui a donné

вомъ Marade сл. у Мандевилля островъ Milsterache, Milstorache, Milschorah, по сосѣдству съ страной Пресвитера Іоанна, съ дворцомъ — *богатаго крестьянина.*

[1]) Saillit dehors un vacher qui estoit habillé comme un roy.

la grace que ung vachier l'a servy». Si s'en print a rire l'empereur moult fort. Si s'en soupperent et puys se allerent esbatre et deviser de plusieurs choses; et après s'allerent coucher et reposerent toute la nuit; et quant il fut jour se leverent et s'abillerent et puis allerent monter a cheval et se misdrent a chemin, et quant ilz eurent une piece cheminé, arriverent en ung champ ou dedens avoit ung pavillon ouquel avoict ung *bergier* et bien .xl. compaignons lesquelx gardoient grant quantité de brebiz. Charlemaigne les monstre a Roland son nepveu et Roland lui dit: «Sire, si le roy Hugues est aussi bien garni de toutes choses qui appertiennent a guerre comme il est de bestiail, il m'est advis qu'il n'y a roy en tout le monde qu'il craignist de riens; si ay grant envie de le veoir». — «Par ma foy», dist le roy Charlemaigne, «aussi ay je». Lors print son destrier et va au pavillon; si y trouve ung bergier *moult* richement adoubé; si luy demande s'ilz pourroient pour mes huy herberger en sa maison; le bergier lui respont que ouy tres voulentiers, «pour l'amour de ce que vous me semblez estre tres gentilz homs et aussi pour l'onneur de mon sire le roy Hugues». Lors Rólant dist tout hault: «Foy que je doy a Dieu, ne me croiez ja mes si aussi tost que nous serons en France retournez, se Charlemaigne ne se rend de quelque religion et vouldra savoir comment vaches et moutons sont gouvernez par les champs». Le bergier advisa le roy Charlemaigne et va tenir son destrier pour descendre; puis lui dist: «Sire, ceans serez serviz tout a vostre plaisir». Et quant Rolant l'entendit, si dist a ses compaignons: «Seigneurs, il n'est homme ou monde qu'il puisse ja tant servir le roy qu'il puisse sa grace desservir; mais porchiers et vachiers en font du tout a leur voulenté: si ay doubte vraiement qu'a leur mestier ne se vueille briefvement retourner».

Charlemaigne et les .xii. pers coucherent la nuytée chex ce bergier, et au matin se leverent et se sont habillez et armez et mis a chemin, et ainsi qu'ilz chevauchoient virent venir ung messaige qui chevauchoit moult vistement. Charlemaigne brocha

encontre luy, et quant il fut approuché, lui demanda qui il estoict et s'il lui sauroit a dire nouvelles du roy Hugues. «Sire», dist le messaige, «je suis au roy Hugues et fois ses (ms. ces) messaiges par toutes terres, et se vous le voullez trouver avant qu'il soit nuyt, vous le trouverez par deça Constantinnoble en une grant vallée, la ou il maine sa charrue dorée qui est toute faicte d'argent et de fin or». Lors dist Charlemaigne au messaige: «Tu m'as compté merveilles, car oncques mais n'ouy dire a personne que roy fust charretier». — «Sire», dist le messaige, «pour Dieu n'en soiez courroussé(e), car en enffance lui fut ceste chose destinée». — «Par ma foy», dist le roy, «ce fut pouvre destinée, puis qu'il couvient que ung roy face aux champs sa journée; au cueur en ay grant dolleur», dist le roy, «qu'en ung feu puisse estre arce la putain deshonneste qui ainsi le destina». Si tost que le roy eut entendu le messaigier si se mect a son chemin et chevaucha tant qu'il arriva au champ ou le roy Hugues menoit sa charrue de laquelle(s) les rouelles estoient toutes d'or, et d'argent estoict le soc, et le couste aussi qui tient la charrue. Si estoient les chevaux de la charrue couvers de moult nobles couvertures batues a pierres et a orfaverie. Si dist Charlemaigne a Rolant: «Foy que je doy a Dieu, si je tenoie celle charrue je la feroie rompre et mectre en monnoie pour paier souldaiers encontre les mescreans, car qui a richesse et il ne l'employe, ell' est perdue».

Or estoict le roy Hugues en ce champ qui sa charrue menoit, et estoict assis sur ung mulet blanc et avoict sur sa teste ung ciel[1]) qui grant clarté gectoit, et le portoient quatre ducz moult richement atournez[2]), et reluisoit ce ciel moult fort pour la grande richesse(s) d'or et de pierres precieuses qui y estoient. Et si tost que Charlemaigne et ses pers vindrent la, si saluerent le roy

---

[1]) poille.

[2]) et le portoient quatre princes attaché au bout de quatre lances montez chacun sur une hacquenée blance comme neige; au bout de chacune lance avait un gros pommel d'or qui reluisoit contre le soleil a merveilles.

Hugues lequel s'enclina le premier, et le roy Charlemaigne après, et lui dist: «Sire, cellui qui le monde forma salve le roy Hugues, qui a telle charrue, et le gard d'ennuy et d'enconbrier». Lors respont le roy Hugues: «Sire, vous soiez le bien venu; or me dictes dont vous venez, qui vous estes, ne que querez». — «Sire», dist Charlemaigne, «je ne le vous celeray pas; je suis le roy de France et vez cy mon nepveu Rolant avecques mes pers, qui venons d'adorer le Sainct Sepulcre, et querons pour mes huy quelque hoste qui nous herbergeast». Quant le roy Hugues l'entent, si destella ses chevaulx et dist au roy que bien le logeroit. Si regarda Roland la charrue au roy Hugues et la souhaicta au Palais de Paris, et dist tout bassement a Olivier que pendu fust il qui premierement fonda charrue d'or, et aussi le roy premier qui se mist a la charrue mener, et dist: «arce puisse estre celle qui ainsi le destina»! Quant le roy Hugues a advisé le roy Charlemaigne et ses .XII. pers, si alla incontinant desteller sa charrue et se descendit de son mullet; si emmena Charlemaigne et ses .XII. pers en son palais qui estoict moult bel et moult riche, et *pour l'amour de la beaulté et de la richesse qui estoict en ce chasteau fut il Constantinoble appellé*[1]). Quant Roland et ses

---

[1]) Сл. въ Guérin у Koschwitz'a, Sechs Bearbeit. p. 50: «la cité de Constantinoble qui tant estoit somptueusement et richement faitte tant par dehors comme par dedens que c'estoit grant noblesse et beaulté de une telle cité veoir; *et a ceste couse fut elle nommée Constantinoble.* Въ печатномъ текстѣ Galien (Koschwitz, l. c., p. 114): *et pour la grant noblesse qui fut au dit palais Charlemaigne le nomma Constantinnoble et ainsi le baptisa*; Geiplur (l. c., p. 142), строфа 69:

[Bidenciána var borgin sú
af brögnum köllud ólim;
[þó er hun kend af köppum nú
Constantínopólim.

Очевидно, такое наименованіе, имѣетъ смыслъ лишь во французскомъ текстѣ: Constantinople = Constantin noble. Сл. въ изданномъ мною Dit de l'empereur Coustant, Romania, № 22: Constans вводитъ христіанство въ Византіи:

621 Et pour cette nouvielleté
Ont Bissence sen nom mué:
Le nom leur singneur li donnerent,

compaignons eurent grant piece regardé l'ostel et l'estat du roy Hugues, se dirent l'un a l'autre que en lui avoict riche varlet pour charrue mener. «Voire», dist Rolant, «que pleust a Dieu que je tinsse a Paris charrue et charretier, car par ma foy incontinant en feroie florins forger ou la feroye sur le pont en monnoie changer». Si s'en allerent ainsi les deux roys et les .xii. pers et les monterent ou palais; si les festoya moult richement le roy Hugues».

Авторъ соотвѣтствующаго эпизода въ Guérin ограничивается однимъ указаніемъ на первыя встрѣчи Карла, не заслуживающія, по его мнѣнію, серьезнаго вниманія. «Et qui vouldroit toutes leurs avantures racompter, ce seroit chose trop ennuieuse; pour ce s'en taist l'istorien de la plus grant part, mesmement que ce lui samble fantosme ou clere mençonge trop entendible; car ilz trouverent *porchiers*, *vachiers* et *bergiers* gardans leurs bestes, couchans et retrayans en tentes en paveillons sy richement appointiés et ouvrez que ce pouroit sambler chose faée ou menteresse». — Первая встрѣча Карла — съ messagier, который на его вопросъ о Гугонѣ, отвѣчаетъ: «Par foy», fait il, «beaux signeurs, du roy Huguon say je toutes nouvelles plus ou autant que nul homme a qui vous le puissiez demander; et se demandé l'avez a ung porchier, a ung vachier et a ung bregier que en vostre chemin povez ou devez avoir veus, autant en scevent ilz comme je fais, car chascun d'eulx est son prochain parent par linage, et lui mesmes est au labeur comme ja tos le pourez vous veoir se jusques la ou il est voulez venir». — Путники видятъ

Le roi Coustant, que moult amerent:
Pour ce que si *nobles* estoit,
Et que nobles oevres faisoit,
L'appielloient *Coustant le noble:*
Et pour çou ot *Coustantinnoble*
Li cyté de Bissence a nom.

Подобное преданіе могъ имѣть въ виду и авторъ поэмы, пересказанной въ Guérin и Galien.

далѣе Гугона, «lequel estoit monté sur une mulle si richement afeutrée que l'en ne pouroit plus; et entour lui aux quatre coings avoit quatre ducs et nobles princes qui sur son chief pour la chaleur du soleil lui soustenoient ung poisle de drap espessement ouvré et batu a or, et le soustenoient chascun au bout d'une lance, et la dessoubz se ombroyoit Huguon et tenoit une charue si riche c'onques de telle ne fut ne avoit mais esté parlé. Et de la façon dit l'istoire que les rouelles estoient de fin or et le soc de fin argent, les manchereaulx de fin ciprès et les trays de la plus fine soye du monde. Sy la tiroient .ııı. chevaux enharneschiés si richement comme se roy ou roynes les eussent voulu chevauchier, car ilz estoient couvers richement et leur pendoient aux costez petittes sonnettes d'or et d'argent ausques differentes de son l'une a l'autre qui rendoient si grant melodie que ja n'eust eu desplaisance au cuer qui si grant douceur eust ouie».

Откуда явился типическій образъ пашущаго императора? О. Миллеръ сближалъ его съ нашимъ Микулой Селяниновичемъ, съ которымъ намъ еще предстоитъ встрѣтиться; G. Paris[1]) указывалъ на сходство съ китайскимъ обычаемъ, по которому императоръ открываетъ земледѣльческій годъ, самъ проводя первую борозду. Тексты Галіэна нашли легкій выходъ въ объясненіи — что такъ суждено было императору отъ рожденія, феями-рожаницами; но, очевидно, это объясненіе придумано. Въ Guérin посланецъ говоритъ Карлу, что Гугонъ «близкій родственникъ» видѣнныхъ имъ пастуховъ и свинопасовъ, почему онъ и самъ занимается хлѣбопашествомъ. Родственникъ — по человѣчеству, по Адаму? Такъ можно заключить со словъ кимрійскаго пересказа, что Гугонъ пашетъ — изъ смиренія, помятуя заповѣдь: «Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ не возвратишься въ землю изъ которой ты взятъ» — какъ передъ Пресвитеромъ несутъ сосудъ съ землею, какъ memento mori, въ память о томъ, что

[1]) G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne, p. 343; сл. Romania, l. c. p. 4, прим. 1.

всей его силѣ и славѣ суждено обратиться въ персть, а по Гервасію Тильберійскому (Otia Imperialia, decis I, c. X) золотая держава императора наполнена перстью и золой, «ut per auri fulgorem gloria notetur imperii et per favillam levis gloriae temporalis transitus designetur». — Съ точки зрѣнія этого сближенія Гугонъ-пахарь напоминаетъ черты Пресвитера: то-же благоденствіе — и та-же нравственность въ народѣ: никто не украдетъ драгоцѣнный плугъ Гугона — еслибъ онъ семь лѣтъ пролежалъ въ полѣ; то-же могущество и то-же смиреніе царя, только выраженное въ другомъ образѣ. Это отличіе стало существеннымъ въ смыслѣ разработки второстепенныхъ мотивовъ сказанія: у Гугона-пахаря естественно очутились служителя пастухи, свинопасы, коровники.

Но послѣдуемъ далѣе за путешественниками, дивящимися чудесамъ Константинополя и Гугонова дворца:

> Seignors, dist Charlemaine, molt gent palais at ci;
> Tel nen out Alixandre ne li vielz Costantins,
> Nen n'out Creissanz de Rome qu'a tante honor bastit.

Koschwitz въ первомъ изданіи старофранцузской поэмы безъ нужды заподозрилъ Crisans послѣдняго стиха, замѣнивъ его другимъ именемъ. Въ Разысканіяхъ IV, стр. 53, прим. я указалъ на эту ошибку, объяснивъ [1]), что подъ Crisans de Rome разумѣется Кресценцій, имя котораго рано окружилось легендой, вошло въ романическіе разсказы и пристало къ нѣкоторымъ древнимъ сооруженіямъ Рима. G. Paris [2]) приходитъ къ тѣмъ-же заключеніямъ, пользуясь отчасти тѣми-же источниками. «Очевидно Crisans — то-же лицо, которому нѣкоторые тексты приписываютъ римскій Chastel Creissant, говоритъ онъ: этотъ замокъ упоминается въ одной, нынѣ утраченной chanson de geste, о которой я говорилъ въ другой разъ, поэмѣ, сохранившейся въ из-

---

[1]) Croissans-Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, СПБ. 1881, стр. 29—30.

[2]) l. c. p. 45—6.

влеченіи у Филиппа Мускѐ и послужившей основаніемъ для Fierabras[1]): онъ служитъ убѣжищемъ христіанамъ; о немъ говорится, какъ о крѣпости, возвышающейся надъ Римомъ, въ стихотворномъ романѣ о Семи Мудрецахъ, написанномъ около половины XII вѣка на основаніи другого, значительно болѣе древняго текста; о Castellum Crescens упоминаетъ также и Gautier Map въ своей интересной, хотя спутанной компиляціи, сохранившейся въ одной лишь рукописи подъ заглавіемъ: De Nugis Curialium. Я высказалъ, при другомъ случаѣ, объ этой крѣпости, высящейся надъ городомъ, предположеніе, нынѣ подтверждающееся текстами, которые въ то время были мнѣ неизвѣстны. Замокъ Св. Ангела называется, начиная съ конца X-го столѣтія, Chateau Croissant. Это названіе онъ получилъ отъ знаменитаго Кресценція, владѣвшаго Молой Адріана и оттуда простиравшаго свою власть и на весь Римъ; въ этой твердыни онъ былъ осажденъ Оттономъ II и его обезглавленное тѣло было сброшено съ ея стѣнъ по приказанію императора. Имя Кресценція надолго осталось при замкѣ, бывшемъ орудіемъ и послѣднимъ оплотомъ его могущества; впослѣдствіи названіе не удержалось и старая кличка «Замка Св. Ангела» снова получила преобладаніе[2]). — Такимъ образомъ «Crisant de Rome» поэмы — признакъ ея относительной древности; и въ слѣдующемъ полустишіи: «qui tanz honors bastit» слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть не одно лишь общее мѣсто, служащее къ наполненію стиха. Народъ естественно приписывалъ Кресценцію-Croissant построеніе замка, носившаго его имя; и вотъ въ Римѣ дѣйствительно существуетъ интересное зданіе, относимое археологами къ концу X-го вѣка: народъ называетъ его въ настоящее время Casa di Rienzi либо Casa di Pilato, но также и Casa di Crescenzio[3]) — и это, вѣроятно, его древнѣй-

---

[1]) G. Paris, Hist. poét. de Charlemagne p. 251.

[2]) О Castellum Crescentii, называвшемся также Castellum, domus Theodorici, сл. статью Мюлленгофа (Zeitsch. f. deutsch. Alterth. XII, 319) и относящіяся сюда мѣста у Nibby, Gregorovius'a и Jordan'a.

[3]) Если Casa di Crescencio не древнѣе, то и не многимъ позднѣе X-го вѣка. Сл. Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom, t. III, p. 564.

шее обозначеніе. Паломники XI вѣка, разсказами которыхъ пользовался авторъ поэмы, видѣли богатыя палаты «Croissant», его неприступный замокъ, и, разумѣется, приписывали ему и другія постройки: оттого онъ и названъ «строителемъ» въ пѣснѣ о Хожденіи». — Во 2-мъ изданіи поэмы v. 367 Koschwitz возстановилъ Creissenz = Crisans [1]).

Роскошь Гугонова дворца въ поэмѣ изумительная:

343 A or fin sont les tables, et chaieres et banc.
Li palais fut d'azur listez et avenanz
Par molt chieres peintures a bestes et serpenz,
A totes creatures et a oisels volanz.
Li palais fut voluz et desore cloanz,
Et fut faiz par compas et serez noblement;
L'estache del miliu neielee d'argent.
Cent colombes i at tot de marbre en estant;
Chascune est a fin or neielee devant....
De cuivre et de metal tresjetet dous enfanz.
Chascuns tient en sa boche un corn d'ivoire blanc.
Se galerne ist de mer, bise ne altre venz
Qui fierent al palais dedevers occident,
Il le font torneiier et menut et sovent
Come roe de char qui a terre descent.
Cil corn sonent et boglent et tonent ensement
Com tabors o toneires o granz cloche qui pent.
Li uns esguardet l'altre ensement en riant
Que ço vos fust viaire que tuit fussent vivant.

Карлъ любуется устройствомъ дворца, когда вдругъ поднялся вѣтеръ съ моря, ударилъ во дворецъ,

372 Altresil fait torner com arbre de molin.
Celes imagenes cornent, l'une a l'altre sorrist
Que ço vos fust viaire que il fussent tuit vif,
L'uns halt, li altre cler; molt fait bel a oïr.

---

[1]) О другихъ зданіяхъ Рима, носившихъ имя Кресценція, - сл. Graf. Roma, I, p. 179, прим. 50.

Ço'st avis, qui l'escoltet, qu'il seit en paraïs
La ou li angele chantent et soëf et seri̧t.
Molt fut granz li orages, la neif et li gresilz,
Et li venz durs et forz, qui tant bruit et fremist.
. . . .
384 Molt fut gries li orages et hisdos et costis.
Charles vit le palais torneiier et fremir;
Il ne sout que ço fut, ne l'out de loin apris.
Ne pout ester sor piez, sor le marbre s'assist.
Franceis sont tuit verset, ne se poeent tenir
Et covrirent lor chies et adenz et sovin,
Et dist li uns a l'altre: «Mal somes entrepris;
Les portes sont overtes, si n'en poons eissir.»
Charles vit le palais menüement torner.
Franceis coevrent lor chies, ne l'osent esguarder.
Li reis Hugue li Forz en est avant alez
E a dit as Franceis: «Ne vos desconfortez.»
«Sire, dist Charlemaignes, ne serat ja mais el?»
Et dist Hugue li Forz: «Un petit m'atendez!»
Li vespres aprochat, li orages remest.
Franceis saillent en piez.

Покой, отведенный Карлу и его перамъ для ночлега, на сводахъ, расписанъ, украшенъ драгоцѣнными камнями и кристаллами; его освѣщаетъ карбункулъ — точно майское солнце; въ покоѣ поставлены двѣнадцать кроватей, каждую изъ нихъ не свезти съ мѣста и двадцати воламъ; онѣ убраны бархатомъ и тафтой; у тринадцатаго ложа, предназначеннаго Карлу, ножки серебряныя, отдѣлка по краямъ изъ эмали, покровъ — работа феи Maseüz.

Тексты Galien и Guérin обошли описаніе дворца; въ кимрійскомъ онъ сохранился подробно: на полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и домашнихъ; у входа внизу — подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы, послѣднія такъ искусно, точно онѣ летятъ въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляла форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загоравшимися на верху всякій разъ

въ соотвѣтствіи съ временемъ года. — Та-же чудесная колонна въ срединѣ постройки и пилястры вокругъ: около каждаго изъ нихъ статуя человѣка изъ желтой мѣди, съ рогомъ, точно они тотчасъ готовы затрубить. Пока Карлъ и его спутники любовались этимъ устройствомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображеннаго внизу палаты (sic), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо, статуи затрубили, Карлъ испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову. Гугонъ успокоиваетъ ихъ; и дѣйствительно: къ вечернѣ вѣтеръ стихъ, рога замолкли и движеніе прекратилось.

То-же описаніе движущихся фигуръ и вращающихся палатъ находимъ и въ сагѣ, объясняющей намъ и тайну ихъ механизма: þeir stólpar váru allir holir innan, ok blés vindr undir höllina neðan, svá at upp kom í stólpana, ok var með svá miklum brögðum um búit, at börnin öll blésu með þeim vindi á hverskonar lund er fagrt var, en hvert þeirra rétti fingr at öðru hlaejandi beint sem kvik vaeri. — Вѣтеръ, движущій статуями и палатой, приходитъ — не съ моря, какъ въ предъидущихъ текстахъ, а проведенъ снизу въ полыя колонны. Эта подробность связываетъ съ сагой слѣдующее описаніе исландскихъ Geiplur:

76 Standa þar með steini framt
stólpar aðrir minni;
hvergi faerri enn hundrað samt
í höllu kóngsins inni.

77 Mannlíkan hefr markat á
meistarinn einn sá kunni;
þau eru börnin brigða-smá,
sem bera sér horn at munni.

78 Hverr er stólpinn holr ok tómr
ok hoddum þaktr víða;
þat [er enn mesti meistaradómr,
[mega þat gjörvallt smíða.

79 Þá kom vindr ok veifði höll,
vaenum stólpum naerri;
börnin tóku at blása upp öll
heint sem lifandi vaeri.

80 Þegar er stólpinu steini líkr
stórum vindi léttir,
hverr at öðrum höfði víkr,
hlaer ok fingr réttir.

81 Mildings hǫll sem mylna snýst,
[mektug ofnis skerjum;
eingi þegn við þessu býst,
en þýtr í stólpa hverjum.

Въ этомъ описаніи встрѣчается цѣлый рядъ подробностей, относящихъ насъ то къ Пресвитеру Іоанну, то къ Дюку, либо къ тому и другому вмѣстѣ. Центральная колонна Гугонова дворца встрѣчается и въ описаніи дворца Пресвитера; механически движущіяся солнце, луна и свѣтила въ изображеніи индѣйскаго царства, въ палатахъ «драка» и Хосроя, въ теремахъ Чурилы, Соловья Будимировича, Дюка и, судя по кимрійскому пересказу, и въ какомъ-нибудь оригиналѣ Хожденія. Я полагаю, что сюда-же слѣдуетъ отнести и диковинки іерусалимскаго собора, какими ихъ представляетъ поэма XI вѣка:

124 Vit de cleres colors le mostier peinturet,
De martirs et de virgenes et de granz majestez,
Et les cors de la lune et les festes anvels,
Et les lavacres[1]) *corre et les peissons par mer.*

Foerster и Gaston Paris[2]) считаютъ послѣдній стихъ испорченнымъ; Paris предполагаетъ пропускъ одного либо нѣсколькихъ стиховъ; оба смущались, очевидно, сочетаніемъ: lavacres (= fonts

---

[1]) Koschwitz во 2-мъ изданіи предполагаетъ послѣ lavacres пропускъ, а corre и т. д. относитъ къ концу слѣдующаго (неполнаго) стиха.
[2]) Romania № 33, l. c. p. 20—1, прим. 1 на стр. 21.

baptismaux) corre. Дѣло объясняется проще: мы имѣемъ дѣло съ одной изъ причудъ средневѣковой поэтической архитектуры, устроивавшей стеклянные полы, дѣлавшіе впечатлѣніе воды, водоема (сл. восточныя и русскія сказанія о Соломонѣ и царицѣ Савской, палаты Навуходоносора въ одномъ текстѣ Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ); фантазія шла нерѣдко и далѣе того: подъ стекляннымъ поломъ, казалось, дѣйствительно двигались рыбы и морскія животныя. Такъ во второмъ Титурелѣ, такъ въ прозаической редакціи былины о Дюкѣ (Рыбн. I, № 50), гдѣ Владиміръ боится ступить на стеклянные полы: «подъ ними вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половина точно треснетъ». — Послѣдній стихъ приведенной цитаты означаетъ, стало быть: онъ видитъ — вверху ходитъ луна, внизу, подъ поломъ, течетъ вода и рѣзвятся рыбы[1]).

Металлическія статуи дѣтей и людей у пилястровъ, играющія на трубѣ, улыбающіяся и кивающія другъ другу — отвѣчаютъ такимъ-же изображеніямъ царей и царицъ на колоннахъ во дворцѣ Пресвитера, также играющимъ — и угощающимъ другъ друга изъ кубка. Мы уже сблизили эти изображенія съ причудливыми образами на Дюковыхъ пуговкахъ и петелкахъ; но мы можемъ пойти и далѣе въ объясненіи послѣднихъ. На нихъ и молодцы и дѣвушки и птицы пѣвучія и звѣри рыкучіе: когда по нимъ

---

[1]) Въ Élie de Saint Gille (ed. W. Foerster) есть эпизодъ, вовсе не мотивированный общимъ ходомъ дѣйствія и напоминающій знакомые намъ образы Хожденія: Розамунда указываетъ Élie убѣжище, гдѣ онъ найдетъ — вращающіяся палаты, плавающія рыбы и четыреста рыпарей, объ руку съ своими amies (сл. первую встрѣчу Карла въ поэмѣ). Обо всемъ этомъ нѣтъ далѣе и рѣчи.

1641 La ueres vous les huis et le palais torner
Et les vieutres detraire et les ors encainer
Et les pisons noians et le ciel estele;
Et toute rien en tere comme l'arce Noe
Ai ge fait en ma canbre a fin or pointurer.
S'i a une richece dont uous ne uous gardes,
.ııı.c. cheualiers as manteus engoules,
. . . .
Et cascuns tient s'amie par l'ermin engoule.

проводятъ плеткой, поднимается такой крикъ и голосованье, что всѣ присутствующіе падаютъ — о земь. Этого шаржа могло не быть въ оригиналѣ нашей пѣсни, судя по аналогіи Хожденія, саги и кимрійской прозы: тамъ и здѣсь вѣтеръ съ моря или изъ полыхъ столбовъ заставляетъ статуи *играть и двигаться*, а покой, въ которомъ онѣ стоятъ, — вращаться на оси: отъ этого движенія и падаютъ, присѣдаютъ Карлъ съ его перами.

Поэма присоединяетъ къ вѣтру — цѣлую искусственную бурю, со снѣгомъ и градомъ, что̀ относитъ насъ къ диковинкамъ Хосроева дворца, въ которомъ свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — но идетъ и дождь и раздаются раскаты грома: вода, проведенная въ тонкихъ, потаенныхъ трубочкахъ, превращалась, въ подобіе дождя (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine, Kaiserchronik); подъ башней, въ подземельномъ покоѣ, двигались въ кругу лошади, запряженныя въ повозки, что̀ заставляло колебаться башню и производило впечатлѣніе грома (Jacobus de Voragine, большой Passional); по желанію царя наступала во дворцѣ ночь и снова день, гремѣлъ громъ, сверкала молнія, шелъ дождь и снѣгъ, становилась зима и лѣто, поднимались вѣтры и наступала ясная погода (Hermann von Fritzlar). Gautier d'Arras въ Eracles'ѣ, описавъ драгоцѣнное небо Хосроевскихъ палатъ, прибавляетъ и слѣдующее:

et par engien, si con je truis,
fasoit plouvoir par un piertuis
q'il ot fait faire el ciel là-sus.
Encore i a-il asses plus:
La tiere estoit de-sous cavée
et bien plancie et bien levée;
Uns foles i ot por soufler:
cant il voloit faire tourner,
tout es i ot: venter fasoit
et plus asses, con li plaisoit [1].

---

[1]) Сл. мою Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, стр. 145 и талмудическую легенду о царѣ Хирамѣ у Landau, Beiträge z. Geschichte der italienischen Novelle, p. 43.

Въ палатахъ Пресвитера мы видѣли хоромы, своды которыхъ представляютъ звѣздное небо, покои, вращающіеся на оси, механическія фигуры, движущіяся и играющія. — Въ изображеніи Хосроева дворца нѣкоторыя изъ этихъ подробностей соединились въ общую картину какого-то макрокосма, производящаго впечатлѣніе неземнаго могущества: потолокъ обратился въ небо со свѣтилами, идетъ дождь и раздаются удары грома — всё это подъ вліяніемъ хитраго механизма, трубочекъ, мѣховъ. — Въ Хожденіи мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такимъ же сочетаніемъ диковинокъ: солнце, луна и звѣзды загораются на сводахъ, — «въ соотвѣтствіи съ временемъ года»; поднимается вѣтеръ и буря — несомнѣнно, дѣло такого-же привода, полыхъ колоннъ, въ которыхъ ходитъ вѣтеръ. Лишнее противъ описанія Хосроевыхъ палатъ — трубящія фигуры и вращеніе палаты, отъ котораго падаютъ непривычные гости.

Представимъ себѣ, что изъ этого сочетанія: играющихъ, улыбающихся, движущихся фигуръ съ вращеніемъ покоя — выпала именно вторая часть (вращеніе) и осталась неизбѣжное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Раскащикъ-пѣвецъ поспѣшитъ по своему наполнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе — дѣйствіемъ пѣнія, крика, издаваемаго изображеніями-статуями, птицами не на пилястрахъ, а на пуговкахъ и петелкахъ [1]) пріѣзжаго изъ Индіи молодца. Такъ понимаю я

---

[1]) Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, на сколько вычурное описаніе пуговокъ и петелокъ воспроизводитъ дѣйствительную подробность древнихъ пѣсенъ и — наряда. Застежки, съ изображеніемъ обнимающихся и — расходящихся юноши и дѣвушки, легко себѣ представить; то-же можно сказать и о Змѣѣ Горыничѣ. Сл. въ сербской пѣснѣ о женидьбѣ Максима Црнојевића описаніе сорочки молодой:

У колијер уплетена гуја
А под грлом изведена глава,
баш се чини као да је жива,
На глави јој аист камен драги,
Каде иде момак са ђевојком
У ложницу, да не носи свјеће
нек свијетли алем камен драги.

странный, повидимому, шаржъ русской пѣсни [1]). Въ эпистоліи редакціи D игра механическихъ фигуръ и пѣніе таковыхъ-же птицъ наводили лишь усыпленіе — но приводятъ и въ изступленіе (quodammado extra mentes efficiuntur).

c) Гугонъ роскошно угощаетъ своихъ гостей на пиру, во время котораго Оливье засматривается на императорскую дочку. Гости порядкомъ подпили, ихъ ведутъ въ опочивальню, гдѣ для нихъ приготовлены кровати, а въ полой колоннѣ спрятанъ соглядатай, посаженный туда императоромъ — для опаски. Передъ сномъ Карлъ предлагаетъ своимъ пэрамъ позабавиться, похвастать кто чѣмъ знаетъ: хвастовство на пиру, вечеромъ послѣ попойки, было общимъ западнымъ обычаемъ [2]): разгоряченные

---

[1]) Этотъ шаржъ имѣлъ, по видимому, извѣстный успѣхъ: въ нѣкоторыхъ варьянтахъ пѣсни объ Ильѣ и разбойникахъ мы встрѣчаемъ гремящія пуговки на кафтанѣ Ильи:

И напали на Соколь корабль разбойнички,
....
А онъ по кораблику похаживатъ,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживатъ:
Пуговки залочоныя разгремѣлися,
Лютые львы разревѣлися,
А разбойнички испужалися

(Кир. I, № 7, стр. 23); либо:

Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки забѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
....
Его лютыя звѣрья разревѣлися

(ib. № 5, стр. 40); Сл. Шейнъ въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и древн., 1877, III, № 4, стр. 7; Русскія народныя пѣсни, собранн. А. И. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ, Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11, № IV. О подобной-же подробности въ сказкахъ о Данилѣ Безчастномъ см. далѣе гл. XI.

[2]) Я пользуюсь далѣе богатыми выдержками изъ памятниковъ, сдѣланными Тоблеромъ въ Zs. f. romanische Philologie IV B., стр. 81 слѣд.; для итальянскихъ примѣровъ сл. предисловіе къ Cantare di Madonna Elena imperatrice. Livorno, 1880 (Ottavio Targioni-Tozzetti).

виномъ рыцари хвалились другъ передъ другомъ прошлыми и будущими подвигами, не рѣдко выходившими за предѣлы человѣческой возможности. Гдѣ теперь та молодежь, которая хвалилась вечеромъ, послѣ вина, что они выйдутъ побѣдителями изъ битвы? спрашиваетъ Aubri:

Ja dient il au soir et au matin
Que il vaintroient le peuple Constentin;
Hom trop vanteres est pires d'un mastin

(Aubri, ed. Tobler, Mittheilungen, p. 120). Въ Meraugis'ѣ (p. 77) рыцари, прежде чѣмъ разойтись, произносятъ, въ присутствіи дамъ, разные обѣты (одна изъ формъ похвальбы): тотъ обѣщается цѣлый годъ не носить другого оружія, кромѣ щита, и такъ сражаться; этотъ — въ теченіи того-же времени не спать подъ кровлей, пока не побѣдитъ какого-нибудь рыцаря и т. п. Въ 64-мъ разсказѣ Novellino (ed. Gualteruzzi) говорится, что «nel riposare la sera, i cavalieri si incominciaro a vantare, chi di bella donna, chi di bella giostra, chi di bello castello, chi di bello astore, chi di bella ventura» — a messer Alamanno хвастаетъ своей милой, навлекая на себя ея гнѣвъ. — Иногда обычное пріуроченіе этого акта къ вечеру, послѣ пира, замѣнено другимъ (въ Aiolfo di Barbicone, какъ и въ Viaggio di Carlo Magno «Vanti» произносятся утромъ), либо пріуроченія нѣтъ вовсе. Такъ въ Storia di Leombruno бароны собираются въ замкѣ:

Chi si avvanta di bella mogliere,
Chi si avvanta di bella magione,
Chi di caval corrente e buon destriere,
Chi di gentil sparviere e buon falcone,
Chi di palazzo e chi di torri altiere,
Chi si vanta di sua condizione и т. д.

То-же въ Cantare di Madonna Elena imperatrice, къ которому мы еще вернемся.

Хвастовство во полу-столѣ встрѣчается и въ другихъ былинахъ, нигдѣ не проявляя, впрочемъ, того характера гасконнады,

которымъ отличаются gabs (сѣв. geiplur) французскаго Хожденія.

Хвастаютъ всѣ, съ почина Карла — прежде всего своей физической силой. Пусть дадутъ мнѣ лучшаго рыцаря царя Гугона, возложатъ на него двѣ брони, два шлема на голову, посадятъ на сильнаго коня: я нанесу ему мечемъ такой ударъ въ голову, что разрублю пополамъ шлемъ, броню, всадника, сѣдло и лошадь, а мечъ уйдетъ еще въ землю на цѣлое копьище. — За этой похвальбой Карла слѣдуетъ въ поэмѣ другая — Роланда: еслибы Гугонъ далъ мнѣ свой рогъ [1]), я, выйдя изъ города, затрубилъ-бы съ такой силой, что всѣ городскія ворота сорвались бы съ петель; а коли царь пойдетъ на меня, онъ у меня такъ перевернется, что потеряетъ свою мантію на горностаяхъ, да и усами поплатится. — Похвальба Оливье, подобно предъидущимъ, такое-же хвастовство своей физической силой: дайте ему царевну, дочь Гугона, онъ переспитъ съ ней ночь — и совершитъ нѣчто, превышающее всѣ предѣлы человѣческой возможности. — Рядомъ съ этими gabs, постоянно пріуроченными къ опредѣленнымъ именамъ, идутъ другіе съ нерѣдко мѣшающимися именами и инымъ содержаніемъ: это какое-то богатырское скоморошество, пополамъ съ волшебствомъ и чудомъ, нѣчто, напоминающее продѣлки мага-скомороха въ одномъ текстѣ Floire et Blanceflor — и потѣхи, о которыхъ говоритъ вставка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова Даніила Заточника. — Турпинъ обѣщаетъ: пусть императоръ пуститъ бѣжать трехъ лучшихъ своихъ коней, я догоню передняго и вскочу на него, всё время подбрасывая къ верху и хватая на лету четыре яблока; если одно изъ нихъ упадетъ, пусть выколятъ мнѣ глаза. — Этотъ gab, удержанный за Турпиномъ въ кимрійскомъ пересказѣ, перенесенъ, съ измѣненіями, на Berart (Bernard) de Montdidier въ Guérin и рукописномъ Galien'ѣ, сагѣ и Geiplur, на Berenger въ печатномъ Galien'ѣ; наоборотъ, Guérin и Galien, сага, Geiplur, Geipa-þáttur разсказываютъ о Турпинѣ, что̀ древ-

[1]) Въ Галіэнѣ онъ обѣщаетъ затрубить въ свой собственный рогъ: Олифантъ.

няя поэма, согласно съ кимрійскимъ текстомъ, о Bernard de Brusban: онъ похваляется, что отведетъ въ городъ рѣку, текущую внизу въ долинѣ, и что императоръ принужденъ будетъ укрыться отъ наводненія на самую высокую башню. Это — послѣдній изъ трехъ gab'овъ, на исполненіи которыхъ Гугонъ настаиваетъ: Бернаръ осѣняетъ рѣку знаменіемъ креста, и она тотчасъ вышла изъ береговъ, наводнила поля и городъ, а Гугонъ, спасшійся на башню, жалуется и молитъ Карла о помощи, сулитъ ему свою казну, готовъ стать его вассаломъ. По молитвѣ Карла рѣка возвращается въ свое русло: gab разрѣшился чудомъ, какъ всѣ другіе, подлежавшіе исполненію; за паладиновъ Господь, ангелъ возвѣстилъ имъ о томъ, при нихъ чудотворныя іерусалимскія святыни. — За то слѣдующій gab принадлежитъ области чистой магіи: Aïmer хвалится своей шапкой невидимкой, сдѣланной изъ кожи какой-то морской рыбы (581—2: Encore ai un capel d'Alemande, engolet — D'un grant peisson marage, ki fut faiz oltre mer); онъ надѣнетъ её и, когда Гугонъ будетъ сидѣть за обѣдомъ, подойдетъ къ нему, съѣстъ его рыбу, выпьетъ его вино, стукнетъ его головой о столъ; императоръ набросится на своихъ людей — то-то будетъ ссора! (поэма, сага и кимрскій тексты)—Отмѣтимъ еще два странныхъ gab'а: паладинъ сулитъ броситься съ большой высоты на разставленныя внизу, вверхъ остріемъ, мечи, которыя сломятся отъ его паденія, а онъ будетъ невредимъ (Беранже въ кимрійск. текстѣ, Guérin, Galien ркп.; Boering въ сагѣ и Geiplur; Bernard de Montdidier въ печатномъ Galien). Бертранъ въ кимрійскомъ пересказѣ предлагаетъ еще большее: взявъ въ руки по щиту, онъ полетитъ, размахивая ими, точно на крыльяхъ, на высокую гору, а оттуда поднимется подъ облака повыше всѣхъ птицъ, повыгонитъ изъ лѣсу звѣрей, работниковъ съ поля. То-же въ сагѣ (taki keisari á morgin fjóra skjöldu ok fái mér, en ek skal fara um alla dali ok skóga, ok fljuga svá hátt ok oepa, at heyri hvern veg fjórar milur, ok skulu þar or fljúga or öllum þeim skógum hirtir allir ok kollur ok allskonar dýr, ok svá fiskar or öllum vötnum) и Geiplur:

146 Bertram maelti, buðlungs mann;
«Bragning láti», sagði hann,
«fá mér einar fjórar lindr;
fljúga skal eg hér út um grindr.

147 Fer eg um skóga, fjöll, um grund,
flykkjast saman á einni stund
hirtir, fuglar, hverskyns dýr,
hver sú kind í vatni býr».

Сл. въ былинахъ о Волхѣ его обращеніе въ щуку, сокола, сѣраго волка, послѣ чего всѣ рыбы уходятъ въ синія моря, птицы за облака, звѣри въ темные лѣса.

Соглядатай, поставленный императоромъ, доноситъ ему о необычайныхъ похвальбахъ его гостей, которыя принялъ за серьозныя. Гугонъ разсерженъ и обезпокоенъ, настаиваетъ на исполненіи gabs; напрасно увѣряютъ его французы, что всё это была одна шутка съ похмѣлья, обычная у нихъ игра: они принуждены покориться — и три похвальбы, между ними и похвальба Оливье, осуществляются — съ Божьей помощью. Гугонъ не желаетъ продолженія, готовъ стать вассаломъ Карла, предлагаетъ ему всѣ свои сокровища — но тотъ отказывается отъ нихъ; слѣдуетъ торжественная процессія, въ которой оба императора шествуютъ рядомъ въ вѣнцахъ; Карлъ оказывается выше Гугона на футъ и четыре вершка. Не ладно сказала царица, говорятъ промежь себя французы: никто не сравняется съ Карломъ, куда-бы мы не пришли, всюду одержимъ верхъ. — Карлъ возвращается во Францію и когда жена бросилась ему въ ноги, прощаетъ ей ради Гроба Господня, который ему довелось увидѣть. — Въ кимрійскомъ пересказѣ, Guérin и Galien'ахъ Гугонъ также признаетъ себя вассаломъ Карла, такъ отказывающагося въ первомъ текстѣ отъ предложенныхъ ему богатствъ: «французскій король не принимаетъ, а раздаетъ подарки и раздаетъ щедро; везти сокровища во Францію не слѣдуетъ, они могутъ исказить духъ и мужество народа. Посмотрите, что у насъ есть:

много людей, способныхъ къ бою и много при нихъ оружія». — Это напоминаетъ извѣстныя слова Владимира.

Поэма кончается торжествомъ народнаго самосознанія, не растерявшагося при видѣ другой, болѣе блестящей и богатой культуры. Ни одинъ изъ gabs не отвѣчаетъ той формулѣ гнушенія, въ которую укладывается похвальба Дюка — потому что на то не существовало необходимыхъ условій: преимущества богатства и матерьяльнаго развитія. Дюкъ, представитель чудесной Индіи, могъ хвалиться ею — въ Кіевѣ или Византіи; въ иномъ положеніи находились напр. западные люди, занесенные въ качествѣ пословъ, прохожихъ паломниковъ къ константинопольскому двору. Если, иной разъ, и въ этихъ случаяхъ раздавалось слово похвальбы, то оно получило другой характеръ, какъ въ нашихъ gabs, либо являлось намѣреннымъ хвастовствомъ ради поддержанія нарочной гордости:

815 Ja ne vendron en terre, nostre ne seit li los.

Существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, собранныхъ G. Paris'омъ, съ помощью Р. Кёлера и Storm'а, и комментированныхъ имъ по поводу одного эпизода въ Aimeri de Narbonne[1]): послы, паломники приходятъ ко двору богатаго царя и, чтобъ не уронить себя, кичятся своимъ богатствомъ: коней подковали золотомъ или серебромъ и намѣренно теряютъ подковы; ихъ приглашаютъ къ царскому столу — они отвѣчаютъ, что у нихъ своего довольно; ихъ хотятъ наказать и не велятъ продавать имъ дрова — они топятъ свои печи орѣхами, деревянной утварью, которую скупаютъ, старыми кораблями и канатами; явившись во дворецъ, устраиваютъ себѣ сидѣнье на полу, подложивъ свои дорогіе плащи, и уходя, забываютъ взять ихъ съ собою; когда имъ о томъ напоминаютъ, они говорятъ, что не въ обычаѣ ихъ страны уносить съ собою — и стулья.

Изъ многихъ пересказовъ этого сюжета я выберу лишь тѣ, гдѣ мѣстомъ дѣйствія является Константинополь.

---

[1]) Sur un épisode d'Aimeri de Narbonne, Romania, № 36, p. 515 слѣд.

Wace въ своей Geste des Normans, въ части, написанной между 1162 и 1175 годами, разсказываетъ о путешествіи Роберта 1-го, шестаго герцога Нормандіи:

Par la terre l'empereur
Se fist conduire a grant honur.
A la mule qu'il chevalchout,
A la plus chiére qu'il menout,
Pur reparlance e pur noblei,
Pur faire gent parler de sei,
Fist d'or les quatre piez ferrer
(Ne vueil mie dire *dorer*,
Car ce n'est mie us de parler);
Puis fist a ses homes veer
Que quant li ors des piez charreit
Que mar nuls d'els le reprendreit.
Par Constantinoble passa
Et a l'empereur torna.
Endementres qu'a lui parla.
A la costume qui iert la
Sun mantel jus a terre mist,
Tot desfublez desuz s'asist.
Al partir, quant il s'en turna,
Le mantel prendre ne deigna:
Un des Grieus le vit desfublé,
Sun mantel li a relevé,
Dist lui que sun mantel preist
Et a sun col le rependist;
Et il respundi par noblei:
«Jo ne port pas mun banc od mei»
[Chascuns des Normanz autresi
Sun mantel a terre guerpi;
Si cum li dus out fait si firent:
Lur manteals el palais guerpirent;
Et li dus lur duna manteals
Asez plus riches e plus beals].
A noblece li fu turné.
E l'emperére a cumandé
Tant cum il iert en la cité

Qu'il ait del suen a grant plenté,
Quar il le volt bien cunreer;
Mais li dus nel volt graanter,
Ne volt mie sun cunrei prendre:
Asez a, ço dist, a despendre;
Tant cum il pelerins sereit,
Del suen propre vivre voleit;
Mais al retour, s'il reveneit,
Cunrei et el de lui prendreit.
Et l'emperére fist crier
E par tut as marchiez veer
Qu'il ne truvast busche ne fust
Dunt sun mangier cuire peust.
Et li dus a fait achater
Tutes les nuiz qu'il pout truver:
Tut en fist cuire sun mangier,
E le fist faire plus plenier
E plus riche qu'il ne soleit,
Pur la busche qui lui faleit.
Li emperére asez s'en rist,
Et a ses genz en riant dist,
Si cum il parlout en gregeis,
Que mult esteit li dus curteis;
Or feist ço que il voldreit,
Ja mais rien ne le li veereit.
[Pur la noblece des Normanz
Qui de lur manteals firent banz
Fist l'emperére el palais faire
Banz e sieges envirun l'aire;
Ainz cel tens a terre seeient
Qui el palais seeir voleient]. [1]).

Подобное разсказываетъ сага о Норвежскихъ короляхъ про Сигурда, ходившаго въ Іерусалимъ въ 1111 году; изъ трехъ эпизодовъ опущенъ одинъ (плащи), императоромъ является

[1]) G. Paris, Romania, l. c. p. 524—526. Слова, поставленныя въ скобкахъ, прибавлены Wace'омъ впослѣдствіи: ихъ не было въ древнѣйшей редакціи его текста.

Алексѣй Комнинъ[1]). «Разсказываютъ, что при въѣздѣ въ городъ (Константинополь) король Сигурдъ велѣлъ подковать золотомъ своего коня и коней своихъ спутниковъ, которымъ заказалъ ѣхать по городу, какъ именитые люди, не скромничая, не удивляясь ничему новому, что-бы они могли увидѣть, и не обращая вниманіе, если-бы сорвались у лошадей ихъ подковы. Что они и сдѣлали» (Hulda).

«Позже король Сигурдъ пожелалъ дать пиръ императору: велѣлъ своимъ людямъ приготовить все нужное съ подобающимъ великолѣпіемъ, какъ это было въ его обычаѣ и прилично богатымъ людямъ. Сигурдъ приказалъ своимъ отправиться въ улицу, гдѣ продавали дрова, которыхъ, по его мнѣнію, потребуется много. Тѣ отвѣчали, что безпокоиться нечего, такъ какъ въ городъ въѣзжаетъ каждый день много возовъ съ дровами. Случилось, однакожь, что ихъ не оказалось, о чемъ и донесли Сигурду. Посмотрите, не достанете-ли орѣховъ, сказалъ имъ Сигурдъ: мы истопимъ ими также, какъ и дровами. Они отправились и купили орѣховъ, сколько имъ было угодно. Въ это время пріѣхалъ императоръ съ своими приближенными; сѣли они вмѣстѣ, Сигурдъ потратился, принялъ ихъ по царски. Видитъ царь и царица, что ни въ чемъ нѣтъ недостатка, и вотъ царица посылаетъ узнать, чѣмъ топитъ ихъ хозяинъ. Посланные приходятъ въ небольшой покой, весь заваленный орѣхами; имъ говорятъ, что это и есть топливо. — Гордъ и безупреченъ Сигурдъ, говоритъ царица: ни одно дерево не горитъ лучше орѣховъ. — А она-то и устроила, что Сигурдъ не могъ достать себѣ дровъ, чтобы испытать его и посмотрѣть, какъ онъ выйдетъ изъ затрудненія» (Morkinskinna).

Когда Робертъ Норманскій былъ въ Константинополѣ, дружиной императорскихъ варяговъ командовалъ тогда, подъ именемъ Nordbrikt'a, Гаральдъ Строгій, впослѣдствіи король Норвегіи. Однажды, когда онъ построилъ церковь, императоръ запретилъ духовенству освятить её. Гаральдъ не смутился и ве-

[1]) Сл. 1. с. р. 530—2. Hulda и Morkinskinna — названія рукописей.

лѣлъ приготовить роскошный пиръ. Тогда императоръ распорядился, чтобы ему не продавали дровъ, необходимыхъ для кухни, желая такимъ образомъ наказать его за его высокомѣріе, умалявшее права императора и должный ему почетъ. Не смотря на это Гаральдъ нашелъ средство приготовить столъ, къ которому пригласилъ и императора, давшаго согласіе и на освященіе церкви. Когда императоръ спросилъ его, чѣмъ онъ топилъ, за неимѣніемъ дровъ, онъ отвѣчалъ, что — ломомъ отъ старыхъ кораблей, кожаными канатами — и орѣхами [1]).

Заключу разборомъ двухъ аналогическихъ легендъ, интересныхъ для насъ потому въ особенности, что обѣ онѣ привязаны къ герою французскаго Хожденія — Карлу Великому.

Сан-Галльскій монахъ разсказываетъ [2]), что когда посланникъ Карла прибылъ въ Константинополь, его позвали къ царскому столу, за которымъ господствовалъ такой обычай, ut nullus in mensa regia, indigena sive advena, aliquod animal vel corpus animalis in partem aliam converteret, sed ita tantum, ut positum erat, de superiori parte manducaret. Кто нарушалъ законъ, тому грозила смерть. Посланникъ, незнакомый съ этимъ обычаемъ, случайно перевернулъ рыбу, лежавшую на блюдѣ, а императоръ говоритъ ему, вздыхая: Obstare non possum,... quin morti continuo tradaris. Aliud pete, quodcunque volueris, et complebo. Находчивый Франкъ проситъ, чтобы выкололи глаза всякому видѣвшему, какъ онъ перевернулъ рыбу. Оказалось, что ни императоръ и никто этого не замѣтилъ! Tum sapiens ille Francigena, vanissima Hellade in suis sedibus exsuperata, victor et sanus in patriam suam reversus est [3]). Вскорѣ послѣ того Карлъ снарядилъ въ Византію еще двухъ посланниковъ: епископа Гейтона и графа Гугона, qui, diutissime protracti, tandem ad

---

[1]) G. Paris, l. c., стр. 532 по Fornmannasögur IV, 147.

[2]) Jaffé, Bibliotheca rerum Germanicarum, t. IV, p. 670 слѣд.

[3]) Объ этомъ мотивѣ сл. замѣтку R. Köhler'a, Zur Mágus-Saga, Germania XXI, p. 18 слѣд.

praesentiam regis perducti et indigne habiti, per diversissima sunt loca divisi. Tandem vero aliquando dimissi, cum magno navis et rerum dispendio redierunt. — Вернувшись къ себѣ, епископъ и графъ побуждаютъ Карла принять точно также греческихъ пословъ, и когда они явились, ихъ ведутъ по неторнымъ и ухабистымъ дорогамъ, такъ что они изморились и исхарчились, прежде чѣмъ попали ко двору. Cumque tandem venissent, fecit idem episcopus vel socius eius comitem stabuli in medio subiectorum suorum sublimi throno considere, ut nequaquam alius quam imperator credi potuisset. Quem ut legati viderunt, corruentes in terram adorare voluerunt. Sed a ministris repulsi, videntes comitem palatii in medio procerum concionantem, imperatorem suspicati, terratenus sunt prostrati. Cumque et inde colaphis propellerentur dicentibus qui aderant: Non est hic imperator, in ulteriora progressi et invenientes magistrum mensae regiae cum ministris ornatissimis, putantes imperatorem, devoluti sunt in humum. Indeque repulsi reppererunt in consistorio cubicularios imperatoris circa magistrum suum, de quo non videretur dubium, quin ille princeps posset esse mortalium. Qui, cum se quod non erat abnegaret, pollicebatur tamen, quod cum primoribus palatii moliretur, quatinus, si fieri potuisset, in praesentiam imperatoris augustissimi pervenire deberent. Tunc ex latere caesaris directi sunt, qui eos honorifice introducerent. Императоръ встрѣчаетъ ихъ, окруженный блестящимъ дворомъ и семьей, опираясь на епископа Гейтона — и пораженные величіемъ послы повергаются передъ нимъ на землю, точно бездыханные.

Послѣдній эпизодъ разсказа ясно напоминаетъ моментъ «встрѣчъ» въ Хожденіи, только перенесенный ко двору Карла: онъ ихъ не самъ испытываетъ, а уготовляетъ ихъ другимъ. Едва-ли и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣло съ переиначеніемъ болѣе древняго мотива — по побужденіямъ народной гордости: у Салернскаго монаха [1]) посолъ Карла или даже и самъ

[1]) Mon. Germ. historica, Scriptores III: Chronicon Salernitanum § 9 слѣд.

императоръ является въ положеніи византійскихъ посланниковъ предъидущаго сказанія.

Вся Италія признала власть Карла; solus dux Arichis Beneventi iussa eius contempnens, pro eo quod capiti suo pretiosam deportaret coronam. Ut comperit talia rex Karolus, valde est iratus, atque nimirum iusiurandum asseruit dicens: Nisi sceptrum quod manu gesto Arichis percucio pectus, vivere nolo. Онъ идетъ на него съ войскомъ; епископы, посланные герцогомъ, пытаются удержать его отъ дальнѣйшаго похода — онъ ссылается на данную имъ клятву, которую ловкіе послы даютъ ему возможность исполнить — безъ обиды герцогу: въ церкви св. Стефана, куда они заводятъ Карла, онъ видитъ изображеніе герцога; разгнѣванный, онъ ударяетъ его жезломъ въ грудь и сбрасываетъ съ него вѣнецъ, говоря: Sic eveniat omni qui super se ponit quod ei licitum non est. Передъ тѣмъ лѣтописецъ, говоря объ императорскомъ титулѣ Карла, замѣтилъ: sic eum vocitabant omnes qui aderant in familia sua, qui pretiosam coronam in suō prorsus capite gerebat. Imperator quippe omnimodis non dici potest, nisi qui regnum Romanum praeest, hoc est Constantinopolitanum. Reges Gallorum nunc usurparunt sibi tale nomen.

Теперь, когда онъ, хотя и казовымъ образомъ, исполнилъ свою клятву, императоръ склоняется на мольбы епископовъ, согласенъ на миръ и шлетъ въ Салерно посла скрѣпить мирный договоръ съ Арихисомъ, который приготовилъ ему такую встрѣчу: in scala ipsius palatii *adolescentes* hinc inde astare fecit, *qui gerebant in manibus sparvarios cum ceteris hujusmodi avibus;* deinde *iuvenes* astare fecit floridam aetatem habens, et *isti alii accipites et huiusmodi manibus avibus gerebant; quidam enim ex his ad tabulam ludebant.* Id ipsum hinc inde, ut diximus, *canos spargens astare fecit*, deinde *senes* undique circumstans cum baculum in manibus, *inter quos ipse princeps in throno aureo in eorum residens medium.* Когда посолъ приблизился къ городу, герцогъ послалъ имъ на встрѣчу нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ; онъ думаетъ найти Arichis'а въ ихъ средѣ, и эта ошибка повторяется

при дальнѣйшемъ шествіи и встрѣчахъ — съ мальчиками, юношами, мужами и старцами; вездѣ онъ получаетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: In antea perambulate! In antea pergite! Ite in antea. Наконецъ посолъ видитъ возсѣдающаго Арихиса, который поглумился надъ нимъ, какъ-бы случайно уронивъ жезлъ, а тотъ поднялъ его и подалъ со словами: Non sicut audivimus vidimus, set plus plane vidimus quam nuper audivimus. — Его принимаютъ великолѣпно. Et videns autem omnem sapientiam Arichis et palatium quam haedificaverat, et cibos mensae suae, et habitacula servorun, et ordinis ministrantium, vestesque eorum et pincernas, miratus est valde, adiciens: *Verus est sermo quod audivi in harba mea super sapientia tua et super gloria tua, et non credebam narrantibus mihi, donec per memet ipsum veni, et vidi oculis meis, et probavi quod media pars mihi nunciata non fuerit.... Ferunt plane nonnulli, quod ipsum saepe dictum Karolum in legati formam se transformasset, ut audita Arichis magnitudo cernere potuisset, et ipsum legatum quem supra diximus Karolus fuisset.*

Мы здѣсь совершенно на почвѣ Хожденія, и даже на болѣе древней, такъ-сказать, до-франкской его рецензіи. Безграничное удивленіе Карла не идетъ къ его типу въ Хожденіи, — но такъ именно дивятся оцѣнщики Владимира въ пѣснѣ о Дюкѣ, и какъ Карлъ (въ варьянтѣ салернской легенды) принужденъ сознаться, что слава и мудрость Арихиса превысили все, что о томъ доносила молва, такъ говоритъ Дюку и Владимиръ въ пересказѣ у Кирѣевскаго:

Каково про тебя сказывали,
Таковъ ты и есть.

III.

Разборъ былинъ о Дюкѣ и западныхъ сказаній о хожденіи Карла Великаго привелъ насъ послѣдовательно къ предположенію далекаго, имъ общаго оригинала, съ несомнѣнными чертами

Посланія Пресвитера Іоанна. Отличія западныхъ и русскихъ пересказовъ представились намъ, какъ значительныя: существеннымъ для первыхъ — за исключеніемъ салернской легенды — явилась измѣнившаяся точка зрѣнія, упрочившая похвальбу и побѣду за западомъ передъ востокомъ. Не менѣе существенно и различіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ разсказа: представленіе царя-пахаря, знакомое западнымъ сказаніямъ, неизвѣстно былинамъ о Дюкѣ. Не сохранилось-ли оно въ нашемъ загадочномъ Микулѣ Селяниновичѣ?

Микула-Селяниновичь, пахарь, встрѣчается обыкновенно при Волхѣ Всеславьевичѣ, Вольгѣ и т. п.; только у Гильф. № 255 вмѣсто Вольги является Иванъ Годиновичъ, да въ № 127 ibid. Чурила, отправляясь отъ короля Литовскаго (на родину и потомъ ко Владиміру), встрѣчаетъ по дорогѣ чудеснаго пахаря — очевидно, того-же Микулу, который въ былинѣ у Барсова[1]) названъ — Дюкомъ Степановичемъ.

О Волхѣ, Вольгѣ и т. д. поется двояко: либо о его *поѣздкѣ* въ Турецкую землю, Индѣйское царство, которое онъ предаетъ разгрому, либо о его *встрѣчѣ* съ Микулой. Послѣдняя былина — либо эпизодъ болѣе цѣльной былины — несомнѣнно искажена; грандіозный образъ пахаря не могъ не прійтись по нраву крестьянской средѣ, хранительницѣ пѣсни, и заслонивъ всё остальное, невольно вызывалъ вопросы и находилъ себѣ въ нашей наукѣ — миѳологическое объясненіе. Можетъ быть, безо всякаго на то права.

Пѣсни о «встрѣчѣ» Вольги начинаются иногда съ разсказа о его рожденіи, напоминающаго такой-же запѣвъ въ былинахъ о Добрынѣ; о его охотѣ. То и другое встрѣчается и въ пѣсняхъ о «поѣздкѣ» — вѣроятно, у мѣста.

Я начну разборъ съ Рыбн. I, № 3 (= Гильф. № 73):

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,

---

[1]) Е. Барсовъ, Памятники Народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, стр. 18—22. Сл. выше стр. 119.

Тогда зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глыбокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ о̀болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за о̀болока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матереть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ ощѐ Вольга̀ во тридцатыихъ.

За этимъ запѣвомъ слѣдуетъ сама былина:

Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Пе́рвыимъ городомъ — Гу́рчевцомъ,
Другіимъ городомъ — Орѣховцемъ
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Со своей дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати [1]).

---

[1]) Въ болгарской пѣснѣ у Чолакова, № 31 (стр. 286 слѣд.) девять Арабовъ гонятся за сестрой Марка:

Ти пѣшянскы припка,
А тіе съ коне припкатъ,
Па не могѫтъ да ѭ стигнатъ.

Ѣхалъ Вольга̀ ощѐ дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая посврипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ ощѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ротая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, ора̀таюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга Святославговичъ
Со своею со дружиной хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю? —
«Ай-же ты, ра̀таю, ратаюшко!
Ѣду ко городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко дру́гому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ во городни, третьёво-дни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики всё разбойники,

Оны просятъ грошѐвъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши̇ подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя́ сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай-же, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добры̇хъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
А гля-ради мужика деревенщины.
Какъ-бы сошка съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?

Вольга посылаетъ пять, десять молодцовъ, наконецъ всю дружину: не совладѣли они съ сошкой.

Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земе̄льку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Оротая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрики̇вати,
Колпакомъ Вольга ту̇тъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,

За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ. —
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай-же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отчеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да до́ма вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!» —

Недосказана въ этой былинѣ — цѣль поѣздки Вольги и Микулы «въ товарищахъ». Такъ и у Гильф. № 32:

Молода̀ Волью̀ Всеславьевича
Жаловалъ крестовый его батюшко
Какъ двумъ городами его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцемъ.

Вольга выѣзжаетъ съ дружиной, видитъ пахаря, котораго настигаетъ лишь на третій день:

Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его во́лжаная,
А во сошки были плотики кленовыи,
А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
Омѣшики на сошки были булатніи,
А присошечикъ на омешичкахъ былъ красна золота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Впряжена была кобылушка со́ловая;

У этой у кобыло-то у со́ловой
Хвостъ-отъ до земли розстилается,
А грива́-то колесомъ у ей завивается.

Пахарь называетъ себя Викулой Селяниновичемъ, разсказываетъ, какъ побилъ онъ Курцевцевъ да Орѣховцевъ.

Тутъ возго́воритъ мо́лодой Волья̀ ему Вселавьевичъ:
Ай-же ты Викула е Селя́ниновичъ!
Пойдемъ отводить да мнѣ-ка вотчины».

Они ѣдутъ; слѣдуетъ эпизодъ о чудесномъ бѣгѣ кобылы и о сохѣ.

Порядокъ въ полныхъ былинахъ этого типа могъ быть такой: выѣздъ Вольги, встрѣча съ пахаремъ, поѣздка въ товарищахъ; эпизоды о сохѣ и бѣгѣ; дѣло съ мужиками. Такъ у Гильф. №№ 156, 55; первый начинается рожденіемъ Вольги Святославовича, его выѣздомъ; та-же встрѣча съ пахаремъ и новое описаніе его убранства:

У оратая кобыла соло́вая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатнія,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы́ востры,
Вотъ подъ пяту пяту воробе́й пролети̇тъ,
Около носа хоть яицо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата.

Это стиль — Дюка и Чурилы. На вопросъ Микулы Вольга говоритъ, что его родной дядюшка да крестный батюшка, Владиміръ

стольно-кіевскій, пожаловалъ его тремя городами со крестьянами: Курцовцемъ, Орѣховцемъ и Крестьяновцемъ,

«Теперь ѣду ко городамъ да за получкою».
Тутъ проговорилъ оратай-оратáюшко:
— Ай-же ты, Вольга Святославовичъ!
Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
Они подрубятъ-то сляги калиновы,
Да потопятъ тя въ рѣку да во Смородину!

— и онъ разсказываетъ, какъ онъ ѣздилъ къ нимъ за солью и бился съ ними. — Слѣдуетъ: поѣздка въ товарищахъ, соха и бѣгъ.

Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати,
Стали города разсматривати,
А ребята-то стали наговаривати:
«Какъ этотъ третьего дня былъ, да мужичковъ онъ билъ!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися оны да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,
А имъ низко бы да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Ай-же ты Никула Селяниновичъ!
Я жалую отъ себя тремя городами со крестьянамы.
Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую.

Въ № 55 Гильф., также начинающемся съ рожденія Вольги Всеславьича, мотивъ его выѣзда другой: купцы и бояре

Изъ того-ли изъ Тури́нца славна города
А й платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й не стали-то вносить дани да пошлины.

За тѣмъ и другимъ и ѣдетъ Вольга

Во Тури́нецъ городъ во Орѣховецъ.

Далѣе идетъ встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ (эпизода съ сохой нѣтъ; бѣгъ); онъ предупреждаетъ:

Молодой ты Во́льга Всеславьевичъ!
Не взять тебѣ Тури́ница да города Орѣховца.
Былъ я третіёго дни въ Туриници въ городѣ Орѣховци, —
Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
Зафальшивили мою да золоту казну,
Почитали за гроши они за мѣдныи,
А й за мѣдныи гроши да за фальшивыи.

Вольга величаетъ Микулу «дядюшкой», проситъ его́ помочь ему «брать Туринца города Орѣховца».

А тыи мужики да вѣдь Орѣховци
А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрыихъ
А й подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
Потопили много силы да Во́льгиной.
А й тутъ-ли то Во́льга Всеславьевичъ.
Заѣзжае въ Туринецъ съ своимъ дядюшкой,
Оны много силы рубятъ, больше въ плѣнъ берутъ,
Покорили розорили Туринец-отъ городъ Орѣховецъ.
Это скоро Во́льга поворотъ держитъ,
А во славный во стольный во Кіевъ-градъ.

Въ былинѣ № 255 Гильф., замѣнившей Вольгу — Иваномъ Годиновичемъ, его дядя Владимиръ также жалуетъ его тремя городами: Курсовцемъ, Орѣховцемъ и Орѣшечкомъ(?), которые «некому не давали ни дани ни пошлины». Иванъ выѣзжаетъ; встрѣча съ ратаемъ (его кобыла зовется: Унеси-голова), который разсказываетъ ему о своей передѣлкѣ съ Курсовскими мужиками по поводу соли, и ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ. — Эпизодъ съ сохой Микула Селяновичъ бросаетъ её «подъ облаки» со словами:

Ты прощай моя сошка ратная(?),
Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать.

Слѣдуетъ бой Ивана и Микулы съ мужиками, которые покорились и стали платить дань «ко князю Владимиру во Кіевъ градъ».

Иной распорядокъ представляетъ другой рядъ былинъ: выѣздъ Вольги, ратай, соха, бой съ мужиками, бѣгъ Микулиной кобылы. — У Рыбн. I, № 4 (переставившемъ роли Вольги Святославговича и Микулы) разсказъ начинается (какъ въ былинахъ о его поѣздкѣ) съ рожденія Вольги и его охоты; о томъ, что онъ племянникъ князя и ему пожалованы города, нигдѣ не сказано; сошку Микулушка Селяниновичъ забросилъ «къ подоблакамъ»; бой съ мужиками Гуршевскими и Орѣховскими («подѣлали мосточки поддѣльные»); нахлеставъ ихъ «до̀ люби», Вольга и Микула ѣдутъ назадъ, Микулина кобыла опереживаетъ. — «Тутъ они добры молодцы поразъѣхались, — Поразъѣхались они, пораспростилися». Сл. Гильф. № 45 (Вольга Всеславьевичъ, Микулушка Селя̀гиновичъ; Куржовецъ, Орѣховецъ).

Особо стоитъ былина-побывальщина у Рыбн. I, № 5: Вольга Всеславьевичъ не доѣзжая Кіева встрѣчаетъ ратая, Микулу Селяниновича, зоветъ его въ Кіевъ; эпизодъ съ сохой и бѣгъ (у Микулы кобыла: Обнеси голова). «Пріѣхали къ палатамъ Микулинымъ, выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу съ великою честію». Судя по варьянту, пересказанному Рыбниковымъ къ I, № 3, стр. 22 прим. *), это было не въ Кіевѣ, а по дорогѣ къ Кіеву.

Изъ неполныхъ либо порченныхъ варьянтовъ былины мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты: у Гильф. № 131 Вольга Святославьевичъ племянникъ Владимира, жалующаго ему Гурсовецъ, Череповецъ, Орѣховецъ; оратай, Микула Селяниновъ, служилъ отцу Вольги двѣнадцать лѣтъ, служитъ Вольгѣ и въ тринадцатый. Въ № 195 ibid.: Вольга Сеславьевичъ, Викулушка Сѣятелевичъ; его кобыла куплена «во Пурховцѣ, во Орѣховцѣ»; въ сводномъ № 2 (Садко, Вольга и Микула) Вольга Всеславьевичъ смѣшанъ съ Василіемъ Буслаевичемъ, встрѣчается съ Викулой Селягинымъ, зоветъ его въ Курчевецъ, Орѣховецъ. — Рыбн. II, № 1 = Гильф. № 98; Рыбн. I, № 60; Рыбн. II, № 61 = Гильф. № 113 (Настасья Никулична), представляя

собою лишь незначительные отрывки цѣльныхъ пѣсенъ, не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Остановимся на общемъ содержаніи пересказанныхъ нами былинъ. Вольга-Волхъ и т. п., племянникъ Владимира, ѣдетъ къ тремъ городамъ, пожалованнымъ ему дядей, чтобъ ввестись въ отчину, взыскать недоплаченныя дани. По дорогѣ встрѣча съ пахаремъ, но пахаремъ необыкновеннымъ: въ его сохѣ все золото, серебро, булатъ и рыбій зубъ, быстрота его пахоты, его коня изумительны, какъ и его сила — сила отъ земли. Въ одной былинѣ у Рыбн. II, № 2 калики предупреждаютъ Илью о тѣхъ, кто на свѣтѣ его сильнѣе:

Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колывановичъ,
Еще сильнѣе отъ матушки сырой земли
Микула Селяниновичъ.

Это изреченіе — едва-ли имѣетъ непосредственное отношеніе къ быту земледѣльческому, къ возвеличенію пахаря. Такая идеализація близкой реальности не въ стилѣ народной поэзіи. Идеализація являлась съ отвлеченіемъ. Земля сама по себѣ — сила, «тягота земная», передъ которой не устоять и Святогору. Ѣдетъ онъ, прохожій идетъ впереди такъ скоро, что богатырю не пагнать его верхомъ. По его просьбѣ онъ остановился, «снималъ съ плечь сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говоритъ Святогоръ богатырь: «Что у тебя въ сумочкѣ?» — А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь. — Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здыматъ обѣма рукамы, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрязъ. Говоритъ богатырь таковы слова: «Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу». — Въ сумочкѣ у меня тяга земная. — Да кто-жь ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчины?» — Я есть Микулушка Селяниновичъ. (Рыбн. I, № 8, стр. 39—40, прим. *****). — Въ былинѣ о Потыкѣ (Рыбн. I, № 37), обращенномъ въ тяжелый камень, который не подъ силу поднять богатырямъ, Микола

Можайскій, «здымающій» этотъ камень на плечо, — очевидно, тотъ-же Микула. — Тяга земная — это земля, персть, поглащающая всякую силу и славу, покрывающая ненасытный глазъ (камень, черепъ) въ извѣстной легендѣ объ Александрѣ Великомъ [1]). Пресвитеру Іоанну чаша съ землею постоянно напоминаетъ о его смертности; императоръ Гугонъ памятуетъ завѣтъ Адаму: въ потѣ лица ѣшь свой хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, изъ которой взятъ — и самъ пашетъ золотымъ драгоцѣннымъ плугомъ. — Микула Селяниновичъ, очевидно, тотъ-же типъ: ему вѣдома «тягота земная», вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — чудесный, вѣроятно, царственный пахарь. Вольга или кто другой встрѣчалъ его когда-то на своемъ пути, гдѣ ему попадались и три города, населенные богатыми крестьянами — не три-ли извѣстныя намъ встрѣчи Добрыни и Карла?

Плугъ Микулы, несомнѣнно, — плугъ Гугона: послѣдній бросаетъ его на полѣ безъ призрѣнія, потому что въ его странѣ это безопасно: никто его не украдетъ, хоть лежи онъ семь лѣтъ; въ пѣснѣ этотъ мотивъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что никто, кромѣ Микулы, не въ состояніи вытащить его изъ борозды. Не оставимъ безъ вниманія и еще одну черту сходства, поддерживаемую въ нашемъ случаѣ лишь поэмой XI-го вѣка: Гугонъ выпрягаетъ воловъ и спѣшитъ впередъ въ Константинополь, верхомъ на мулѣ; Карлъ подъѣзжаетъ позже; въ былинѣ Микула ѣдетъ на кобылѣ, выпряженной изъ плуга, но ѣдетъ такъ быстро, опереживая Волха, что эта часть разсказа обратилась, безъ всякаго внутренняго повода, въ поѣздкѣ въ запуски.

---

[1]) Сл. мое: Слово о Двѣнадцати снахъ Шахайши, стр. 42 слѣд. Албанская сказка у Dozon, Contes Albanais (Paris, 1881) № XVIII представляетъ мотивъ александровской легенды, странно искаженный: бѣдному рыбаку царь сулитъ заплатить вѣсомъ золота за все что-бы онъ ни поймалъ въ свои сѣти. Онъ захватилъ древесный листъ: сколько золото ни клали въ вѣсы — листъ всё перевѣшивалъ. Царь допрашиваетъ своихъ мудрецовъ, которые съ своей стороны ищутъ совѣта какого-то калугера: онъ покрываетъ листъ перстью, и листъ становится легкимъ: «онъ *похожъ* на глазъ жаднаго и скупого человѣка».

Очевидно, когда подобнаго рода пѣсня примкнула къ Кіевскому циклу, она должна была подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ: Вольга очутился племянникомъ Владимира, города—ему подвластными, поѣздка мотивировалась — взиманіемъ дани, что дало другое мѣсто и значеніе городамъ на дорогѣ; Микула остался пахаремъ, играетъ совсѣмъ неожиданно роль помощника Вольги, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обобщился: мы видимъ его въ былинѣ о Святогорѣ, о немъ предупреждаютъ Илью. Такъ Леванидовъ крестъ и камень алатырь встрѣчаются по былинамъ какъ общее географическое мѣсто, забывъ родной Ливанъ и Ѳаворъ.

Особо стоитъ барсовская былина о Дюкѣ Степановичѣ и Щурилѣ Щапленковичѣ [1]), въ которой первый играетъ роль Микулы, второй — Вольги. Дюкъ (живущій «за рѣкой за Почаевой») пашетъ въ чистомъ полѣ, кіевскій богатырь Чурила догоняетъ на третій день пахаря, который предлагаетъ ему отвѣдать промеждy собой «силы богатырской». — Чурила ѣдетъ домой (у него оказывается «родная матушка»), снаряжаетъ коня, проситъ его послужить ему вѣрой правдою, какъ служилъ батюшкѣ. Конь переноситъ его черезъ рѣку Почаеву, гдѣ богатырь бьется въ чистомъ полѣ съ Дюкомъ, побѣждаетъ его, братается съ нимъ и предлагаетъ вмѣстѣ ѣхать на службу къ Солнышку-Владимиру.

Былина сведена изъ мотивовъ пѣсенъ о Дюкѣ (скачка съ Чурилой черезъ рѣку); съ *поединкомъ* Чурилы и Дюка можно-бы зблизить эпизодъ «штурмованья» у Рыбн. III, № 30, съ другимъ, впрочемъ, результатомъ для Дюка; образъ пахаря перенесенъ съ Микулы. Послѣднее перенесеніе представляется чисто внѣшнимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно-то и возбуждаетъ рядъ вопросовъ. За Дюкомъ, какъ и за Гугономъ французскаго сказанія мы открыли Индію пресвитера Ивана; съ другой стороны Гугона-пахаря сопоставили съ пахаремъ Микулой. Если это вѣрно, то уравненіе: Дюкъ = Микула представляется возможнымъ предпо-

---

[1]) Барсовъ, l. c. p. 18—22; сл. выше стр. 119, прим. 2.

ложеніемъ, въ границахъ котораго мыслимъ былъ-бы и — Дюкъ-пахарь.

Но я оставляю это — простой гипотезой, которую не думаю защищать, тѣмъ болѣе, что у меня въ запасѣ еще два, столь-же гипотетическихъ вопроса.

Если *Гугонъ* (Hugues, Hugon) близокъ, по замыслу, къ пресвитеру *Іоанну*, то не здѣсь-ли объясненіе его имени? Въ имени Іоанна видѣли отраженіе титула основателя Каракитайскаго царства: *Kukhan* или Kurchan (1143). Это несогласно съ хронологическимъ опредѣленіемъ «Хожденія»; но Kukhan значитъ только: *ханъ хановъ*.

Если Вольга Всеславьевичъ или Святославовичъ, въ самомъ дѣлѣ, историческій Олегъ «вѣщій», то сохранилась память о его военномъ хожденіи въ Царьградъ, обставившемся въ лѣтописи кое-какими чудесными подробностями: вспомнимъ его корабли на колесахъ, щитъ, повѣшенный на вратахъ города; русскимъ посламъ въ Царьградѣ царь Левъ велитъ показать «церковную красоту и полаты златыа и въ нихъ сущаа богатество, злато много и поволокы и каменье драгое, — и страсти Господни и венець, и гвозди, и хламиду багряную, и мощи святыхъ». — Легко можетъ статься, что къ имени Олега вѣщаго, смѣшаннаго съ Олегомъ Святославовичемъ, примкнула какая нибудь пѣсня, сходная по типу съ оригиналомъ Французскаго Хожденія, пристроившаяся впослѣдствіи ко Владиміру и затѣмъ разбившаяся на эпизоды, потерявшіе свою прозрачность именно вслѣдствіе своей отрывочности.

Предложенное гипотетическое объясненіе пѣсни о Вольгѣ и Микулѣ, разумѣется, не предрѣшаетъ вопроса объ источникахъ былины, поющей о «мудростяхъ» Вольги и о его поѣздкѣ въ Индѣйское царство. Объединеніе двухъ сюжетовъ подъ одно имя можетъ быть случайнымъ; поводы къ нему — предметомъ особаго анализа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказаніе ѡ индиско҃ црⷭ҇твіи.

Азъ есмь іѡаннъ црь и попъ наⷣ цри црь, имѣю поⷣ собою т҃ црей и т҃. Азъ есмь поборниⷦ҇къ по православной вѣрѣ хвѣ. Црⷭ҇тво мое таково: итти на единоу странoу ҃і мць, а на дроугоую немощно да итти заⷩ҇е тамо соткноуса нбо з землею. есть оу мене въ единой странѣ лю нѣмы, а вынои земли лю рогаты, а вынои странѣ лю трепацци, а иныа лю ѳ-ти саженъ и соу волотове, а иныа лю четвероручны, а иныа лю ѡ шти роукъ, а инаа оу мене земла в нейже лю по пса да по члвка, а иные оу мене лю в персе ѡчи и ротъ, а во инои земли оу мене лю верхоу рты великы, а (и)ные оу мене лю скотьи ноги имѣюще. есть оу мене лю поптици а полъ члвка, а иныа оу мене лю глава песьа, а родатса оу мене во црⷭ҇твіи моемъ звѣріе (оу мене) слонови, дремедары и коркодилы и велбоуди. керно коркоⷣⷣⷦ҇ль звѣрь лютъ есть, на что са разгнѣвае, а помочитса на древо или на ино что, в тои чсъ са ѡгнѣ сгори. Есть в моеи земли пѣтоухы на них же лю азда. есть оу мена птица ногои, вьетъ себѣ гнѣздо на .еі. доубовъ. есть в моемъ црⷭ҇твіи птица ѳиниѯъ, свиваеⷮ себѣ гнѣздо на новъ мць и приноситъ ѡⷮ огна нбнаго и сама зажигаеть гнѣздо свое а сама тоу то сгарае, и в томже попелѣ зараждаетса червь и ѡпернатѣе и пото таже птица бывае едина, болѣ то плода нѣтъ тои птици, ф҃ бо лѣ живеть. а посре моего црⷭ҇тва идеть рѣка едемъ из рая, в тои рѣцѣ емлю драгіи камень акинфъ и самфиръ и памфиръ и измарагдъ, сардикъ и аспидъ твердъже і аки оугль горащь. Есть камень кармакоулъ, той камень гнъ всѣ каменіемъ драгиⷨ, в нощиⷤ свѣтиⷮ аки ѡгнь горить. Есть оу мене земла в неиⷤ трава еяже всакъ звѣрь бѣгаетъ, а нѣтъ в моеи земли ни тата ни разбоиника ни завидлива члвка заⷩ҇е моа земла полна всакого боⷢ҇тьства. А нѣтъ в моеи земли ни оужа ни жабы, ни змеи, а хота и воидетъ, тоу и оумретъ. Есть оу мена земла в неиⷤ рожаетса перець, вси люⷣе по то ходатъ ѡпроче всѣхъ. Есть оу насъ море пѣсочное езеро, да николиже не стоитъ на

единомъ мѣстѣ ѡᵗколѣваше(?) яже вповодьи восходаᵗ тѣ валы на брег за т̄ верстъ. тогож мора не прехоᵈть никаковъ члвкъ, ни кораблем ни которымъ промысломъ. И за тѣмъ моремъ не вѣдаетъ ни каковъ члвкъ есть-ли тамо люд нѣт ли, и с того мора в нашю землю текоуᵗ рѣкы многи в нихже рыбы сладкы, и посторонь того мора за .г̄. дни соуᵗ горы высокы, ѡтъ нихже течеть рѣка каменна, валитса каменіе великое и малое по себѣ .г̄. дни. Идетже то каменіе в нашю землю в то море пѣсочное и покрываютъ валове мора того. и близ тоа рѣкы едино днище есть горы поусты высокы, ихже верха члвкоу не мощи дозрѣти, ис тѣхъ горъ течетъ рѣка подъ землею не велика, но во едино време разстоупаетса земла над рѣкою тою и кто оузрѣвъ да борзо воскочитъ в рѣкоу тоу, того ради да бы са о немь земла не состоупи, а что похватить и вынесеᵗ борзо, ѡже камень тои драгіи камень видитса, а яже пѣсокъ похватить, то великы женчюгъ возметса. Таже рѣка течеть в великоую рѣкоу, люд же тоа земли ходатъ на оустье рѣкы а емлють драгы камень четьи и женчюгъ, а корматъ свои дѣти сырыми рыбами и понираютъ в рѣкоу тоу иныа на .г̄. мци, а иныа на .д.р̄е мци, ищоуть каменіа драгаго. За тои рѣкои едино днище есть горы высокы и толсты, не лзѣ на нихъ члвкоу зрѣти. Ис тѣх горъ пылаеть ѡгнь по многымъ мѣстомъ и в томъ ѡгни живоутъ черви, а без ѡгна не могоуть жити аки рыбы без воды, и тѣ черви точать ис себе нити аки шидоу и в тѣхъ нитехъ наши жены дѣлають намъ порты и тѣ порты коли са изроудаᵗ, водою ихъ не немыютᵗ, вергоуᵗ ихъ в огонь и како разгоратса, ини чисти боудоуᵗ. Есть оу мене во инои странѣ звѣзда именемъ лоувимарь. а егда поидемъ на рать кому хощемъ болшеи работѣ предати, идоуᵗ пред мною и несоуᵗ тоу .к̄. крстовъ и .к̄. стаговъ. Тѣже крсты и стази велици злати с драгими каменми и с великыми женчюги здѣлани, в нощже свѣтаᵗ аки в днь. Тѣже кр̄ты и стази идоуᵗ на к̄-ти колесницахъ и г̄-ти, а оу которыаж колесници слоужатъ по .р̄. тысаᵗ конникъ а по .р̄. тысаᵗ пѣшіе рати ѡприч тѣхъ которыа на насъ брашно везоутъ. А коли поидемъ к нарочитоу мѣстоу на бои,

ини несоутъ предъ мною единъ кр҃тъ древѧнъ, на нѐже изображено г͠не распатіе, того ра͠ да быхомъ поминали г͠ню стр͠ть и распѧ͠е. Сторонь того кр҃та несоутъ блюдо злато велико на немже едина землѧ, на землю зрѧще поминаемъ яко ѡтъ землѧ есми создани и паки в землю поити имамы, а се с дроугоую страноу блюдо несоутъ дроугое злато, на немже драгіи камень и четеи женчюгъ, нанже зрѧще величаетсѧ наше гьͨство. Идоутъ же предъ мною .г. проповѣдници, возглашаютъ веліимъ гл͠смъ. Единъ вопіеть: се есть ц͠рь ц͠ремь г͠ь г͠демъ, а дроугіи вопіеть: силою кр͠тною и бж͠іею бл͠гтью и помощію. А третіи вопіеть оумилныͫ гласомъ яко ѡтъ землѧ есмы сътворении въ землю паки поити имамы. И пак͠ы престанемъ гл͠ати. Ѿ силѣ же не гл͠ю якоͮ бо рекоͯ. — Дворъ оу мене имѣю таковъ: .е͠. дн͠ъ ити ѡколо двора моего, в нем же соу͠т полаты многы златыѧ и сребреныѧ и древѧни изноутри оукрашены аки н͠бо звѣздами, а покровены златомъ. И в тои полатѣ ѡгнь не горить, аще ли внесоутъ, в тои часъ ѡгнь погаснеть. Есть оу мене иная полата злата на ѡсмидесѧͭ столповъ ѡтъ чистаго злата, а всѧкіи столпъ по .г͠. сажени в толстотоу а .п͠. саженеи в высотоу. В тоиͮ полатѣ .н͠. столповъ чистаго злата, на всѣхъже столпѣхъ по драгомоу камени, камень самѳиръ, имать свѣтъ бѣлъ, камень тонпазъ аки ѡгнь горитъ. В тоиже полатѣ есть столпа два, на единомь столпѣ камень, имѧ емоу тропъ, а на дроугомъ столпѣ камень, имѧ емоу кармакаоулъ, в нощиͮ свѣтить камень тои драгы аки дн͠ь, а в дн͠ь аки злато, а ѡба велики аки корчаги. В тоиͮ оу мене полатѣ ѡгнь не горить, аще внесоутъ то борзо погаснетъ, развѣ бо тои ѡгнь горить и(де)ͮ идеть из древа негнеющаго: имѧ древоу томоу шлема. Того мира вливаютъ в паникадила и зажигаютъ, ино тои ѡгнь горить, и тѣмъ миромъ в которооую верстоу помажетсѧ чл͠вкъ старъ н͠ молодъ, болѣ того не старѣетсѧ, а ѻчи его не болѧͭ. Таͮ полата выше всѣхъ полатъ. верхоу тѣхъ полатъ оучинена два яблока златы, в нихже вковано по великомоу каменю самфироу, того ради дабы хоробрость наша не ѡскоудѣла. соутбо .д͠. камени на стол[п]ѣхъ того ради дабы потворници не могли чаровъ творити

надъ нами. Есть оу мене иная полата злата велика какъ ѡчима видети, на столпѣхь златыхъ, два велики камени кармакаоулъ в нощи свѣтать в тои-же полатѣ оу мене. А ѡбѣдають со мною на трапезѣ по вся дни .ві҃. патріарховъ .ї. цареи .ві҃. митрополитовъ .ме҃. ппо҃въ .т҃. поповъ .р҃. діаконовъ, .н҃. пѣвцевъ, .ц҃. крилосниковъ, .тѯе. игоуменовъ, .т҃. кнѕеи, а во зборнои моеи црк҃ви слоужать .т҃. игоуменовъ да .ѯе. да .н҃. поповъ да .л҃. діаконовъ. и ѡбѣдають со мною, а столничають оу мене и чаши подають .ді. цр҃еи да .м҃. королеи да .т҃. боляръ, а поварню мою вѣдаютъ два цр҃я да два короля ѡпроче боляръ и слоугъ. Тѣж цр҃и и короли бывъ да прочь ѣдоуть, а иныя приѣжчаютъ. А еще оу мене лежить ап҃лъ Ѳома. есть оу мене земля в неиж соуть люд, ѡчи оу нихъ в челехъ. есть оу мене полата злата в неиже есть зерцало првдное, стоить на .д.-рехъ столпѣхь златыхъ, кто зрить в зерцало, тои видить своя грѣхи яже сътворилъ ѡтъ юности своея. Близ того и дроугое зерцало цкляно, аще мыслить зло на своего госпо̄дря, ино в зерцалѣ томъ зримо лице его блѣдо аки не живо. А кто мыслить добро ѡ осподарѣ своемъ, ино лице его в зерцалѣ зримое аки слн҃це. а во дворѣ моемъ црк҃веи .р҃н., ины сътворены Бг҃мь, а ины роуками члвчскыми.» (Сборникъ Кир. Бѣлоз. № 11/1088, XV вѣка, 16-я доля л., л. 198 л. — 204 л.).

Примѣчаніе къ стр. 182 (сл. стр. 218 слѣд.): *Описаніе Порова дворца* въ эпистоліи Пресвитера, редакція D, заимствовано, по всей вѣроятности, изъ Historia de preliis. Что до «statuae musicae», то сличите описаніе дворца въ среднегреческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (W. Wagner, Trois poèmes grecs du moyen-âge inédits, p. 264):

788 καὶ ἐπάνω εἰς τοῦ πυργώματος τὸ ’δόντι τὸ καθέναν
ἄνθρωποι ἀπὸ χαλκώματος νὰ στήκουν καὶ ἐκ λίθου·
τοὺς μὲν ἐν ὅπλοις ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης,
νομίζω νὰ εἶπες ἐκ παντός, φιλέ μου, ἂν τοὺς εἶδες,
ζοῦν, ἀντιπαρατάσσονται καὶ στέκουσιν πρὸς μάχην·
τοὺς ἄλλους πάλιν ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης
τὸν μὲν νὰ παίζῃ λύραν . . . .
καὶ ἄλλος νὰ παίζῃ τεχνικὸ καλάμιν ἀπὸ πόθου,
καὶ τὸ καθ’ ἕναν τῶν ἠχῶν τοῦ καθενὸς καλάμου
ἤκουσες πῶς ἐφώναζεν ἐκ τὴν φωνὴν τοῦ ἀνέμου,
ὡς ἦτον ἀπὸ μηχανῆς ἐκείνου τοῦ τεχνίτου.

VII.

Какъ перевелись на Руси богатыри.

Былина, изданная подъ этимъ заглавіемъ (Кир. IV, стр. 108—115), можетъ показаться не отвѣчающей ему всѣмъ своимъ содержаніемъ, такъ какъ разсказъ о гибели богатырей является въ ней конечнымъ эпизодомъ, мало связаннымъ съ первой половиной пѣсни. Не потому-ли издатели сборника Кирѣевскаго поставили знаменательную звѣздочку тамъ, гдѣ въ былинѣ одна половина смѣняется другой (начиная съ 148 стиха), какъ-бы не предусмотрѣнной предъидущимъ эпическимъ развитіемъ? — Еще менѣе мотивированнымъ кажется такой же эпизодъ о гибели богатырей въ нѣкоторыхъ былинахъ о Ермакѣ [1]), только здѣсь освѣщеніе иное: перссѣлись въ нечеловѣческой борьбѣ Илья, или и всѣ русскіе витязи, но мистическій колоритъ разсказа значительно слабѣе.

Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло не съ былиной, а съ эпизодомъ о «гибели богатырей», примкнувшимъ къ разнымъ пѣснямъ, содержаніе которыхъ не указываетъ само по себѣ, чтобы тотъ эпизодъ былъ связанъ съ нимъ органически. Издатели сборника Кирѣевскаго обратили вниманіе на слово «воитель» въ былинѣ,

1) О нихъ см. Южно-русскія былины № 1, стр. 40 слѣд.

ими изданной, и именно въ той части, которая насъ здѣсь интересуетъ. «Подобное слово могло быть допущено въ былинѣ развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ *стиху*, которому не чужды бываютъ слова книжныя». Я склоненъ признать въ эпизодѣ о «гибели» именно стихъ, или отрывокъ стиха: къ тому ведетъ и вся постановка разсказа и паденіе богатырей, понятое, какъ наказаніе за ихъ высокомѣріе и грѣшную похвальбу. Этотъ мотивъ находится не только въ былинѣ у Кирѣевскаго, гдѣ ему легко было удержаться или развиться, но и въ пѣсняхъ о Ермакѣ, гдѣ, включенный въ тѣсный ходъ разсказа, онъ могъ-бы легко исчезнуть, еслибы не представлялся существеннымъ. Это заставляетъ предположить, что въ стихѣ о гибели богатырей существеннымъ являлся этическій моментъ. Съ точки зрѣнія современнаго русскаго эпоса этотъ моментъ понятъ какъ общій: что хвастовство своей силой и мощью, переходящее за мѣру эпической похвальбы «во полустолѣ» и граничащее съ кощунствомъ, вызываетъ небесную кару. Эта точка зрѣнія, можетъ быть, давно упрочившаяся въ русскомъ былевомъ эпосѣ, указала въ немъ мѣсто и значеніе эпизоду о «гибели богатырей». Но всегда-ли онъ являлся въ такомъ общемъ освѣщеніи, или этическій моментъ пріуроченъ былъ первоначально къ какому нибудь опредѣленному эпическому или историческому факту и обобщился лишь впослѣдствіи?

I.

Выѣзжали на Сафатъ рѣку
На закатѣ краснаго солнышка
Семь удалыхъ русскихъ витязей,

становились на распутіи, раскинули шатры и стали опочивъ держать.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,

Утирался тонкимъ по́лотномъ,
Помолился чу́дну образу;
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ-полотнянъ шатеръ:
Въ томъ-ли шатрѣ залегъ Татарченокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго мо́лодца.

Добрыня осѣдлалъ коня, перескочилъ за рѣку и вызываетъ Татарина на бой; поскользнулась у него правая нога, дрогнула правая рука, онъ свалился на землю, а Татаринъ наскочилъ на него, распоролъ груди бѣлыя, вынималъ сердце съ печенью.

«Было такъ на восходѣ краснаго солнышка» — снова начинаетъ былина тѣмъ-же общимъ мѣстомъ: раньше всѣхъ богатырей вставалъ Алеша Поповичъ, садится на коня, наѣзжаетъ въ полѣ на ставку богатырскую, видитъ убитаго Добрыню. Въ слѣдующей схваткѣ, на которую Алеша вызываетъ «злого Татарина», побѣда остается за русскимъ богатыремъ. Онъ уже готовится доканать свалившагося врага, вспороть ему груди бѣлыя, но откуда ни вѣсть взялся черный воронъ, проситъ пощадить Татарина, а самъ обѣщаетъ слетать на синё море, принесть живой и мертвой воды; вспрыснетъ Добрыню мертвой водой, сростется его тѣло бѣлое, вспрыснетъ живой, очнется добрый молодецъ. — Послушался его Алеша, воронъ принесъ цѣлющей воды, и Добрыня пробудился отъ смертнаго сна.

Къ этому разсказу примыкаетъ непосредственно вторая половина былины, поющая про гибель богатырей. Переходъ совершается при помощи извѣстнаго намъ общаго мѣста:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ и т. д.

Лирическій складъ этого повторенія подозрителенъ; не коснулась-ли внѣшней стороны былины эстетически-исправляющая рука? Илья Муромецъ также выходитъ на Сафатъ рѣку, умывается студеной водой и т. д.; видитъ — черезъ рѣку переправ-

ляется несмѣтная сила бусурманская. Вмѣстѣ съ товарищами онъ прирубилъ ту силу поганую, несомнѣнно татарскую въ представленіи сказителя былины, въ первой части которой уже являлся на сценѣ «злой Татаринъ, бусурманченокъ».

И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могу́тныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!»
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу *нездѣшнюю*,
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей
И крикнули они громкимъ голосомъ:
«А давайте съ нами, витязи, бой держать,
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро».

Напустились на нихъ богатыри, Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья Муромецъ: разрубятъ одного по поламъ, ихъ станетъ двое, а вражьей силы всё прибавляется.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила всё растетъ да растетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ.

Утомились богатыри:

Намахалися ихъ плечи могу́тныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные —
А сила всё растетъ да растетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ.

Испуганные богатыри бѣгутъ въ каменныя горы, въ темныя пещеры, тутъ и окаменѣли. «Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси» [1]).

---

[1]) Кир. IV, стр. 108—115.

Сходный эпизодъ нашелъ себѣ мѣсто въ былинахъ о Ермакѣ. Въ пѣснѣ у Кир. I, № 1, стр. 58—66, Ермакъ бьется съ Татарами подъ Кіевомъ:

Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы всё, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.

Это «неубываніе» вражьей силы, это необычное въ былевомъ эпосѣ «изнеможеніе» богатыря — вело къ фантастической образности нашего эпизода: чудесному «приращенію» вражьей силы, изнеможенію богатырей передъ силой нездѣшней. Въ былинѣ Гильф. № 121 = Рыбн. I, № 22 Илья и Ермакъ прирубили татарское войско; Илья хвастаетъ:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
Прирубили-бы силу всю небесную!»
Розрубятъ Татарина единаго,
А сдѣлается съ едина два.

«Пересѣлся» тутъ Илья, «окаменѣлъ его конь да богатырской». — Въ № 138 Гильф. побиваютъ Татаръ всѣ богатыри, кромѣ Ермака, котораго они, скрутивъ, вывели изъ силы великой, чтобы онъ не «перервался»; оттого онъ одинъ спасается отъ общей гибели. Порасхвастались богатыри:

«Кабы би́ла на небо лѣстница,
Мы прибили бы мы всю силу небесную!»
А тутъ у́бьютъ Татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри
Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи, прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей.

Взаимное побіеніе богатырей, принадлежитъ, быть можетъ, позднѣйшему пересказу; двоящіеся татары отвѣчаютъ такимъ-же двоящимся воителямъ былины Кирѣевскаго. Значеніе ихъ ясно и не должно бы возбуждать противорѣчивыхъ толкованій: оно

дано всѣмъ содержаніемъ разсказа. Богатыри борятся съ вражьей силой, которая русскому сказителю должна была представиться татарской; возгордившись своей побѣдой, они вызываютъ помѣряться съ собой небесныя силы — и совершается нѣчто чудесное: враги начинаютъ двоиться, ростя численно подъ ихъ ударами [1]) — роковое знаменіе грядущей гибели. Можетъ быть, въ первой половинѣ былины Кирѣевскаго нѣкоторыя подробности имѣли смыслъ въ такомъ именно освѣщеніи, — и связь со второй половиной, нынѣ неясная, все-же существовала? Добрыня борется съ Татариномъ, убитъ имъ и чудесно оживаетъ — наканунѣ общаго погрома. Это оживаніе, нынѣ не мотивированное, имѣло когда-то смыслъ, являясь знаменіемъ грядущаго, гдѣ чудесное приготовляло къ роковому — какъ въ слѣдующемъ болгарскомъ преданіи о паденіи Болгарскаго царства [2]):

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше оны́ двама юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазаръ [3]). Та ги испра́ти царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мо́мина клисура; тамъ она́ направи́ едынъ лагемъ, и подъ земи два юнака и два коня верви́; та излеза у Софійско поле. Тамъ сѣча́ Турци: на двѣ пресѣче, той двамина стана. Вернесе назадъ на Мо́мина клисура, па-й тамъ сѣча́ Турци — па-й едынъ сѣча́, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не пома́га, та ойдо́а на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каква́ е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка̀ излезна́ тія рыбы изъ тава-та, тогай че ми зема Турци царство!» Той рыби-те пернаа, та излезнаа изъ тава-та: и де бѣше оги́не, тамъ во́да искара, и тамъ рыби останаа у вода-та жи́ви. Рыби-те одъ една́ странъ бѣше пержени, а одъ

[1]) О чудесномъ удвоеніи вражьей силы см. указанія въ Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 19 прим. 1; Разысканія VIII, стр. 328 и прим. на стр. 458.

[2]) Качановскій, Пам. болгарскаго народн. творчества, вып. 1-й, № 116.

[3]) Реља — товарищъ Марка Кралевича въ сербскихъ пѣсняхъ (Караджичъ II, № 39, Петрановичъ № 23 и др.).

една но бѣше превернеты. И тогай видé царь Костадинъ, че му зематъ Турци царство. И онъ самъ яна коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣчé царь Костадинъ».

Мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, пріуроченнымъ къ Болгаріи, къ ея мѣстнымъ и эпическимъ отношеніямъ; но имена Константина и Елены указываютъ на другую среду и другія пѣсенныя воспоминанія: геройская кончина послѣдняго византійскаго императора, Константина XII, должна была оставить слѣды въ поэтическомъ сознаніи его народа. Она дѣйствительно отразилась цѣлымъ рядомъ пѣсенъ, которыя интересно изучить въ связи съ ихъ болгарскими отраженіями. Слѣдующая напр. пѣсня (Passow, № CXCVII) бросаетъ знаменательный свѣтъ на одинъ изъ эпизодовъ (оживленіе рыбы) [1] приведеннаго выше болгарскаго преданія:

Καλόγρια ἐμαγέρευε ψαράκια στὸ τηγάνι,
Καὶ μία φωνή, ψιλὴ φωνὴ ἀπάνωθεν τῆς λέγει·
«Πάψε γρία τὸ μαγερειὸ κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψῃ».
«Ὅταν τὰ ψάρια πεταχτοῦν καὶ βγοῦν καὶ ζωντανέψουν,
Τότες κι' ὁ Τοῦρκος θὲ νὰ μπῇ κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψῃ».
Τὰ ψάρια πεταχτήκανε, τὰ ψάρια ζωντανέψαν,
Κι' ὁ ἀμηρᾶς εἰσέβηκεν ἀτός του καβαλάρης.

Другія подробности представляютъ слѣдующія двѣ трапезунтскія пѣсни:

Τὴν Πόλιν ὅταν ἔκτιζεν ὁ Ζάπι Κωνσταντίνων,
Εἶχεν πορτάρους δίκλοπους κι' ἀφέντας φοβετσάρους,

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ сл. мои указанія въ Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха III, стр. 32, прим. 2. Сл. сопоставленія F. Wolf'а и Köhler'а, Jahrbuch f. roman. u. engl. Litt. III, 58 слѣд., 67 слѣд.; Müller-Fraureuth, Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen, p. 138; Lütolf, Sagen, Bräuche und Legenden aus den fünf Orten, p. 367 слѣд.: эпизодъ въ народномъ пересказѣ извѣстнаго чуда св. Іакова Кампостельскаго: чудесное сохраненіе жизни вызвало память о другомъ чудесномъ оживаніи. — Иное значеніе имѣетъ оживаніе рыбы въ одной мусульманской легендѣ о Соломонѣ и Балькисъ. Сл. Rosenöl, I, p. 174—5.

Εἶχεν καὶ σκύλον μάρμαρον, ποῦ ἐδοῦνεν τὰ κλειδία.
. . . .
Κ' ἕναν πουλὶν, καλὸν πουλὶν κι' ἀπὲ τὴν Πόλιν ἔρται,
Καὶ τ' ἕναν τὸ φτεροῦλν' αθε στ' αἷμαν ἔτον βαμμένον,
Καὶ στ' ἄλλο τὸ φτεροῦλν' αθε χαρτὶν περιγραμμένον,
Κι' οὐδὲ στὴν ἄμπελον κόνευ' μηδὲ στὸ περιβόλι,
Ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν στοῦ κυπαρέσσ' τὴν ρίζαν.
Ἔρχονται χίλιοι πατριάρχ' καὶ μύριοι δεσποτάδες,
Κανεὶς ἀτὸ πάλ' κι' ἀναγνώθ', κανεὶς ζὰν κι' ἀναγνώθει.
Χέρ̊ας υἱὸς Γιανίκας ἔν', ἀτὸς ἀτ' ἀνχγνώθει.
Σίτ' ἀναγνώθ', σίτ' ἀνακλαίγ', σίτ' ἀνακρούγ' τὴν κάρδιαν·
Ν' ἀοιλλοῖ ἐμᾶς, νὰ βάι ἐμᾶς, ἡ Ρωμανία πάρθεν,
Ἐπάρθαν τὰ προπύλαια καὶ τὰ βασιλοσκάμνια,
Ἐπάρθαν καὶ αἱ ἐκκλησιαῖς κι' ὅλα τὰ μοναστήρια,
Ἐπάρθεν καὶ Ἁγεσοφιὰ, τὸ μέγαν μοναστῆριν и т. д.
(Passow, № CXCVIII).

Городъ, основанный Константиномъ, очевидно, Константинополь; слово ζάπι, необъясненное Пассовымъ, вѣроятно, арабско-турецкое Zâbyth — maître, possesseur, commandant, gouverneur, officier militaire; мы увидимъ тотчасъ, что одна трапезунтская-же пѣсня замѣняетъ въ первомъ стихѣ слово ζάπι словомъ Ἕλλεν, вѣроятно, въ томъ обобщенномъ значеніи, какое Эллины получили въ новогреческомъ преданіи. — Константинополь взятъ, птичка приноситъ объ этомъ вѣсть — куда-то. Такъ и въ слѣдующемъ варьянтѣ у Legrand (Recueil de chansons populaires grecques, № XLIX):

Ἕναν πουλὶν, καλὸν πουλὶν ἐβγαίν' ἀπὸ τὴν Πόλιν.
οὐδὲ στ' ἀμπέλια κόνεψεν, οὐδὲ στὰ περιβόλια·
ἐπῆγεν καὶν ἐκόνεψεν καὶ στοῦ Ἠλὶ τὸ κάστρον,
ἐσεῖξεν τ' ἕναν του φτερὸν στὸ αἷμαν βουτεμένον,
ἐσεῖξεν τ' ἄλλο τὸ φτερὸν, χαρτὶν ἔχει γραμμένον·
σίτ' ἀναγνώθ', σίτι κλαιγεῖ, σίτ' κρούει τὴν καρδίαν.
«Ἀλλοὶ ἐμᾶς καὶ βάϊ ἐμᾶς, πάρθεν ἡ Ῥωμανία».
μοιρολογοῦν τὰ ἐκκλησιὰς, κλαῖγνε τὰ μοναστήρια.
κὴ ἅϊ Γιάννες ὁ χρυσόστομον κλαίει, δερνοκοπιέται.
— Μὴ κλαῖς, μὴ κλαῖς, ἅϊ Γιάννε μου, καὶ δερνοκοπισκᾶσαι! —

«Ἡ Ῥωμανία πέρασεν, ἡ Ῥωμανιὰ ἐπάρθεν».
— Ἡ Ῥωμανιὰ κὴ ἀν πέρασεν, ἀνθεῖ καὶ φέρει κὴ ἄλλο.

Въ пѣснѣ, очевидно, выпало нѣсколько стиховъ послѣ пятаго: неясно, кто читаетъ посланіе, оброненное птицей — очевидно, юноша предъидущей пѣсни. Куда приноситъ птичка нерадостную вѣсть — неясно; ἀπὸ τὴν Πόλιν можетъ быть понято во всякомъ случаѣ лишь въ значеніи Константинополя и мнѣ непонятно, почему Legrand надписалъ свою пѣсню: Ἡ Ἅλωσις τῆς Τραπεζοῦντος. Что до Ἡλὶ τὸ καστρον, куда спускается птица, то объ этой крѣпости, если только разумѣется дѣйствительная мѣстность, мы ничего не знаемъ [1]).

Трапезунтская пѣсня изъ собранія Іоаннида [2]) представляетъ сплоченіе двухъ пересказовъ того-же сюжета, досказывающихъ кое-гдѣ содержаніе сообщенныхъ выше:

Τὴν Πόλην ὄντας ὥριζεν ὁ Ἕλλεν Κωνσταντῖνον
μὲ δέκα πέντε σήμαντρα μὲ δεκωκτὼ καμπάνας,
μὲ δώδεκα Ἀρχιερεῖς, παππάδας τετρακόσιους,
διάκονους εἰκοστέσσερα, ψαλτάδες ἑβδομῆντα,
σεἰτ ἔψαλλαν, σεὶτ ὥριζεν τὴν Πόλ' τὴρ Ῥωμανίαν,
σημαίνει καὶ ἡ ἁϊὰ Σοφιὰ, τὸ μέγα μοναστῆριν.
ζευρὰ κάθετ' ὁ βασιλιὰς δεκ'σὰ ὁ Πατριάρχης,
ὁ βασιλιὰς ὁ βασιλιὰς ὁ Ἕλλεν Κωνσταντῖνον·
ψάλλουν τὸ ἅϊος ὁ Θεὸς καὶ τὴν Τιμιωτέραν.
Ἔρθεν πουλὶν καὶ 'κόνεψεν σ' ἁϊᾶς Σοφιᾶς τὴν πόρταν,
τὸ ἕναν τὸ φτεροῦλ ἄθε σ' τὸ αἷμαν ἔν βαμμένον,
σ' τὸ ἄλλο τὸ φτεροῦλ' ἄθε χαρτὶν κρατεῖ γραμμένον·
ἀτὸ κανεὶς 'κ ἐνέγνωσεν, οὐδ' ὁ μητροπολίτες·
ἕναν παιδὶν, καλὸν παιδὶν ἔρχεται καὶ ἀναγνώθει,
'ν' ἀϊλλ' οἴ ἐμᾶς σεἰτ ἀναγνώθ' καὶ δερνοκοπισκᾶται·
— ἀλλ' οἴ ἐμᾶς καὶ βάι ἐμᾶς οἱ Τοῦρκ' τὴν Πόλ' ἐπαῖραν,
ἐπαῖραν τὸ βασιλοσκάμν' ἀλλάγε αὐφεντία·

---

[1]) Сл. Дестунисъ, О Ксанѳинѣ. Греческая трапезунтская былина византійской эпохи, СПБ. 1881 г., стр. 4—5.

[2]) Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, ὑπὸ Σάβ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, № 25.

μοιρολογοῦν τὰ ἐγκλησιαῖς, κλαῖγνε τὰ μοναστῆρα,
μοιρολογᾷ καὶ ἁϊὰ Σοφία, κλαίει' καὶ ὁ Θεολόγον.

Одинъ дьякъ хватается за саблю и копье, поразилъ 300 турокъ, 13 пашей, но оружіе сломалось въ его рукахъ, онъ взятъ въ плѣнъ; предложеніе сохранить жизнь подъ условіемъ принять исламъ, онъ отвергаетъ: дьякомъ я родился, такимъ и умру. Онъ убитъ, а пѣсня возвращается, съ новыми подробностями, съ своему начальному мотиву: не отрывокъ-ли это другого варьянта?

Τὴν Πόλιν ὄντας ὤριζεν ὁ Ἕλλεν ὁ Κωνσταντῖνον,
εἶχεν πορτάρους δίκλοπους, αὐφένταις φοβετσάρους.
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥωμαίους δωδεκάραν,
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥομαίους αὐφεντάδες·
ἐκεῖν' 'κ ἐκρίνναν δίκαια, ἐδῶκαν τὰ κλειδία·
ἐκλείδωσαν τὰ ἐγκλησία, ὅλα τὰ μοναστῆρα,
Ἐκλείδωσαν τὴν ἁϊὰν Σοφιὰν, τὸ μέγα μοναστῆριν.
Ἀπ' οὐρανοῦ κλειδὶν ἔρθεν σ' σαϊᾶς Σοφιᾶς τὴν Πόρταν·
χρόνους ἔρθαν καὶ πέρασαν, καιροὶ ἔρθαν καὶ 'δέβαν·
'νεσπάλθεν τὸ κλειδίον ἄθες, καὶ 'πέμνεν κλεδομένον·
Θέλ' ἀπ' οὐρανοῦ μάστοραν καὶ ἀπὸ τὴν γὴν ἀργάτεν.

Послѣдніе стихи, относятся, несомнѣнно, къ распространенному повѣрью, къ которому мнѣ не одинъ разъ приходилось обращаться въ моихъ изслѣдованіяхъ [1]): повѣрью о грядущемъ избавителѣ, о возвращающемся императорѣ. Политъ упоминаетъ греческія легенды о царѣ, *замурованномъ въ криптѣ святой Софіи;* въ русскихъ интерполированныхъ Откровеніяхъ Псевдо-Меѳодія говорится, что въ послѣднія лѣта Измаильтяне подступятъ къ Константинополю, «пріидутъ *къ златымъ вратамъ*, *иже суть заключены издавна* (изъ давнихъ лѣтъ), *никому же не отверзошась*. Тѣмъ-же повелѣніемъ Божіимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся *святыя Софіи*». Тогда явится избавитель:

---

[1]) Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, I, II; Южно-русскія былины I; Разысканія V, стр. 120; VIII, стр. 305—6.

«Возстанетъ на на царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во има его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и *положитъ во святѣй Софіи на алтарь.* — Въ кіевскомъ преданіи о Михайликѣ онъ выѣзжаетъ изъ города, осажденнаго Татарами, унося съ собою *золотыя ворота.* Онъ удаляется въ Царьградъ, гдѣ ворота стоятъ до сихъ поръ; но будетъ время, говорятъ, когда Михайликъ вернется и поставитъ ихъ на прежнее мѣсто. И если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: «О золотыя ворота! стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли», то золото такъ и засіяетъ; если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: Нѣтъ, ужь не бывать вамъ въ Кіевѣ!— то золото такъ и померкнетъ.

Я сближалъ былины — о Михайлѣ Игнатьевичѣ и легенду о Михайликѣ съ пѣснями о Василіи-пьяницѣ и Батыгѣ. Остановимся на ея довольно обычномъ запѣвѣ:

Изъ подъ той березы кудреватыя,
Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ чудны̀мъ чуднὸ,
И видѣли надъ Кіевомъ дивны̀мъ дивнὸ:
И по той стѣны городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.

Туры говорятъ объ этомъ чудесномъ зрѣлищѣ турицѣ, родной матушкѣ. Она поясняетъ имъ:

Ужь вы глупые туры злоторогіе!
Ничего вы, дѣточки, не знаете:
Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стѣна мать городовая
По той-ли по вѣрѣ христіанскія:
Будетъ надъ Кіевъ градъ погибельё,
Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ

(Рыбн. II, № 11. Сл. Гильф. № 231). — У Рыбн. I, № 29 Богородица не упомянута,

А тутъ плакала стѣна, мать, городовая,
Она вѣдала невзгодушку великую

Сл. Рыбн. III, № 37, Гильф. № 18, 41, 60, 66, 181, 258.— У Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116 значеніе видѣнія не объяснено. Сл. тотъ-же запѣвъ въ одной былинѣ о Ермакѣ: туры видятъ въ Кіевѣ,

Какъ со матушки съ Божьёй церквы
Шла дѣвица душа красная,
На рукахъ книгу несла во-евангелье,
Причитаючись она да слезно плакала.

Мать объясняетъ: то была Богородица,

Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,
Ту она и слезно плакала

(Рыбн. I, № 20). Обыкновенное объясненіе этого эпизода видитъ въ немъ народное олицетвореніе — городской стѣны, сѣтующей объ участи города. Едва-ли это такъ: плачетъ и сѣтуетъ Богородица, «стѣна городовая», т. е. оплотъ, защита христіанъ; такъ плачутъ въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Византіи св. Іоаннъ Златоустъ (или Богословъ) и св. Софія. Эпитетъ отдѣлился отъ имени и сталъ самостоятельнымъ, причудливымъ образомъ.

II.

Въ былинахъ о Васильѣ плачъ Богородицы вызванъ не наступившимъ уже, а грядущимъ бѣдствіемъ; въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Константинополя оно уже совершилось, и птица приноситъ о томъ вѣсть; въ слѣдующихъ болгарскихъ, несомнѣнно отразившихъ какіе-нибудь греческіе подлинники, также является птица-вѣстникъ, не посланіе, ею оброненное, говоритъ о томъ,

что еще имѣетъ совершиться. Такъ въ слѣдующей пѣснѣ у Безсонова (Калѣки I, стр. 614—617), отвѣтившей на естественный вопросъ: отчего Господь попустилъ погибнуть христіанскому царству. Отвѣтъ былъ предусмотрѣнъ въ обиходномъ аскетическомъ представленіи: это — кара за грѣховную гордыню, за кощунство и приниженіе церкви: возгордился царь Константинъ,

Въвъ черковѫ съсъ конь ходи,
Отъ коня-тъ ми комкѫ зима,
Съсъ маждрака-тъ нафоръ зима.
А Богу сѧ жялъ нажяли,
Жялъ нажяли, скръбъ наскърби.

Бѣлый голубь прилетѣлъ къ монастырю св. Николая, вытряхнулъ хартію изъ подъ праваго крыла; читаетъ её игуменъ, два дня, три дня, не могъ прочитать и велитъ позвать попа Николу. Беретъ её попъ Никола, читаетъ и слезно плачетъ:

«Хой тѧ тебе, попъ Никола!
Като четешь, што си плачешь?»
Отговарѣ попъ Никола:
— Пише — пише въ бѣло книже:
Турчянъ Стамболъ ште да привзѣме.

Игуменъ съ Николой идутъ къ царю Константину,

Нашле сѫ го въ Балаклии,
Че си пие и си ѣде
Съ сенатори и боери.

Балаклія, замѣчаетъ издатель, извѣстная церковь въ Царьградѣ, при которой агіасма съ водою и чтимыми рыбами: обстановка, соотвѣтствующая слѣдующему эпизоду пѣсни. Услышавъ пророческія слова хартіи, Константинъ отвѣчаетъ:

«Ако стане тая риба,
Тая риба отъ скарѫ-тѫ,
Да си влѣзе у водѫ-тѫ,
Тъй ште Стамболъ да привзѣме,

Коту си т'ва, бре, издумалъ».
Фърлила сѧ е прѣсна риба,
Прѣсна риба отъ скарѫ-тѫ,
Та-си е влѣзла у водѫ-тѫ.
Уплашилъ сѧ е царъ Костантинъ ми е,
Та всѣднѫлъ враня коня,
Припасалъ ми е тънкѫ саблѭ,
Отишёлъ ми е да сѧ бие,
Да сѧ бие съсъ Турчяна-тъ.
Тамъ сѫ ми, бре, и убили,
И убили цара Костантина,
Турчянъ въ Стамболъ ми е влѣзълъ.

Съ чудеснымъ оживаніемъ рыбъ мы уже встрѣтились въ греческой пѣснѣ о паденіи Византіи и болгарскомъ преданіи, перенесшемъ черты послѣдней на разсказъ о гибели — болгарскаго царства. До сихъ поръ показываютъ въ Константинополѣ, во свидѣтельство чуда, свѣжую («прѣсную») рыбу съ однимъ поджареннымъ бокомъ.

Приведенная выше болгарская пѣсня существуетъ въ разнообразныхъ отраженіяхъ. Въ колядкѣ у Качановскаго, № 18, «сиво-пиле» вьется три дня, три ночи надъ дворомъ царя Константина; его не изловить тенетами; царь велитъ принести изъ церкви золотой престолъ, поставить его подъ яблоней: самъ на него садится и подманиваетъ къ себѣ сокола. Онъ падаетъ ему на колѣно и вытряхнулъ изъ подъ праваго крыла «бѣло книже — церно́ слово». Созваны, по повелѣнію Константина, попы и дьяки, служатъ литургію, а въ это время попъ Никола читаетъ книгу — и плачетъ. На вопросъ царя онъ отвѣчаетъ:

Слава Богу, царь Костадинъ!
Нали питашь, да ти кажемъ (bis):
Наше царство достанало,
Турско царство настанало!.

Въ пѣснѣ изъ Македоніи, поющейся на Пасхѣ, нѣтъ ни царя,

ни явленія птицы: молодой дьякъ Тодоръ читаетъ книгу, плачетъ и крестится; матери онъ говоритъ, что прочелъ въ книгѣ:

Турско царство навасало,
А каурско ћe загине.

Не успѣлъ онъ сказать это, какъ явились проклятые Турки, убили Тодорову мать, а его самого въ плѣнъ взяли:

Турско царство ми се испунило,
А каурско погинало [1]).

Иначе, въ болгарской-же пѣснѣ съ Родопа, записанной Башмаковымъ [2]): здѣсь, наоборотъ, забытъ образъ молодаго, читающаго дьяка. Поется, какъ изъ моря выросло дерево, его вершина достигаетъ неба, вѣтви стелятся по землѣ, цвѣтъ на немъ серебряный, плоды жемчужные; маленькая птичка-соловей сидитъ на немъ, плачетъ, щиплетъ на себѣ перья и бросаетъ ихъ въ море. Проходитъ мимо царь Константинъ и спрашиваетъ птичку, отчего она такъ печалится. Она отвѣчаетъ:

Царю-ле, царь Костадине!
Тебѣ са царско свършило,
Земя щте турска да стане,
Та ми е бълно и жално,
Във турски ръце шта падне.

Обратимся къ колядкѣ у Качановскаго № 19, сходной по общему плану и содержанію съ сообщенной выше (№ 18 ibid.), но съ иной развязкой:

Зависе сиви соколю
На царевы равны дворы;
Висе два дни, висе три дни
Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испраты свѣтны слуги:
Коледе! Коледе!

---

[1]) Верковић, Нар. песме македонски бугара, № 284.
[2]) Le Muséon, t. II, № 3: Échos rouméliotes, p. 332—3.

«Я идете вѣрны слуги
Та прекиньте ситно мрѣже
Коледе!
Юловете сивы соколъ,
Донесете го ми на колѣно;
Коледе!
Да го поятъ съ руйно вино,
Да го ранатъ съ бѣло месо»
Коледе!

Соколъ не дается въ сѣти, но когда Константинъ сѣлъ во дворѣ своемъ на престолѣ и позвалъ сокола къ себѣ, онъ палъ ему на колѣно; изъ подъ своего праваго крыла выронилъ «дребна книга, ситна слова». Царь собираетъ поповъ и дьяковъ: читаютъ они книгу два-три дня, не могутъ прочесть; позвали попа Николу: онъ и читаетъ и плачетъ,

Па си дума одговори:
«Леле, варай, цару Костадине!
Коледе!
Е-те глава, е-те и сабья —
Земи сабья, посѣчи ме:
Коледе!
Царсто ни е достаяло (bis)
Коледе!».

Царь хочетъ усѣчь его саблей, но Никола проситъ:

Не сѣчи мене, не губи мене,
Но ме запри у теввица
Коледе!
И ме тури у тумруци,
Да посѣда таманъ два дни и пладнина,
Ако нема иня вѣра
Коледе!
Иня вѣра — клеты Турци,
Изведи ме, посѣчи ме
Коледе!

Константинъ велитъ посадить его въ тюрьму; прошло два дня, а на третій, о полуднѣ, Николу ведутъ на казнь; смотритъ царь

На-нагоре, па надоле:
Колко на гора листье
Коледе!
Колко на земня трѣва-та,
Толко пде пня вѣра
Коледе!
Иня вѣра — клетвп Турцп.

Константинъ хочетъ бѣжать,

Бутпа конё — конь не вер...,
Коледе!
Тергна сабья — невадисе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены,
Коледе!

Слуги его отказываются бѣжать съ нимъ, кромѣ одного. По дорогѣ царю захотѣлось пить, и онъ проситъ спутника зачерпнуть ему воды изъ родника (кладенца); тотъ отказывается — теперь всякій самъ себѣ слуга. Въ то время, какъ Константинъ самъ черпаетъ воду,

И посѣкла вѣрна слуга,
Одсѣче му десна рака,
Коледе!
Десна рака п глава-та.

Въ этомъ видѣ, безъ головы и безъ руки, конь еще пронесъ Константина черезъ девять селъ.

Интересно, что сходное преданіе разсказывается и о смерти короля Шишмана. Болгарская колядка поетъ: взволновалось Черное море и бѣлый Дунай — и выбросили бѣлый монастырь. Монахи исповѣдовались, а игуменъ писалъ. Послѣдній грѣшникъ разсказываетъ, что онъ былъ вѣрнымъ слугою Шишмана, но однажды, когда они проѣзжали мимо источника, онъ не хотѣлъ

достать воды царю и отрубилъ ему бѣлокурую голову съ сѣдой бородой. Послѣ этого волненіе прекратилось (Общтъ Трудъ. Болградъ, 1868 г.). — Такое-же совпаденіе именъ Константина и Шишмана въ одномъ и томъ-же преданіи повторилось, можетъ быть, и въ другомъ случаѣ: я разумѣю прозаическую легенду о паденіи болгарскаго царства, приведенную нами выше. Мѣсто ея дѣйствія пріурочено къ Моминой клисурѣ (тур. Кызъ Дербендъ); равнина, простирающаяся передъ входомъ въ неё по теченію Марицы, называется крестьянами *Костено поле*, по множеству сраженій, которыя происходили здѣсь у Болгаръ съ Византійцами, а затѣмъ между царемъ Иваномъ Шишманомъ и Турками: человѣческія кости здѣсь въ самомъ дѣлѣ отрываются во множествѣ; память Шишмана сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, въ народной легендѣ и пѣснѣ, отраженія которыхъ могли дойти до Царственника Паисіи. Тамъ говорится, что царь Шишманъ во время осады Трнова пробрался со своими болярами и войскомъ въ Софію, гдѣ встрѣтилъ своихъ сподвижниковъ изъ Никополя, Свиштова, Плевны и Дрстера. Оставивши свои сокровища въ хорошо защищенномъ валомъ и водою монастырѣ на Искрѣ, онъ боролся съ Турками еще семь лѣтъ, пока не палъ въ битвѣ при Самоковѣ. Это, въ основѣ, то-же преданіе, что и у Качановскаго: вмѣсто Шишмана — Константинъ, витязи котораго пробираются изъ Моминой клисуры къ Софіи и тамъ бьются съ Турками, въ бою съ которыми погибаетъ наконецъ и самъ царь [1]).

Но народная пѣсня пошла еще далѣе, перенеся мотивы старой былины о паденіи Константинополя на — взятіе русскими Варны. Такъ въ неизданной македонской пѣснѣ изъ собранія Пульевскаго:

Затемнисе, замогльисе църно море и бѣлъ Дунавъ,
Затемнисе два дни, три дни, два дни, три дни, емъ три ноќьи,
Та повея сильенъ веторъ одъ морето конъ белъ Дунавъ,
Емъ подигна теменъ облакъ, го патера конъ белъ Дунавъ,

[1]) Сл. Конст. Иречекъ, Исторіи Болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, стр. 19, 455—7 и прим. 38 на стр. 457.

Изъ облакотъ си исфъркна, си исфъркна суро орлье,
Та одльета на Варнечко, на калито, на кубето,
Ту е орлье си се заире и запишти и зацвърчи,
Суро орлье съ клунца пиштитъ, со крилцата си затрептитъ,
Отъ крилцата му испадна бело книже, църно писмо,
— Богъ да биетъ Варнечките, кльети Турци низамите! —
Го зедае бело книже, (бѣло книже) съ църно писмо,
Однесли го при три паши, три везири изъ Туглъни,
Паши книже да препеятъ, тада чуятъ што казуватъ
И одъ кого е испратено и како е порочано.
Штомъ паши книже зедае, не може да (го) препеятъ,
Што казуватъ църно слово, потомъ паши павикае
Имамите и ожите, сви дервиши и шейвови:
Не билъ книже кья препеятъ, што казуватъ цръно слово;
Турска штомъ се собра да препеятъ бело книже:
Пеяли што го пеяли два дни, три дни, емъ три покьи,
Не могли да го препеятъ што казуватъ цръно слово;
Све свяштенство го пеяло, не могло да (го) препеетъ,
Што казуватъ бело книже, църно слово написано.
Се сетие владиците та оваке заповедие:
Викайте го попъ Никола, младо дьяче русиянче!
Попъ Никола книга училъ седумъ годинъ све в Русия,
— Не билъ книже кья препеетъ, што казуватъ църно слово,
Одъ кого е написано, до кого е испратено. —
Штомси дойде попъ Никола, му додое бело книже,
Му дадое бело книже да изъявитъ църно слово;
Попъ Никола книже прими, емъ три поти го пельива,
Штомъ во книже си разгльеда, одъ очи си сълзи [по]рони,
Попъ Никола книже пеетъ и оваке имъ казуватъ:
Кой си иматъ остра сабльа порочана, исправена,
Побърго да я направитъ до седумъ дни време иматъ,
До седумъ дни време иматъ, отъ Москофа насъ кья земетъ.
Поминае седумъ дена, запукае топовите,
Одъ морето на Варнечко, на Варнечко бѣлокали.
Църна земя се потресе, потомъ кали се отвори,
И превърте све одъ оснофъ, руска войско го превьеде.

Оставляя въ сторонѣ это позднѣйшее перенесеніе пѣсни на современныя событія, остановимся лишь на чередованіи именъ

Шишмана и Константина, болгарскихъ и византійскихъ воспоминаній — о паденіи христіанскаго царства: чередованіи не лишенномъ интереса для тѣхъ, кто склоненъ обобщить это явленіе, какъ возможное въ вѣковомъ развитіи всякаго народнаго эпоса. Общія черты тѣхъ и другихъ воспоминаній слѣдующія: христіанскому царству суждено погибнуть за грѣховную гордыню; наступаютъ враги, но опасности не вѣрится; являются первыя знаменія гибели (чудесное оживаніе и т. п.) — и богатырская мощь оказывается безсильной передъ врагомъ, двоящимся по манію небесъ. — Если въ этомъ разсказѣ подставить Татаръ вмѣсто Турковъ, мы придемъ къ основнымъ очертаніямъ нашего пѣсеннаго эпизода о гибели богатырей, и, можетъ быть, уяснимъ себѣ его древнее мѣсто въ составѣ нашего эпоса.

III.

Уже давно было указано на появленіе именъ былинныхъ богатырей Алеши и Добрыни въ разсказѣ нашихъ лѣтописей [1]). Если и устранить историческаго Добрыню, дядю Владиміра, связь котораго съ его соименникомъ по былинамъ можетъ быть предметомъ вопроса, то и въ такомъ случаѣ лѣтописныя упоминанія о богатыряхъ встрѣчаются на протяженіи двухъ слишкомъ столѣтій. Я беру въ основаніе Никоновскій сводъ.

---

[1]) Сл. Кирѣевскаго, Пѣсни II, Приложенія стр. XVII—XIX; Майковъ, О былинахъ Владимірова̀го цикла стр. 25 слѣд. (въ примѣчаніи); Бестужевъ-Рюминъ, Лѣтоп. занятій археогр. комм. IV, 154; Jagič, Gradja za historiju slovinske narodne poezije, стр. 45 слѣд. отдѣльнаго оттиска; Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 109 слѣд. Уже во время печатанія этой работы я могъ познакомиться съ прекрасной монографіей проф. Дашкевича (Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей. Кіевъ 1883), въ которомъ лѣтописныя свидѣтельства объ Александрѣ Поповичѣ (разобранныя уже Н. И. Костомаровымъ) подвергнуты тщательному критическому разбору, а былина о гибели богатырей пріурочивается къ пораженію на Калкѣ. Мнѣніе это выражено было уже Квашнинымъ-Самаринымъ и О. Миллеромъ; къ нему присоединяюсь и я.

Подъ 1000-мъ годомъ говорится объ Александрѣ Поповичѣ, убившемъ Володаря и множество Половцевъ, пришедшихъ съ нимъ къ Кіеву, когда Владиміръ былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Услышавъ объ этихъ подвигахъ, великій князь наградилъ богатыря «и возложи нань гривну злату и сотвори вельможа въ полатѣ своей». Майковъ [1]) считаетъ ошибочнымъ упоминаніе этого событія подъ 1000-мъ годомъ, такъ какъ историческія соображенія заставляютъ перенести его ровно на сто лѣтъ позже, именно къ 1100 году. По какому поводу состоялось ошибочное пріуроченіе лѣтописи — на этотъ вопросъ она отвѣчаетъ косвенно, повѣствуя подъ 1001 и 1004 годамъ о подвигахъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца противъ Печенѣговъ. Мы имѣемъ дѣло съ группой разсказовъ, пріуроченныхъ разновременно по внѣшнему поводу: можетъ быть, по тожеству княжескаго имени (Владимира).

Рядомъ съ этой первой группой воспоминаній становится одно, кажется, незамѣченное до сихъ поръ, въ той-же Никоновской лѣтописи, повѣствующей по поводу похода Игоря Святославича (1185 г.): «убиша-же тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича». Въ одномъ лѣтописномъ разсказѣ о томъ-же событіи, о которомъ сообщилъ мнѣ Е. В. Барсовъ, вмѣсто Добрыни говорится о Доброѣ Судиславичѣ. На какомъ основаніи Снегиревъ [2]) называетъ Добрыней Судиславичемъ дядю и сподвижника Владиміра — я не знаю.

Новыя группы лѣтописныхъ воспоминаній встрѣчаемъ въ 1216—1225 годахъ. Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1216 г. о Липецкой битвѣ, въ которой на сторонѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго были «и два храбра, Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри». «Въ лѣто 6733.... воинственныхъ людей толико побиено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избежати, и Александра

---

[1]) l. c. стр. 27 прим.

[2]) Снегиревъ, Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 96.

Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича Златаго Пояса и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей: всѣ побьени быша гнѣвомъ Божіимъ за грехи наша отъ Татаръ».

Такъ и въ Тверской лѣтописи (подъ 1224), также соединяющей Липецкую битву съ боемъ на Калкѣ и замѣняющей Добрыню — «Тимоней Златымъ поясомъ». Связь между тѣмъ и другимъ событіемъ устанавливается такимъ образомъ, что по смерти князя Константина Александръ Поповичъ положилъ вмѣстѣ съ другими богатырями, «яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». — Въ одномъ хронографѣ первой редакціи «два храбра Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ» упоминаются подъ 1217 годомъ на сторонѣ Константина Всеволодовича въ битвѣ на Гдѣ, о которой говоритъ и Лѣтопись по Типографскому списку («Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ съ слугою своимъ Торопкомъ»), непосредственно переходящая къ брани на Калкѣ: «тогда убиша Александра Поповича и иныхъ много богатырей». — О гибели Александра Поповича при Калкѣ и съ нимъ «семидесяти» богатырей повѣствуетъ, безъ упоминанія Добрыни, — цѣлый рядъ лѣтописей, начиная съ Суздальской, академическій списокъ который относится къ XV вѣку: «и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ».

Позже Калкакаго побоища имена Алеши и Добрыни не появляются въ лѣтописи.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить отношенія пѣсеннаго преданія къ соотвѣтствующему историческому, или вѣрнѣе, лѣтописному. Слѣдуетъ-ли въ послѣднемъ видѣть память о дѣйствительныхъ событіяхъ, идеализованныхъ впослѣдствіи въ формахъ и образахъ пѣсни, или, наоборотъ, древняя былина могла опредѣлить подробности лѣтописнаго разсказа? Послѣдняя гипотеза нигдѣ не исключаетъ исторической подкладки самой пѣсни: народъ могъ воспѣть своихъ дѣйствительныхъ героевъ, которыхъ лѣтопись могла миновать вначалѣ и лишь впослѣдствіи воспринять на свои страницы изъ — пѣсеннаго источника. Роландъ погибаетъ

въ Ронсевальскомъ ущельѣ; такъ въ Chanson de Roland, такъ въ древнемъ преданіи французскаго эпоса; такъ и у Эгингарда, Vita Caroli Magni: Hruodlandus Britannici limitis praefectus — но не во всѣхъ рукописяхъ; въ анналахъ, приписанныхъ тому-же автору, въ разсказѣ о томъ-же событіи — имени нѣтъ, нѣтъ и у Poeta Saxo и у Астронома, Vita Hludovici, говорящаго о падшихъ герояхъ съ очевидной ссылкой на народную память: *quorum, quia vulgata sunt, nomina dicere supersedi.* Что здѣсь древнѣе: лѣтопись или — народная, въ началѣ, областная, пѣсня, мѣстное преданіе, лишь съ теченіемъ времени пріобщившаяся къ національнымъ воспоминаніямъ?

По отношенію къ аналогическимъ фактамъ русской былины и лѣтописи легко рѣшиться за послѣднюю альтернативу: упоминанія богатырей Алеши и Добрыни (если взять въ разсчетъ и Добрыню Судиславича 1185 года) растянуты на такомъ значительномъ хронологическомъ пространствѣ, что вѣроятнымъ представляется вторженіе пѣсни въ лѣтописный разсказъ. Это вторженіе могло быть чисто механическимъ, и мы видѣли тому примѣры, но оно могло имѣть и серьозные поводы. Въ этомъ отношеніи знаменательнымъ является фактъ скученности воспоминаній вокругъ событій 1216—24 года, особливо при Калкской битвѣ. Связь лѣтописнаго разсказа о ней съ былиной о гибели богатырей кажется мнѣ несомнѣнной. Тамъ и здѣсь дѣло идетъ о страшномъ пораженіи Русскихъ Татарами, тамъ и здѣсь погибаютъ всѣ богатыри («всѣ побьени быша»), въ былинѣ ихъ семеро, въ лѣтописномъ повѣствованіи — семьдесять. Упоминаются поименно Александръ Поповичъ и Добрыня; ихъ единоборствомъ съ Татарами открывается и былина, но въ Алешѣ видимо лежитъ центръ дѣйствія: нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ въ разсказѣ о Калкскомъ побоищѣ его одного, а въ пѣснѣ гибель богатырей вызвана его грѣховной похвальбой.

Какъ слѣдуетъ понять отношенія лѣтописи и былины?

Послѣдняя могла существовать до лѣтописнаго разсказа, съ которымъ была невольно сближена по аналогіи событій, кото-

рому отдала нѣсколько эпическихъ именъ. Это рѣшеніе по прежнему оставило-бы открытымъ вопросъ: о происхожденіи былины, объ ея историческомъ объектѣ, существованіе котораго заставляютъ подозрѣвать сходныя византійско-болгарскія преданія. Вѣроятнѣе представляется слѣдующее рѣшеніе: безпримѣрное пораженіе при Калкѣ дотолѣ *невѣдомымъ*, *«не здѣшнимъ»* врагомъ, вызвало преданіе, пѣсню, и пѣсню покаянную: пораженіе было судомъ Божіимъ надъ православнымъ людомъ за его грѣхи и гордыню [1]); не даромъ былинные богатыри бьются съ Татарами на Сафатъ рѣкѣ: долина Калки обратилась въ долину страшнаго суда, Іосафатову — какъ апокалипсическими образами вѣетъ отъ слѣдующихъ стиховъ былины о Калинѣ царѣ:

Зачѣмъ мать — сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Неможно крещенымъ намъ живымъ быть

(Кирша № XXIV).

Погибаютъ на Калкѣ-Сафатѣ лучшія силы русской земли, типически воплощавшіяся въ богатыряхъ: богатырей больше не является, они тутъ перевелись. Имена Алеши и Добрыни подставились не случайно: Алеша явился первымъ: онъ — «смѣлый», «пересмѣшникъ», «хвастливый воинъ» русскаго эпоса; онъ припомнился по поводу похвальбы и притянулъ къ себѣ имя Добрыни, съ которымъ его тѣсно связываютъ и наши былевыя пѣсни.

---

[1]) «Сихъ-же злыхъ татаръ Таурменъ *не свѣдаемъ, откуду быше пришли* на насъ и гдѣ ся дѣли опять» (П. С. Р. Л. I, 217); «*По грѣхомъ нашимъ* пріидоша *языци незнаеми*, безбожніи Моявитяне, ихже никто-же добрѣ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовутъ я Татари, а иніи глаголютъ Таурмени, а друзіи Печенѣзи .... Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыидоша (l. c. XV, 335—6); «и не свѣдаемъ, откуду были пришли и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуду приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича» (ib. p. 343).

Если это толкованіе вѣроятно, то вмѣстѣ съ тѣмъ получились нѣкоторыя данныя, освѣщающія отношенія былины о гибели къ лѣтописному разсказу.

Судя по послѣднему, въ древней пѣснѣ еще стояло географическое обозначеніе Калки, быть можетъ, уже въ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь эпитетомъ или опредѣленіемъ, которое, обособившись впослѣдствіи, заслонило собою Калку: Сафатъ. Пѣсня эта могла сложиться на югѣ; но южная лѣтопись (галицко-волынская) держитъ въ сторонѣ отъ нея свой фактическій разсказъ о событіи, её вызвавшемъ. Лишь позднѣе на сѣверѣ, и именно на сѣверо-востокѣ, былина включена въ составъ лѣтописи. Очевидно, былина эта была тамъ популярна, и въ ней Алеша Поповичъ выступалъ съ еще бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ въ современныхъ перепѣвахъ. Слѣдствіемъ этой популярности было пріуроченіе пѣсеннаго героя къ областнымъ отношеніямъ: лѣтопись заставляетъ его принимать участіе въ мѣстныхъ усобицахъ, указываетъ какъ на память его подвиговъ — на могилы убитыхъ имъ враговъ, на городокъ, куда онъ созвалъ своихъ «храбрыхъ» [1]). — Такъ пріурочился и освоился въ новой обстановкѣ французскій Ogier de Danemarche — въ Даніи, Аника въ Вологодской губерніи и въ сѣверномъ поморьѣ, на Аникіевомъ островѣ; такъ, быть можетъ, присталъ къ муромскимъ отношеніямъ и Илья Муромецъ.

Такъ объясняется, почему южный Алеша Поповичъ, доживающій свой вѣкъ еще и въ образѣ Оликсія Поповича малорусской думы [2]), очутился наконецъ Ростовцемъ — въ большинствѣ нашихъ былинъ; и не только Ростовцемъ, но и сыномъ ростов-

---

[1]) «Александръ же выходя многы люди великаго князя Юріа избиваше, ихже костей накладены могылы великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи .... вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ себѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ». Тверская лѣтопись, П. С. Р. Л. XV, 337, 338.

[2]) Сл. Антоновичъ и Драгомановъ, l. c., I, 176—201.

скаго *попа* Леонтія, очевидно отвлеченномъ изъ прозвища Поповича. Это повліяло отчасти на измѣненіе его древняго типа, который въ былинахъ сложился изъ ряда разновременныхъ наслоній [1]). Въ сущности онъ — смѣлый, смѣлъ напускомъ, гордливъ-спѣсивъ, бранчивъ и «кручиноватъ» (Богатырское слово, изд. Е. Барсовымъ, стр. 17), охочъ хвастаться («пустохвастъ»); (нѣтъ) «на ярость Олешеньки Поповича» (Ефименко, l. с., стр. 17, № IV), какъ и Олексій Поповичъ характеризуется заносчивымъ и гордымъ. — Но былины любятъ изображать его и въ роли «бабьяго пересмѣшничка»: онъ хвастаетъ на пиру своею связью съ сестрой Сбродовичей, съ женой Данилы, подслуживается Апраксіи въ ея любовныхъ шашняхъ, пытается взять за себя обманно жену своего крестоваго брата Добрыни. — Эта черта еще можетъ быть приведена въ психическую связь съ предъидущими, чего о другихъ нельзя сказать: я имѣю въ виду поповское происхожденіе Алеши, принадлежащее спеціально-сѣверному развитію русскаго эпоса [2]). Именно эта характеристика драгоцѣнна своей неустойчивостью. Когда у Кир. I, № 2, стр. 53 про Алешу говорится, что онъ роду «поповьскаго, *захлышшевый*» (: забубенный, отчаянно смѣлый), то, очевидно, это память о древнемъ Поповичѣ, не въ нарицательномъ значеніи этого прозвища; иначе у Кир. IV, № 2, стр. 8, гдѣ

Алешка рода поповскаго:
Поповскіе *глаза завидущіе*,
Поповскія *руки заграбущія*:
Увидитъ Алешка на нахвальщикѣ,
Увидитъ онъ много злата серебра —
Злату Алешка позавидуетъ,
Погинетъ Алешка по напрасному.

(Сл. Кир. I, № 1, стр. 48).

---

[1]) Сл. вообще Указатель къ пѣснямъ Кирѣевскаго, вып. IV, подъ Алешей.

[2]) Сл. мой отчетъ о книгѣ Вольнера, Russische Revue. Bd. XIX, стр. 428—429.

Очень вѣроятно, что это позднѣйшее развитіе типа не было еще извѣстно на той стадіи эпоса, которая отразилась въ лѣтописномъ разсказѣ о боѣ на Калкѣ, но что Алеша уже былъ понятъ какъ Ростовецъ, какъ сѣверный богатырь, — погибающій при Калкѣ, а въ Тверской лѣтописи мотивирующій свой отъѣздъ на югъ рѣшеніемъ «служити.... единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». Это — та-же точка зрѣнія, что и въ сводной архангельской былинѣ у Ефименка [1]), въ томской, записанной г. Потанинымъ и у Кир. II, № 1, стр. 70—80: тамъ и здѣсь Алеша ѣдетъ (въ первомъ и послѣднемъ случаѣ изъ Ростова) къ Кіеву, который и освобождаетъ отъ обступившей его рати царя Василія Прекраснаго (арханг. изводъ), либо отъ Тугарина (томск., былина Кир.). Я не думаю, чтобы разсказъ Тверской лѣтописи и указанныя пѣсни могли быть истолкованы въ смыслѣ исконнаго, сѣвернаго происхожденія Алёши, при чемъ его выѣздъ въ Кіевъ указалъ-бы на пути и способъ его эпическаго пріуроченія къ Владиміру и его богатырскому кружку. Илья также пріѣзжаетъ теперь изъ сѣвернаго Мурома въ Кіевъ, тогда какъ обратный путь перенесенія представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

При предположеніи исторической подкладки для былины о гибели богатырей, внѣшнія стилистическія черты, сближающія её съ византійско-болгарскимъ преданіемъ о Константинѣ (двоеніе вражьей силы; оживленіе Добрыни) надо будетъ объяснить либо изъ общихъ мѣстъ народной поэтики, либо воздѣйствіемъ какой-нибудь посторонней пѣсни сходнаго содержанія.

Что до эпизода о «гибели» въ былинахъ о Ермакѣ, то его появленіе объяснится теперь нагляднѣе прежняго: Ермакъ, юный богатырь, выѣхалъ изъ Кіева противъ Татаръ; богатыри Владиміра стоятъ въ шатрахъ на горѣ, на заставѣ; Ермакъ вступаетъ въ бой съ Татарами, а Илья, боясь, чтобъ онъ не «пересѣлся», посылаетъ помочь ему либо удержать его, наложить на

[1]) Матеріалы и т. д., вып. 2-й, стр. 25—32, № VII.

него «храпы», сначала Алёшу, потомъ Добрыню, а подъ конецъ отправляется самъ и укрощаетъ его сердце богатырское. Разбирая эпизодъ о наложеніи храповъ Ильей на Ермака, я замѣтилъ при другомъ случаѣ [1]): «Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михайлѣ, о Саулѣ Леванидовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ не узнаннымъ». Какъ-бы-то-ни-было, внѣшній планъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ о Ермакѣ достаточно объясняетъ, по какому поводу могъ привиться къ нему эпизодъ о «гибели»: богатыри на *заставѣ*, Ермакъ дерется съ Татарами, и къ нему поочередно выѣзжаютъ, чтобъ *укротить* его, *Алеша*, *Добрыня и Илья.* Такъ въ пѣснѣ о гибели богатырей: *застава*, появленіе Татарченка, *противъ* котораго поочередно выѣзжаютъ другъ за другомъ *Добрыня*, *Алёша* и *Илья.* Одно внѣшнее сближеніе былинныхъ схемъ, столь обычное въ живомъ теченіи народной пѣсни, могло повести къ дальнѣйшему: эпизодъ о гибели богатырей перенесся механически въ соотвѣтствующее мѣсто пѣсни о Ермакѣ, изнемогавшемъ отъ вражьей силы:

А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился
(Кир. I, № 1, стр. 58—66).

Ничѣмъ не мотивированъ и рѣшительно не умѣстенъ подобный-же эпизодъ въ одной былинѣ о Добрынѣ и Алёшѣ, Гильф. № 168: Добрыня въ отъѣздѣ, бьется съ Татарами, вмѣстѣ съ нимъ Чурила, Илья и Алёша, взявшіеся ни вѣсть откуда. Побили они Татаръ,

И тутъ они сказали:
«И со небесной мы бы силой супротивились,
А не то, что съ силой проклятой!»
Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,

---

[1]) Южно-русскія былины I, стр. 47.

Спустилъ на нихъ столо́пъ о́гненный:
Они какъ столопъ перерублятъ, такъ два́ станетъ,
Два станётъ все поединщика,
Еще перерубятъ, а тутъ три станётъ,
Три станётъ все опять поединщикп.
Тутъ они Богу смолилися:
«Намъ-бы тое же слово да не такъ сказать!».

Далѣе вся эта подробность оказывается совершенно не нужной для дѣйствія, развивающагося по обычному типу былинъ этого цикла.

Интереснѣе эпизодъ о «гибели» въ одной синкретической былинѣ у Ефименка (Матеріалы, вып. 2-й, № VIII, стр. 32 слѣд.: Старина про Илью Муромца): Мамай съ зятемъ своимъ Василіемъ Прекраснымъ; Илья, только что вернувшійся, проситъ у него сроку на полгода, а самъ посылаетъ Потанюшку Хроменькаго собирать дружину, братцевъ названыхъ: Самсона Колувана, Дуная, Василія Касимерова, Михайлу Игнатьева съ племянникомъ, Потока, Добрыню, Алёшу, двухъ братьевъ Ивановъ и двухъ братьевъ Суздальцевъ. Выѣхавъ изъ Кіева, они гуляютъ трое сутокъ въ шатрахъ, а на четвертые Илья спрашиваетъ: кому изъ нихъ съѣздить въ рать-силу великую, узнать, съ которой стороны имъ начинать будетъ; перебираетъ нѣсколькихъ богатырей (Самсонъ, Дунай, Добрыня, Василій), но они кажутся ему непригодными. Онъ ѣдетъ самъ, добирается до Мамаева шатра, и здѣсь происходитъ между нимъ и Мамаемъ объясненіе, воспроизводящее такую-же сцену между Ильей и Идолищемъ въ Кіевѣ или Царьградѣ. Илья убиваетъ Мамая, и затѣмъ всѣ богатыри принимаются рубить Татаръ:

И рубили они силу сутки пятеро
И не оставили они ни единаго на сѣмена,
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья по облака.
Оставалися только въ лагеряхъ у старого
Два брата, два Суздальца,

Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей, кому быть.
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
И поѣхали во ту рать силу великую.
. . . .
И сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
И всѣ бы мы побили ею по полю».
Вдругъ отъ ихъ словъ сдѣлалось чудо великое,
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.

Они винятся Ильѣ въ своей похвальбѣ; вся дружина выѣзжаетъ противъ оживших врагов,

И начали бить съ краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставатъ силы больше прежняго.
Узналъ старый предъ собой вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости насъ въ первой винѣ,
За тѣ-же слова глупыя,
За тѣхъ-же братовъ Суздальцей».
И повалилась тутъ сила кровопитная,
И начали копать мать-сыру землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они во крашенъ Кіевъ градъ,
Во тѣ-же во честны монастыри,
Во тѣ-же пещеры во Кіевски;
Тамъ всѣ они и представилися,
Тутъ старому славу поютъ.

Развязка такого-же мистическаго колорита какъ и въ былинѣ о гибели, но окаменѣніе замѣнено уходомъ въ монастырь [1]), удвоеніе вражьей силы — другимъ, столь-же чудеснымъ моментомъ, оживаніемъ, какъ въ извѣстной битвѣ между Hedin'омъ

[1]) Сл. Южно-русскія былины I, стр. 34.

и Högni въ сказаніяхъ сѣвера. Вражьей силы *какъ будто* не убываетъ подъ ударами богатырей, *словно* павшіе оживаютъ, чтобы снова пуститься въ бой. Такъ въ Повѣсти о раззореніи Рязанской земли Батыемъ: рязанскій вельможа, Евпатій Коловратъ, бывшій въ Черниговѣ, когда Татары напали на рязанскую землю, явился туда съ дружиною, нагналъ Батыя въ суздальской области и началъ колоть и рубить вражье войско: Татаръ рубятъ кого до плечъ, кого до сѣдла; Таврула, похваставшагося передъ Батыемъ взять Коловрата живьемъ, онъ разсѣкъ пополамъ. Не устояли крѣпкіе «удальцы русскіе», всѣ полегли; «чудища, а не людища», говоритъ о нихъ лѣтописецъ, а Татары, не ожидавшіе ихъ нападенія, думали, что *ожили* побитые ими русскіе мертвецы. — Интересно сличить этой бой съ Татарами въ *Суздальской* землѣ и *оживаніе* (русскихъ) мертвецовъ — съ хвастливыми *Суздальцами* приведенной выше былины, подъ ударами которыхъ *оживаютъ* павшіе *Татары*.

При другомъ случаѣ [1]), коснувшись многочисленныхъ разсказовъ о воздушной борьбѣ, которую продолжаютъ или возобновляютъ между собою души ратниковъ, павшихъ на полѣ битвы, я выразилъ мнѣніе, что легенды эти могутъ быть поняты, какъ земная локализація представленія грозы — воздушной борьбой демоновъ. Слѣдуетъ замѣтить, что локализація эта часто бываетъ вызвана воспоминаніемъ о дѣйствительныхъ битвахъ и пораженіяхъ и что, съ этой точки зрѣнія, легенды о борьбѣ призрачныхъ воиновъ и пѣсня о боѣ богатырей съ постоянно оживающими врагами могутъ быть поставлены въ одну группу. Нѣсколько легендъ перваго рода собраны у Фотія [2]): Дамасцій разсказываетъ, «ὅτι μάχης πρὸ τοῦ Ῥώμης ἄστεως γεγενημένης Ῥωμαίων πρὸς Σκύθας οὓς Ἀττίλας ἦγεν, Οὐαλεντινιανοῦ τοῦ μετὰ Ὀνώριον Ῥώμης βασιλεύοντος, φόνος ἐῤῥύη ἑκατέρωθεν τοσοῦτος ὡς μηδένα τῶν συμπλακέντων τῇ μάχῃ μηδετέρου μέρους περισωθῆναι, πλὴν τῶν ἡγεμόνων καὶ τῶν περὶ αὐτοὺς ὀλίγων δορυφόρων· τὸ δὲ παρα-

1) Разысканія VIII, стр. 327 прим. 2.
2) Photii Bibliotheca, rec. Bekker, t. I, p. 339—40.

λογώτατον, ὅτι φασίν, ἐπειδὴ πεπτώκασιν οἱ μαχόμενοι, τοῖς σώμασιν ἀπειπόντες ἔτι ταῖς ψυχαῖς ἵσταντο πολεμοῦντες ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας ὅλας καὶ νύκτας, οὐδὲν τῶν ζώντων εἰς ἀγῶνα ἀπολειπόμενοι, οὔτε κατὰ χεῖρας οὔτε κατὰ θύμον. Ἑωρᾶτο γοῦν καὶ ἠκούετο τὰ εἴδωλα τῶν ψυχῶν ἀντιφερόμενα καὶ τοῖς ὅπλοις ἀντιπαταγοῦντα. καὶ ἀρχαῖα δὲ ἄλλα τοιαῦτα φάσματα πολέμων μέχρι νῦν φαίνεσθαί φησι, πλὴν ὅτι ταῦτα τὰ μὲν ἄλλα, ὅσα ζῶντες ἄνθρωποι κατὰ πόλεμον δρῶσιν, οὐδὲν ὑστερεῖν, φθέγγεσθαι δὲ οὐδὲ ἐπὶ μικρόν. Καὶ ἓν μὲν ἐπιφαίνεσθαι ἐν τῷ περὶ Σόγδαν ποτὲ λίμνην οὖσαν πεδίῳ, φαίνεσθαι δ'ὑπὸ τὴν ἕω τὸ φάσμα, φωτὸς ἤδη τὴν γῆν ὑπαυγάζοντος, δεύτερον δ'ἐν Κούρβοις χωρίῳ τῆς Καρίας, ἐν ταύτῳ γὰρ φαίνεσθαι οὐ καθ' ἑκάστην ἡμέραν, ἀλλ' ἐνίοτε, διαλείποντα ὀλίγας τινας, οὐδὲ ὡρισμένας γε ταύτας, περὶ ὄρθρον ἕως ἡλίου λαμπρᾶς ἀνατολῆς ἐν ἀέρι διαφοιτῶντα ψυχῶν ἄττα σκιοειδῆ φαντάσματα πολεμοῦντα ἀλλήλοις· καὶ ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς δὲ χρόνους πολλοὶ διηγήσαντο, οὐχ' οἷοί τε ὄντες ψεύδεσθαι, κατὰ Σικελίαν ἐν τῷ λεγομένῳ πεδίῳ Τετραπυργίῳ καὶ ἐν ἄλλοις οὐκ ὀλίγοις αὐτῆς μέρεσιν ὁράσθαι ἱπποτῶν πολεμίων ἐπελαυνόντων φάσματα κατὰ τὸν τοῦ θέρους μάλιστα καιρόν, μεσημβρίας σταθήρας ἱσταμένης [1]).

---

[1]) Не хочу опустить случая, не обративъ вниманіе на разсказъ Дамасція, слѣдующій за сообщеннымъ, потому что не помню, чтобъ изслѣдователи нѣмецкой старины обратили на него вниманіе. Въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ и сѣверныхъ памятниковъ Дидриху Бернскому приписывается огненное дыханіе; такъ въ сагахъ о Нифлунгахъ и Тидрекѣ, въ Rosengarten'ѣ, Сигенотѣ, въ Etzels Hofhaltung, Лауринѣ, Rabenschlacht, Битерольфѣ, Саксонской хроникѣ, въ Anhang des Heldenbuches, Meistersangbuch и др. (Сл. W. Grimm, Deutsche Heldensage, стр. 105, 106, 214, 276, 286, 294, 312, 321). Сл. у Фотія (l. c., стр. 340): ἀλλὰ καὶ τῶν περὶ Ἀττίλαν ἕνα ὄντα τὸν Βαλίμεριν ἀπὸ τοῦ οἰκείου σώματος ἀποστέλλειν σπηνθῆρας· ὁ δὲ ἦν ὁ Βαλίμερις Θεοδερίχου πατὴρ, ὃς νῦν τὸ μέγιστον ἔχει κράτος Ἰταλίας πάσης. λέγει δὲ καὶ περὶ ἑαυτοῦ ὁ συγγραφεύς, ὡς «καὶ ἐμοὶ ἐνδυομένῳ τε καὶ ἐκδυομένῳ, εἰ καὶ σπάνιον τοῦτο συμβαίνει, συμβαίνει δ'οὖν σπινθῆρας ἀποπηδᾶν ἐξαισίους, ἔσθ' ὅτε καὶ κτύπον παρέχοντας, ἐνίοτε δὲ καὶ φλόγας ὅλας καταλάμπειν τὸ ἱμάτιον, μὴ μέντοι καιούσας» καὶ τὸ τέρας ἀγνοεῖν εἰς ὃ τελευτήσει. — Здѣсь чудесное явленіе разсказывается объ отцѣ, не о сынѣ; но оно могло разсказываться и о послѣднемъ. Важно то, что сыномъ является, и притомъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, историческій Теодорихъ, — не миѳическое, огнедышащее лицо, къ которому пристало внѣшнимъ образомъ историческое имя. Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе В. Гримма.

VIII.

Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ.

Если въ преданіяхъ и пѣсняхъ, разобранныхъ въ предъидущей главѣ, послѣдній византійскій императоръ Константинъ является цѣликомъ перенесеннымъ въ среду болгарскихъ отношеній, то въ другихъ южно-славянскихъ и русскихъ былинахъ имена Константина и Елены выступаютъ въ общемъ значеніи эпонимовъ Византіи, часто безъ опредѣленнаго или опредѣлимаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ объ Идолищѣ (Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17; Гильф. № 196; сл. Кир. I, № 4, стр. 22—38) и о Голяхъ Кабацкихъ (Гильф. № 220, Рыбн. III, № 10) *Константинъ Боголюбовичъ* живетъ въ Царьградѣ; только пересказъ Кирѣевскаго (l. c.) ставитъ вмѣсто него Іерусалимъ. Я предполагалъ здѣсь раньше простое смѣшеніе двухъ эпизодовъ, представляющихся раздѣльно въ былинѣ Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17: какъ тамъ калика ходилъ въ Іерусалимъ и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ, гдѣ царитъ Константинъ, такъ редакція Кирѣевскаго могла смѣшать оба хожденія — въ пользу Іерусалима, удержавъ въ немъ Константина Боголюбовича — и царицу *Елену Александровну*, о которой не знаютъ другія

пѣсни объ Идолищѣ, но которая является, какъ «благовѣрная царица Елена», рядомъ съ царемъ Константиномъ, на этотъ разъ въ Царьградѣ — и въ Сказаніи о Семи богатыряхъ (Буслаевскаго и Барсовскаго текстовъ). — Въ настоящее время я склоненъ предположить еще одинъ мотивъ, повлекшій за собою указанное выше измѣненіе: южно-славянская народная поэзія помнитъ Константина Великаго и мать его Елену въ легендѣ объ обрѣтеніи креста, выводящей на сцену и «проклята *царя Евреина*», на котораго Константинъ идетъ войною [1]). Это могло повести къ чередованію *Іерусалима* и *Царьграда* при имени Константина, — какъ и въ русскомъ духовномъ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ Константинъ Самойловичъ или Сауйловичъ (Самуилъ или Константинъ апокрифическихъ легендъ [2)]) царитъ то въ *Константиновѣ градѣ*, то въ *Іерусалимѣ*, гдѣ его осаждаетъ *царь Іюдейской, сила жидовская* (сл. идолище «*жидовское*», обнасиловавшее царя Константина въ былинахъ объ Идолищѣ), тогда какъ апокрифъ знаетъ только Сарацинъ. Причину послѣдней замѣны я искалъ въ мѣстныхъ отношеніяхъ [3]), хотя именно въ духовномъ стихѣ ихъ менѣе ожидаешь встрѣтить, чѣмъ въ былинѣ, вообще крѣпче пріуроченной къ народной почвѣ. Къ сожалѣнію, того нельзя сказать о небольшомъ циклѣ пѣсенъ, героями которыхъ являются Саулъ (т. е. Самуилъ) Леванидовичъ и его сынъ Константинъ Сауловичъ; не примкнувъ къ эпическимъ центрамъ Кіева и Владимира, онѣ остались географически неопредѣленными, какъ

---

[1]) Безсоновъ, Калѣки II, № 437, стр. 54 слѣд. Латинскіе (и, вѣроятно, греческіе) акты св. Киріака, повѣствующіе объ обрѣтеніи св. креста, открываются походомъ Константина Великаго противъ варваровъ на Дунай, видѣніемъ въ небѣ свѣтлаго крестнаго знаменія со словами: симъ побѣдиши. Вернувшись въ Римъ съ побѣдой и окрестившись, царь посылаетъ мать свою Елену въ Іерусалимъ — отыскать тамъ древо распятія и на мѣстѣ его создать церковь. Елена отправляется въ Іерусалимъ въ сопровожденіи большого войска.

[2]) Сл. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ I: Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ, стр. 12—14; II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 159.

[3]) Разысканія I, стр. 9

загадочными, по прежнему, являются отношенія именъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ къ такимъ-же именамъ апокрифа и духовнаго стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ. Я не пытаюсь предложить здѣсь новую гипотезу [1]) въ объясненіе того, что могло-бы быть разъяснено лишь при пособіи новыхъ пѣсенныхъ документовъ. Остановлюсь лишь на имени Константина.

Изъ двухъ былинъ о Саулѣ Леванидовичѣ [2]), сходныхъ по содержанію и по имени главнаго дѣйствующаго лица, лишь въ одной (№ 2 Кир.) его сынъ названъ *Константиномъ* — что могло повлечь за собою и наименованіе его матери «Азвяковной, молодой *Еленой* Александровной» [3]); въ другой и онъ и его мать оставлены безъ имени. И тамъ и здѣсь сынъ родится въ отсутствіи отца, но лишь въ анонимной — при чудесныхъ обстоятельствахъ, повторяющихся и при другихъ лицахъ русскаго эпоса:

Изъ того-ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,
Во чревѣ дитя встрепенулося.

Сл. въ былинѣ о Волхѣ (Кирша):

По саду, по саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княгиня Марѳа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя;
Обвивается лютой змѣй около чобота зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры княгиня поносъ понесла.

---

[1]) Сл. ib., стр. 12—14.
[2]) Кирѣевскій III, стр. 113—124, №№ 1 и 2.
[3]) Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ у Кирши, стр. 45—53, такъ именно (Азвяковна, молода Елена Александровна) названа жена индѣйскаго царя, на которой женится впослѣдствіи Волхъ.

То-же въ былинномъ отрывкѣ «Про змѣя Горынича», не называющемъ по имени ни богатыря ни его матери[1]). — Въ настоящее время трудно сказать, на сколько разсказъ о чудесномъ зачатіи сына Саула Леванидовича первиченъ въ былинѣ, не сохранившей его имени, тогда какъ другая, называющая его Константиномъ, не знаетъ именно этого эпизода. Если дѣло идетъ о позднѣйшемъ внесеніи эпической подробности, ставшей общимъ мѣстомъ, то слѣдующія сопоставленія послужатъ лишь къ библіографіи довольно распространеннаго сказанія — о чудесномъ рожденіи или зачатіи императора Константина[2]).

Старофранцузскія легенды о царѣ Константѣ разсказываютъ о царѣ язычникѣ (Floriens или Muselins), властвовавшемъ въ Византіи. Однажды ночью, гуляя по улицамъ города, онъ услышалъ, проходя мимо одного дома, стоны женщины, христіанки, мучившейся въ родахъ, тогда какъ ея мужъ молился, то о ниспосланіи ей скораго разрѣшенія, то о томъ, чтобы оно задержалось. Онъ оказывается звѣздочетомъ: въ звѣздахъ онъ прочелъ, что если жена его разрѣшится отъ бремени въ извѣстный часъ и минуту, то ребенокъ будетъ несчастнымъ и умретъ насильственною смертью; если-же въ другой часъ и минуту, то ему суждено счастье. И Господь внялъ его молитвамъ: его сынъ родился въ урочную пору, женится на дочери византійскаго императора и самъ сядетъ на царство. — Узнавши о долѣ,

---

[1]) Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесности т. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 279—280. Сл. о чудесномъ зачатіи Георгія мои Разысканія II, стр. 113 слѣд.

[2]) Сл. мою статью: Dit de l'empereur Constant въ Romania № 22. Съ тѣхъ поръ литература Константиновской легенды обогатилась: кромѣ отчета R. Köhler'а о моей работѣ, сл. Incerti auctoris de Constantino Magno ejusque matre Helena libellus, ed. Heydenreich. Lips. Teubner 1879; его-же: Der libellus de Constantino magno ejusque matre Helena und die übrigen Berichte über Constantins der Grossen Geburt und Jugend, въ Archiv f. Litteraturgeschichte, Band, X, p. 319—363; Achille Coen, Di una leggenda relativa alla nascita e alla gioventù di Costantino Magno. Roma, 1882. Нѣкоторые спорные вопросы, вызванные этими новыми изысканіями, разсмотрѣны мною въ статьѣ, имѣющей явиться въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Romania'и.

напророченной новорожденному, императоръ хочетъ во что-бы то ни стало помѣшать ей исполниться: ребенокъ похищенъ и заброшенъ, израненный замертво; найденъ игуменомъ одного монастыря, который беретъ его съ собою, вылѣчиваетъ и отдаетъ въ школу. Въ монастырѣ видитъ его вторично, уже юношей, императоръ и, желая избавиться отъ нареченнаго зятя, посылаетъ его съ письмомъ въ Византію, въ которомъ предписывалъ тотчасъ-же умертвить его подателя. Но это письмо подмѣнено другимъ, содержавшимъ приказъ — немедленно обвѣнчать пришельца съ царевной. Императоръ является слишкомъ поздно, чтобы помѣшать свадьбѣ и принужденъ признаться, что судьбы не обойти. По смерти его, его зять, Constant, наслѣдуетъ ему на престолѣ.

Основная идея повѣсти: нелюбовь стараго императора-язычника къ мальчику и потомъ юношѣ, которому суждено быть его наслѣдникомъ. Что подъ Constans разумѣлся, первоначально, не Константъ, а Константинъ Великій, основатель Константинополя, я позволилъ себѣ заключить изъ слѣдующихъ стиховъ старофранцузской поэтической легенды:

Pour ce que si nobles estoit,
Et que nobles oevres faisoit,
L'appielloient *Constant le noble*,
Et pour çou ot *Constantinnoble*
Li cyté de Bissence a nom [1]).

Другая романтическая повѣсть о рожденіи и юности Константина Великаго, извѣстная главнымъ образомъ изъ итальянскихъ источниковъ [2]), является какъ-бы дополненіемъ старофранцузской. Константинъ — незаконнорожденный сынъ Кон-

[1]) Сл. выше, стр. 213—214, прим. 1.

[2]) Я указалъ на пересказы Jacopo d'Acqui и Dittamando; съ тѣхъ поръ литература этой легенды увеличилась, благодаря разысканіямъ R. Köhler'a, Heydenreich'a и Coen'a: Anonymus Heydenreichianus, разсказъ Іоанна Веронскаго и извлеченіе изъ него у Петра de Natalibus; Libro Imperiale; новеллы объ Urbano и Manfredo.

станта и Елены, которой Константъ, разставаясь, даритъ на память драгоцѣнное украшеніе. Мальчика похищаютъ купцы и везутъ его въ Византію, гдѣ выдаютъ его за сына римскаго императора. Принятый за таковаго онъ женится на дочери византійскаго царя, и тѣ-же купцы везутъ обратно молодыхъ, но прельстившись богатымъ приданымъ, покидаютъ ихъ на необитаемомъ островѣ, откуда Константинъ и его жена спасаются на проходившемъ случайно кораблѣ. Въ Римѣ Константинъ отъискиваетъ свою мать, и происходитъ взаимное признаніе между нею и Константомъ, при чемъ царскій подарокъ служитъ ей знаменіемъ. Купцы наказаны, а Константинъ объявленъ наслѣдникомъ восточнаго и западнаго императоровъ. Первый, тесть Константина, носитъ, въ разсказѣ Jacopo d'Acqui, имя Валерія = Галерія.

Я не сомнѣваюсь, что обманная свадьба Константина, незаконорожденнаго, не имѣвшаго право на царство, съ дочерью византійскаго императора, наслѣдникомъ котораго онъ становится, отвѣчаетъ роковому браку легенды, предотвратить который не въ силахъ никакія ухищренія тестя. Нѣтъ только предвѣстій будущаго величія и идеи преслѣдованія: то и другое подсказываетъ, въ другомъ порядкѣ, Никифоръ Каллистъ, или скорѣе, его источникъ [1]); если у него недостаетъ разсказа о бракѣ, то слѣдуетъ имѣть въ виду различіе между свободно амплифицирующей легендой — и той, которая выдаетъ себя за исторію. — Константъ, посланный на востокъ съ цѣлью заключить миръ съ Персами, Парѳянами и Сарматами, видится съ Еленой не въ Римѣ (какъ въ итальянскихъ повѣстяхъ), а въ Дрепанумѣ на Никомидійскомъ заливѣ [2]). «Ἐντάυθ' ὁ Κώνστας

[1]) Я имѣю въ виду неизданное еще житіе Константина и Елены, найденное г. Эрнштедтомъ въ одной рукописи XI-го вѣка; см. выше, стр. 201, прим. 1. Оно существуетъ и въ славянскомъ переводѣ и дало матерьялъ для Похвальнаго Слова Константину и Еленѣ, приписываемаго въ рукописяхъ Евфимію Трновскому.

[2]) Происхожденіе св. Елены предполагается въ легендахъ то западное (Триръ, Англія), то восточное. У арабскаго лѣтописца Евтихія императоръ Константъ находитъ Елену уже христіанкой въ одной деревнѣ Roha'u,

γενόμενος εἰς ἔρωτα συνουσίας ἧκεν. Ἐπεὶ οὖν τὸν λόγον ὁ ξεναγὸς διέγνω, ἐφ' οὗ καταλύων ὁ Κώνστας ἐτύγχανεν, ὑποβάλλει αὐτῷ τὸ θυγάτριον, τὴν περὶ αὐτὸν βασιλικὴν δορυφορίαν ἰδὼν, ὥραν ἤδη γάμου ἔχον, καὶ ἀκμαῖον μάλα τὸ εἶδος προβεβλημένον. Ὡς δ' ἐκείνῳ τὰ τοῦ γάμου τετέλεστο, μισθὸν τῆς συνουσίας, ἔπιπλόν τι ποικίλον πορφύρᾳ διηλειμμένον τῇ γυναικὶ ἐχαρίζετο. Παράδοξον δέ τι κατὰ τὴν νύκτα ἐκείνην τῷ Κώνστᾳ συνέβη ὁρᾷν, ὃ καὶ εἰς δέος εἰςῆγε καὶ τὴν γυναῖκα παραφυλάττειν ἄχραντον, ὡς κειμήλιόν τι φέρουσαν, τῷ ταύτης παρηγγύα πατρὶ, καὶ τὸ ἐκ ταύτης τεχθὲν ἀσφαλῶς φυλάττειν· ὁρᾷν γὰρ ἔλεγε κατ' ἐκείνην τὴν νύκτα τὸν φωσφόρον ἔνδον τῆς σκηνῆς ἀνατέλλοντα παρὰ φύσιν ἔμπαλιν ἐκ τῆς παρ' ὠκεανῷ ἑσπερίας εὐνῆς. Ὁ μὲν οὖν τὰ τῆς πρεσβείας καλῶς διαθέμενος, δι' ἄλλης ὁδοῦ πρὸς τὴν Ῥώμην ἀνήγετο, καὶ Καῖσαρ σύναμα Μαξιμίνῳ τῷ Γαλλερίῳ κατὰ Ῥώμην ἀναγορεύεται. Ἐν οὐ πολλῷ δὲ μέσῳ χρόνῳ καὶ Αὔγουστοι ἐφημίζοντο. Τὸν γὰρ Ἑρκούλλιον βασιλέα ἐν Ῥώμῃ καταστήσας Διοκλητιανὸς, αὐτὸς διέβαινε πρὸς τὴν Νικομήδειαν. Ὡς δὲ χρόνῳ προήκοντι πρεσβεία πάλιν ἐπὶ Πάρθους ἐστέλλετο, ἐπὶ τὸ Δρέπανον οἱ πρέσβεις αὖθις διανεπαύοντο. Ὁ δὲ τῷ Κώνσταντι γεννηθεὶς ἐκ τῆς τοῦ ξεναγοῦ θυγατρὸς Ἑλένης παῖς Κωνσταντῖνος, μειράκιον ὤν, ἀθύρμασί τε παιδικοῖς διατρίβων, πρός τινος τῶν ξενωθέντων παροξυνθεὶς, οὐ μετρίως ἐχόλα, καὶ ἀκαθέκτως εἶχε ταῖς ἐπιπλήξεσιν. ἡ δὲ μήτηρ ὡς εἴη παῖς Κώνσταντος διεσάφει, παρεδείκνυ τε τὸ πέπλον, πορφύρᾳ διεσκευασμένον, ἐξάγουσα. Ἡ δὲ τῆς μορφῆς ὄψις οὐκ ἀγεννὲς σημεῖον ὡς εἴη παῖς ἐκείνου σαφῶς κατεμήνυεν. Ὡς δ' ἔγνω Κώνστας ἕκαστα διηγουμένων τῶν πρέσβεων, χρόνῳ ὕστερον βασιλικῇ δορυφορίᾳ τόν τε παῖδα σὺν τῇ μητρὶ ἐς Ῥώμην ἀνῆγε. Δεδοικώς γε μὴν μή τι ἐκ ζηλοτυπίας τῆς ἐκ νόμων γυναικὸς Θεοδώρας ἄτοπόν τι τῇ Ἑλένῃ καὶ τῷ παιδὶ ἐπιγένηται, τὸν μὲν Κωνσταντῖνον ἐς Διοκλητιανὸν κατὰ τὴν Νικομήδειαν

въ Едесской области, и испросивъ согласія ея отца, женится на ней. Елена родитъ впослѣдствіи сына Константина, который воспитывается въ Roha'ѣ въ греческой мудрости. — Что касается до Эдесской локализаціи Елены, то оно объясняется смѣшеніемъ ея съ другой Еленой, супругой Эдесскаго царя Авгаря.

διατρίβοντα σύναμα τῷ γαμβρῷ τῷ Γαλλερίῳ Μαξιμίνῳ ἀνέπεμπεν· καὶ ὃς, φιλοφρόνως ὑποδεχθεὶς ἐν τῷ παλατίῳ διῆγε, δομέστικος προχειρισθεὶς τῶν σχολῶν. Καὶ παιδείας τῆς τῶν Ἑλλήνων μετεῖχε τὰ χριστιανῶν ἀσπαζόμενος (l. VII, c. 18)[1].

Ὁρῶν δ' ἐκείνους τοῖς τῶν χριστιανῶν αἵμασι χαίροντας, διὰ μίσους ἐποιεῖτο τὴν συνοικίαν. Ἐκεῖνοι δὲ δεισιδαίμονες εἴπερ τινὲς γεγονότες, οἰωνοζόμενοί τε καὶ ἡπατοσκοποῦντες, ἔγνωσαν ἀποῤῥήτως τὸν Κωνσταντῖνον οὐ μόνον σύμπαν τὸ κράτος ὑπ' αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἑλλήνων πλάνης καθαιρέτην τε καὶ ἀφανιστὴν, Χριστοῦ δὲ καὶ χριστιανῶν διάπυρον ἐραστὴν ἔσεσθαι. Ἀμέλει τοι καὶ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ μὲν Διοκλητιανὸς, καίπερ γενναίας ἔργα χειρὸς δράσαντα ἐν τῇ κατὰ τὸν Ἀχιλλέα τῆς Αἰγύπτου ἐπαναστάσει, τὸν Κωνσταντῖνον ἀνελεῖν ἐπεχείρει· Γαλλέριος δὲ ἐν Παλαιστίνῃ τῆς ἐπιβουλῆς ἥπτετο. Τὸν γοῦν λεληθότα δόλον τῶν κρατούντων διεγνωκὼς, Θεοῦ δὲ ἦν ἄρα τοῦ πάντα σὺν λόγῳ διέποντος, ἄρας ἐκ τῆς Νικομήδους, ἐπὶ τὰς Γαλλίας πρὸς τὸν πατέρα μετέβαινεν, οὐχ ἧττον κἀκεῖνον τὸν παῖδα ἐπικαλούμενον, οἷα δὴ τὰ χριστιανῶν πρεσβεύοντα, καὶ ἐν τελευταίαις τῆς διαθήκης ὄντα ἀναπνοιαῖς (ib. l. VII, c. 19). Умирающій Констанъ самъ вѣнчаетъ сына царскими вѣнцами.

Легко усмотрѣть изъ какихъ элементовъ и по какимъ побужденіямъ сложилась Константиновская легенда. Надо было помирить незаконное происхожденіе Константина, не открывавшее ему пути къ престолу (во французскомъ сказаніи онъ даже сынъ простого смертнаго), съ его будущимъ величіемъ; и вотъ его рожденіе обставляется знаменіями: Константу снится вѣщій сонъ; сцена съ отцомъ-звѣдочетомъ, открывающая французскую легенду, замѣняетъ этотъ мотивъ другимъ, который у Никифора Каллиста является позже: я разумѣю волхвованія императоровъ, открывающія имъ судьбу Константина и вызывающія ихъ гоненія. Гоненія стараго царя во французскихъ сказаніяхъ мотиви-

[1]) Сл. выше (стр. 293 въ прим.) показаніе Евтихія — и Якова d'Acqui: ad scolas Judaeorum et Grecorum vadit. — Coen, l. c. p. 39 прим. 1 указываетъ на Jul. Pollucis, Hist. physica, въ переводѣ Hardt'a p. 249: Constantinus vero adhuc puer apud orientis tyrannum educabatur graecis imbutus disciplinis.

руются такимъ-же пророчествомъ, прочтеннымъ въ звѣздахъ, и разработаны по типу сказки о преслѣдуемомъ зятѣ, о суженомъ, котораго конемъ не объѣдешь. Женившись на дочери императора, не смотря на всѣ препятствія, поставленныя на пути, Константинъ получилъ право на престолъ. Если въ итальянскихъ повѣстяхъ идея преслѣдованія забыта, то бракъ всё-же устраивается при особыхъ условіяхъ, въ которыхъ судьба переяла ухищренія людской воли: Константинъ женится на дочери Галерія (Jacopo d'Acqui), своего гонителя (Ник. Каллистъ).

Но народная фантазія не остановилась на такой регабилитаціи: рожденіе Константина не только было обставлено чудесными знаменіями, оно само было чудесное. Такъ въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда [1]).

Царьградъ построенъ не человѣческою рукою, а создался самъ собою. Говорятъ, какой-то царь, охотясь, наткнулся на человѣческій черепъ и наступилъ на него конемъ. Зачѣмъ наступаешь ты на меня? говоритъ ему мертвая голова; хоть и мертвая, я могу повредить тебѣ. — Какъ услышалъ это царь, сошелъ съ коня, взялъ ту голову и отвезъ домой; здѣсь онъ сжегъ её, остатки истолокъ въ порошокъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ сундукъ. Когда однажды онъ отлучился, его дочь, дѣвушка на выданьѣ, взяла ключъ, отперла сундукъ и, начавъ перебираться въ немъ, нашла свертокъ. Увидавъ въ немъ порошокъ и не зная, что это такое, она помочила слюною палецъ, опустила въ порошокъ и отвѣдала языкомъ. Съ той поры она забеременѣла. Когда впослѣдствіи стали доискиваться, какая тому причина, дознали, что всё это — отъ мертвой головы. Пришло время, и дѣвушка родила сына. Однажды царь взялъ малютку на руки, а тотъ вцѣпился ему въ бороду. Царь пожелалъ узнать, сдѣлалъ-ли онъ то сознательно, по своей волѣ, или по глупости: велѣлъ принести одинъ сосудъ съ горячими угольями, другой полный золотыхъ, и смотритъ, за что схватится ребенокъ; тотъ схва-

[1]) Караџић, Српски рјечник, 2-ое изд. a. v. Цариград.

тился за золотые, а на угли не обратилъ вниманія. Увидѣлъ тогда царь, что исполнится пророчество головы. Когда мальчикъ выросъ и сталъ юношей, царь выгналъ его на бѣлый свѣтъ и говоритъ: Не останавливайся нигдѣ, пока не найдешь мѣста, гдѣ два зла схватились другъ съ другомъ. Юноша бродитъ по свѣту, пришелъ на мѣсто, гдѣ теперь Царьградъ, видитъ тернъ, вокругъ котораго обвилась змѣя: змѣя кусаетъ тернъ, а тернъ её колетъ. Думаетъ про себя: Вотъ тѣ два зла! Пошелъ кругомъ разсматривать тѣ мѣста и какъ сталъ доходить до терна, остановился и говоритъ: Вотъ гдѣ надо остановиться. Сказалъ и оглянулся, а отъ мѣста, гдѣ онъ сталъ, до того, куда онъ доходилъ, очутилась стѣна; кабы не сказалъ онъ тѣхъ словъ и не остановился, стѣна дошла-бы до самаго терна. Говорятъ, что и теперь еще въ Константинополѣ нѣтъ стѣны на этомъ пространствѣ. — Впослѣдствіи онъ самъ сталъ тутъ царемъ, отнявъ власть у своего дѣда.

Собраніе болгарскихъ пѣсенъ г. Качановскаго представляетъ два любопытныхъ разнорѣчія одной пѣсни, отношенія которой къ предъидущимъ сказаніямъ могутъ стать предметомъ вопроса. Нѣтъ родственной связи между преслѣдователемъ и преслѣдуемымъ; въ одной пѣснѣ говорится о чудесномъ зачатіи послѣдняго, и въ ней-же является дѣйствующимъ лицомъ Константинъ, но въ роли не гонимаго, а гонителя. Сближеніе съ сербскимъ духовнымъ стихомъ у Караджича II, стр. 89—93 = Безсоновъ, Калѣки I, № 139, стр. 618—624, позволяетъ предположить, что имя Константина являлось и во второй болгарской пѣснѣ у г. Качановскаго, гдѣ царь оставленъ безъ названія.

Сообщаю содержаніе первой пѣсни изъ сборника г. Качановскаго № 113:

Тодора влахиня осталась съ девятью сиротами, которыхъ похищаетъ у ней чума. Любимаго сына Димитрія она закопала на своемъ дворѣ и утромъ и вечеромъ ходитъ къ нему на могилу и причитаетъ: «Не жестка-ли тебѣ, сынокъ, земляная постеля,

не жестко-ли каменное изголовье?» Она жжетъ передъ нимъ свѣчи, проливаетъ слезы; отъ свѣчей покровъ загорѣлся, слезы растопили гробъ; жалуется ей земля. Подивилась тому Тодора, идетъ въ садъ, сорвала два гіацинта и сунула за пазуху. Оттого она забеременѣла. — Пеплу отъ мертвой головы въ сообщенномъ выше преданіи соотвѣтствуетъ здѣсь не одно зачатіе отъ гіацинта, но и предшествующая тому сцена у могилы, хотя связь между тѣмъ и другимъ актомъ оказывается забытой.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ Тодора родила «дете самотворно», на головѣ золотая «айманлія» (амайлія — ладонка?), подъ руками трепещутъ золотыя крылья. Мать зоветъ пять поповъ, пять кумовъ, окрестила мальчика, назвала его Іованомъ, поетъ надъ нимъ и приговариваетъ: «Люли, Нане, самотворное дитя, да выростешь ты юнакомъ надъ юнаками, да отнимешь у царя царство, да будешь побѣдоноснымъ!» Услышали то злые сосѣди, отписали царю Константину; онъ посылаетъ въ Волошскую землю двухъ юнаковъ, привести ему «дете самотворно», которое велитъ бросить въ темницу — пусть ѣдятъ его тамъ змѣи да гущеры. А самъ онъ между тѣмъ разболѣлся: промежъ костей проросла трава, изъ очей вылетали мухи, въ ушахъ завелись мыши; и не найти противъ той болѣзни лѣкарства. Это прокляла меня мать того дитяти, думаетъ царь и посылаетъ въ темницу — собрать кости ребенка и отнести матери — пусть на нихъ посмотритъ. Но посланному представляется тамъ неожиданное зрѣлище: мальчикъ сидитъ на шелковой постелѣ, св. Петка держитъ его, св. Недѣля свѣтитъ ему свѣчею, самъ онъ читаетъ книгу Евангелія. Поднялся, пошелъ къ царю Константину, схватилъ его, выткнулъ ему черныя очи, отсѣкъ бѣлыя руки, далъ ему деревянную чашку, вынесъ на большую дорогу и говоритъ: Вотъ гдѣ тебѣ царить, вотъ гдѣ королевать! — А самъ играетъ съ легкимъ буздуганомъ — въ девятьнадцать окъ — и садится на царскій престолъ.

Таково содержаніе болгарской пѣсни, сокращенное у Миладиновыхъ № 49 (Іованъ сынъ вдовицы; нѣтъ чудеснаго зачатія;

«краль отъ Будима»; у Іована «на ржка писмо написано — Писмо пише краля да бидитъ»), повторяющееся съ небольшими отмѣнами и въ слѣдующемъ варьянтѣ сборника г. Качановскаго, № 114. Отличія касаются именъ: ни царь, ни юноша не названы, имя матери Марія; нѣтъ чудеснаго зачатія; когда «Маріино дитя» оказалось живымъ въ темницѣ, царь приказываетъ принести его къ себѣ, готовъ отдать ему царство, но ребенокъ велитъ самаго царя заключить въ ту-же тюрьму, гдѣ и онъ томился, и тогда уже воцаряется.

Въ пѣснѣ у Караджича (Српске нар. пjесме из Херцеговине № 26), какъ и у Миладиновыхъ № 50, сынъ названъ Іованомъ, царь безъ имени, чудеснаго зачатія нѣтъ. Въ сербской редакціи мат поетъ надъ сыномъ: пусть растетъ,

Да у цара преузмемо царство,
Царевина твоjа ђедовина,
Краљевина твоjа бабовина.

Чудесный юноша сноситъ голову царю и самъ воцаряется. — Въ болгарской пѣснѣ Іованъ — сынъ «Струмницы-невесты»; мать причитаетъ надъ нимъ:

Нани ми, нани, малечокъ Іо'ане!
Два дни те гледафъ, колку две години,
Три дни те гледафъ, колку три години,
Ти ми имашъ голема нишана,
На чело имашъ кжрстъ позлакенъ,
Ако богъ да' и сугено бидитъ,
Ке му земишъ цару царщина-та.

Царь, не названный, велитъ привести къ себѣ чудесное дитя и говоритъ своимъ:

«Варлете го въ атой-те да г'изгазѣтъ».
Го варлі'е тіе въ ато'и-те,
А това сѣ качи на ато'п!
«Варлете го въ силна вурна д'изгоритъ».

Го варлі'е тіе въ силна вурна;
Кога сутра го видо'а дете,
Свжрсподзе тоа кжде седитъ,
И ми пеитъ бѣла книга [1]).

Я полагаю, что именно это разнорѣчіе пѣсни объяснитъ намъ нѣсколько загадочный сербскій стихъ о царѣ Константинѣ и дьякѣ самоучкѣ, напечатанный Караджичемъ II, №. 19. Въ основѣ его лежатъ знакомыя намъ отношенія стараго царя, грѣшнаго, маловѣрнаго, къ чудному ребенку или юношѣ, котораго онъ преслѣдуетъ, садитъ въ темницу, гдѣ онъ остается живъ, и куда на его мѣсто попадаетъ самъ царь. Послѣдній названъ въ сербской пѣснѣ Константиномъ, роль юноши играетъ «дьякъ самоучка», двоякое заключеніе разработано, какъ и въ предъидущей пѣснѣ, по мотивамъ извѣстной легенды объ Андреѣ Критскомъ и популярной именно въ сербской поэзіи темы о кровосмѣсителѣ. Это должно было измѣнить и стиль всей пѣсни.

На пиру у царя Константина сидятъ за золотымъ столомъ двѣнадцать владыкъ и четыре патріарха, за серебрянымъ триста

---

[1]) Пѣсня Богоровскаго сборника № 38 относится къ нашему циклу, но къ сожалѣнію, она, очевидно, не кончена: чума унесла въ Боснѣ 300 дѣтей, триста молодцовъ и столько-же дѣвушекъ — «Па не са е Босна запознала»; наконецъ она похищаетъ единственнаго сына у матери — «Тогась са е Босна запознала». Мать въ теченіи трехъ лѣтъ ходитъ трижды въ день на могилу сына, причитаетъ надъ нимъ:

«Помози Богъ, сыне Костадине,
Мека ли е дьрвена постеля,
Меко ли е бѣлъ камень за сглавье»?
Отъ жалби е земля продумала:
«Ой-ли ты, Костадинова мале,
Стига море на гроби доходи,
Въ коса ми са е змя испилила,
Испилила е до три зѫмчета:
Едно ми море цьрни очи піи,
Второ-то ми тънки вежди пасе,
Третьо-то ми бѣло лице грызе».

И мать перестала ходить на могилу. — Очевидно, это тоже начало, что и въ № 113 у Качановскаго; интересно въ богоровскомъ варьянтѣ имя — *Константина*, данное умершему сыну.

калугеровъ, за буковымъ триста дѣтей-дьяковъ, между ними дьякъ самоучка. Царь ходитъ отъ стола ко столу, поклонился владыкамъ, калугерамъ и дьякамъ и у всѣхъ порознь проситъ разрѣшить его по исповѣди: тяжкій грѣхъ онъ учинилъ, билъ своихъ родителей. Владыки и патріархи говорятъ, что грѣхъ этотъ простится ему, если онъ сдѣлаетъ имъ драгоцѣнные шатры: говорятъ не по Божьему закону, а царю въ угоду; такъ и калугеры: пусть щедро заплатитъ за поминанье и построитъ монастыри, иноки станутъ Бога молить и грѣхъ отмолятъ. На вопросъ царя дѣти-дьяки молчатъ, говоритъ дьякъ самоучка: пусть царь сдѣлаетъ келью изъ лучины, намажетъ её саломъ и дегтемъ, затворится въ ней и зажжетъ съ четырехъ сторонъ. Пусть горитъ съ вечера до свѣту; коли царь останется живъ, грѣхъ ему прощенъ. — Константинъ велитъ устроить всё, какъ наказывалъ дьякъ, и его самого посадить въ келью, которую и зажигаютъ. На другой день, когда царь пришелъ освѣдомиться о немъ,

Одъ телне ништо до пепела,
Насредъ нега самоуче дяче,
У руку му книге салтнери,
Те се моли Богу по закону.

Тогда царь приказываетъ тотчасъ-же соорудить другую келью и въ ней подвергаетъ самъ себя тому-же испытанію. Дьякъ, пришедшій навѣстить его на другое утро, ничего не находитъ въ пеплѣ — кромѣ правой руки царской:

Нёмъ є млога добра учинио,
Млоге гладне есте наранио,
А жедне є царе напоио,
Голе-босе есте преодео,
Надгледао ништа и убога:
За то му се посветила рука.

Сообщенную нами сербскую пѣснь нельзя отдѣлять отъ приведенныхъ выше болгарскихъ: всѣ они сходятся въ типѣ царя-преслѣдователя, который въ двухъ случаяхъ названъ Констан-

тиномъ, тогда какъ въ предъидущей группѣ сказаній (старо-французское и сербское) это — имя юноши, гонимаго царемъ. Связь между схемами той и другой группы очевидна; отличія едва-ли могутъ быть объяснены однимъ внѣшнимъ перемѣщеніемъ именъ. Легенда о чудесно-рожденномъ мальчикѣ, смѣняющемъ стараго царя-язычника, могла привязаться первоначально къ памяти Константина Великаго; въ сложившемся такимъ образомъ сказаніи Константинъ могъ явиться впослѣдствіи въ роли своего противника — подъ вліяніемъ другихъ историческихъ воспоминаній. Я имѣю въ виду Константина Копронима, иконоборца, отвергавшаго вмѣстѣ съ иконами и предстательство святыхъ, и поклоненіе мощамъ, и названіе Маріи Богородицей. Константинопольскій иконоборческій соборъ 754 года рѣшилъ «не по Божьему закону, а царю въ угоду», какъ владыки и патріархи и калугеры пѣсни у Караджича; по Божьему закону говоритъ лишь дьякъ-самоучка, за что и принужденъ пострадать, какъ страдали въ то время другіе историческіе подвижники или только сторонники православія. — Одного изъ нихъ, патрикія Вастангія, царь велѣлъ усѣчь; μετὰ δὲ λʹ ἔτη ὁ μνησίκακος καὶ ἄσπλαγχνος βασιλεὺς προσέταξεν ἀπελθεῖν τὴν αὐτοῦ γυναῖκα ἐν τῇ μονῇ τῆς Χώρας, ἐκεῖσε γὰρ ἦν ταφείς, καὶ ἀνασκάψαι αὐτοῦ τὰ ὀστᾶ καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ παλλίῳ βαστάσαι καὶ εἰς τὰ λεγόμενα Πελαγίου μνήματα μετὰ τῶν βιοθανάτων ῥίψαι[1]) — какъ въ пѣснѣ у Качановскаго № 113 Константинъ велитъ отнести матери кости ея замореннаго ребенка. — Съ православной точки зрѣнія необычайныя явленія въ небѣ и природѣ, кометы и бездождица, страшный холодъ и землетрясенія должны были явиться знаменіемъ грядущей кары за нечестіе людей. Говорили, что въ Месопотаміи земля разсѣлась на двѣ мили и обнаружила другую бѣлую и песчаную землю, изъ средины-же пропасти вышелъ лошакъ, провѣщавшій человѣческимъ голосомъ нашествіе иноплеменниковъ[2]). — Чудесное рожденіе ребенка

[1]) Theophanis Chronographia ed. de Boor, v. I, стр. 420.
[2]) ib. p. 426.

безъ отца въ болгарской пѣснѣ могла быть понято, какъ такое-же знаменіе императору, говорившему патріарху: μὴ λογίσῃ υἱὸν θεοῦ εἶναι ὃν ἔτεκε Μαρία, τὸν λεγόμενον Χριστόν, εἰ μὴ ψιλὸν ἄνθρωπον· ἡ γὰρ Μαρία αὐτὸν ἔτεκεν, ὡς ἔτεκεν ἐμὲ ἡ μήτηρ Μαρία [1]). — Въ этомъ мистическомъ освѣщеніи могли представиться и голодъ, объявившійся въ Константинополѣ, занятомъ Артаваздомъ, и страшная чума 747—8 годовъ. «Ἐγένετο δὲ λίμος ἰσχυρὰ ἐν τῇ πόλει, ὥστε πραθῆναι τὸν μόδιον τῆς κριθῆς νομισμάτων ιβ', τοῦ δὲ ὀσπρίου ιθ', τοῦ δὲ κέγχρου καὶ τοῦ λουπίνου νομισμάτων η', τὸ δὲ ἔλαιον ε' λιτραι τοῦ νομίσματος, καὶ ὁ ξέστης τοῦ οἴνου σημισίον» [2]). Такимъ-же реальнымъ описаніемъ голода («Куто жито педесé грошеве, Ока просо дванáесе гроша») открывается и болгарская пѣсня, переходящая за тѣмъ къ описанію страшнаго мора, унесшаго между прочимъ, и девять дѣтей Тодоры (Качановскій l. с. № 113). Θеофанъ [3]) считаетъ чуму (νόσος τοῦ βουβῶνος), посѣтившую Византію при Константинѣ Копронимѣ, наказаніемъ Божіимъ: ἤρξατο δὲ αἴφνης ἀοράτως γίνεσθαι ἔν τε τοῖς τῶν ἀνθρώπων ἱματίοις καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν ἱερὰ εὐδύματα (καὶ εἰς τὰ βῆλα) σταυρία ἐλαιώδη πλεῖστα. Ἐγένετο οὖν ἐντεῦθεν τοῖς ἀνθρώποις λύπη καὶ ἀθυμία πολλὴ τῇ τοῦ τοιούτου σημείου ἀπορίᾳ· κατέλαβε δὲ καὶ θεομηνία ἀφειδῶς ὀλοθρεύουσα οὐ μόνον τοὺς ἐν τῇ πόλει, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ αὐτῆς. ἐγένοντο δὲ καὶ φαντασίαι εἰς πολλοὺς τῶν ἀνθρώπων, καὶ ἐν ἐκστάσει γενόμενοι ἐνόμιζον ξένοις τισίν, ὡς ἐδόκουν, καὶ βριαροῖς προσώποις συνοδεύειν, καὶ τοὺς ἀπαντῶντας αὐτοῖς ὡς δῆθεν φίλους προσαγορεύοντας καὶ διαλεγομένους. σημειούμενοι δὲ τὰ παρ' αὐτῶν λαλούμενα ἔσχατον ἐξηγοῦντο. ἑώρων δὲ τοὺς αὐτοὺς καὶ εἰς οἴκους εἰσερχομένους, καὶ τοὺς μὲν τοῦ οἴκου ἀναιροῦντας, τοὺς δὲ ξίφει τιτρώσκοντας. — Лѣтомъ болѣзнь развилась съ страшной силой: цѣлыя деревни опустѣли, не хватало ни рукъ, ни мѣста для погребенія мертвыхъ, которыхъ бросали въ высохшія ци-

1) ib. p. 415.
2) l. c. p. 419.
3) l. c. p. 423—4.

стерны, зарывали въ садахъ и виноградникахъ — какъ Тодора своего сына Димитрія [1]).

Смерть Константина представлялась смертью отступника [2]): онъ ополчился на Болгаръ, καὶ δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν θεηλάτῳ πληγῇ ἀνθρακωθεὶς κἀντεῦθεν πυρετῷ σφοδροτάτῳ καὶ ἰατροῖς ἀγνώστῳ δι' ὑπερβάλλουσαν ἔκκαυσιν συσχεθεὶς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ὑπέστρεψεν. Будучи довезенъ до Силимвріи и водой до крѣпости Стронгила, θνήσκει βοῶν καὶ λέγων, ὅτι ζῶν ἔτι πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθην, τὴν τε ἁγίαν Παρθένον καὶ Θεοτόκον ὑμνεῖσθαι ἐξαιτῶν ὁ ἄσπονδος αὐτῆς ἐχθρός. — Переданный реальными красками народной поэзіи этотъ разсказъ о смерти Копронима легко могъ очутиться въ сербской пѣснѣ эпизодомъ — *о его сожженіи за-живо*. Если говорится, что отъ сожженія сохранилась лишь десница царя, за то, что творила милостыню, то это, быть можетъ, такая же попытка частной регабилитаціи, какъ въ разсказѣ «о загробномъ прощеніи Өеофила»: будто-бы по просьбѣ императрицы Өеодоры патріархъ написалъ имена всѣхъ еретиковъ, въ ихъ числѣ и ея покойнаго мужа, и положилъ запись на трапезѣ въ великой церкви,

---

[1]) Политъ, Αἱ ἀσθένειαι κατὰ τοὺς μύθους τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ, характеризуя средневѣковыя и новогреческія народныя представленія о болѣзняхъ, приводитъ, въ сравненіе съ разсказомъ Өеофана, и повѣствованіе Прокопія о чумѣ въ Византіи при Юстиніанѣ (Procop. Hist. ed. Bonn., p. 251): φάσματα δαιμόνων πολλοῖς ἐς πᾶσαν ἀνθρώπων ἰδέαν ὤφθη, ὅσοι τε αὐτῆς παραπίπτοιεν, παίεσθαι ᾤοντο πρὸς τοῦ ἐντυχόντος ἀνδρός, ὅπη παρατύχοι τοῦ σώματος, ἅμα τε τὸ φάσμα ἑώρων καὶ τῇ νόσῳ αὐτίκα ἡλίσκοντο. — Многіе отъ страха запирались въ домахъ, но это не помогало: τισὶ δὲ οὐχ' οὕτως ὁ λοιμὸς ἐπέσκηψεν, ἀλλ' ὄψιν ὀνείρου ἰδόντες ταὐτὸ τοῦτο πρὸς τοῦ ἐπιστάντος πάσχειν ἐδόκουν, ἢ λόγου ἀκούειν προλέγοντος σφίσιν ὅτι δὴ ἐς τῶν τεθνηξομένων τὸν ἀριθμὸν ἀνάγραπτοι εἶεν (Πολίτης l. c. p. 24—5). — Сравн. разсказъ русской лѣтописи (П. С. Р. Л. I, 92) о моровой язвѣ, бывшей въ 1092 году въ Полоцкѣ: «предивно быть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ нощи тутънъ станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвленъ бяше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху и не смѣху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотьскыя и ихъ область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны».

[2]) Theophanes l. c. p. 448.

и по молитвѣ святителей имя Θеофила было изглажено изъ списка [1]).

Ламвръ [2]) даетъ особое значеніе эпохѣ иконоборцевъ въ развитіи византійской поэзіи: она не только ввела въ литературный обиходъ народный языкъ, но и опредѣлила измѣненіе литературныхъ вкусовъ: духовная поэзія слабѣетъ, нѣтъ болѣе великихъ гимнографовъ, наоборотъ, замѣчается большее расположеніе къ сюжетамъ свѣтскаго содержанія. — Я не знаю, на сколько эта характеристика вѣрна и предполагаетъ-ли она ослабленіе религіозныхъ интересовъ въ народѣ и народной пѣснѣ подъ отрицательнымъ вліяніемъ иконоборческихъ идей. Съ другой стороны я не утверждаю, чтобы болгаро-сербскія пѣсни о Константинѣ — если я вѣрно истолковалъ ихъ историческія отношенія [3]) — были прямымъ отраженіемъ народныхъ памятей о его церковной дѣятельности; онѣ могли сложиться на основаніи какого-нибудь писаннаго, полукнижнаго преданія, но преданія, явившагося по слѣдамъ совершившихся фактовъ и на основаніи оцѣнки, близкой къ нимъ по времени.

Присоедините къ двумъ Константинамъ (Великому и Копрониту), отразившимся въ южно-славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, еще и послѣдняго императора того-же имени, котораго слѣдуетъ

---

[1]) А. Поповъ, Хронографы I, 88.

[2]) Lambros, Collection de romans grecs etc. Introd. p. V—VII.

[3]) Пр. Дриновъ (Arch. f. slav. Phil. VII, стр. 112) иначе понимаетъ историческія отношенія болгарскихъ сказаній и пѣсенъ о Константинѣ, разобранныхъ въ этой и предъидущей главѣ (у Качановскаго №№ 113—117): онъ указываетъ на Костадина-бега, владѣнія котораго въ сѣверной Македоніи еще въ XV в. назывались: земя Костадина (о немъ см. К. Иречекъ, Исторія Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 432, 435, 446 и 458). Пріуроченіе къ этому Константину въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно (напр. въ сказаніи о Кюстендилѣ, у Качановскаго, № 115), для большинства оно представляется мнѣ невѣроятнымъ. — Отмѣтимъ здѣсь, кстати, еще одну константиновскую легенду, сообщенную Сырку (Замѣтки о сочиненіи отца Антонина: Поѣздка въ Румелію, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, стр. 24 отдѣльнаго оттиска): царь Константинъ въ Никюпѣ (Nicopolis ad Haemum) осажденъ Турками, которымъ старуха-христіанка указываетъ, какъ взять городъ, отрѣзавъ отъ него воду.

разумѣть въ легендахъ и пѣсняхъ о паденіи болгарскаго, т. е. византійскаго царства (см. предыдущую главу) — и мы поймемъ причину эпической популярности этого имени и ея необходимое слѣдствіе: обращеніе историческаго имени въ эпонимъ. Какъ о греческихъ былинахъ можно сказать, что не всякій Никифоръ, въ нихъ воспѣтый, есть непремѣнно Никифоръ Фока, такъ и Константины славяно-русской народной поэзіи не вездѣ историческія лица. Въ одной сербской пѣснѣ Марко Кралевичъ женится на дочери Константинопольскаго царя, спасенной имъ отъ насильственнаго брака съ Арапиномъ, — и этотъ царь названъ Константиномъ. Въ соотвѣтствующемъ болгарскомъ пересказѣ (у Качановскаго, № 124) къ Константину присоединена и «Елена царица»: Марко приводитъ къ нимъ ихъ дочь, имъ освобожденную, но отказывается отъ предложеннаго брака:

Я си имамъ любе за воденье,
Я избавилъ твое мило чедо,
Твое чедо, па и мое.

Въ болгарской-же пѣснѣ у Миладиновыхъ № 105 Момчило любитъ сестру царя Константина отъ «Стамбула града». — На этой точкѣ зрѣнія стоятъ русскія былины: ихъ Константинъ и Елена — типическіе представители Византіи, безъ опредѣленнаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Эпонимія могла быть дана памятью о Константинѣ Великомъ и *матери его Еленѣ*, но, можетъ быть, и именами Константина Порфирогенита и *жены его Елены:* русскій эпосъ знаетъ *Елену* Александровну или Азвяковну *женой* своего Константина, а историческое преданіе позволяетъ предположить, что христіанское имя Елены было принято въ крещеніи Ольгой именно въ честь супруги Константина Порфиророднаго. — Для до-Владиміровской исторіи русскаго эпоса этотъ фактъ не лишенъ значенія.

IX.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Сюжетъ о враждебной встрѣчи отца-богатыря съ неузнаннымъ имъ сыномъ [1]) не разъ встрѣчается въ русскомъ эпосѣ (сл. пѣсни о Саулѣ Леванидовичѣ и Михаилѣ Игнатьевичѣ), но лишь при имени Ильи онъ является разработаннымъ въ надлежащей эпической полнотѣ, въ циклѣ пѣсенъ, которыя тѣмъ интереснѣе изучить, чѣмъ труднѣе пріурочить ихъ къ пѣсенной біографіи Ильи въ дошедшемъ до насъ ея составѣ. Гдѣ имъ мѣсто? Въ ея срединѣ, или же въ ея концѣ? Для меня этотъ вопросъ предполагаетъ другой: принадлежалъ-ли весь этотъ эпизодъ къ древнему составу пѣсенъ объ Ильѣ, или введенъ въ него позднѣе? — Я думаю разобрать ихъ содержаніе, распредѣливъ ихъ по нѣсколькимъ внѣшнимъ группамъ, которыя обозначу, разумѣется, приблизительно, ихъ отличительными признаками [2]).

---

[1]) Къ библіографіи этого мотива, кромѣ помѣченнаго выше, стр. 27, прим. 1, сл. еще: Fr. Hubad, Nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanske (изъ Kres'а, 1882 г., р. 630—38); Krek, Razne malenkosti (изъ Kres'а, 1883 г., р. 18—25); Hist. littér. de la France, XXII, 539; Ausg. u. Abhandl. aus dem Gebiete der roman. Philologie, III, 105; Rajna, Le Origini dell'epopea francese, p. 414.

[2]) Отрывочные, видимо испорченные пересказы, напр. у Кир. I, №№ 1—3, стр. 1—5, будутъ приняты въ соображеніе лишь условно: въ №№ 1—2 разсказъ о боѣ непосредственно примыкаетъ къ тридцатилѣтнему сидѣнію Ильи; во всѣхъ 3-хъ №№ врагъ названъ: Татарченкомъ, Татарченкомъ басурманченкомъ.

I.

I. Богатырская застава. — Сафатъ рѣка. — Горынинка, Горынчанка, Латыгорка и др. Кир. I, № 5, стр. 7—10:

У Синяго моря на заставѣ

Стояли тутъ пять бога́тырей:
Перво́й — *Илья Муромецъ*,
Второй — Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третій — Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый — *Добрыня Никитичъ младъ*,
А пятый — *Алёша Поповичъ*.
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго,
Ни звѣря рыскачаго,
Ни птицы летучей.
. . . .
На зарѣ то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошолъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
На Днѣпръ-рѣку умыватися,
А самъ смотритъ во чисто̀ полѐ.
Завидѣлъ онъ до́бра мо́лодца,
Подъ молодцомъ конь какъ-бы лютый звѣрь,
На конѣ молодецъ, какъ ясенъ соколъ,
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе:
По праву руку летитъ ясе́нъ соколъ,
Въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра-перо,
Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.

Онъ приглашаетъ богатырей перевѣдаться съ тѣмъ молодцемъ, коли онъ невѣрный, побрататься, если русскій. Вызывается ѣхать Алёша; «я, братцы, поудалѣе всѣхъ», говоритъ онъ о себѣ,

но пріѣзжій богатырь такъ отдѣлалъ его шелепугой подорожною, что «ѣдетъ Алёша пьянъ, шатается». Тогда самъ Илья пускается въ погоню за добрымъ молодцемъ, и происходитъ бой отца съ сыномъ, который въ этомъ пересказѣ названъ Бориской = бѣлъ Борисъ Козловъ въ одномъ отрывкѣ у Кир. I, № 4, стр. 6—7; Збутъ Борисъ Королевичъ младъ ib., № 6, стр. 11—15. — Мать его не названа; когда Илья

Металъ его выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Подхватывалъ его на руки,
Тутъ то Бориско пріужахнулся,
Говорилъ онъ таковы слова:
Ты охота, охота молодецкая!
Полетай-ко, охота, къ моей матушкѣ!

(обращеніе къ соколу, неумѣстное именно въ этомъ эпизодѣ былины). — Днѣпръ-рѣка, на которой происходитъ дѣйствіе, замѣнена въ иныхъ пересказахъ *Сафатъ*-рѣкой. Такъ у Рыбн. I, № 13: Сахатарь, Кир. I, № 6, стр. 11—15 (второй группы): Сафатъ; l. c. № 2, стр. 3: Салфа-рѣка, № 3, стр. 4: Софа-рѣка; Гильф. № 114 (третьей группы): Евфратъ-рѣка.

Рыбн. I, № 13 открывается описаніемъ такой-же богатырской заставы на Сахатарь-рѣкѣ (стихъ 200); богатыри: Илья, Добрыня, Михайло Потыкъ, семь братьевъ Грядовичевъ, Ѳома Долгополый, мужики Залѣшане, Алёша Поповичъ (см. стихъ 35). Проѣзжаетъ дороднiй добрый молодецъ «во двѣнадцать лѣтъ»; «молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ» поетъ пѣсня, забывшая, что въ начальномъ текстѣ упоминался еще и соколъ — на рукѣ, либо на плечѣ молодца. — Илья думаетъ, кого-бы за нимъ послать; Алёша слишкомъ «зарывчатъ»; послалъ Добрыню, но отъ одного крика Сокольничка-охотничка Добрынинъ конь на колѣнки палъ,

И упадалъ Добрыня съ добра коня,
На сыру землю, въ ковыль траву,
Лежалъ три часа за мертво.

Очнувшись, онъ ѣдетъ къ заставѣ, гдѣ оповѣщаетъ обо всемъ Илью, который

И наѣхалъ богатыря у синя моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ голубей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
Закричалъ старый во всю голову:
«Что-же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
На нашу заставу не приворачиваешь?».

Далѣе Илья вѣдается съ Сокольничкомъ, мать котораго названа «бабой Латымиркой». — Тѣ-же имена (Сокольничекъ, Владымерка; рѣки нѣтъ), туже богатырскую заставу въ началѣ (Илья, Добрыня, Алёша, Чурила, Михайло Долгомѣровичъ, два брата Агрикановы) и, въ сущности, то-же развитіе представляетъ Рыбн. II, № 64.

Кир. IV, № 3, стр. 12—18: застава за Кіевомъ; на зарѣ, выйдя изъ шатра, Илья видитъ паленицу удалую:

Ѣдетъ молодецъ на добромъ конѣ,
На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.

Кого послать за нимъ? спрашиваетъ Илья: не годятся ни Алёша, ни Дунай — и онъ посылаетъ Добрыню, который разсказываетъ, вернувшись:

Ѣздитъ паленица по чисту полю,
Потѣшается потѣхой дворянскою,
Мечетъ копье подъ высоту небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
Самъ копью наговариваетъ:
«Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!»

Изъ отвѣта Ильи Добрынѣ (Ой ты гой еси, Алёша Поповичъ младъ! Не твоя чаша, не тебѣ и пить!) несомнѣнно для меня, что въ первообразѣ былины выѣзжалъ противъ паленицы

и Алёша (сл. выше, Кир. I, № 5, стр. 7—10; Гильф. № 77= Рыбн. I, № 12). Далѣе самъ Илья бьется съ сыномъ, Сокольничкомъ; мать его названа бабой Латыгоркой — и Амелѳой Тимоѳеевной.

Пѣсня у Кир. I, № 2, стр. 52—56 говоритъ о заставѣ (Илья, Дунай, Добрыня, Алёша, Ванька Долгополистый) и проѣздѣ Сокольщичка-нахвальщичка, который оказывается впослѣдствіи сыномъ молодой вдовы Омельфы Тимофеевны. Противъ него не посылаютъ ни Ваньку, ни Алёшу, ни Добрыню — а Дуная, который, однако, не осмѣлился съѣхаться съ богатыремъ, противъ котораго выѣзжаетъ Илья.

У Кир. I, № 1, стр. 46—52 забыты родственныя отношенія паленицы «нахвальщика» къ Ильѣ и начало пѣсни нѣсколько спутано. Начинается она заставой (Илья, Добрыня, Алёша, Гришка Боярскій сынъ, Васька Долгополище); Илья не рѣшается выслать противъ богатыря ни Ваську, ни Гришку, ни Алёшу, а снаряжаетъ Добрыню, который убоялся нахвальщика; Илья вѣдается съ нимъ самъ и тутъ-же убиваетъ его; весь эпизодъ о матери опущенъ. — Замѣтимъ, что та-же былина, въ той-же редакціи и почти томъ-же пересказѣ, помѣщена еще разъ въ сборникѣ Кир. IV, стр. 6—12, № 2.

Сильно подновленная былина у Кир. VII, Приложенія, стр. 1—7, № I, одна изъ немногихъ, замѣнившихъ трагическую развязку боя благополучнымъ, также открывается описаніемъ заставы, за Днѣпромъ: Илья, Алёша, *Лука да Матвей, дѣти боярскіе;* Добрыни нѣтъ въ перечнѣ, онъ названъ позже, когда Илья посылаетъ его противъ богатыря, являющагося съ палицей на правомъ плечѣ (вм. сокола), кречетомъ на другомъ, выжлоками при стремени («по стременью бѣгутъ сѣры выжлоки»). Встрѣтившись съ Ильей онъ говоритъ: «Полети, бѣлъ кречетъ, во чисто́ поле, — Побѣгите, сѣры выжлоки, во темны лѣса, — Мнѣ теперь не до васъ пришло». Слич. Кир. I, № 5, стр. 7—10: паленица говоритъ соколу: *Полетай-ко, охота*, къ моей матушкѣ; Кир. I, № 6, стр. 11—15: *Полети ты, соколъ*, на сине море.

Я полагаю вѣроятнымъ, что кичливыя, но едва-ли умѣстныя слова паленицы къ Добрынѣ: «Отлейся ты, какъ вода вешняя, Отъѣзжай, мужикъ-деревенщина, *Отлети, ворона перелетная»* — безсмысленное искаженіе предъидущихъ, ставшихъ непонятными. — Въ началѣ былины обратимъ вниманіе на стихи, встрѣтившіеся намъ у Кир. I, № 5, стр. 7—10:

На зарѣ-то было, на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
.. ..
Изъ быстра Днѣпра умывается.

Къ возстановленію этой былины служитъ отчасти № 265 Гильф. (Святогоръ), также открывающійся заставой: Илья, Добрыня, Алёша, Полѣшанинъ, Долгополянинъ, братья *Лука и Моисей, дѣти боярскіе.* Проѣздъ богатыря, выѣздъ Добрыни и бой Ильи; богатырь говоритъ выжлоку (жижлецъ), который «выскочилъ съ подъ стремена»:

Поди, жижлецъ, да на свою́ волю,
Лови, жижлецъ, да осетра́-рыбу (sic!)
....
Полети́, соколъ, да на свою волю.

Илья садится врагу на бѣлы груди и разспрашиваетъ его: онъ называетъ себя Золотничаниномъ, крестнымъ сыномъ Ильи. Полно ѣздить тебѣ по чисту полю, говоритъ онъ, пора тебѣ «душа спасти». Илья отпускаетъ его, ѣдетъ дальше и встрѣчается — съ Святогоромъ. Мы имѣемъ дѣло съ сводной былиной, но встрѣча съ *Святогоромъ*, очевидно, замѣнила другую: въ былинахъ слѣдующей группы Илья, послѣ боя съ сыномъ, Золотничаниномъ, принужденъ биться съ его матерью, паленицей *Горынчанкой = Латыгоркой.*

Алёша *Дородовичъ* у Гильф. № 250, какъ имя Ильина сына, вѣроятно, отвлеченъ отъ «*дороднято*» молодца другихъ пересказовъ. Былина начинается заставой «на дорожки латинскіе»: Илья, Мики́та Романовичъ, Олёша Поповичёвъ; Илья не рѣша̀ется

послать послѣдняго за «невѣжей», потому что «поповскіе роды задумчивы»; ѣдетъ Никита (племянникъ Ильи!) съ извѣстнымъ намъ результатомъ; бьется съ проѣзжимъ богатыремъ Илья; на вопросъ Ильи онъ отвѣчаетъ:

Я той орды, да я и той земли
Тово отца да тово матери,
Тово урожденія великаго,
Зовутъ меня Алёша Дородовичъ.

Богатыри цѣлуются, «назвались они братьями крестовыми», — потому что древнія отношенія забыты, равно какъ и образъ сокола и выжлеца.

Въ слѣдующей группѣ былинъ о боѣ мотивъ заставы встрѣчается рѣже (Сафатъ рѣка лишь въ одномъ пересказѣ), появляется новое имя для матери и выступаетъ съ бо́льшимъ значеніемъ Добрыни. Я рѣшаюсь обозначить её такъ:

II. Выѣздъ Ильи и Добрыни. — (Вѣщанье ворона?). — **Северьянична.**

Рыбн. III, № 14: Илья и Добрыня выѣзжаютъ изъ Кіева на Фаворъ-гору, раскинули шатры и здѣсь опочивъ держатъ. До свѣту пробуждается Илья,

Самъ говоритъ таково слово:
Вставай, молодецъ, Добрынюшка Никитиничъ!
У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,
Вѣща птица да черной воронъ,
Черной воронъ, самъ прокыркивалъ,
И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
Выходи-ко, Добрыня, изъ бѣла шатра
И погляди по дорогѣ прямо-ѣзжія,
Не проѣхала-ли паленица удалая,
Не подходитъ-ли подъ коней лютый звѣрь?

Добрыня приноситъ вѣсть о проѣздѣ богатыря:

Его храбра поѣздка молодецкая,
Ископыти у коня метано

По цѣлой овчины по барановой,
У коня изо рта пламя пышетъ,
Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ;
Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ,
У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ;
Ѣдитъ молодецъ, самъ тѣшится,
Шибаетъ палицу подъ облака,
Назадъ онъ её подхватываетъ.

Илья предлагаетъ Добрынѣ перевѣдаться съ богатыремъ, но тотъ не хочетъ:

Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,
Что его храбра поѣздка молодецкая.

Когда такъ, то поѣзжай въ Кіевъ къ молодой женѣ, да къ матери, я обойдусь и безъ товарищей, говоритъ Илья и, пустившись въ погоню за паленицей, вступаетъ съ нимъ въ бой. — Мать молодаго богатыря названа «дѣвкой Сиверьяничной», самъ онъ — Васькой; позднѣе Сиверьянична говоритъ сыну объ Ильѣ: «Онъ меня въ полѣ побилъ — Со мною грѣхъ творилъ, — Съ того я тебя и прижила». — Тѣ-же имена встрѣчаются въ № 219 Гильф. (Ѳаворъ, Василей, Сиверьянична), тождественномъ съ приведеннымъ Рыбниковскимъ (что, однако, не помѣчено въ изданіи онежскихъ былинъ) и записанномъ отъ того-же лица. Недостаетъ лишь подробностей о соколѣ и выжлецѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ №№ 226 и 233 Гильф., существенно сходныхъ съ № 219, представляющихъ одну съ нимъ редакцію. Дѣйствующія лица: Илья и Добрыня; мѣсто дѣйствія: Фаворъ гора (№ 226), либо чисто поле (№ 233); то-же вѣщанье ворона; Сиверьянична; «я изъ зáпадныхъ странъ, изъ золотóй орды, — Я Петре царёвичъ Золотничанинъ», говоритъ о себѣ богатырь въ № 226 = № 233: Я есть *сиверной* страны (сл. *Сиверьяничну*) да золотой орды. — Тамъ и здѣсь соколъ и выжлецъ (кобель въ № 233) въ описаніи паленицы, особенно развитомъ въ № 226:

А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
Скокú-ты онъ скаче по цѣлой версты,

Слѣдки-ты какъ доброй конь вымéтыватъ
По цѣлой овчины по барановой,
Изо рта у добра коня пламя́ машё,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да кудревъ [1]) дымъ стаётъ.
У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
А узда у коня да какъ лучи пекутъ,
Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
Зоря стаётъ да ровно утренна.
У лѣва стремена борзой кобель проскакиватъ,
На правомъ стремени сиди́тъ-то младъ сизо́й орёлъ,
Поё орёлъ да всё насвистыватъ,
Улещатъ, спотѣшаетъ онъ богатыря,
А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелётыватъ,
Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашиватъ.
Сидитъ богатырь на добромъ конѣ, самъ тѣшится,
Шиба́етъ палочку подъ о́блака,
А назадъ-то палка опущается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.

Образъ сокольничка-охотничка ясно виденъ подъ этимъ замысловатымъ шаржемъ: и соколъ и кобель у стремени явились въ началѣ аттрибутомъ охотника, ѣздящаго по заводямъ съ «охотой молодецкой» (змѣя горынская вм. выжлеца у Кир. IV, № 3, стр. 12—18 — нелѣпая амплификація); эпитетъ «Сокольничка» утвердился за нимъ почти какъ имя собственное, которое колеблется по пересказамъ, иногда исчезая вовсе. Замѣтимъ постоянство имени Северьяничны у Рыбн. III, № 14 и Гильф. №№ 219, 226, 233 и еще 246, который, по началу, можно-бы отнести къ предъидущей группѣ: былина открывается *заставой:*

Изъ Волынца города Галича,
На ту на дорожку латынскую,
На ту на заставу богатырскую
Выѣзжало три сильнихъ могучихъ богатыря:

[1]) Въ текстѣ: «да въ кудряхъ»; сл. Гильф. №№ 219 и 233.

Первой богатырь Илья Муромецъ,
А второй Добрыня Микитьевичъ,
А третей Микита Романовичъ.

Мы ожидали-бы, согласно съ первой группой, Алёшу; имя Никиты, встрѣтившееся намъ въ одной былинѣ той-же группы (Гильф. № 250), случайное, какъ случайна его роль въ пѣснѣ: посланный Ильею развѣдать о проѣзжемъ богатырѣ, Добрыня «поустрашился»; тогда Илья шлетъ съ тѣмъ-же порученіемъ Никиту (вспомнимъ Никиту Романовича, отца Добрыни по нѣкоторымъ пѣснямъ), и когда «поустрашился» и онъ, ѣдетъ самъ: «видно некому мнѣ замѣнитися». Проѣзжій богатырь названъ: «по прозванью-то славно Аполонище»; мать Сиверьянична. Откуда взялось первое, во всякомъ случаѣ, необычное имя? Въ одной русской сказкѣ (Худяковъ, Великорусскія сказки I, № 35) выходитъ въ роли Соломона русскихъ повѣстей — какой-то Аполлонъ воръ.

Нѣкоторые пересказы развиваютъ особымъ эпизодомъ роль Добрыни въ эпизодѣ о боѣ.

Кир. I, № 6, стр. 11—15: заставы нѣтъ, изъ Кіева выѣзжаютъ Илья и Добрыня, но выѣзжаютъ на Сафатъ-рѣку, встрѣчавшуюся намъ въ предъидущей пѣсенной группѣ. Добрыню Илья посылаетъ «за горы высокія», гдѣ онъ дерется «съ бабой Горынинкой», тогда какъ Илья ѣдетъ берегомъ и наѣзжаетъ по бродучему слѣду на богатыря, съ которымъ бьется. Имя его: Збутъ Борисъ Королевичъ младъ; мать — жена (дочь?) короля Задонскаго (сл. стихъ 74: Я того короля Задонскаго): эпитетъ, вѣроятно, перенесенный изъ сказки о Бовѣ, гдѣ «Задонскій» отвѣчаетъ итальянскому (soldano di) Sadonia. Встрѣтившись съ Ильей, королевичъ

отвязывалъ (съ)стремя вожья выжлока,
Со руки опускаетъ ясна сокола,
А самъ-ли то выжлоку наказываетъ:
«А тепере мнѣ не до тебя пришло,
А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,

И корми ты свою буйну голову».
И ясну соколу онъ наказываетъ:
«Полети ты, соколъ, на сине море
И корми свою буйну голову,
А мнѣ молодцу не до тебя пришло».

Бой Ильи съ сыномъ не досказанъ и единственно потому не кончается трагически, какъ въ другихъ былинахъ; пѣвецъ отвлекся другимъ эпизодомъ: отпустивъ Збута къ матери, Илья ѣдетъ искать брата названаго Добрыню, которому помогаетъ одолѣть бабу Горынинку. Изъ побывальщины у Рыбн. I, стр. 65 оказывается, что это — мать сына Ильи. Разсказывается, что Илья наѣхалъ когда-то на паленицу Авдотью Горынчанку и одолѣлъ её съ бою. Отъ него Авдотья поносъ понесла и родила сына Бориску, съ которымъ Илья встрѣчается позже, бьется и, поваливъ на землю, подъ кинжалищемъ заставляетъ сказать, кто онъ. Узнавъ о своемъ происхожденіи, Бориска рѣшается отмстить за позоръ матери, сковалъ себѣ палицу въ триста пудъ и нагналъ стараго въ чистомъ полѣ. Илья спалъ, когда Бориска ударилъ его прямо въ грудь, да не могъ просѣчь чуднаго креста. Илья убилъ его, а самъ поѣхалъ къ Кіеву; видитъ: мать дерется съ Добрыней, которому Илья помогаетъ такимъ-же совѣтомъ какъ у Кир. I, № 6, стр. 11—15[1]). — Эпизодъ о первой встрѣчѣ Ильи съ паленицей находится и въ одной былинѣ у Ефименка (Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Арханг. губерніи: Старина про Алёшу Поповича, № VII, стр. 25 слѣд.), синкретической, какъ почти всѣ, помѣщенныя въ его сборникѣ. Она до крайности спутана, но ея послѣдовательность легко возстановить по побывальщинѣ и отрывочной и искаженной былинѣ у Кир. I, № 3, стр. 4—6, гдѣ «походная красна дѣвица», съ которой Илья встрѣчается въ полѣ передъ боемъ съ Татарченкомъ —, несо-

[1]) Сл. подобный-же эпизодъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ; такъ помогаетъ Илья и Ермаку противъ Бабищи Мамаишны, Кир. I, стр. 58—66.

мнѣнно, отвѣчаетъ Горынинкѣ или Горынчанкѣ разобранныхъ пересказовъ [1]).

Илья бьется съ паленицей Златыгоркой, которая родитъ отъ него сына Подсокольничка; слѣдовалъ эпизодъ о заставѣ, на которой стояли Алёша, Добрыня и Илья; другъ за другомъ они выѣзжали противъ Подсокольничка, который являлся съ своими обычными аттрибутами сокола и кречета; былина кончалась боемъ отца съ сыномъ. — Эту послѣдовательность перепуталъ сказитель: онъ началъ пѣть о томъ, какъ Алёша Поповичъ съ дружиною освободилъ Кіевъ отъ невѣрной силы, не признанъ, но по просьбѣ Ильи учествованъ Владиміромъ; имя Алёши напомнило ему, хотя не кстати, ту редакцію пѣсни о боѣ Ильи съ сыномъ, гдѣ Алёша является въ роли побѣжденнаго; но эту пѣснь онъ зналъ уже въ соединеніи съ эпизодомъ о матери, какъ она представляется въ Рыбниковской побывальщинѣ: я разумѣю ея первую встрѣчу съ Ильею. И вотъ онъ механически удержалъ имя Алёши въ этомъ эпизодѣ, перенеся въ него черты боя съ Подсокольникомъ. Вслѣдствіи этого вторая половина былины получила такой видъ: богатыри стоятъ въ шатрахъ на рѣкѣ на Черниговкѣ, проѣзжаетъ паленица Златыгорка, «на лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ, — На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречетъ». Выѣзжаютъ противъ нея Алёша, Добрыня, наконецъ Илья, который её осилилъ. Она понесла отъ него отрока. Разставаясь съ нею Илья даетъ ей перстень и говоритъ:

Принесешь если ты дочь засѣну,
Отдай ей перстень въ приданое,
А если принесешь удала добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,

---

[1]) На вопросъ Ильи, кто она такая, она отвѣчаетъ, что «дочь гостиная», бѣжала отъ Алеши Поповича, «отъ насмѣшника пересмѣшника». Еслибъ ты сказала мнѣ это раньше, «я бы снялъ съ Олёши буйну голову», говоритъ Илья — и ѣдетъ далѣе на Софу-рѣку — на встрѣчу Татарченку. — Имя Алёши подставилось здѣсь по смѣшенію, какъ наоборотъ у Кир. I, № 4, стр. 92—93, въ былинѣ о встрѣчѣ Алёши съ сестрой, вмѣсто перваго названъ Илья.

Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
А пошли его, наказывай:
Если увидитъ онъ въ чистомъ полѣ стараго,
Такъ не дошедши пусть поклонится.

Это напоминаетъ наставленія Саула Леванидовича женѣ въ другомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ отца съ сыномъ, и какъ тамъ (Кир. III, № 2, стр. 117) молодой Константинъ, такъ здѣсь Подсокольникъ ростетъ богатыремъ: шести лѣтъ онъ началъ «на улицу похаживать, Сталъ съ ребятами поигрывать». Ребята были не «схватчивы», называли его «сколотышемъ». Онъ допытывается у матери, кто его отецъ; та показываетъ ему перстень, «а на злаченомъ перстнѣ имя, изотчина». Двѣнадцатилѣтній Подсокольничекъ выѣзжаетъ въ чистое поле, и хотя мать наказывала ему поклониться «старому», коли его встрѣтитъ, онъ «все зло несетъ на батюшка», ѣдетъ прямо къ шатру Ильи, котораго будитъ, говоря, что явился къ нему «непріятель невѣрный». Слѣдуетъ бой съ Ильею, который, признавъ сына, цѣлуетъ его и посылаетъ съ нимъ поклонъ матери. Сынъ возвращается, убиваетъ мать и снова ѣдетъ къ шатру Ильи, чтобы и съ нимъ покончить. Какъ почти вездѣ, былина кончается смертью молодого богатыря.

Я сомнѣваюсь, чтобъ убіеніе матери принадлежало къ древнимъ чертамъ пѣсни. Оно встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ пересказѣ, записанномъ въ той-же мѣстности (Кир. I, № 2, стр. 52—56) и разсмотрѣнномъ мною выше въ группѣ «заставы»: побѣжденный Сокольникъ ѣдетъ къ матери, которая напоминаетъ ему свой наказъ при первомъ выѣздѣ въ чисто поле: не биться со старыми, да съ угрюмыми, да со стариками невеселыми, «а той-отъ старцишшо тобѣ родной отець!» (Сл. такой-же наказъ Амелфы Тимофеевны сыну у Кир. IV, № 3, стр. 12—18, стихи 156—160). Узнавъ, что онъ незаконнорожденный, сынокъ снесъ матери буйну голову, готовится и Илью разсѣчь на двое, но убитъ имъ.

III. Наѣздъ поединщика. Третью разновидность былины представляетъ пѣсня у Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14: подъ Кіевъ

пріѣзжаетъ изъ «за славна за синя моря» молодой Соловниковъ или Соло́вникъ, татаринъ, и вызываетъ поединщика. Противъ него снарядился Илья, и слѣдуетъ описаніе боя: Илья ударилъ противника въ голову своей палицей богатырскою, а тотъ сидитъ, «не стряхнется — Какъ жолтыи кудёрки не своро́хнутся». По второму удару Ильи — тотъ-же результатъ; раздумался богатырь:

Да это ужь мнѣ-ль не бѣда-ль пришла,
А не бѣда-ль пришла, видно смерть пришла?
— Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
Рѣчистъ языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
«Да ай же вы да слуги мои вѣрныи,
А ѣдьте вы за славно за синё море
А ко моей ко ро́дный ко матушки,
А ко тыи ко матушки къ Натальюшки,
А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстьицомъ:
Не знаю я, какой то невѣжа есть,
А наѣзжатъ изъ далеча ко мнѣ изъ чиста́ поля,
А бьетъ то меня нунь въ буйну голову.
А нуньчу у меня топерь у мо́лодца
Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается,
Мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.

Слуги ѣдутъ съ извѣстіемъ, но пѣсня забыла досказать этотъ эпизодъ, значеніе котораго выясняютъ другія былины. Когда Илья ударилъ Соловника по головѣ, и тотъ не сворохнулся, Илья предлагаетъ ему спѣшиться и «биться рукопашкою», повалилъ его на землю, сѣлъ ему на бѣлую грудь, занесъ надъ нимъ ножище-кинжалище,

Тутъ рука въ плечи застояласи.

Илья начинаетъ допрашивать Соловника о родѣ-племени; тотъ отвѣчаетъ бранью, но на третій спросъ сказываетъ о себѣ и о матери (Натальюшкѣ):

Скочилъ тутъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Здымаетъ онъ за руче́нки за бѣлыи:
«Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
Какъ полно е намъ биться ратиться,
Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ».
Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
Бѣлыи лебёдушки порушали.
Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ.

Этимъ пользуется Соловникъ: пускаетъ калену стрѣлу Ильѣ въ бѣлую грудь; золотой крестъ спасаетъ Илью отъ смерти; очнувшись, онъ хватается за ножъ, — «какъ тутъ рука въ плечи не застояласи» —, и разсѣкъ Соловника на четыре части.

Тотъ-же сюжетъ представляетъ былина Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12: объ Ильѣ и его дочери. Я не прочь предположить, что эта дочь выведена изъ сына въ такую пору эпоса, когда названіе паленицы уже не вызывало двойственнаго представленія пола. Ясно, во всякомъ случаѣ, что былина о дочери Ильи развилась изъ пѣсенъ о сынѣ и именно изъ вида Гильф. № 46 = Рыбн. № 14 въ комбинаціи съ типомъ I (застава): на *заставѣ* стоятъ двѣнадцать богатырей; проѣзжаетъ поляница. «Кому ѣхать намъ въ раздо́льице чисто́ поле?» спрашиваетъ Илья. Вызывается Алеша, «да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати»; за нимъ Добрыня, но и онъ «поворотъ держалъ», и разсказываетъ Ильѣ:

Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
На право́и руки у нёй-то соловей сидитъ,
На лѣво́и руки да жавролёночекъ.

(Замѣна сокола на рукѣ Сокольничка-охотничка).

Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подъѣхати
И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
Ёна ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
Ёна кличетъ выкликаетъ поединщика.

Поединщикомъ является Илья и слѣдуетъ описаніе боя, коннаго и пѣшаго; Илья повалилъ паляницу, занесъ надъ нею руку («права ручушка въ плечи да остояласи»), и трижды спрашиваетъ её: «ты коей земли да ты коей Литвы». Подъ вліяніемъ этого вопроса, нерѣдкаго въ былинахъ, сложился отвѣтъ паляницы Рыбн. I, 12: Есть-то я изъ темнòй орды, хоробрòй Литвы; Гильф. 77: изъ Тальянской либо Воглянской земли; она дочь «честной вдовы», и Илья признаетъ себя ея отцемъ. Тутъ они поразъѣхались; Илья ложиться спать въ бѣломъ шатрѣ, а паляница возвращается: не хочетъ спустить ему насмѣшки, что ея мать онъ назвалъ «блядкою», и соннаго бьетъ рогатиной по груди, которую защитилъ «крестъ на вороти». Былина кончается расправой Ильи съ паляницей.

Я присоединяю къ этой группѣ и Гильф. № 114 (указаніе что этотъ № = Рыбн. II, № 63, ошибочно), потому что и въ немъ содержаніе сводится къ поединку наѣзжаго богатыря Татарина (Сокольничка; его мать «Семигорка, баба да Владимирка») съ Ильею. Нѣтъ сомнѣнія, однакожъ, что въ оригиналѣ этой былины находилась «застава», и въ числѣ сторожевыхъ богатырей могъ быть названъ Михайло Долгомѣровичь, какъ у Рыбн. II, № 64; не оттого ли въ началѣ нашей пѣсни Сокольничекъ названъ «Татарской сынъ да по имени Михайло Долгомѣровичъ?» — Илья разрываетъ противника на части: одну ногу кинулъ «во Ефратъ рѣку», т. е., вѣроятно въ Сафатъ, какъ у Рыбн. I, № 13: «половину бросилъ въ Сахатарь-рѣку».

Слѣдуетъ обратить вниманія на заключительныя сцены разсмотрѣнныхъ нами былинъ о боѣ. Во всѣхъ пересказахъ, за исключеніемъ Кир. I, № 6, стр. 11—15, гдѣ эпизодъ о боѣ не развитъ, и Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14, гдѣ онъ измѣнился подъ посторонними вліяніями, разсказъ о поединкѣ отца съ сыномъ является съ одними и тѣми-же подробностями, болѣе или менѣе полными. Борьба происходитъ сначала на коняхъ, напоминая своей эпической разработкой технику рыцарскаго турнира.

И съѣзжалось два сильніе два могучи два богатыря,
Будто двѣ сильніе горы вмѣсто́ скатилосе:
Да и *палицамі́* они ударились,
Да и палки у ихъ-то поломалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили;
Да и тутъ-же добры молодцы порозъѣхались,
Да и *копьями* они ударились
Да и копья въ кольцахъ-то погибалисе,
Да другъ-то друга-то не ранили.
Да и тутъ-же добры молодцы порозъѣхались,
Да и *саблями* они ударились,
Да и сабли у ихъ же принималисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили

(Гильф. № 233; сл. ib. № 250).

Укажу на нѣсколько варьянтовъ изъ другихъ пересказовъ:

Разъѣхалися на *копья* востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на *палицы* боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхались на *сабли* востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на *латы кольчужныя.*

У Рыбн. II, № 64 послѣдовательность такая: *мечи, копья, сабли* (Мечь съ мечомъ да ударяются, — А мечи въ мелкія части разсыпаются); у Кир. IV, № 3, стр. 12—18: палицы, копья, тяги желѣзныя (которыми богатыри «тянулись чрезъ гривы лошадиныя») и т. п. — Конный бой смѣняется пѣшимъ; лишь у Гильф. № 246 и 46 = Рыбн. I, № 14 (см. Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12) Илья сваливаетъ врага, котораго и пытаетъ о родѣ племени; въ остальныхъ пересказахъ падаетъ, наоборотъ, Илья и, когда противникъ сѣлъ ему на грудь, готовясь съ нимъ покончить, сшибаетъ его съ себя въ чисто поле, либо подъ облаки, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и т. п. — Узнавъ

о себѣ, что онъ сынъ Ильи, молодой богатырь ѣдетъ сначала къ матери; лишь въ тѣхъ былинахъ, гдѣ этотъ эпизодъ спутанъ или затертъ, является попытка замѣнить поѣздку — посылкой: сокола (Кир. I, № 5, стр. 7—10), слугъ (Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14). Допытавшись отъ матери о тайнѣ своего рожденія, сынъ возвращается, рѣшившись смыть въ крови отца лежащее на немъ пятно незаконности. Онъ нападаетъ на Илью спящаго и убитъ имъ [1]). — Исходъ былины вездѣ трагическій; его недостаетъ лишь тамъ, гдѣ вниманіе пѣвца отвлеклось постороннимъ эпизодомъ (сл. Кир. I, № 6, стр. 11—15 и побывальщину у Рыбн. I, стр. 65), либо въ пѣсняхъ недоконченныхъ (Гильф. № 246, 250). Рѣшительное исключеніе представляетъ лишь Кир. VII, Приложенія стр. 1—7, гдѣ мирный исходъ боя принадлежитъ, быть можетъ личной и поздней передѣлкѣ: юный богатырь, сваливъ Илью, какъ-бы въ предчувствіи, что онъ его отецъ, не рѣшается убить его и самъ спрашиваетъ: «Аль ты въ родствѣ, али въ племени?». Когда Илья повалилъ его въ свою очередь и богатырь назвалъ себя по его требованію, отецъ и сынъ ѣдутъ въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ встрѣчаетъ ихъ «съ честію, радостію». — Мирно кончается и былина о боѣ Ильи съ Добрыней у Ефименка l. c. № I, являющаяся позднимъ сколкомъ съ разсмотрѣнныхъ нами и потому лишенная значенія. Какъ здѣсь Добрыня выступаетъ въ роли Сокольника, такъ въ эпизодѣ одной былинѣ о Добрынѣ въ «отъѣздѣ» механически воспроизведена пѣсня о боѣ Ильи = Добрыни съ проѣзжимъ богатыремъ, въ которомъ нельзя не признать того-же Сокольника. Сл. Гильф. № 65, лишь отчасти отвѣчающій Рыбн. III, № 17: Добрыня ѣдетъ поляковать, оставивъ дома молодую жену; Гильф. даетъ ему въ товарищи Потыка; проѣзжаетъ вражій богатырь, съ знакомыми намъ аттрибутами: кобеля и сокола; ѣдетъ и похваляется:

[1]) Съ эпизодомъ о крестѣ, о который притупился ударъ Сокольника, обращенный противъ отца, сл. подобную-же черту въ пѣснѣ объ Ильѣ, будящемъ ударомъ стрѣлы своего крестоваго брата Самсона: стрѣла притупилась о золотой крестъ на груди.

Я матушку руськý землю,
А руськý землю я наскрозь пройду,
Что ни лучшіихъ богáтыревъ въ полонъ возьму.

Потыкъ боится выѣхать противъ богатыря, который сражается съ Добрыней и убитъ имъ (Гильф.). Рыбниковскій пересказъ, не знающій ни Потыка, ни аттрибутовъ «сокольничка», разсказываетъ его битву съ Добрыней въ чертахъ «боя Ильи съ сыномъ» — вплоть до смерти послѣдняго отъ руки отца, на жизнь котораго онъ покусился. Что Добрыня бьется именно съ сыномъ, нигдѣ не сказано, но разумѣется само собою изъ словъ, съ которыми Добрыня отпускаетъ богатыря:

Поѣзжай-ко, король, во свою землю Бухарскую,
Въ Золоту-землю, и въ Золоту орду,
Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
А отъ Добрынюшки челобитьице,
Золотые подарки во милости.

Былина Гильф. здѣсь нѣсколько перебита, или лучше, эпизодъ о Сокольникѣ раздвоился: Добрыня снесъ ему голову, ѣдетъ къ шатру; затѣмъ пѣсня переходитъ къ сватовству Алёши за жену Добрыни, къ которому снова возвращается, — чтобы разсказать намъ о его поединкѣ съ другимъ богатыремъ, т. е. тѣмъ-же Сокольничкомъ. Далѣе оба пересказа сходятся, но родственныя отношенія богатырей у Гильф. поставлены яснѣе: убивая противника Добрыня приговариваетъ:

Отъ кого ты, чадо, ты зачатó было,
Отъ кого ты, чадо, вѣдь посѣяно,
Отъ того ты, чадо, нынь кончайся-тко!

Богатырь убитъ, а въ это время прилетаетъ голубь съ голубкою, вѣщая Добрынѣ, что его жена за мужъ пошла — и былина снова входитъ въ общее теченіе пѣсенъ этого типа.

Ясно, что весь этотъ эпизодъ, навѣянный пѣснями объ Ильѣ и Сокольничкѣ, замѣнилъ собою другой, обычный въ былинахъ о Добрынином отъѣздѣ: разсказъ о его битвѣ съ Невѣжей и т. п.

Поводомъ къ такой замѣнѣ могла быть роль Добрыни въ былинахъ о «боѣ Ильи съ сыномъ», именно 2-й группы, гдѣ Добрыня являлся товарищемъ Ильи, а Илья помогалъ ему совѣтомъ въ борьбѣ съ королевной Задонской или Авдотьей Горынчанкой. Я указалъ выше (сл. стр. 317, прим. 1) на тождественное положеніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ «въ отъѣздѣ» (Гильф. №№ 228, 290, 292), гдѣ онъ бьется съ Невѣжей, богатыремъ Бабой Ягой, а Илья является такимъ-же совѣтчикомъ. Образъ Бабы-Яги подсказанъ, вѣроятно, паленицей, матерью Збута.

II.

Илья убиваетъ Сокольника; такой-же трагическій исходъ слѣдуетъ предположить и для древненѣмецкой пѣснѣ о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ (VIII в.), дошедшей до насъ, какъ извѣстно, безъ окончанія. Гильдебрантъ и Гадубрантъ (Hiltibrant enti Haðubrant), отецъ и сынъ, встрѣчаются другъ съ другомъ между двухъ непріятельскихъ ратей и готовы сразиться. Отецъ, долго бывшій въ отлучкѣ, оставившій сына еще ребенкомъ, не узнаетъ его и спрашиваетъ его о родѣ-племени. Тотъ называетъ себя, но не хочетъ вѣрить, чтобы передъ нимъ стоялъ его отецъ (dû neo dana halt dinc ni gileitôs — mit sus sippan man, говоритъ ему Гильдебрантъ [1]), котораго считаетъ умершимъ, и Гильдебрантъ, скрѣпя сердце, вступаетъ въ бой, въ которомъ ему придется либо быть убитымъ, либо поразить собственнаго сына. Пѣснь обрывается описаніемъ поединка, въ которомъ мы встрѣчаемъ бурно несущіяся ясеневыя копья, врывающіяся въ бѣлые липовые щиты, разсѣченные мечами (miti wambnum). — Что пѣснь кончалась гибелью сына можно заключить изъ того, что, имя Гадубранта не упоминается болѣе въ нѣмецкомъ эпосѣ, и лишь въ Rabenschlacht встрѣчается какой-то рыцарь по имени Alebrant [2]): такъ названъ

---

[1]) Я цитую по тексту Braune, Althochdeutsches Lesebuch (1875) p. 78—9.

[2]) W. Grimm, Die deutche Heldensage, 2-e Ausg. стр. 209 и 256. Сл. Hildebrant'a и Herebrant'a — Hydebrant'a въ Horn and Rimenhild.

сынъ Гильтебранта въ позднѣйшей редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, восходящей по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIII вѣка, когда она нашла отраженіе въ Тидрексагѣ, и отличающейся примирительнымъ характеромъ исхода.

Пѣсня эта сохранилась въ нѣсколькихъ пересказахъ, взаимныя отношенія которыхъ разобраны были Edzardi [1]): трехъ верхненѣмецкихъ (*K*, *H* и *W*, по обозначенію Edzardi), одномъ нижненѣмецкомъ (*N*), нидерландскомъ (*A*) и датскомъ (*D*). — Сообщаю содержаніе короткаго извода нѣмецкой пѣсни (*H*), пользуюсь соображеніями и исправленіями Edzardi [2]).

Гильдебрандъ хочетъ вернуться въ Бернъ, гдѣ оставилъ жену, Ute, гдѣ не бывалъ въ теченіи тридцати лѣтъ. Герцогъ Amelung (варьянты: Ambelung, Abelaen, Abelan, Abelon) предупреждаетъ его, что въ полѣ, на заставѣ (auff der marke) онъ встрѣтитъ молодого Алебранда (варьянты: K. H. Hildebrandt, D. Allebrand; Alibrandr въ Тидрексагѣ); будь-ты самъ двѣнадцатый, онъ нападетъ на тебя. — «Коли нападетъ, я изрублю его темный щитъ, у его привязи разрублю однимъ ударомъ; будетъ онъ цѣлый годъ жаловаться матери.» Не дѣлай того, говоритъ ему Дитрихъ Бернской: Алебрандъ мнѣ милъ; лучше поведи съ нимъ дружескія рѣчи, дабы, ради меня, онъ дозволилъ тебѣ проѣхать. — На бернской заставѣ наѣзжаетъ на Гильтебранта молодой витязь: Чего-тебѣ нужно, старикъ, въ моей родной странѣ? спрашиваетъ онъ. «На тебѣ блестящая броня, словно на царскомъ сынѣ», начинаетъ Гильдебрантъ, но юноша прерываетъ его: «Видно, ты хочешь отвесть мнѣ глаза! [3]);

---

[1]) Germania, XIX (1874), Edzardi, Zum jüngeren Hildebrandsliede p. 315—326.

[2]) Краткій текстъ см. у Raszmann'a, Die deutsche Heldensage II, стр. 646—8.

[3]) Du wilt mich jungen helden sehender augen machen blind; *K*: du machst mich, degen schnelle, — mit gesehenden augen blint (сл. текстъ пространной редакціи нѣмецкой пѣсни = *K* у Wackernagel'я, Altd. Lesebuch, V-e Aufl. p. 1422 слѣд). Я сближаю эти выраженія съ древней пѣсней: dû bist dir, altêr Hûn, ummet spâhêr.

тебѣ-бы дома сидѣть, на печи грѣться». Засмѣялся старикъ: «Мнѣ сидѣть дома и нѣжиться? Мнѣ на роду написано — бродить и биться до смерти [1]). Вотъ что я скажу тебѣ, молодецъ; оттого и посѣдѣла у меня борода». — «Выщиплю я твою бороду, старикъ, потечетъ у тебя алая кровь по щекамъ; твою броню и темный щитъ ты мнѣ отдашь, да и самъ станешь моимъ плѣнникомъ, коли любо тебѣ быть живымъ». — «Моя броня и темный щитъ нерѣдко были мнѣ защитой; съ помощью Христа небеснаго надѣюсь и теперь отъ тебя защититься». Оставивъ слова, они взялись за острые мечи и было имъ то, чего они оба домогались.

На коняхъ или пѣшіе объясняются отецъ съ сыномъ — изъ пѣсни не видно. Въ началѣ ея Гильдебрантъ *выѣзжаетъ* къ Берну, *пріѣзжаетъ* на заставу, въ концѣ — оба *отъѣзжаютъ* съ сыномъ. Между тѣмъ бой представляется, какъ-будто, пѣшимъ.

«Не знаю, какъ случилось, что молодецъ нанесъ старику ударъ, который сильно устрашилъ Гильтебранта, а самъ онъ отскочилъ назадъ на семь саженей. — «Скажи-ка, мнѣ, молодецъ, не баба-ли научила тебя такому прыжку?» спрашиваетъ Гильтебрантъ [2]). «Кабы у бабы учился, мнѣ былъ-бы вѣчный стыдъ: много у моего отца рыцарей и конюшихъ (kneht), много рыцарей и графовъ при его дворѣ; чему я (у нихъ) не научился, тому еще научусь». — Пѣснь продолжаетъ о Гильдебрантѣ:

Er nahm jhn bey der mitte, da er am schwechsten was,
Und schwang jhn hinder rucke wol in das grüne grasz.
«Nun sag du mir, viel junger, dein beichtvater wil ich sein,
bistu ein junger Wolffinger, von mir soltu genesen sein.

---

[1]) Сл. Кир. I, стр. 51: «Старый ты старикъ, старый, матёрый! За чѣмъ ты ѣздишь на чисто̀ поле?.... Ты поставилъ бы себѣ келейку.... Сбиралъ-бы ты, старикъ, во келейку, Тутъ-бы, старикъ, сытъ-пи́танёнъ былъ». Илья отвѣчаетъ: «Написано было у святыхъ отцевъ, Удумано было у Апостоловъ, но бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому». Сл. Кир. I. с. IV, 11—12.

[2]) *H*: den *schlag* lehrt dich ein weib; *K*: dissen *sprunge* den leret dich ein weib. Въ Тидрексагѣ дѣло идетъ объ измѣннически нанесенномъ *ударѣ*.

Въ *K* онъ вначалѣ обезоруживалъ его; *W* (и *A*) объясняетъ, какимъ образомъ; *W*:

Er liesz sinen grunen schilt sincken in den sant,
Ich weisz nit, wie der alte dem jungen das schwert [entwant].
A. Het quam so dat den ouden liet sinken sinen schilt,
So dat hie den jonghen Hellebrant sijn swaert al underghinc [1]).

Сынъ разсказываетъ о своемъ родѣ-племени: онъ родомъ изъ Греціи(?), его мать Ulte (варьянты: Gute, Judte), отецъ — Гильдебрантъ. Отецъ и сынъ узнаютъ другъ друга и оба отправляются въ Бернъ, гдѣ происходитъ радостное свиданіе съ женой — и матерью.

Нижненѣмецкая пѣсня подобнаго-же содержанія, но съ нѣкоторыми характерными отличіями, могла лежать въ основаніи пересказа Тидрексаги, почему мы и разсматриваемъ его особо [2]).

Гильдибрандъ выѣзжаетъ къ Берну вмѣстѣ съ молодымъ Конрадомъ, который предупреждаетъ его — быть ласковымъ съ Алибрандомъ, когда онъ встрѣтитъ его, и сказаться его отцемъ; иначе ему будетъ худо, такой тотъ сильный богатырь. Конрадъ говоритъ, какъ его узнать: онъ на бѣломъ конѣ, башмаки подбиты золотыми гвоздями (золотыя подковы, ркп. *B*.), щитъ и броня бѣлыя, какъ выпавшей снѣгъ, и на нихъ изображеніе замка. Нѣтъ ему равнаго въ землѣ Амелунговъ, а тебѣ старому съ нимъ не справиться. — Усмѣхнулся Гильдибрандъ и говоритъ: Какимъ-бы храбрецомъ не считалъ себя Алибрандъ, можетъ и такъ случиться, что онъ объявитъ свое имя не позже меня. — На этомъ они разстались.

Слѣдуетъ встрѣча отца съ сыномъ; послѣдній на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи, на которомъ красуется образъ Берна съ позолочеными башнями; рядомъ съ нимъ два выжлеца, по лѣвую сторону (на лѣвой рукѣ, ркп. *B*.) ястребъ. Увидѣвъ

---

[1]) Edzardi l. c. p. 322.
[2]) Saga Diðriks konungs af Bern, ed. Unger, стр. 344 слѣд.

незнакомаго всадника, бодро ѣхавшаго ему на встрѣчу, Алибрандъ крѣпче привязалъ свой шлемъ, заслонился щитомъ и съ копьемъ въ рукѣ бросился ему на встрѣчу. Въ слѣдующей за тѣмъ схваткѣ древки копій разлетаются по поламъ, бойцы спѣшились и бьются мечами. Трижды останавливаются они среди боя, дважды спрашиваетъ Алибрандъ объ имени противника, спрашиваетъ въ послѣдній разъ Гильдибрандъ, но отвѣта нѣтъ и бой возгорается снова. Гильдибрандъ нанесъ сыну глубокую рану въ бедро; тотъ не можетъ сражаться далѣе и передаетъ отцу мечъ. Когда Гильдибрандъ протянулъ за нимъ руку, отстранивъ щитъ, молодой витязь ударилъ въ него измѣннически, намѣреваясь отсѣчь ему руку. Но старикъ успѣлъ заслониться щитомъ и говоритъ: Этому удару ты научился у бабы, не у отца. И набросившись на молодца, онъ повергаетъ его на землю, самъ насѣлъ на него и, занеся надъ нимъ мечъ, дважды спрашиваетъ, кто онъ такой: если ты Алибрандъ, — то я отецъ твой, Гильдибрандъ. Тотъ называетъ себя; совершается обоюдное признаніе, въ которомъ, въ концѣ этого эпизода, принимаетъ участіе еще третье лицо: мать — жена; стало быть, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ.

Приведу изъ Тидрексаги эпизодъ о боѣ.

Nu riðr Hildibrandr hvatlega þa leið er til Bernar er. ok nu er hann kominn sua at hann ser staðinn. þa riðr einn maðr i mot honum með tva hunda. oc a vinstri hlið (рук. *B.* hendi) hefir hann einn hauk. Sa maðr er mikill a hestbaki ok sitr hoeverskliga sinn hest. hann hefir hvitan hest ok hvita alla herneskiu ok a morkuð Bern med gylltum turnum. Hildibrandr riðr i mot manninum ok þikkiz finna at sia mun eigi minni þikkiaz en hann. Ok þa er Alibrandr ser i gegn ser riða einn mann með vapnum. ok sa riðr alldrengiliga a mot honum. ok ekki ma hann sia at hann laegi sik nockut firir honum. þa verðr Alibrandr reiðr ok lizt sem þessi muni við hann keppaz. spennir fast sinn hialm ok skytr firir briost ser sinum skilldi. ok sitt gladil setr hann fram or keyrir sinum hest sporum. Ok er Hilldibrandr ser

hversu Alibrandr hefir við buiz. helldr hann sinum skilldi firir briost ser ok setr fram sitt gladil ok keyrir sinn hest sporum. ok riðr i mot honum hvergi udiarfligar. ok riðaz at. Leggr nu hvarr sinu spioti i skiolld annars sua fast. at sundr bresta spiotskoptin baeði. Ok hinn gamli hleypr þegar af baki hvatlega ok bregðr sinu sverði. ok slikt sama hinn yngri. gengu nu saman ok beriaz langa hrið. til þess er hvartueggi var moðr. Ok nu setia þeir niðr sina skiolldu ok studduz a.

Nu maellti Alibrandr. Hverr er þessi hinn gamli maðr er staðiz hefir firir mer um hrið. Seg skiott þitt heiti ok gef upp þin vopn. þa muntu hallda lifi þinu. en ef eigi villtu þat. þa ma þat verða þinn skaði. Hilldibranðr svarar. Villtu vita mitt heiti. þa muntu fyrr verða at segia þitt heiti. ok upp muntu verða at gefa þitt sverð ok vopn aðr við skiliumz. ok ef þat villtu eigi lostigr. þa muntu þo gera vera nauðigr. þa reiðir Alibrandr upp sitt sverð allkappsamliga ok hoggr til hins gamla. ok slikt hit sama Hilldibrandr. reiðir upp sitt sverð ok hoggr i geng. Verðr þar nu horð orrosta. ok gera aðra hrið halfu vaskligri en fyrr. ok nu er hvartueggi moðr. ok setr Alibrandr niðr sinn skiolld ok vill hvilaz. ok sua vill Hilldibrandr. þa maellti Alibrandr. Villtu segia þitt nafn og gefa upp þin vopn. þa muntu hallda þinu lifi. en ef eigi gerir þu sua. þa muntu vera drepinn. þu villdir eigi segia þitt nafn þa er við hittumz. ok var þat þer engi usoemd. en nu muntu segia verða með usigri. ok lata oll þin vopn með usoemd eða þolu bana at oðrum kosti. Ok nu verðr hinn yngri allra oðastr ok vill at visu drepa hann. ok hoggr nu af ollu afli til hins gamla. en hann verr sik nu allra drengilegast. Ok nu maellti Hilldibrandr. Erttu nockut ap Ylfinga aett. þa seg mer. ok fae er þer grið. en ef þat er eigi þa drep ek þik. þa suarar Alibrandr. Ef þu villt hallda þinu lifi. þa gefz upp. en ek em eigi Ylfingr helldr en þu. ok vist ertu heimskr. þo at tu ert gamall. ok seg skiott þitt heiti. En með þvi at þu vissir hverr ek vaeri. þa munðir þu eigi kalla minn foður Ylfing. Soekiaz þeir nu allra fastast. Hinn gamli gengr nu naer honum ok hoggr

helldr stort. ok nu slaer Hilldibrandr eitt mikit slag a hans laer. sua at sundr tekr bryniuna. ok faer nu Alibrandr mikit sar. sua at nalega er honum sinn fotr unytr. Oc nu maellti hann. Se her nu mitt sverð. Nu verð ek þat gefa upp. þvi at nu fae ek eigi staðit lengr fyrir þer. þu hefir fiandann i hendi þer. ok rettir fram hondina. En hinn gamli snyr skilldinum fra ok rettir fram hondina a moti sverðinu ok aetlar við at taka. Nu hoggr Alibrandr til hins gamla leyniliga ok vill af hoggua hondina. en hinn gamli skytr skilldinum upp hatt ok skyndilega. ok maellti. þetta slag mun þer kent hafa þin kona en eigi þinn faðir. Ok soekir hinn gamli sua fast. at nu fellr hinn ungi til iarðar. ok hinn gamli a hann ofan. ok setr sitt sverð firir hans briost ok maellti. Seg mer skiott þitt heiti ok þina aett. ella skalltu lata þitt lif. þa suarar Alibrandr. þat segi ek nu alldri. þui at ekki hirði ek nu um lifit heðan i fra. er sua gomul gragas skal mik hafa yfirstigit. Hilldibrandr maellti. Villtu hallða þinu lifi. þa seg mer skiott. ef þu ert Alibrandr minn son. þa em ek Hilldibrandr þinn fadir. þa suarar hinn ungi. Ef þu ert Hilldibrandr minn faðir. þa em ek Alibrandr þinn son. þa stendr upp Hilldibrandr skiott af honum ok Alibrandr a sina foetr. ok kyssaz ok kennaz nu við. Verðr nu Hilldibrandr allfeginn sinum syni Alibrandi. ok Alibrandr slikt sama sinum feðr Hilldibrandi. Hlaupa nu a sina hesta or riða heim til borgarinnar [1]).

---

[1]) «Скоро ѣдетъ Гильдибрандъ по дорогѣ, что лежала къ Берну, и когда былъ въ виду города, какой-то мужъ выѣхалъ ему на встрѣчу съ двумя псами, а на лѣвой рукѣ у него ястребъ. Рослый былъ тотъ мужъ верхомъ на конѣ, ловко сидѣлъ на немъ; конь у него бѣлый и весь доспѣхъ бѣлый, а на немъ изображенъ Бернъ съ золотыми башнями. Ѣдетъ Гильдибрандъ на встрѣчу мужу и кажется ему, что онъ не менѣе мнитъ о себѣ, чѣмъ онъ. Когда увидѣлъ Алибрандъ, что на него ѣдетъ вооруженный человѣкъ, ѣдетъ храбро на встрѣчу, видимо не уклоняясь отъ него, разгнѣвался; показалось ему, что тотъ думаетъ съ нимъ биться. Крѣпко подвязалъ онъ свой шлемъ, закинулъ щитъ на грудь, выставилъ впередъ свое копье и пришпорилъ коня. Какъ увидѣлъ Гильдибрандъ, что Алибрандъ изготовился, загородилъ свою грудь щитомъ, выставилъ впередъ свое копье, пришпорилъ коня и не менѣе храбро поѣхалъ ему на встрѣчу. Наѣхали они другъ на друга; каждый такъ сильно всадилъ копье въ щитъ другого, что оба древка сломались пополамъ.

Если отвлечь отъ пересказа Тидрексаги примиряющій исходъ повѣсти о боѣ и взять въ разсчетъ лишь то ея содержаніе, кото-

---

Скоро соскакивалъ съ коня старый и вынималъ мечъ; то-же сдѣлалъ и молодецъ; сошлись они и долгое время бились, пока оба не устали. Тогда они спустили свои щиты и оперлись на нихъ. Возговорилъ Алибрандъ: Кто этотъ старый, что̀ такъ долго противостоялъ мнѣ? Скажи поскорѣе свое имя и отдай свое оружіе, тогда ты сохранишь свою жизнь; коли ты не захочешь того сдѣлать, будетъ то въ уронъ тебѣ. Отвѣчалъ Гильдибрандъ: Коли хочешь узнать мое имя, то напередъ придется тебѣ назвать свое, да отдать свой мечъ и доспѣхи, прежде чѣмъ мы разстанемся, а если не сдѣлаешь того охотою, то сдѣлаешь неволею. — Тогда Алибрандъ бѣшено взмахнулъ мечемъ и ударилъ по старику, и Гильдибрандъ также взмахнулъ мечемъ и ударилъ насупротивъ. Жестокое началось побоище, и бились они во второй схваткѣ пуще прежняго. Притомились оба; Алибрандъ опустилъ щитъ и захотѣлъ отдохнуть, а также и Гильдибрандъ. Возговорилъ тутъ Алибрандъ: Коли скажешь твое имя и отдашь оружіе, то сохранишь свою жизнь, а коли такъ не сдѣлаешь, будешь убитъ. Не захотѣлъ ты сказать своего имени, когда мы встрѣтились, и то тебѣ не хула; а теперь скажешь его, побѣжденный, и оставишь всѣ твои доспѣхи безславно; въ противномъ случаѣ умереть. — Расходился тутъ молодецъ, хочетъ въ самомъ дѣлѣ убить его и изо всей силы ударилъ стараго; а тотъ защищается и того храбрѣе. Возговорилъ Гильдибрандъ: Ты не изъ роду-ли Ильфинговъ? Скажи мнѣ, и я дамъ тебѣ миръ; коли не такъ, убью тебя. — Отвѣчаетъ Алибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то сдайся; я не больше Ильфингъ, чѣмъ ты, а ты такъ простоватъ, хотя и старъ. Скажи-же скорѣе свое имя; когда-бы ты зналъ, кто я, не назвалъ-бы моего отца Ильфингомъ. — Схватились они другъ съ другомъ крѣпче прежняго; близко подошелъ къ нему старый, сильно рубитъ, нанесъ такой страшный ударъ по его бедру, что кольчуга разъѣхалась, а Алибрандъ получилъ большую рану, и его нога почти ему не служитъ. Говоритъ онъ: Вотъ мой мечъ, я отдаю его, ибо дольше не могу тебѣ противостоять: у тебя въ рукѣ сидитъ нечистый. — И онъ протянулъ руку; старый отклонилъ щитъ и потянулся рукою къ мечу, думалъ взять его, а Алибрандъ ударилъ стараго изподтишка, хотѣлъ отрубить ему руку — но тотъ быстро поднялъ щитъ и говоритъ: Этому удару научила тебя жена твоя, не отецъ! И такъ сильно налегъ старикъ, что молодецъ упалъ наземь, а старикъ на него сверху, приставилъ къ груди мечъ и говоритъ: Скажи мнѣ скорѣе свое имя и родъ, или ты разстанешься здѣсь съ жизнью. Отвѣчалъ Алибрандъ: Теперь-то я и не скажу его, ибо отнынѣ мнѣ жизнь ни почемъ, когда побѣдилъ меня такой старый, сѣдой гусь. — Говоритъ Гильдибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то говори скорѣе; коли ты сынъ мой Алибрандъ, то я отецъ твой Гильдибрандъ! Тутъ отвѣтъ держалъ молодецъ: Коли ты Гильдибрандъ, мой отецъ, то я твой сынъ Алибрандъ. — Скоро вставалъ съ него Гильдибрандъ, а Алибрандъ поднимался на ноги, цѣловались они и спознавались другъ съ другомъ. Очень обрадовался Гильдибрандъ сыну своему Алибранду, а Алибрандъ отцу своему Гильдибранду. Вскочили они на своихъ коней и поѣхали домой къ замку».

рое мы привели въ текстѣ, то получится схема, во всемъ отвѣчающая русскимъ былинамъ, разсмотрѣннымъ нами подъ № II, за исключеніемъ ихъ развязки:

1. Поѣздка Ильи и Добрыни = Гильдебранта и Конрада.
2. Илья-Гильтебрантъ встрѣчается съ сыномъ; описывается вооруженіе молодца; съ нимъ выжлецы и соколъ — ястребъ.
3. Бой идетъ сначала конный, потомъ пѣшій.
4. (Нѣм. сильный ударъ, нанесенный сыномъ, устрашаетъ отца—; русск. Илья падаетъ подъ ударомъ сына). Илья-Гильдебрандъ повергаетъ юнаго богатыря на землю и допрашиваетъ его.

Аттрибуты нашего Сокольничка-охотничка не могутъ быть случайными, и это ведетъ къ дальнѣйшему вопросу. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о Гильдебрандѣ старый витязь возвращается домой послѣ продолжительной отлучки, сынъ выѣхалъ изъ дома, очевидно, охотиться, иначе непонятны въ пересказѣ сѣверной саги, сопровождающія его собаки и ястребъ. Какъ поняты отношенія отца и сына въ русскихъ былинахъ, именно въ группѣ № II? Кто у себя дома — отецъ или сынъ? Рѣшающимъ для меня являются выжлецъ и соколъ: они не показываютъ на заѣзжаго богатыря. Пріѣзжалъ, стало быть, Илья Муромецъ? Я не рѣшусь отвѣтить на это положительно, какъ не могу придать рѣшающаго значенія Рыбн. II, № 64, хотя заключеніе былины и укладывается въ этотъ планъ: расправившись съ Соловникомъ, Илья Муромецъ поѣхалъ къ Кіеву

Ко ласкову ко князю ко Владимеру,
Бьетъ челомъ, покланяется:
«Ужь ты солнушко, Владимеръ князь, стольно-Кіевскій!
Ты прими меня во служеніе,
Граду Кіеву на стереженіе». (Сл. Гильф. № 114, въ концѣ).

Такъ ѣдетъ къ Кіеву и Чурила (сл. выше, стр. 115 слѣд.) и Алёша (сл. выше, стр. 281) въ пѣсняхъ, въ которыхъ эта черта не традиціонна.

Если Сокольникъ-охотникъ не могъ пріѣзжать издалека, то тѣмъ самымъ схему былинной группы № III, где Илья является защитникомъ Кіева противъ наѣзжей паленицы, слѣдуетъ признать поздней, навѣянной, быть можетъ, тѣми пѣснями, гдѣ такимъ защитникомъ выступаетъ юный богатырь (Михайло Даниловичъ, Ермакъ, Василій пьяница)[1]: въ нашемъ случаѣ были-бы только переставлены роли. Что и въ группѣ № III наѣзжій молодецъ являлся сокольникомъ-охотникомъ, тому доказательствомъ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12, гдѣ у паляницы

На право́й руки у нёй-то соловей сидитъ,
На лѣво́й руки да жавролёночекъ.

Я не знаю, какъ объяснить названіе Соловникова, Соловника въ относящемся сюда Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14. Простымъ-ли искаженіемъ изъ сокольника, какъ и въ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12 соловей замѣнилъ сокола (Соловей — соловникъ?). Либо соловникъ = цркврослав. славьникъ? «Каки ли славникы небн҃ыѥ. а҃ггл҃ъ не почтоше. ни помышльше что то ѥстъ. славникъ чл҃чкыхъ оусоумнѣшесе паче»; въ греч. текстѣ: «Ποίαν δορυφόριαν οὐράνιον καὶ ἀγγελικὴν μὴ τιμήσαντες μηδὲ ἐννοήσαντες, δορυφορίαν ἀνθρωπίνην ἐδυσωπήθησαν»[2]). Миклошичъ, Lex. a. v. славьникъ переводитъ славьници — δορυφορία, satellitium. — Слѣдуетъ замѣтить въ той-же былинѣ особенность въ описаніи боя: Илья бьетъ Соловника въ голову три раза и тотъ «не стряхнется». Это напоминаетъ пѣсню о Святогорѣ: русскій могучій богатырь ударилъ его копьемъ по плечамъ, а онъ только проговорилъ: «Какъ кусаютъ мухи русскія да до́-больня» (Гильф. № 119).

Что касается до І-й изъ разобранныхъ нами пѣсенныхъ группъ (см. также во 2-й группѣ былины съ мотивомъ заставы), то мнѣ представляется здѣсь вѣроятнымъ внѣшнее вліяніе плана

---

1) Сл. Южно-русскія былины I.

2) Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, изд. Бодянскимъ, въ Чтен. Импер. Общ. Ист. и Древн. 1879, III, л. ѯи, лиц.

былины о гибели богатырей (Кир. IV, стр. 108—115): она также открывается заставой, на которой, въ числѣ семи богатырей, стоятъ Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья; является Татаринъ, бусурманченокъ, противъ котораго выѣзжаетъ Добрыня, за нимъ Алеша; уже послѣ того былина выводитъ на сцену Илью, принимающаго участіе въ общей сѣчѣ. — Былина о боѣ у Кир. I, № 5, стр. 7—10 (сл. начало Кир. VII, Приложенія стр. 1—7) представляетъ тоже вступленіе: застава, появленіе проѣзжаго молодца, который иногда и называется Татарченкомъ-бусурманченкомъ (Кир. I, № 1—3, стр. 1—6); противъ него выѣзжаютъ другъ за другомъ Алеша, Добрыня, Илья; мѣсто дѣйствія — Сафатъ рѣка, какъ въ былинѣ о гибели богатырей. Обращу вниманіе и на совпаденіе запѣвовъ: въ былинѣ о гибели послѣдовательное появленіе Добрыни, Алеши и Ильи вызываетъ повтореніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой.

То-же въ пѣснѣ о боѣ (Кир. I, № 5, стр. 7—10; сл. ib. VII Приложенія стр. 1—7, № 1); я только поставилъ Софу-рѣку вмѣсто Днѣпра:

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Софу-рѣку,
На Софу-рѣку умыватися.

III.

Группа 2-ая выдѣляется, такимъ образомъ, для меня, какъ представляющая древнѣйшій типъ былины. Если стать на мою точку зрѣнія, то происхожденіе другихъ типовъ (I и 3-го) объяс-

нить будетъ легко. Во второй группѣ, т. е. въ ея древнемъ оригиналѣ, кіевское пріуроченіе отсутствовало, бой совершался въ одну изъ поѣздокъ Ильи: онъ наѣзжалъ на «сокольника». Позднѣе, когда Илья присталъ къ Кіеву, явился главнымъ стоятелемъ за нимъ, планъ мотива измѣнился: наѣзжалъ уже сокольникъ и Илья выходилъ къ нему на встрѣчу, чтобы помѣряться съ нимъ. Здѣсь представлялась возможность двоякой дифференціаціи: Илья выѣзжалъ противъ поединщика (группа № 3), либо стоялъ съ другими на заставѣ, когда ему пришлось вѣдаться съ пріѣзжимъ богатыремъ (группа № 1). Представленіе «заставы» всего глубже проникло въ былинный сюжетъ: мы встрѣтили его и въ пѣсняхъ, отнесенныхъ нами ко 2-й группѣ. Заставой открывалась и другая былина о боѣ: пѣсня о гибели богатырей на Руси; вліяніе ея запѣва на начальную сцену нашей былины представляется мнѣ вѣроятнымъ для нашей первой группы.

Труднѣе привести въ какую нибудь генеалогическую связь имена, съ которыми является мать сокольника, и то что о ней разсказывается въ пѣсняхъ. Въ группѣ 1-й ея имя: Латыгорка, Латымирка, Владимирка, Горынинка, Горынчанка (Амелфа); во второй: Сиверьянична и Горынинка («я того короля Задонскаго»), Авдотья Горынчанка, Златыгорка: въ 3-й: Натальюшка, честная вдова, Семигорка — баба да Владимірка. Преобладаетъ имя производное отъ *гора;* въ двухъ пѣсняхъ 2-й группы, гдѣ мать сокольника названа Сиверьяничной, самъ сокольникъ говоритъ о себѣ, что онъ «изъ *золотой орды*», «*золотничанинъ*»; такъ еще въ одной былинѣ Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65, гдѣ Добрыня, замѣнившій Илью, бьется съ Бухарскимъ королемъ изъ *золотой орды*, котораго отсылаетъ къ матери съ челобитьемъ. Былина, какъ мы видѣли, сводная, но прозвище по золотой ордѣ интересно: я не прочь сблизить его съ однимъ изъ варьянтовъ имени матери: *Златыгорка*, т. е. Латыгорка (сл. латырь и златырь). Съ другой стороны Горынинка одной пѣсни 2-й группы называетъ себя королевной Задонской, а выше (стр. 316—17)

было указано, что она тождественна съ Авдотьей Горынчанкой, которую Илья одолѣлъ въ чистомъ полѣ, отъ которой прижилъ сына Бориса: съ нимъ онъ и бьется впослѣдствіи, тогда какъ Добрыня вѣдается съ его матерью. Если въ той-же пѣснѣ первой группы сынъ Ильи названъ «Збутъ Борисъ королевичъ младъ» (сл. Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65: король), то это также указываетъ на царское происхожденіе его матери — тождественной съ Сиверьяничной, которая говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ 2-й группы: онъ (Илья) меня въ полѣ побилъ, со мною грѣхъ творилъ и т. д. Мы получаемъ уравненіе: Горынинка (Латыгорка и т. д.) = Сиверьянична = королевна. Ея отношенія къ Ильѣ, лишь намѣченныя въ пѣсняхъ всѣхъ 3-хъ группъ, являются главнымъ образомъ развитыми въ группѣ 2-й, которую, съ другихъ точекъ зрѣнія, мы признали болѣе древнею. Былина о трехъ поѣздкахъ Ильи (Кир. I, стр. 88—9, № 2; Гильф. № 221, 264; Рыбн. II, № 62 и друг.) знаетъ также о какихъ-то его отношеніяхъ къ «королевичнѣ», очевидно, не досказанныхъ: Илья доѣхалъ до распутія и направился по дорогѣ, на которой было написано, что ему «женату быть». Этого ему не случилось; королевична встрѣчаетъ его, приглашаетъ лечь на кроватку «волшебную», «подложную», но Илья, догадавшись объ ея коварствѣ, кладетъ её туда самъ, и она проваливается въ погреба глубокіе, откуда Илья выпускаетъ заключенныхъ ею богатырей; её самое онъ размыкалъ жеребцами, а богатырямъ роздалъ все богатство.

Коварство королевичны, ничѣмъ не объясненное, получаетъ смыслъ, если мы сопоставимъ ее съ паленицей-королевной второй группы: ея враждебное появленіе въ развязкѣ одной пѣсни и одной побывальщины, очевидно, мотивировано местью, какъ и вражда сына къ отцу. Съ сыномъ расправляется Илья, съ матерью Добрыня при помощи Ильи. Добрыня хочетъ убить её, но она взмолилась Ильѣ, обѣщаетъ показать погребъ съ золотой казною. Богатыри дивуются злату серебру; оглянулся Илья, а тѣмъ временемъ Добрыня бабѣ голову срубилъ (Кир. I,

стр. 11—15, № 6). Обѣщаніе показать погребъ было, быть можетъ, такой-же коварной уловкой, отводомъ глазъ, какъ приглашеніе на постель, устроенную надъ западней.

Въ пѣсняхъ I и III-й группы, сократившихъ роль матери, трагическая развязка исчезла, не потому чтобъ она выпала, какъ выше (стр. 324) мы объяснили въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ отсутствіе трагической развязки при сынѣ; здѣсь она замѣнена другою: мать просто указываетъ сыну, побѣжденному неизвѣстнымъ ему старымъ богатыремъ, что онъ и есть его отецъ, а въ нѣкоторыхъ варіантахъ даже наказываетъ Сокольнику — поклониться ему, если встрѣтитъ его въ полѣ. Только двѣ пѣсни удержали, но въ подновленномъ видѣ, трагическій исходъ, заставивъ — сына покуситься на жизнь матери [1]).

---

[1]) Библіографія распространеннаго пѣсеннаго и сказачнаго сюжета о борьбѣ отца съ сыномъ была собираема и пополняема не разъ. Я надѣялся открыть нѣчто новое въ брошюрѣ Heinrich von Wisłocki, Eine Hildebrands-Ballade der transsilvanischen Zigeuner (Lpz. 1880), но жестоко ошибся, повѣривъ заглавію: парень убиваетъ въ лѣсу странника, бросаетъ его трупъ въ «священную рѣку» и спѣшитъ къ матери Bakilo съ платомъ (Tuch), который онъ взялъ у убитаго. По немъ мать узнаетъ, что ея сынъ убилъ собственнаго своего отца, Thagar'a. — Съ мотивомъ баллады о Гильдебрандѣ эта пѣсня ничего не имѣетъ общаго, какъ «священная рѣка» съ Гангомъ, память котораго будто-бы сохранили на своихъ далекихъ странствованіяхъ Цыгане.

X.

Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ — Илья Муромецъ и Идолище.

Разбирая пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ я указалъ на черты сходства между вступительной сценой ихъ первой группы и былиной о «гибели богатырей». Я присоединю къ этимъ сближеніямъ еще одно, открывающее намъ любопытныя точки зрѣнія на процессы пѣсеннаго сложенія — и искаженія.

До насъ дошла одна полная былина (Кирша Даниловъ, стр. 180—94 = Кир. II, № 1, стр. 70—80 = Сахаровъ, Сказ. русск. народа, т. I, 1841 г.: Народныя русскія былины, стр. 22—26), два прозаическихъ пересказа (Потанинъ, Юго-Западная часть Томской губерніи, Этнограф. Сборн. VI, 102—4; Аѳанасьевъ, Нар. Русск. Ск., № 177) и двѣ эпизодическихъ пѣсни (Рыбн. III, № 20, Гильф. № 99) объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ. Былина Кирши представляетъ довольно запутанный сводъ разнообразныхъ былевыхъ мотивовъ, значительно затрудняющій уясненіе ея первоначальнаго содержанія — если не вѣрнѣе будетъ говорить о содержаніи двухъ пѣсенъ, сплотившихся другъ съ другомъ и вдобавокъ притянувшихъ къ себѣ общія мѣста

нѣкоторыхъ другихъ былинъ. — Въ виду сложности вопроса я разобью былину на нѣсколько мелкихъ отдѣловъ, значеніе которыхъ уяснится намъ при дальнѣйшей попыткѣ возстановленія.

1. «Два могучіе богатыря», Алёша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, выѣзжаютъ изъ Ростова (обычная въ позднѣйшую пору локализація Алёши) въ поле чистое, наѣхали на «горючъ камень» при распутіи; на камнѣ надпись: одна дорога лежитъ въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ, «ко ласкову князю Владиміру». Алёша держитъ поворотъ къ Кіеву.

Не доѣхавши они до Сафатъ-рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыихъ,
Надо Алёшѣ покормить добрыхъ коней;
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алёша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши
Молодой Екимъ со добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкой утирается,
На востокъ онъ Алёша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ-рѣку.

2. Велѣвъ осѣдлать ихъ, Алеша вмѣстѣ съ Екимомъ ѣдетъ къ Кіеву; на встрѣчу имъ калика перехожій, говоритъ:

Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежь плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Алеша мѣняется съ каликой платьемъ, беретъ у него его лапотки, «шляпу Сорочинскую, земли греческой» и шелепугу подорожную,

3. идетъ за Сафатъ рѣку, гдѣ встрѣчается съ Тугаринымъ Змѣевичемъ, бьется съ нимъ и «отрѣзалъ ему голову прочь». Возвращаясь къ шатрамъ въ цвѣтномъ платьѣ Тугарина, онъ не узнанъ ни Екимомъ, ни каликой: Екимъ Ивановичъ, принявъ его за Тугарина, бросаетъ въ него палицей и угодилъ прямо во груди бѣлыя. Упалъ Алеша; Екимъ сѣлъ на него, сбирается его доканать, когда увидѣлъ на немъ «золотъ чуденъ крестъ» и призналъ своего «братца родимаго».

Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
«По грѣхомъ надо мной Екимомъ учинилося,
Что убихъ своего братца родимаго!»
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго:
Оттого онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алёша свое богатырское,
. . . .
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,

4. гдѣ Владиміръ ихъ учествовалъ, сажаетъ Алешу въ большое мѣсто, но онъ садится «со своими товарищи на полатной брусъ».

Мы видѣли, что Тугаринъ — убитъ въ бою съ Алешей, между тѣмъ теперь его несутъ на «доскѣ красна золота» двѣнадцать богатырей, сажаютъ въ мѣсто большее подлѣ княгини Апраксѣевны.

А Тугаринъ Змѣевичъ не честно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И не честно Тугаринъ питья пьетъ,
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.

И говорилъ втапоры Алёша Поповичъ младъ:
«Гой еси ты, ласковой сударь Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Не честно у князя за столомъ сидитъ,
Ко книгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
Цѣлуетъ во уста сахарныя,
Тебѣ князю насмѣхается.
А у моего сударя батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася:
Взялъ её за хвостъ, подъ гору махнулъ;
Отъ меня Тугарину то-же будетъ!»
Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь.

5. На столъ подаютъ «лебедушку бѣлую»;

И ту рушала княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила,
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини-боярыни,
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на милъ животъ,
На молода Тугарина Змѣевича».

6. Тугаринъ проглатываетъ за-разъ цѣлую лебедь и ковригу монастырскую. Алеша глумится:

«Гой еси, ласковой осударь Владиміръ князь,
Что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Не честно за столомъ сидитъ,
Не честно хлѣба съ солью ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
У моего сударя батюшки,
Өедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,

Насилу по двору таскалася:
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя,
Оттого она лопнула, —
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
Отъ меня Тугарину то-же будетъ!»
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алёшу Поповича;
Алёша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него.
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алёшѣ Поповичу:
«Самъ-ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?».
— Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;

7. Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
А бьюсь о своей буйной головѣ. —
Втапоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки держатъ:
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесять, крестьяне по пяти рублевъ;
Тутъ-же случилися гости купеческіе,
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ владыка Черниговской.

8. Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.

Княгиня упрекаетъ Алешу, что онъ не далъ посидѣть ея другу милому; а Алеша поѣхалъ съ товарищами на Сафатъ-рѣку, сталъ въ шатрахъ и всю ночь молится, чтобы Господь послалъ тучу грозную съ дождемъ и градомъ, подмочило-бы бумажныя крылья

у Тугарина. Молитва услышана, Тугаринъ падаетъ на землю, и Алеша съѣхавшись съ нимъ, прибѣгаетъ къ такому-же обману, какъ Александръ въ битвѣ съ Поромъ въ пересказѣ сербской Александріи: говоритъ, что Тугаринъ обѣщалъ биться съ нимъ одинъ на одинъ, а привелъ за собой несмѣтную силу. Тугаринъ оглянулся, а Алеша пользуется этимъ, чтобъ срубить ему голову, которую привозитъ въ Кіевъ и бросаетъ «среди двора княженецкаго».

9. Говорилъ Владиміръ князь:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ!
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ князю Владиміру,
До люби тебя пожалую.

А княгиня бранитъ его деревенщиной, засельщиной за то, что разлучилъ её «съ другомъ милымъ» — и Алёша не остается у ней въ долгу.

Былина Рыбн. III, № 20 приблизительно отвѣчаетъ 5 и слѣд. §§ пересказанной нами пѣсни: въ Кіевѣ «объявилось новое чудовище», Тугаринъ Змѣевичъ; за столомъ онъ глотаетъ по цѣлой лебеди и по чарѣ заразъ; Алеша, сынъ Левонтья попа Ростовскаго, глумится надъ нимъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ большой пѣсни; Тугаринъ бросаетъ въ него ножемъ, который налету подхватываетъ слуга Алешинъ, «Акимъ Паробокъ». Онъ спрашиваетъ Алешу: самъ-ли онъ пойдетъ «супротивиться» съ Тугаринымъ, или его пошлетъ. «Не куда уйдетъ гагара безногая», отвѣчаетъ тотъ; слѣдующій за тѣмъ бой описанъ кратко:

Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
И убилъ Тугарина Змѣевича.

Описаніемъ этого боя (§ 8 большой былины) ограничивается Гильф. № 99; у Тугарина бумажныя крылья, онъ названъ Идолищемъ («Задолище») поганымъ; но подробности боя иныя. — Сказка, напечатанная Аѳанасьевымъ III, № 177 и сохранив-

шая ясные слѣды пѣсеннаго склада, начинается съ рожденія Алеши (отецъ: Леонтій попъ) и выѣзда его въ Кіевъ съ Марышкомъ Парановымъ сыномъ (= Акимъ Паробокъ); Тугаринъ Змѣевичъ обнасильничалъ Кіевъ, обнимается съ княгиней, по ковригѣ за щеку, по другой за другую кладетъ, на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, «пирогомъ попихнулъ, все вдругъ проглотнулъ». Слѣдуетъ перебранка съ Алешей, въ котораго Тугаринъ пускаетъ ножемъ; Алеша подхватываетъ его; Марышко бросаетъ Тугарина «о палату бѣлокаменну», проситъ ножа, чтобъ покончить съ нимъ, но Алеша велитъ отпустить его въ поле, гдѣ онъ съ нимъ вѣдается на другой день. Тугаринъ летаетъ по поднебесью, но по молитвѣ Алеши дождь подмочилъ его «крыльица бумажныя», и онъ палъ на сыру землю. Въ битвѣ съ нимъ повалился Алеша, но успѣлъ увернуться подъ «конное че́рево» и убиваетъ Тугарина, голову котораго везетъ въ Кіевъ [1]).

Обратимся къ разбору большой былины у Кирши.

I.

Она, несомнѣнно, сводная, представляетъ контаминацію двухъ пѣсенъ, въ которыхъ одинаково являлся Алеша; и та и другая заключались его поединкомъ съ врагомъ. Контаминація, принадлежащая, вѣроятно, новѣйшему времени, такъ какъ еще ясны слѣды механическаго свода. Обѣ части нынѣ сводной былины кончались смертью Алешина противника, и это обстоятельство удержано вмѣстѣ съ именемъ врага, убитаго въ первомъ бою и снова являющагося въ послѣднемъ. Первый происходилъ на Сафатъ-рѣкѣ; такъ могло быть въ первой пѣснѣ; далѣе Алеша ѣдетъ въ Кіевъ, происходитъ извѣстная сцена съ Туга-

---

[1]) Сказка о Ѳедорѣ Тугаринѣ и Анастасіи Прекрасной, у Аѳанасьева I, № 95 не имѣетъ ничего общаго съ Тугаринымъ былинъ, кромѣ той черты, что конь Ѳедора, попасшись три зари на росѣ «ставъ носить въ пол-дерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па *паднебесью*».

ринымъ при дворѣ Владиміра, а послѣдній поединокъ съ Тугаринымъ опять перенесенъ на Сафатъ. Ясно, что локализація первой пѣсни повліяла на вторую, какъ, наоборотъ, эпизодъ, которымъ открывалась вторая (§ 2), проникъ въ составъ первой, гдѣ онъ, очевидно, не у мѣста: я разумѣю введеніе калики и вызванный имъ двоякій мотивъ переодѣванія (Алеша переодѣвается каликой, затѣмъ наряжается въ цвѣтное платье Тугарина).

Первая пѣснь могла обнимать §§ 1 и 3; я сомнѣваюсь, чтобъ въ ней уже находилось *имя* Тугарина. Алеша выѣхалъ съ Акимомъ Ивановичемъ на Сафатъ-рѣку, гдѣ бьется съ врагомъ. Это — схема пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, группа I-ая [1]), и былины о гибели богатырей. Послѣднюю напоминаетъ въ особенности § 3: Алеша, возвращаясь съ боя въ одеждѣ Тугарина, убитъ своимъ братомъ (названымъ?) Акимомъ, который оживляетъ его питьемъ заморскимъ. Я приравниваю къ этому эпизоду сходный въ пѣснѣ о гибели богатырей: Добрыня убитъ Татариномъ въ схваткѣ на Сафатъ-рѣкѣ; Алеша (его названый братъ) оживляетъ его при помощи живой и мертвой воды, за которыми воронъ слеталъ на синё-море.

Оживленіе Алеши дало возможность приплесть къ этой пѣснѣ другую, содержаніе которой обнимало § 2 и §§ 4—9: я разумѣю общія очертанія былины, не обращая пока вниманія на позднѣйшіе наросты, на которыя укажу далѣе. Алеша ѣхалъ къ Кіеву; калика перехожій говорилъ ему о Тугаринѣ; переодѣвшись въ каличье платье, богатырь приходитъ въ Кіевъ, гдѣ на пиру перебранивается съ Тугаринымъ, котораго потомъ и убиваетъ въ схваткѣ.

Хорошимъ подтвержденіемъ моего анализа является прозаическій пересказъ той-же былины, записанный (къ сожалѣнію по памяти) въ Томской губерніи Потанинымъ. Ѣдутъ два богатыря, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, подъѣзжаютъ

---

[1]) Ср. также въ началѣ былины — распутія, напоминающія такое-же вступленіе въ старину объ Алешѣ (Ефименко l. c., № VII, стр. 25 слѣд.), кончающуюся боемъ Ильи съ сыномъ.

къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ градъ, другая въ Путиловъ градъ; Алеша хочетъ ѣхать по второй, но Екимъ его отговариваетъ. Далѣе новыя розстани: одна дорога въ Кіевъ, другая въ Черниговъ; новыя колебанія Алеши, и снова Екимъ уговариваетъ его держать путь къ Кіеву. Возлѣ дороги дерево, на немъ черный воронъ, съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, словно надъ богатырями насмѣхается. Алёша собирается подстрѣлить его, но тотъ провѣщился: пусть не тратитъ стрѣлу по напрасну, а ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ въ гостяхъ у Владиміра живетъ Тугаринъ Змѣевичъ, живетъ не два, а ровно три года, и князь ему не радъ. — Пріѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алёша Поповичъ не садится въ мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю: всѣ удивляются ковру. Слѣдуетъ перебранка съ Тугаринымъ, выпивающимъ за-разъ по ведру вина, проглатывающимъ по ковригѣ, и типическая для этого круга былинъ замѣтка Алёши: объ отцовской коровѣ, выпившей черезъ мѣру («ведро гущи»). Тугарину это за бѣду стало: въ поединкѣ съ Алёшей онъ также поднимается на бумажныхъ крыльяхъ, но по молитвѣ русскаго богатыря сдѣлалась гроза, крылья подмокли и врагъ упалъ на землю. Алёша отрубилъ ему голову и сталъ звать Екима Ивановича; тотъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько Алёшу, повалилъ его, началъ бить и спохватился лишь когда тотъ подалъ голосъ. Возвращаясь въ Кіевъ Алёша знаетъ, что всѣ будутъ рады его подвигу, не рада одна Апраксѣевна; голову Тугарина онъ бросаетъ посреди двора: «вотъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатися»; а княгиня вышла на крыльцо и сказала: «Стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйною головой добраго молодца».

Новымъ въ этой былинѣ является общее мѣсто о вѣщемъ воронѣ [1]), замѣнившее эпизодъ о каликѣ. Послѣдній, вѣроятно, находился въ оригиналѣ былины; несомнѣнно во всякомъ случаѣ,

[1]) Объ этомъ эпизодѣ см. выше, стр. 138.

что въ Кіевъ Алёша является *переодѣтымъ*, ему и отводится небогатырское мѣсто, на печномъ столбѣ (въ былинѣ: «на полатномъ брусѣ»); судя по подробности о коврѣ, можно предположить, что онъ явился — купцомъ. Съ другой стороны въ Потанинскомъ пересказѣ нѣтъ перваго поединка съ Тугаринымъ, и ошибка Акима отнесена къ послѣдней битвѣ съ нимъ Алёши. Это увлеченіе Акима напомнило какому-нибудь сказителю сходныя черты въ былинѣ «о гибели богатырей», и онъ перенесъ соотвѣтствующія подробности пѣсни о Тугаринѣ къ ея началу, опустивъ её тамъ, гдѣ она была у мѣста, т. е. въ концѣ.

Освобожденная отъ этихъ искаженій и приставокъ былина объ Алёшѣ и Тугаринѣ отвѣчаетъ схемѣ былинъ объ Ильѣ и Идолищѣ. Почти тѣ-же подробности, иногда однѣ и тѣ-же выраженія.

Я указалъ въ другомъ мѣстѣ [1]), что мѣсто дѣйствія пѣсенъ объ Идолищѣ колеблется между Кіевомъ и Царьградомъ. Въ слѣ-

---

[1]) Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд. — *Былины объ Ильѣ и Идолищѣ*: Рыбн. I, № 15 (Кіевъ, Одолище, Идолище), 16 (прозаическій пересказъ: Илья ѣдетъ въ Идольское царство), 17 (Царьградъ, Идолище = Гильф. № 48); III, № 7 (= Гильф. № 144: Кіевъ, Татаринъ), 8 (Идолище, мѣстнаго опредѣленія нѣтъ), 9 (Царьградъ, Издолина); Кир. IV, № 4, стр. 18—21 (Кіевъ, Идолище), № 5, стр. 22—38 (Іерусалимъ = Царьградъ. Одолище); ib. I Прилож. стр. XIV—XVI (изъ Сахаровской сказки: Кіевъ, Идолище), стр. XXI—XXII (изъ сказки у Аѳанасьева: Кіевъ, Идолища); Гильф. № 4 (Кіевъ, Татаринъ = Идолищо), 22 (Кіевъ; Батыга Батыговичъ = Одолище), 106 (Кіевъ, Идолище), № 120 (Одолище въ городѣ Кряковѣ?), 144 (Кіевъ, Татаринъ = Идолище), 178 (Кіевъ, Идолищо), 186 (Кіевъ, Идолищо), 196 (Царьградъ, Идолищо), 232 (Царьградъ, Издолищо), 245 (Кіевъ, Батыга Батыговичъ = Едолище). — Сл. Барсовъ, Памятники народнаго творчества въ Олонецкой губерніи (СПБ. 1873): Илья Муромецъ, № 1-й, стр. 22—29 (первая половина пѣсни) и № 2-й, стр. 29—34 (Царьградъ). Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ крайне-испорченной сводной былинѣ у Ефименка, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2, № VIII, стр. 82 слѣд.: старина про Илью Муромца. — Эпизодъ объ Идолищѣ, убитомъ Ильею, включенъ въ нѣкоторые пересказы былины о Дюкѣ (см. выше, стр. 137—8); Одолище, какъ эпитетъ, прозвище врага вообще см. въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, Кир. III, № 1, стр. 9 слѣд.); какъ эпитетъ Горыница поганаго, любовника Марины у Гильф. № 122. — Былины объ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ (Гильф. №№ 220, 239, 249, 257, 281) и Каликѣ-богатырѣ (ib. №№ 101, 207) — эпизоды пѣсни объ Идолищѣ. — Сл. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 739 слѣд.

дующей характеристикѣ ихъ, примѣнительно къ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ, я не обращаю вниманіе на эти отмѣны.

Илья ѣдетъ въ Кіевъ — или Царьградъ — который обнасильничалъ Идолище поганое (Одолище поганое — Батыга Батыговичъ, у Гильф. № 22; Татаринъ ib. № 144; Издолина Рыбн. III, № 9; Мамай въ пѣснѣ у Ефименка, № VIII). Вѣсти о томъ сообщаетъ Ильѣ калика, встрѣтившійся съ нимъ на пути. Такъ въ 7 былинахъ изъ 11. Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ, говоритъ онъ,

Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничалъ Идолище поганое,
Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
У княгини держитъ руки въ пазухѣ.

(Кир. IV, № 4, стр. 18 слѣд.); или:

Сидитъ Татаринъ между княземъ и княгиною,
Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати

(Гильф. № 144);

А къ царици сидитъ онъ лицинищомъ,
А къ царю Костянтину Боголюбовичу,
А къ царю сидитъ онъ хребтинищомъ

(ib. № 196);

Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Іеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,
Тамъ обсилило проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царицею,
Межъ Сурывливымъ Васильемъ Боголюбовымъ.

(Барсовъ, l. c. № 2, стр. 29—30).

Часто это описаніе дополняется характеристикой роста и гигантскаго аппетита Идолища:

Въ долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,

Головища его какъ пивной котелъ,
Глаза у него какъ чаши питейныя,
Носище какъ палка дровокóльная.

(Кир. IV, № 5, стр. 23; сл. Гильф. №№ 48, 196);

Онъ пó кулю да хлѣба къ выти ѣстъ,
По ведру вина да онъ на разъ-то пьетъ

(Гильф. № 4 и др.).

— Помѣнявшись платьемъ съ каликой перехожимъ, Илья приходитъ въ Кіевъ — или Царьградъ — на царскій дворъ милостыню просить, и завязывается его разговоръ съ Идолищемъ: великъ-ли у васъ казакъ да Илья Муромецъ, по многу-ли ѣстъ и пьетъ? Илья отвѣчаетъ:

Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
Ужь онъ такъ великъ какъ я же есть

(Гильф. № 4);

Ростомъ возрастомъ онъ ровёнъ со мною

(Кир. IV, № 5, стр. 28; сл. Гильф. №№ 22, 48, 196).

Его аппетитъ, столь-же скромный, вызываетъ похвальбу врага, типически повторяющуюся въ однихъ и тѣхъ-же, либо сходныхъ образахъ, напр.

Я пó хлѣбу кладу зá щеку,
А по дрýгому кладу я за другую,
Лебедь бѣлую на закусочку,
Ведро мѣрное да на запивочку

(Гильф. № 178; Барсовъ, l. с. № 2, стр. 33 и друг. Сл. еще сказку объ Алешѣ у Аѳанасьева).

Какой это богатырь, говоритъ Идолище объ Ильѣ:

А былъ-бы то вѣдь здѣ да богáтырь тотъ,
Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
Другой рукой опять бы сверхý прижалъ,
А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ.

(Гильф. № 48; сл. ibid. № 144; Кир. IV, № 5, стр. 29).

Въ лубочной сказкѣ «идолище проситъ есть, и принесли ему быка целова жирнова, и онъ ево и с костми съелъ. И ідолища попросилъ пить, и принесли котелъ пива, а несли 12 члвкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. — Илья Муромецъ говоритъ: Была у моего батюшки кобыла обжерлива, обожралась и іздохла»[1]). Таковъ и обычный отвѣтъ Ильи въ былинахъ:

Какъ у моего было у батюшка
Большобрюхая коро́вищо обжорищо,
Она много ѣла-пи́ла, да и лопнула

(Гильф. № 178);

У насъ какъ у попа было ростовскаго
Какъ была что корова обжориста,
А много она ѣла, пи́ла, тутъ и трёснула,
Тебѣ-то бы поганому да также быть

(ib. № 48);

Какъ у нашего попа да Левонтья да Ростовскаго
Какъ бывала тутъ коровища обжорища и т. д.

(ib. № 4).

Съ Левонтіемъ ростовскимъ попомъ мы не только возвращаемся къ Алешину роду, какъ онъ установился въ былинахъ, но и къ нашей пѣснѣ о Тугаринѣ, гдѣ мы встрѣтили тоже общее мѣсто (§ 6: У моего сударя батюшки, Ѳедора попа Ростовскаго и т. д.), тогда какъ другое (l. c. § 4: А у моего сударя батюшки Была собачища старая и т. д.) попалась мнѣ въ одной изъ былинъ объ Идолищѣ (Ефименко, l. c. № VIII, стр. 35):

А была у Владиміра собака обжорлива,
По подстолью собака водилася,
Косьемъ та собака подавилася,
Тутъ собакѣ и смерть пришла.

(Сл. Кир. IV, № 5, стр. 29: Встарь было у князя у Владиміра,— Было коровище обжористо).

---

[1]) Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. I: История о славномъ и о храбромъ богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике, стр. 7.

Разгнѣванный этими насмѣшками Идолище бросаетъ въ Илью ножемъ, но тотъ отвернулся во время и самъ убиваетъ противника, либо шляпой земли греческой, либо клюкой сорочинскою; или онъ ударяетъ Идолищемъ о сыру землю и т. п. Только у Рыбн. III, № 8 и въ сводной былинѣ у Барсова (l. c. № 1, стр. 25) дѣло кончается боемъ:

Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко̀ поле,
Отвѣдаемъ-ко силы богатырскоей! —
— Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна.

Легко убѣдиться, что былина объ Идолищѣ совершенно отвѣчаетъ пѣснѣ о Тугаринѣ. Разница — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ: Алеша и Илья; Тугаринъ Змѣевичъ и Идолище. Вспомнимъ, что у Гильф. № 99 самъ Тугаринъ названъ Идолищемъ («Задолище»), а въ Сказаніи о кіевскихъ богатыряхъ «какъ ходили во Царьградъ» онъ является, рядомъ съ Идолищемъ жидовскимъ, Идоломъ Скоропитомъ (по буславск. списку) или Скоропѣевичемъ (списокъ Барсова), въ числѣ противниковъ русскихъ богатырей. Скоропитъ, Скоропѣевичъ = Змѣевичъ [1]); Тугаринъ такой-же Идолъ Скоропѣевичъ. — Какъ Идолище обнасильничалъ Кіевъ-Царьградъ, такъ и Тугаринъ въ пѣснѣ объ Алешѣ: иначе трудно объяснить благодарственныя рѣчи къ нему Владиміра, когда онъ низложилъ врага (сл. § 9). Идолище обнасилилъ божьи церкви, святые образа (сл. Гильф. № 48), не даетъ воли князю съ княгиней, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.). Былина объ Алешѣ развила послѣдній мотивъ новымъ: любовныя слабости Апраксѣевны къ каликѣ Михайлѣ и Чурилѣ уже сложились, вѣроятно, въ былевой типъ, когда насильничаніе Тугарина было понято какъ пріятное — именно княгинѣ: что

[1]) Сл. Разысканія въ области русск. духовн. стиховъ I: Св. Георгій, стр. 115—116, прим. 2. Въ романскихъ нарѣчіяхъ лат. scorpio переходитъ къ значенію ящерицы (пров. estrapioun), саламандры и даже сверчка, какъ, наоборотъ, слав. ящеръ, ящуръ обозначаетъ и ящерицу, и змѣю, и мышь.

онъ кладетъ ей руки въ пазуху (§ 4) могло быть уже въ старой пѣснѣ, но смыслъ этого акта измѣнился, когда княгиня въ состояніи такъ залюбоваться на Тугарина, что порѣзала себѣ руку, рушая лебедь бѣлую. Вспомнимъ тотъ-же эпизодъ въ пѣснѣ о Чурилѣ, Гильф. № 223:

Прекрасная княгиня-та Апраксія
Да рушала мясо лебеди́ное,
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Обрѣзала да руку бѣлу правую,
Сама говорила таково слово:
«Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
Да что обрѣзала я руку бѣлу правую:
Да помѣшался у меня разумъ въ буйно́й головѣ,
Да помутилисе у мн'я-де очи ясные,
Да смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову.

Бой съ Тугариномъ, заканчивающій былину, обыкновенно разнится въ подробностяхъ отъ боя Ильи съ Идолищемъ. Эта разница не на столько существенна, чтобъ она могла ослабить впечатлѣніе родства и почти тождества, которое раскрылось намъ изъ сличенія двухъ былинъ: объ Идолищѣ и Тугаринѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, у Рыбн. III, № 8, черты положительнаго тождества: Идолище «ѣздитъ подъ облакой», а Илья молитъ о дождѣ, «чтобы подмочило у Идолища добра коня крылатаго, Опустилось бы Идолище на сыру землю, Поѣхало-бъ Идолище по чисту полю». Лишь когда врагъ спустился на землю, Илья вступаетъ съ нимъ въ бой; стало быть, какъ въ былинѣ объ Алешѣ. Что до одного мелкаго эпизода послѣдней, связаннаго съ разсказомъ о боѣ, то онъ едва-ли оригиналенъ: какъ за Тугарина держатъ поруки князья и бояре и гости купеческіе, а за Алешу владыка Черниговскій, такъ и въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 5:

За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де, гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;

А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ, —
Пригодился тутъ владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей, —
Подписалися.

II.

Чередованіе именъ Ильи и Алеши въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія и направленія ставитъ вопросъ о причинахъ этой смѣны и о времени, когда она совершилась. Предполагать её поздней нельзя; типъ Алеши, какъ онъ теперь и, вѣроятно, задолго передъ тѣмъ, сложился въ пѣсенномъ эпосѣ, не ладился-бы въ одной и той-же роли съ Ильей. Я предполагаю что и былина о Тугаринѣ съ Алешей и пѣсни объ Идолищѣ — продукты разложенія болѣе древняго сказанія, на составъ котораго можетъ отчасти указать «Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ».

Разбирая былины объ Идолищѣ и о Голяхъ кабацкихъ [1]), фабула которыхъ является пріуроченной то къ Кіеву, то къ Царьграду, я замѣтилъ, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣло Идолище; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ (Идолище, Голи Кабацкіе), первоначально пріуроченныхъ къ Кіеву или Царьграду, а нынѣ разсказывающихся безразлично о томъ и другомъ [2]). Былина № 232 Гильф. распредѣляетъ ихъ такимъ образомъ, что сцена съ Голями, вызвавшая неудовольствіе Ильи на князя и его удаленіе, помѣщена въ Кіевѣ, а бой съ Идолищемъ въ Царьградѣ. «Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно» [3]). Въ настоящее время

[1]) Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд.
[2]) ib. стр. 58.
[3]) ib. стр. 59.

я склоненъ видѣть въ Гильф. № 232 древнѣйшій видъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ объ Идолищѣ, за которыми поднимается болѣе древній типъ пѣсни — въ Сказаніи о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ.

Сказаніе это дошло до насъ въ двухъ спискахъ: XVII (Барсова)[1] и XVIII вѣка (Буслаева)[2], сохранившихъ въ неодинаковой мѣрѣ складъ былеваго стиха, но несомнѣнно восходящихъ къ одному и тому-же пѣсенному тексту, такъ что, пользуясь тѣмъ и другимъ, можно приблизительно возстановить схему подлинника. Барсовскому списку принадлежитъ преимущество языка, болѣе древняго и народнаго, за то встрѣчаются пропуски и дублеты, не объяснимые эпическимъ повтореніемъ. Такъ въ самомъ началѣ Барсовскій текстъ представляетъ несомнѣнный пропускъ обычнаго запѣва: описанія княжескаго пира:

Во столномъ славнемъ граде Киеве
Говоритъ князь Владимеръ Всеславичъ Кіевской.

Въ спискѣ Буслаева:

В столномъ было градѣ Кіевѣ,
У великаго князя Владимира,
Было пированье почестное
На многія князи и бояря
И на силныя могучия богатыри.
И какъ пошелъ пиръ новоселной,
И зговоритъ князь Владимиръ Кіевски,

говоритъ, что царь Константинъ посылаетъ на Кіевъ своихъ богатырей; такъ пусть русскіе богатыри стоятъ накрѣпко, берегутъ городъ.

И заслышали руския богатыри таково слово,
И пошли они изъ за стола не докушамши,
Бьютъ челомъ они великому князю Владимиру Кіевскому.

---

1) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, откр. Е. В. Барсовымъ, въ приложеніи къ XL т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 5.
2) Пам. старинн. русск. литературы, II, стр. 311—5.

Слѣдуютъ имена богатырей; они говорятъ князю:

Государь ты, великой князь Владимиръ Кіевской!
Не извадились мы, государь, дома сидѣть,
Извадились мы, государь, сами ѣздить по полю по чистому,
Побивать люди многія.
Отпусти насъ, государь, во поле чистое,
Мы тебѣ принесемъ вѣсть правую
И языки приведемъ многія.

За отказомъ Владиміра «закручинились» богатыри, идутъ къ своимъ конямъ, снаряжаются и ѣдутъ прямо къ Царьграду.

Такъ въ Буслаевскомъ текстѣ. Въ Барсовскомъ спискѣ послѣдовательность несомнѣнно спутана, перечень богатырей попалъ не въ свое мѣсто; оттуда — повторенія. Когда Владиміръ велитъ богатырямъ беречь Кіевъ и не разъѣзжаться,

12 Бьютъ челомъ [1]) семь богатырей:
Государь князь Владимеръ киевской Всеславьевичъ,
Отпусти насъ въ чистое поле,
Мы тебѣ, государю, прямыя вѣсти отвѣдаемъ
И приведемъ тебѣ, государю, языка добраго,
Тебѣ, государю, славу великую учинимъ,
И себя, государь, въ честь введемъ,
И всему твоему государству похвалу великую учинимъ,
И многія орды острастимъ.
А взговорятъ богáтыри таково слово:
Государь князь Владимеръ Кіевской!
Сторожемъ мы въ землѣ не извадили жить,
Не доведетца намъ сторожами слыть!

Слѣдуютъ: «Имена богатыремъ» и затѣмъ повтореніе тѣхъ-же богатырскихъ рѣчей:

39 *Не извадились мы сторожемъ стеречи,*
Только мы извадились въ чистомъ поле ѣздити,
Побивать полки татарскіе.

---

[1]) Въ текстѣ вмѣсто «челомъ» — «въ столѣ». Сл. стихъ 56: Ударя челомъ.

Отпусти насъ, государь, въ чистое поле,
Мы тебѣ, государю, прямые вѣсти отвѣдаемъ,
Или тобѣ приведемъ языка добраго.

Когда и теперь Владиміръ ихъ не отпускаетъ, они сбираются въ отъѣздъ.

Сообщаю имена богатырей въ порядкѣ Барсовскаго текста; ихъ семеро [1]):

Илья Муромецъ	—	Бусл. тоже
Добрыня Никитиничъ	—	— —
Дворянинъ Залѣшанинъ	—	— —
Олеша Поповичъ	—	— —
. . . .щата Елизыничь	—	Бусл. богатырь Глапитъ
Суханъ Доментьяновичъ	—	Бусл. Суханъ Домантьевичъ
Бѣлая Палица	—	Бусл. дворянинъ Бѣлая Палица.

Барсовскій текстъ прибавляетъ характеристики: къ дворянину Залѣшанину: 28 «Серая свита, злаченые пугвицы»; къ Бѣлой Палицѣ:

33 «Краснымъ золотомъ украшена,
Четьимъ жемчюгомъ унизана,
Посреде тоей палицы камень,
Самоцвѣтный пламень.

Богатыри ѣдутъ къ Царьграду; не доѣзжая двѣнадцати поприщъ (Бусл. верстъ) до города, за Смугрой рѣкой, встрѣчаютъ двѣнадцать каликъ (въ Барс. спискѣ, несомнѣнно, по обмолвкѣ, они названы цареградскими богатырями), у нихъ атаманомъ Никита,

---

[1]) Число Владимировыхъ богатырей колеблется между 30, 12 и 7 (сл. Южнорусск. былины I, стр. 30); въ нашемъ Сказаніи Илья говоритъ, что въ Кіевѣ 32 богатыря. Возможенъ-ли вопросъ о большей, сравнительно, древности того или другого показанія — я не знаю. Семь и двѣнадцать одинаково принадлежатъ къ символическимъ числамъ; у Карла В. по Chansons de gestes обыкновенно 12 паладиновъ; въ греч. сказкѣ изъ Милоса (Νεοελληνικὰ Ἀνάλεκτα I, стр. 29 слѣд. № 6: Ἡ Βασίλισσα καὶ ὁ Ἀράπης) δωδεκάδα толкуется какъ: οἱ βασιλικοὶ σύμβουλοι, οἱ αὐλικοί; «ἡ βασίλισσα εἶχε συμμαζωμένη ὅλη τὴ δωδεκάδα» и т. п.; въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, ed. Wagner, у Ахилла двѣнадцать дружинниковъ: τοὺς δώδεκα ἐκράτησεν τοὺς ἤθελεν καὶ ἠγάπαν, v. 257 и passim. Такимъ образомъ видѣть въ «двѣнадцати» нѣчто спеціально германское — нѣтъ никакого основанія. Сл. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I, стр. 497—510: Ueber die Zwölfzahl bei den Germanen.

родомъ Карачевецъ (Барс. Никита Ивановичъ, родомъ Карачевецъ); они ходили въ Царьградъ вѣстей искать: сбираются-ли тамошніе богатыри въ Кіевъ; и вѣсти эти оказались тѣ-же: похваляются богатыри взять Кіевъ на щиты, полонить князя со княгиней, «А удалыхъ богатырей, станныхъ людей подъ мечь всѣхъ приклонити, А злато и сребро искатить телѣгами» (Барс.).— Алеша Поповичъ предлагаетъ каликамъ помѣняться съ ними одеждой, но тѣ соглашаются на то лишь по просьбѣ Ильи. — Оставивъ на Смугрѣ рѣкѣ своихъ коней и доспѣхи, въ каличьемъ платьѣ, съ палицами, спрятанными подъ полами гуни, богатыри идутъ къ Царьграду,

151 Да говорятъ межъ собою пословицу:
«Бога ради, богатыри,
Будьте къ татарскимъ речемъ стерпивы».
Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
«Всехъ у насъ пуще Олеша Поповичъ,
Что онъ де пьянъ или не пьянъ,
Изо всѣхъ насъ охочь бранитися:
Тотъ у насъ богатырь кручи́новатъ».

(въ Бусл. спискѣ это мѣсто, очевидно, непонято: «*Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ языкомъ татарскимъ?*». Отвѣчаетъ дворянинъ Залѣшанинъ, и отвѣтъ почти тотъ-же).

Калики-богатыри приходятъ на царскій дворъ просить милостыни, когда тамъ идетъ пиръ, за которымъ сидятъ царскіе богатыри, въ числѣ ихъ: Идолъ Скоропѣевичъ (Бусл. Скоропитъ) и Тугаринъ Змѣевичъ. Константинъ велитъ Тугарину позвать каликъ въ палату и начинаетъ ихъ разспрашивать — откуда они. Противъ царя сидѣлъ Идолъ Скоропѣевичъ; его внѣшность изображаетъ лишь барсовское сказаніе:

181 А ростомъ добре не по обычею:
Межъ очима у него стрѣла ладится,
Межъ плечми у него болшая сажень,
Очи у него, какъ чаши,
А голова у него, какъ пивной котелъ,
Посмотритъ на него — устрашиться.

Идолъ велитъ Константину спросить у каликъ вѣстей о кіевскихъ богатыряхъ, «каковы они ростомъ, прытостью» (Барс.), и за тѣмъ спрашиваетъ самъ (у Бусл. Константинъ):

199 Есть-ли у васъ славной богатырь Илья Муромецъ?
Каковъ онъ рожа̀емъ
И каковъ великъ ростомъ?

Илья отвѣчаетъ: 205 И ты, Государь смотри.... на меня; у Бусл.:

И зговоритъ, стоячи, Илья Муромецъ:
«Ростомъ только съ меня и рожею походитъ на меня».
И зговоритъ тутъ сидючи Идолище великое насмѣхаючись:
«Аще-ли правда, что онъ таковъ Илья Муромецъ,
И я его посажу на лодонь и другою раздавлю».

Этой похвальбы нѣтъ у Барсова, у котораго, наоборотъ, мы встрѣтили описаніе гигантскихъ размѣровъ Идолища. Оба текста восполняютъ другъ друга.

Идолище говоритъ царю: пусть не мѣшкаетъ отпустить ихъ къ Кіеву, гдѣ они обѣщаютъ учинить «сѣчу великую». Не полюбились эти слова Алешѣ, и онъ грозитъ Идолищу, что если пріѣдетъ въ Кіевъ, не узнаетъ дороги назадъ, и не бывать ему живу. Тотъ разгнѣвался.

Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
«Съ твоего, государь, меду опился».
Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ [1]) Олешѣ Поповичю:
«Уйми свое сердце богатырское,
Не мошно намъ тебя нажюрить, ни наго́ворить.
Говоритъ Олеша Поповичъ:
«А онъ нашихъ бога́тырей ни во что ставитъ,
И великаго князя хулитъ
И Ильѣ посмѣхаетца.»
И Идолъ на него розкручинился.

---

[1]) У Бусл.: Товарищи.

Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
«Изъ ума, государь, онъ выпиваетца»

(Барс.; у Бусл. нѣтъ Барс. ст. 240—246; они могли представиться лишними).

247 Говоритъ Идолъ богатырь (у Бусл. Константинъ)
«Скажите калики про кѣевскихъ богатырей
И каковы у нихъ лошади удалыя?»
И съ нимъ говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
«По вся дни, государь, вѣдаемъ
И лошади богатырскіе знаемъ».
Говоритъ Идолъ-богатырь:
«Царь государь, вольно человѣкъ после розспрошать,
Вели, государь, показать имъ свои лошади царскія.»
Царь велѣлъ вывести свои лошади царскія.
Говорятъ калики перехожія:
«Лутче тѣхъ шкапъ въ Кѣеве и простые лошади,
А на богатырскіе лошади пристрашно посмотрить».
Говоритъ Идолъ богатырь:
Вели, царь государь, показать имъ наши лошади богатырскіе»

(у Бусл. нѣтъ ст. 257—261: Идолъ-богатырь съ перваго раза проситъ царя показать каликамъ богатырскихъ коней).

262 Царь велѣлъ вывести лошади богатырскіе:
.а҃.ю лошадь ведутъ Идола богатыря Скоропѣевича
на .в҃і. чепяхъ на зо́лотыхъ,
.в҃.ю ведутъ лошадь молода Тугарина Зміевича
на .а҃і. чепяхъ сребряныхъ;
за тѣми ведутъ сорока дву богатырей. (Барс.)

Полюбились тѣ кони каликамъ; дворянинъ Залѣшанинъ говоритъ царю, что сверху (изъ палатъ) имъ нельзя разглядѣть ихъ и оцѣнить; они спускаются внизъ, и здѣсь у нихъ является мысль — завладѣть тѣми конями. Калики овладѣваютъ ими съ бою и «изъ града поѣхали до Смугры рѣки» (Барс.; Бусл. «изъ града вонъ»). Роль Алеши Поповича въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ неясна:

306 Добрыхъ коней единъ у царя остался на дворѣ,
И тотъ Алешѣ Поповичю.

Воротился Алеша пѣшь во Царьгородъ,
[*А коня покинулъ на Смугрѣ рѣкѣ*],
Да говоритъ Алеша Поповичъ
Царю Костянтину таково слово:
«Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлемъ,
Что хотимъ мы съ твоими богатыри
Въ чистомъ поле свидетися,
И ихъ прытость увидети,
И будемъ мы опять съ твоими богатыри во Царѣградѣ».
И изговоря Олеша,
Поѣхали богатыри къ Смугрѣ рѣкѣ,
Да кладутъ на себя доспѣхи крѣпкія и т. д. (Барс.)

Иначе у Бусл.: богатыри

(И) сѣли на добрые кони и поѣхали из града вонъ.
Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичъ,
А самъ говоритъ царю таково слово:
«Потому есть поѣхали изъ града вонъ,
Что оставили мы своихъ коней богатырскихъ у Смугры рѣки,
А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри перевѣдаться».
И ударя челомъ царю и поѣхалъ прочь
До своихъ товарищовъ.

Сравненіи ст. 309 Барс. съ соотвѣтствующимъ стихомъ Бусл. указываетъ, что первый попалъ не въ свое мѣсто и стоитъ внѣ связи. Положеніе, можетъ быть, такое: богатыри разобрали коней, одинъ остался, которымъ завладѣетъ Алеша; передъ тѣмъ онъ говоритъ царю, что русскіе богатыри завладѣли конями, потому что оставили своихъ на Смугрѣ, и не всѣхъ забрали (Барс. 312: не всѣ емлемъ?), чтобы было на чемъ выѣхать противъ нихъ цареградскимъ богатырямъ. — Они дѣйствительно пускаются въ погоню за похитителями: Бусл. *погонею великою;* Барс.: съ *великою поганою* силою; можетъ быть, по ошибкѣ, но въ уровень съ міросозерцаніемъ писца или сказителя Барс., очевидно уже ставшаго на почву современныхъ намъ былинъ и безъ оглядки вводившаго въ цареградское сказаніе *орды и полки татарскіе.* — Еще разъ выступаетъ на сцену Алеша Поповичъ, въ двухъ стихахъ Бусл.

(Постойте, братцы, малешенько, — Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться и поперетися), пространнѣе у Барс.:

325 Говоритъ Олеша Поповичъ:
«Государи мои товарыщи!
Потерпите малехонько,
Дайте мнѣ поправить
Свое сердце богатырское.
Богатырское сердце не стерпчиво,
Хочетъ и послѣднюю орду побити, похвалу доспѣти».
Свиснулъ, крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
«Потерпите малехонько,
Дайте мнѣ теперво
Съ ними одному поправиться:
Хочю себѣ похвалу доспѣти
Чтобъ увидѣлъ царь Костянтинъ,
И дошла-бъ наша похвала
До князя Владимера».

Изъ дальнѣйшаго не видно, чтобъ желаніе Алеши осуществилось въ пѣснѣ, потому что имя его болѣе не встрѣчается. — Слѣдуетъ описаніе боя: свиснули, крикнули русскіе богатыри богатырскимъ голосомъ,

344 Отъ свисту и отъ крику
Лѣсъ росьзстилаетца,
Трава постилаетца,
Добрые кони на окарашки падаютъ,
Худыя кони и живы не бывали.
Не птички соловьи въ дубровѣ просвистали,
350 Свиснули, гаркнули русскія богатыри
Илья Муромецъ съ товарыщи.

(Сл. выше, Барс. ст. 299—300, въ эпизодѣ о расхищеніи коней: Не птички соловьи рано въ дубровѣ просвистали, Свиснули, гаркнули богатыри богатырскимъ голосомъ).

352 Говоритъ цареградцкой богатырь Идолъ Скоропѣевичъ:
«Государи мои товарыщи,

Сердце ся у меня ужаснуло, трепещется,
И голова вкругъ обходитъ,
И очима не мощно на свѣтъ глядѣть

(сл. выше, стр. 320, въ былинѣ о боѣ Ильи съ сыномъ, слова Соловника: А нуньчу у меня топерь у мо́лодца — Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается, — Мозги въ головы потрясаются, — А со ясныхъ очей еще видъ теряется). Пугается и Тугаринъ: «храбрость наша — преложися на тихость», говоритъ онъ (сл. въ сербской Александріи: «жалость моя на радость прѣврати се»). Всѣ цареградскіе богатыри перебиты, кромѣ Идола и Тугарина, которыхъ Илья съ товарищи привели къ царю; ѣздимъ мы безъ государева вѣдома, говорятъ они,

400 А похвалу есми видѣли твоихъ богатырей:
Похвала мужю — великая пагуба!

Цареградскіе витязи поплатились за свою похвальбу, какъ русскіе въ былинѣ о гибели богатырей, ибо

всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ человѣку пагуба
(Повѣсть о Горѣ и Злочастіи).

Идоломъ Скоропитомъ или Скоропѣевичемъ богатыри бьютъ челомъ царю Константину, а Тугарина везутъ въ Кіевъ, чтобы было съ чѣмъ ко князю Владиміру явиться; но по просьбѣ Тугариновой матери, которую поддерживаетъ царица Елена, отпускаютъ его впослѣдствіи въ Царьградъ съ тѣмъ, чтобъ «имъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку» (Барс.). Такую острастку задали имъ русскіе богатыри, что когда Владиміръ спрашиваетъ Тугарина о «вѣстяхъ» («что у васъ вѣсти въ Царѣградѣ?» Бусл.), онъ отвѣчаетъ: что меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваешь?

476 «У тебя, государя, вотчины не во всѣхъ-ли ордахъ?
А богатырей твоихъ удалѣе нѣтъ
И во всѣхъ земляхъ» (Барс.).

Таково содержаніе Сказанія, за которымъ необходимо предположить существованіе древней пѣсенной былины, случайно не сохранившейся въ современныхъ пересказахъ, на сколько позволено судить по ея отсутствію въ нашихъ обильныхъ повтореніями сборникахъ. Что такая былина и въ такомъ именно видѣ дѣйствительно пѣлась, я позволяю себѣ заключить изъ пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 4 слѣд., ст. 19—21, 38—41, гдѣ въ числѣ трехъ «похваленыхъ» жеребцовъ Владиміра красуется и Тугариновъ. Мы встрѣтили его въ Сказаніи, онъ особо упомянутъ по поводу коней, полоненныхъ въ Царьградѣ русскими богатырями. И вотъ у Владиміра

Да третій жеребецъ полоненъ воронко̀,
Да который полоненъ во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Какъ у молода Тугарина Змѣевича.

Орда или даже Золотая Орда (ст. 134) вм. Царьграда не вызоветъ никакихъ сомнѣній.

Если обобщить содержаніе Сказанія, то оно представится слѣдующимъ: русскіе богатыри побиваютъ въ Царьградѣ непріятельскихъ богатырей, похвалявшихся обнасильничать Кіевъ. Этотъ типъ подлежалъ дальнѣйшему развитію: угроза приводилась въ исполненіе. Въ былинѣ Гильф. № 207 (Калика-богатырь) несмѣтная вражеская сила уже *стоитъ* на Почай-рѣкѣ,

Хочутъ Кіевъ градъ да головней катить и т. д.

Калика-богатырь сообщаетъ о томъ въ Кіевѣ Алешѣ, Добрынѣ и Ильѣ, и всѣ вмѣстѣ, побивъ силу невѣрную, отдаютъ честь Владиміру: «Мы прибили силу всю невѣрную». Сюда-же относится и Кир. I, № 3, стр. 56—58: Тугаринъ *подошелъ* подъ Кіевъ, Ильи нѣтъ, вмѣсто него вѣдается съ врагомъ его жена: новый типъ, можетъ быть, навѣянный женою Ставра, какъ у Гильф. № 16 стр. 113—115 Илья является въ роли послѣдняго (жена: Офимья Олександровна). Начало былины напоминаетъ запѣвъ Сказанія: Владиміръ говоритъ князьямъ-боярамъ:

Князья-бо́яря вы мои вѣрныя!
А и головы у васъ разумныя!
Изберите вы молодца изъ-промежь-себя,
А я дамъ ему рать мою сильную;
А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
Берегчи князя со княгинею.

(Сл. Сказаніе Барс.: «*И вы-бъ нынеча никуды не розъѣжалися— Берегли-бы естя града Киева,.... Пригоже вамъ моея вотчины побе́речи*). Князья-бояря посылаютъ гонца за Ильей:

Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
На того-ли ворога на Загорсково,
На Тугарина на Бѣлевича.

Ильи въ то время «дома не лучилося», его жена Савишна одѣвалась въ платье богатырское, поѣхала къ Кіеву, гдѣ всѣ приняли её за Илью по богатырскому скоку и свисту: «Пошла-де рать съ Ильей Муромцемъ, — А Тугарину-де съ нимъ не сдобровать», говорятъ Владиміру князья-бояре. И дѣйствительно: Тугаринъ убѣжалъ «въ свои улусы Загорскія», а Илья такъ и не узналъ, «кто за него бился съ Тугаринымъ».

Можно-было пойти еще и далѣе въ измѣненіи былиннаго типа: представимъ себѣ, что обнасильниченье — *совершилось*, что Идолъ и Тугаринъ сидятъ за столомъ — не Константина, а Владиміра. Тогда русскимъ богатырямъ придется спасать Кіевъ отъ Идолища или Тугарина; богатыри были въ отлучкѣ (здѣсь являлся самъ собою мотивъ непризнанія, оскорбленія, недовольства: мотивы, отчасти данные уже въ Сказаніи), когда нашелъ врагъ, и возвращаются на подвигъ — при тѣхъ-же обстоятельствахъ, при которыхъ совершается въ Сказаніи походъ семи богатырей въ Царьградъ. — Наконецъ и Идолъ и Тугаринъ за столомъ Константина были поняты какъ насильники, и поѣздка кіевскихъ богатырей сама-собою обращалось въ спасительную — для Царьграда. Такимъ образомъ Сказаніе разлагалось — на былины объ Идолищѣ, съ протагонистомъ Ильей и двоякимъ пріуроченіемъ въ Кіевѣ

или Царьградѣ, и на пѣснь о Тугаринѣ, въ которой роль Алеши была отчасти предуставлена его появленіемъ въ Сказаніи. Эта роль даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на его древній типъ въ первичномъ составѣ русскаго эпоса: его хвастовство и задоръ еще не были банальными, когда его заставляли вѣдаться съ Тугаринымъ, а русскія лѣтописи, не помнящія Ильи, запомнили его имя, да Добрынино, въ числѣ «семидесяти храбровъ».

Предложенная мною родословная былинъ основана на убѣжденіи, что Сказаніе о семи богатыряхъ сохранило болѣе древнюю форму пѣсни, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами. При обратномъ предположеніи, т. е. исходя изъ послѣднихъ, локализованныхъ то въ Кіевѣ, то въ Царьградѣ, трудно представить себѣ, какъ могъ сложиться и планъ Сказанія, и проникающая его идея; взявъ его за точку отправленія, мы поймемъ и распаденіе плана, и приниженіе идеи въ былинахъ, разложившихъ древнюю цѣльность и огрубившихъ мотивы. Именно поздняго сказителя долженъ былъ особенно привлечь эпизодъ съ Голями, возбудившій недовольство Ильи; въ Сказаніи богатыри недовольны тѣмъ, что Владиміръ обрекаетъ ихъ быть стражами земли, тогда какъ они «извадились въ чистомъ полѣ ѣздити», честь добывать себѣ и князю. Такому пѣвцу долженъ былъ прійтись по сердцу — бой русскаго богатыря съ вражьимъ, и онъ развилъ его въ обычной манерѣ. Въ этомъ отношеніи сопоставленіе Сказанія съ былинами поучительно: образъ Идола онѣ распространили новыми, вульгарными чертами; Тугаринъ Змѣевичъ обратился въ нѣчто фантастическое: онъ летаетъ на бумажныхъ крыльяхъ, пышетъ огнемъ. Въ Сказаніи еще нѣтъ ничего подобнаго: и Идолъ и Тугаринъ просто богатыри, змѣевичи, драконтопулы среднегреческаго эпоса, какъ я указалъ при другомъ случаѣ [1]). — Я не отрицаю, что извѣстный шаржъ,

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1875, Апрѣль: Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, стр. 774. Выраженное тамъ мнѣніе, что Тугаринъ не имя собственное, я не считаю болѣе своимъ.

доля чудеснаго, часто бываютъ присущи народному представленію врага. Онъ страшенъ — и потому его сила «нездѣшняя», темная; «шелудивый» Бонякъ — вѣдунъ, перекликающійся съ волками; Тугаринъ могъ представиться въ образѣ греческаго или румынскаго драка, нашего сказочнаго змѣя, въ которомъ неуловимо сплелись очертанія богатыря и чудовищнаго звѣря.

Подъ Тугаринымъ нашихъ былинъ разумѣютъ обыкновенно половецкаго хана Тугоркана (Тугортъканъ, Тугортьканъ, Тугтороканъ, Торканъ, Туртканъ; виз. Τογορτάκ, Τογορτᾶ). Если такъ, то и въ Идолѣ Скоропѣевичѣ, его эпическомъ дублетѣ, сохранились, быть можетъ, черты какого-нибудь реальнаго, историческаго лица, памятнаго народному преданію. Я указываю на Боняка, имя котораго связывается съ Тугоркановымъ и въ русскихъ, и въ византійскихъ лѣтописныхъ воспоминаніяхъ. Въ 1091 году Алексѣй Комнинъ, занятый борьбою съ Печенѣгами, обратился за помощью въ половецкіе улусы; когда онъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Эносѣ въ виду враговъ, явилась 40-тысячная половецкая орда подъ начальствомъ Тугоркана и Боняка (Μανιάκ). Союзники были подозрительны: можно было ожидать, что прійдя на помощь византійцамъ, они стакнутся съ Печенѣгами — и вотъ императоръ пытается склонить ихъ на свою сторону: приглашаетъ къ себѣ ихъ вождей, роскошно угощаетъ ихъ за трапезой, расточаетъ подарки (Anna Comn. Alex. VIII, 4: δαψιλῆ τοίνυν τράπεζαν αὐτοῖς παρατεθῆναι τοῖς ὀψοποιοῖς ἐπέταξε· καλῶς οὖν εὐωχηθέντας μετὰ ταῦτα φιλοφρονησάμενος αὐτοὺς καὶ παντοίων δωρεῶν ἀξιώσας, ὅρκον καὶ ὁμήρους ἐξ αὐτῶν ᾐτεῖτο, ὑποπτεύων τὸ τῆς γνώμης εὐεξαπάτητον). Печенѣги были разбиты. — Позже мы видимъ того-же Тугоркана противникомъ Византіи. Въ Херсонѣ жилъ въ заточеніи претендентъ на греческій престолъ, выдававшій себя за сына императора Діогена: Девгеневичъ нашихъ лѣтописей. Половцы помогли ему бѣжать изъ плѣна; Половецкіе князья, и съ ними Тугорканъ, вздумали возстановить его въ отцовскомъ наслѣдьи. Новый походъ привелъ ихъ подъ стѣны Адріанополя, защищаемаго Никифоромъ Вріенніемъ;

въ одной неудачной вылазкѣ молодой греческій витязь наскакалъ на Тугоркана и уже занесъ надъ нимъ ударъ, но едва не погибъ отъ руки Половцевъ, окружавшихъ хана.

Подъ 1094 годомъ наша лѣтопись говоритъ: «сотвори миръ Святополкъ съ Половци и поя собѣ жену дщерь Тугорканю». Въ 1096 году «воева Куря съ Половци у Переяславля и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день.... Сегоже мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30 .... и сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико: мѣсяца иулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменници, и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша; на заутрье же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ, акы тестя и врага, и привезше и къ Кыеву, погребоша и на Берестовѣмь.... И въ 20 того-же мѣсяца, въ пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на манастырь, и въжгоша Стеѳановъ манастырь и деревнѣй Германечь. И придоша на манастырь Печерскыи.... и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два предъ враты манастырьскыми.... Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху, аще что обрѣтаху въ кельи; посемь въжгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроении, и вторыя, иже къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосыва, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашь». Всё это — по грѣхамъ нашимъ, размышляетъ лѣтописецъ, припоминая по поводу безбожныхъ Измаильтянъ-Половцевъ, исшедшихъ «отъ пустына Етривьскыя» — сказаніе о нечистыхъ народахъ, заклепанныхъ Александромъ Великимъ въ горѣ и имѣющихъ явиться оттуда — въ концѣ вѣка.

Лѣтописныя сказанія о Тугорканѣ и Бонякѣ даютъ намъ — не канву нашихъ былинъ о Тугаринѣ и Идолищѣ, а развѣ матерьялъ, вошедшій въ ихъ оригиналъ, близкій къ Сказанію, хотя

съ нимъ и не тождественный. Тѣ-же двойственныя отношенія къ Кіеву и Византіи, тамъ и здѣсь; Половецкіе ханы за столомъ Алексѣя Комнина напоминаютъ Тугарина и Идолище на пиру — Константина или Владиміра; къ древней репутаціи Половца-сыроядца восходитъ, быть можетъ, невѣроятная прожорливость Идолища. Я не стану сближать схватку греческаго витязя и Тугоркана подъ стѣнами Адріанополя съ поединкомъ Алёши и Тугарина, но родственныя отношенія Святослава къ Тугоркану, «тестю и врагу», могли лечь въ основаніе отношеній Тугарина къ Владиміру — и Апраксіи.

Возстановить изъ сообщенныхъ историческихъ данныхъ очертанія нашихъ былинъ, очевидно, не мыслимо, но между тѣми и другими могло находиться утраченное звѣно древняго пѣсеннаго преданія, въ которомъ Половцы играли роль, перетую впослѣдствіи Татарами, и историческій фонъ выступалъ яснѣе. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ народовъ, испытавшихъ иго Половцевъ, они не могли пройти безслѣдно. Ими интересовались; та редакція греческой Александріи, которая легла въ основу сербской, ввела Кумановъ-Половцевъ вмѣсто Скиѳовъ Псевдокалисѳена С и даже дала имъ въ цари какого-то Алтамыша; въ славяно-русскихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ, въ ряду символическихъ обозначеній народовъ, явилось новое: «Куманинъ пардосъ есть», и авторъ Слова о Полку Игоревѣ запомнилъ этотъ эпитетъ («пардуже гнѣздо»), хотя ему знакомы и другіе, болѣе народные: онъ говоритъ о «поганыхъ», «желѣзныхъ, великыхъ» полкахъ Половецкихъ; Половцы у него «дѣти бѣсови», Половчинъ — «чръный воронъ». Какъ-бы вѣяніе степной поэзіи прошло надъ нѣкоторыми эпизодами Слова; въ той народной средѣ, которую оно предполагаетъ, это вѣяніе должно было ощущаться сильнѣе. Къ тому вело долгое общеніе народовъ, не только враждебное, но и мирное: русскіе умыкаютъ «красныя дѣвкы Половецкыя (Сл. о П. И.) и сами заживаются въ улусахъ кочевниковъ; князья вступаютъ въ бракъ съ половецкими княжнами; когда Игорь убѣжалъ изъ плѣна, Гзакъ говоритъ Кончаку: «Аже соколъ

(Игорь) къ гнѣзду летить, соколича (Игорева сына Владимира) ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею» (Сл. о П. И.). — Новая связь явилась, когда Христіанство стало проникать и къ Половцамъ; укажу лишь на легенду о «плѣнномъ Половчинѣ». — При такомъ сближеніи народностей легко предположить, что у насъ не только пѣли пѣсни о Половцахъ, но и вторили пѣснямъ Половецкимъ. Очевидно, первыя имѣются въ виду въ томъ эпизодѣ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ готскія дѣвы поютъ на берегу синяго моря про «время Бусово, лелѣютъ месть Шаруканю»; отрывокъ половецкихъ пѣсенъ или преданій, еще отзывающихся ароматомъ степи, сохранился въ нашей лѣтописи подъ 1201 годомъ. Разсказывается, будто-бы Владиміръ Мономахъ губилъ Половцевъ, загнавъ «Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживишю(?).... По смерти же Володимерѣ оставъшю у Сырьчана единомоу гудьцю-же, Ореви, посла и во Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой-же ему пѣсни Половецкія; оже ти невосхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ.— Оному же не восхотѣвшю обратитися ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: Да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти. И приде въ свою землю; отъ него-же родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, кошель нося на плечеву».

Старыя пѣсни о Половцахъ потеряны, но многія изъ нихъ могли сохраниться отдѣльными мотивами въ нашихъ былинахъ, подъ прикрытіемъ новыхъ именъ. Изъ подъ Татаръ намъ трудно разглядѣть Половцевъ. О Тугаринѣ мы уже сказали; въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ (сл. выше, гл. III, стр. 28) онъ ѣдетъ, по одному варьянту, «въ дальну орду, въ *Половецку* землю», (замѣненную въ другой пѣснѣ царствами: Латинскимъ, Литвинскимъ и Сорочинскимъ), гдѣ бьется съ *Татарами;* Татары въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ, давшіе намъ поводъ (сл. выше,

гл. V, стр. 75) приблизительно датировать содержаніе пѣсни, можетъ быть, также заслонили собой Половцевъ, владѣвшихъ Сурожемъ до Татарскаго погрома. Кіевская легенда о Золотыхъ воротахъ, отразившаяся въ русскихъ пѣсняхъ о Михаилѣ Игнатьевичѣ (сл. Южно-русскія былины, гл. I) [1], говоритъ о Татарахъ, но нельзя поручиться, чтобъ они не наслоились на Половцевъ: припомнимъ кіевскій эпизодъ о Бонякѣ, о разгромѣ монастырей и дома «святыя Владычицы нашея Богородицы» — и лѣтописную похвальбу Бонякова сына Севенча, «дикаго Половцина»: «хощю сѣчи въ Золотая ворота, якоже и отець мой» (Ипат. лѣт. подъ 1151 г.). Царище Уланище, пораженный Михайломъ, можетъ быть, еще половецкій отзвукъ: сл. Valani = Куманы у Ruysbroeck'а; одна половецкая орда называлась Уланами (Улашевичи нашей лѣтописи?) и таково-же было имя ихъ хана. — Замѣтимъ, между прочимъ, что bagatur = богатырь встрѣчается уже въ Куманскомъ словарѣ [2]).

Памяти о разгромахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ по необходимости обобщались въ народной фантазіи, прикрываясь послѣднимъ казовымъ именемъ, сохраняя нерѣдко древнее пріуроченіе, захватывая по пути посторонніе мотивы, накопляя раздѣленное временемъ, но сходное по образамъ и поэтической идеѣ. Такъ за эпической битвой въ Ронсевальскомъ ущельѣ чувствуется память не объ одномъ только пораженіи 778 года; пѣсни о боѣ на Косовомъ полѣ покоятся на событіяхъ 1389—1457 годовъ. — Конструировать эпосъ изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему эпоса — изъ частнаго, хотя-бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется, такимъ образомъ, пріемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ, лишь обратный

---

[1]) Къ былинѣ, разсмотрѣнной тамъ подъ № 2, стр. 14—19, слѣдуетъ прибавить Рыбн. III, № 22.

[2]) Codex Cumanicus p. 290 и 116. — Укажу кстати, что Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни Малорусскаго народа I, стр. 23 слѣд. усматриваютъ *половецкіе* мотивы въ пѣснѣ о боѣ молодца съ «Турскимъ царемъ».

путь. При подобныхъ условіяхъ хронологическій разборъ нашихъ былинъ можетъ привести лишь къ приблизительнымъ выводамъ. Въ нашемъ случаѣ они были-бы слѣдующіе: Сказаніе о семи богатыряхъ восходитъ, въ своемъ прототипѣ, къ до-татарской эпохѣ, когда собирательнымъ центромъ русскаго эпоса былъ одинъ Владиміръ; въ дошедшихъ до насъ спискахъ Сказанія уже является татарская терминологія. Когда разразился погромъ XIII вѣка, получился новый, идеальный центръ для пѣсеннаго творчества — или претворенія: древніе враги были забыты, насильниками явились Калины и Батыги, противъ нихъ выступаютъ теперь русскіе богатыри, и старыя эпическія темы претворяются согласно съ новымъ поэтическимъ спросомъ. Былины объ Идолищѣ и Тугаринѣ стоятъ по сю сторону татарскаго погрома и даютъ матерьялъ для новаго развитія: однажды пріуроченный къ Кіеву, Тугаринъ изъ насильника дѣлается желаннымъ любовникомъ княгини, а на вопросъ, по чьимъ грѣхамъ Идолище обнасильничалъ Кіевъ, стихъ о Сорока Каликахъ отвѣчалъ, что за блудные помыслы Апраксіи на Михайла Касьяновича. Эпосъ помнитъ частную связь, не историческую послѣдовательность явленій, которую намъ приходится угадывать.

III.

Можетъ быть, къ позднимъ явленіямъ эпоса принадлежитъ связь Тугарина съ Добрыней.

Врагъ Добрыни, другъ Марины — змѣй Горынычъ, названъ иногда Притугалищемъ (Кир. II, стр. 41, № 1), Притугальникомъ (ib. стр. 48, № 4), Пугаринымъ Гагариновымъ (Рыбн. II, № 4), Тугаринымъ Зміевичемъ (Гильф. №№ 227, 241, 267, 288; Рыбн. III, № 19), Иваномъ Царевичемъ Туга-змѣевичемъ (ib. № 17); онъ живетъ на Тугихъ-горахъ (Гильф. №№ 64, 59); въ двухъ былинахъ Гильф. №№ 122, 316 любовникъ Марины названъ Татариномъ, Одолищемъ поганымъ, Горынищемъ поганымъ; Идолищемъ.

Я полагаю, что отношенія Добрыни къ змѣю и Маринѣ древнѣе имени Тугарина — при Добрынѣ; другими словами, что бой съ змѣемъ и шашни Марины уже сложились въ пѣснѣ, когда кіевская метаморфоза Тугарина, какъ насильника и любовника Апраксіи, дала поводъ перенести его имя на сходныя положенія, заставивъ Добрыню биться съ Притугалищемъ, а Марину миловаться съ Тугаринымъ. Къ такому заключенію приводитъ меня одна группа фактовъ, односторонности которыхъ я не скрою: они касаются лишь мотива боя съ змѣемъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ извѣстными пѣснями о борьбѣ Добрыни съ Змѣемъ Горынычемъ, являющимся иногда съ прозвищемъ Притугалища, стоятъ отрывки пѣсенныхъ мотивовъ, указывающіе, что былевой эпосъ зналъ о другомъ поединкѣ Добрыни — съ Тугариномъ или Идолищемъ, и что этотъ бой онъ не смѣшивалъ съ предъидущимъ. Что пѣлось объ Алешѣ, пѣлось и о Добрынѣ; если дошедшія до насъ былины разсказываютъ о боѣ Добрыни съ Тугаринымъ эпизодически, то потому, вѣроятно, что въ пѣснѣ о послѣднемъ имя Алеша стояло прочнѣе, а при Добрынѣ привыкли поминать имя Горынича. — Что до эпизода о Маринѣ, то здѣсь предполагаемое мною перенесеніе могло ограничиться — однимъ именемъ Тугарина.

Укажу на извѣстные мнѣ факты.

Левшинъ [1]) запомнилъ нѣсколько стиховъ изъ былины о Добрынѣ:

Издалеча, издалеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на украинѣ,
Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,

---

[1]) Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ и т. д. ч. I (Москва 1807), стр. 138 и 139 въ прим. (цитата изъ Древнихъ Россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, изд. 2-ое, Предисловія стр. XXII—XXIII). Какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской (Чулковъ, Русскія сказки, 3-е изд. 1820 г. ч. I, стр. 122, 123, у Кир. II, стр. 79 прим. *) — я не знаю, и Ровинскій (Русскія народныя картинки I, стр. 36, V, стр. 107) ничего не разъясняетъ.

Сильный могучъ богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь-то, братцы, Никитьевичъ,
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Таропъ слуга.

Послѣ описывался пріѣздъ богатыря къ Владиміру и битва съ Тугаринымъ:

У Тугарина собаки крылья бумажныя,
И летаетъ онъ собака по поднебесью.

Добрыня выходитъ побѣдителемъ: Тугаринъ падаетъ,

Упалъ онъ, собака, на сыру землю,
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копье взоткнулъ.

Въ сказкѣ у Сахарова басурманскій богатырь Тугаринъ Змѣевичъ подступилъ подъ Кіевъ; по приказанію Владиміра три раза кличутъ кличъ, кто-бы вышелъ съ чудищемъ биться; богатыри прячутся другъ за друга; вызывается Добрыня, только что пріѣхавшій изъ Новгорода(?). На утро бой. «Поднимается Тугаринъ выше лѣсу стоячаго; а *у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью.* Взвился конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячева, до облака ходячева; самъ-то Добрыня мечемъ рубитъ Тугарина, а *Торопъ*-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, въ его крылья бумажныя. *И упалъ онъ, Тугаринъ, на сыру землю; и тутъ ему Добрыня голову свернулъ, на копье взоткнулъ*, и самъ коня ко граду Кіеву вернулъ» [1]).

Ясно, что въ основѣ Сахаровской сказки, собственно отдѣла о битвѣ съ Тугаринымъ, лежалъ варьянтъ пѣсни, сходный съ Левшинскимъ. Слуга Добрыни — Торопъ, отвѣчающій «Акиму поробку» большой былины объ Алешѣ и Тугаринѣ, не встрѣчается болѣе въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ; можетъ быть, память о немъ сохранилась въ тѣхъ пересказахъ былины

[1]) Ровинскій, l. c. IV, стр. 67—8; Кир. II, Прилож. стр. X.

о боѣ Добрыни съ змѣемъ, гдѣ его сопровождаетъ «слуга», угоняющій его коня и уносящій ратную сбрую, чѣмъ и объясняется, необходимость Добрынѣ — биться одной шляпой «земли греческой»:

Младъ-то слуга да былъ онъ *то́ропокъ*,
А угналъ-то у Добрынюшки добра́ коня

(Гильф. № 59; сл. № 123: дѣтинка неуда́кова). Для хронологіи былинъ важно то обстоятельство, что наши лѣтописи, знавшія ихъ по болѣе древнимъ варьянтамъ, называютъ Торопомъ — слугу Александра, т. е. Алеши Поповича: такъ Никоновская лѣтопись подъ 1216 г. («Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри» въ Липецкой битвѣ) и 1225 г. (битва при Калкѣ), одинъ хронографъ первой редакціи (подъ 1217 г.), Лѣтопись по списку типографской библіотеки и Тверская (подъ 1224) [1]. Древнее соединеніе именъ Добрыни и Алеши можетъ объяснить, какимъ образомъ Торопъ попалъ къ первому; положительный отвѣтъ на это невозможенъ, за неимѣніемъ пѣсенъ о Добрынѣ, которыя отвѣчали-бы той — вѣроятно, одной пѣснѣ, — которую отрывочно передали Левшинъ и Чулковъ и пересказала Сахаровская сказка.

Что извѣстныя намъ русскія былины запомнили о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, сводится къ эпизоду, неловко пріуроченному къ пѣснѣ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» и очевидно развитому чужими мотивами.

Въ былинѣ Рыбн. II, № 5 Владиміръ глядитъ въ чисто поле, а тамъ

Летаетъ Невѣжинъ чернымъ ворономъ,
Грозитъ ему заугрозою.

---

[1] Сл. выше, стр. 275—6. Слуга Тарасъ упоминается при богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ, Никоновск. лѣт., въ П. С. Л. IX, 177—178, подъ 1148 годомъ. — Екимъ, вмѣсто Торопа, при Алешѣ Поповичѣ, встрѣчается не только въ былинѣ у Кир. II, № 1, стр. 70—80, но и въ пѣснѣ о Дунаѣ, ib. III, № 4, стр. 72: «пожалуй одного мнѣ молодца, — Какъ-бы молода Екима Ивановича, — Который служитъ Алешкѣ Поповичу».

Владиміръ спрашиваетъ богатырей: кто его повыручитъ? Илья указываетъ на Добрыню. — Былина, неконченная въ этомъ варьянтѣ, досказывается въ слѣдующемъ (№ 6): Невѣжа летаетъ чернымъ ворономъ, проситъ поединщика; жребій выпадаетъ на Добрыню, который плачется на свою долю матери. Та предупреждаетъ его:

Невѣжа-то середи дня *летаетъ чернымъ ворономъ*,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ *Тугариновымъ*,
А по зарямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.

Когда станетъ купаться въ Почай-рѣкѣ, пусть не заплываетъ за третью струю, не то съѣстъ его Невѣжа. Девять лѣтъ ѣздитъ Добрыня и не видитъ врага; бой съ нимъ происходитъ во время купанья: очевидно, мотивъ, изъ былинъ о боѣ Добрыни съ Горыничемъ. Убивъ Невѣжу, Добрыня ѣдетъ не въ Кіевъ — а въ королевство Заморское собирать дани-пошлины, чѣмъ объясняется въ другихъ былинахъ объ «отъѣздѣ» долгая отлучка Добрыни и предательское сватовство Алеши къ его женѣ. Къ этому сюжету переходитъ и нашъ пересказъ. — Я упоминаю здѣсь въ связи Рыбн. II, № 7: отъѣздъ Добрыни ничѣмъ не мотивированъ: Добрыня сѣтуетъ на свою долю, а мать утѣшаетъ его: «Хотѣла родить тебя добра молодца во смѣлаго Алешу Поповича — Выступкою щапить въ молода Чурплу Пленковича.... *Изъ туга лука* стрѣлять въ *Тугарина* во Зміевича во Заморскаго». Это, можетъ быть, указаніе на то, что въ прототипѣ былины существовалъ эпизодъ о Тугаринѣ? Въ самой былинѣ ничего о томъ не говорится, какъ и у Рыбн. III, № 16, гдѣ Невѣжа вызываетъ поединщика, а службу эту накидываютъ на Добрыню, но въ дальнѣйшемъ развитіи нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Сл. Гильф. №№ 215, 222. — Замѣтимъ, что въ послѣднихъ трехъ №№, какъ и въ № 306 Гильф., вѣсть о предательствѣ Алеши сообщаетъ Добрынѣ Илья; бой съ Невѣжей въ Гильф. № 306 упоминается съ подробностью, очевидно, имѣющей въ виду Тугарина. Алеша

Стоялъ на заставы на крѣпкія,
Бился со Невѣжей въ чистóмъ полѣ,
У его ли у Невѣжи крылатый конь.

Особое развитіе преставляютъ слѣдующія былины, гдѣ эпизодъ съ Невѣжей совпадаетъ съ мотивомъ 2-й группы былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ (Илья помогаетъ Добрынѣ въ битвѣ съ Горынчанкой). Гильф. № 228: вызовъ Невѣжи, посланъ Добрыня; онъ купается на Пучай-рѣкѣ, когда на него налетѣла «Ягà-баба», являющаяся далѣе вмѣсто Невѣжи; Илья Муромецъ помогаетъ ему совѣтомъ — одолѣть её, а въ это время Алеша уже сватается за Добрынину жену. — Въ №№ 290, 292 Гильф. тотъ-же ходъ дѣйствія, но вмѣсто Невѣжи прямо названаЯгà-баба. Вліяніемъ тѣхъ-же мотивовъ «боя Ильи съ сыномъ» объясняется, что въ № 65 Гильф. = Рыбн. III, № 17 былина объ отъѣздѣ, не мотивированномъ никакой посылкой, открывается битвой съ какимъ-то богатыремъ, напоминающимъ своими аттрибутами «сына» въ пѣсняхъ о боѣ (На лѣвóй ноги какъ борзóй кобель — На правóй ноги какъ ясéнъ соколъ), и поединкомъ съ сыномъ, — т. е. пересказомъ, подъ другими именами, извѣстной былины объ Ильѣ и Збутѣ [1]).

Такимъ образомъ мотивы пѣсни о Тугаринѣ сводятся въ былинахъ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» къ образу Невѣжи-чернаго ворона, который иногда названъ Тугариномъ, къ его крылатому коню — и названію Чудовища-Издолища, вызывающаго поединщика, какъ у Гильф. № 315: Алеша указываетъ на Добрыню, какъ на супротивника ему, послѣ чего былина развивается по общему типу пѣсенъ отъ «отъѣздѣ» — и боя нѣтъ.

Ничто не мѣшаетъ предположить, по слѣдамъ Левшинской пѣсни, что на болѣе цѣльной стадіи развитія русскаго эпоса существовали полныя пѣсни о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, отвѣчавшія типу такой-же пѣсни объ Алешѣ. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ двухъ богатырскихъ именъ въ ней древнѣе.

---

[1]) Сл. выше, стр. 324—6.

Если вѣрны наши генеалогическія соображенія, выводящія былины объ Идолищѣ и Тугаринѣ изъ оригинала, близкаго къ плану Сказанія, съ главными протагонистами Ильей и Алешей, то отвѣтъ предрѣшенъ. Что до эпизодическаго появленія Тугарина въ пѣсняхъ объ «отъѣздѣ», то самая неловкость спая можетъ послужить дальнѣйшимъ критеріемъ для опредѣленія древней схемы этихъ пѣсенъ, въ которыя Тугаринъ могъ проникнуть — по слѣдамъ Алеши.

Въ настоящемъ развитіи былеваго эпоса пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ такъ тѣсно связались съ пѣснями о Добрынѣ, что при разборѣ послѣднихъ въ одномъ изъ выпусковъ настоящаго изслѣдованія намъ придется вернуться и къ первымъ. На древнее, болѣе самостоятельное значеніе Алеши указываютъ разобранныя нами былины, въ которыхъ еще не совершилось приниженіе его типа; съ другой стороны переживаніе его имени, если не образа, въ малорусскихъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ — и въ Саратовской пѣснѣ, гдѣ разбойники нападаютъ на Соколъ-корабль, по которому «гуляетъ свѣтъ Олёша Поповъ».

XI.

Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина.

Смѣлый, зарывчивый, дерзкій Алеша старыхъ пѣсенъ очутился въ позднѣйшемъ развитіи нашего эпоса «бабьимъ пересмѣшничкомъ», злостнымъ навѣтчикомъ женской чести и неудачливымъ ловеласомъ. Какъ совершилось это вырожденіе — трудно сказать опредѣлительно; въ былинахъ наблюдается колебаніе: Алёша то прислуживается Апраксіи въ ея любовныхъ помыслахъ на Касьяна Михайлова, то бранитъ её за такія-же отношенія къ Тугарину (сл. выше, стр. 346). Соединительной чертой между старымъ и новымъ могла быть присущая характеру древняго Алеши хвастливость, понятая своеобразно и односторонне — можетъ быть, подъ вліяніемъ какого-нибудь другого типа? Напомню, между прочимъ, чередованіе Алеши и Чурилы въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ. Можно предположить и такой процессъ: какая-нибудь побочная роль Алеши въ былинѣ о другомъ богатырѣ (Добрынѣ «въ отъѣздѣ»?) особливо приглянулась, и, будучи обобщена и разработана новыми мотивами, заслонила собою болѣе древнія и существенныя черты его характера. — Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ новомъ пониманіи Алеши отразилась та-же детеріорація старыхъ былинныхъ образовъ, какая и Владиміра сдѣлала — охочимъ до чужихъ женъ.

«Бабій пересмѣшникъ», «насмѣшникъ женскій» становится обычнымъ эпитетомъ Алеши въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ; онъ — охочъ смѣяться чужимъ женамъ,

Что чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ,
Молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ.

(Кир. II, № 2, стр. 3; сл. ib. № 8, стр. 17; ib. № 4, стр. 5, v. 51, стр. 7, v. 132; № 6, стр. 12, v. 35 и passim). Роль Алеши въ этихъ былинахъ, гдѣ онъ совращаетъ къ браку Добрынину жену ложнымъ извѣстіемъ о смерти ея мужа, будетъ разобрана нами впослѣдствіи въ связи съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ о Добрынѣ. Но и внѣ ихъ характеръ Алеши-ловеласа достаточно упроченъ въ пѣсенномъ преданіи. Въ одной (испорченной) былинѣ объ Ильѣ и сынѣ встрѣчается «походная красна дѣвица», можетъ быть, принадлежавшая къ древнему составу пѣсни, но не съ тѣми подробностями, какія она сообщаетъ о себѣ:

Я жила была у батюшки дочь гостиная,
Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,
Отъ того Олёши Поповича,
Отъ насмѣшника пересмѣшника (Кир. I, № 3, стр. 5) [1]).

Болѣе извѣстны отношенія Алёши къ сестрѣ Сбродовичей. Два брата сидятъ, хвалятся сестрой, ея красотой и скромностью, а Алеша Поповичъ говоритъ имъ, что онъ хорошо съ ней знакомъ:

Не хвалитеся два брата
Своей сестрой родною:
Я у вашей сестрѣ былъ,
Двѣ ноченьки ночевалъ,
Два завтрака завтракалъ,
Два обѣда обѣдалъ,
Два ужина ужиналъ

(Кир. II, №№ 1, стр. 64—6).

---

[1]) Сл. выше, стр. 318, прим. 1.

Въ двухъ былинахъ (Кир. II, №№ 1 и 2, стр. 64—7), не называющихъ братьевъ, они убиваютъ (либо готовятся убить) сестру; иначе въ третьемъ варьянтѣ (l. c. № 3, стр. 67—69), гдѣ похвальба перенесена къ столу князя Владимира:

Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ добры̀мъ конемъ,
Иной хвастаетъ своей ухваткою,

не хвалятся ничѣмъ лишь «два брата, два Петровича», названные далѣе: Збородовичи. Вызванные Владимиромъ они гордятся сестрой Натальей (далѣе: Настасьей) Збородовичной:

Сидитъ она во высокомъ теремѣ,
Сидитъ заперта двумя две́рями,
Она за̀мкнута тремя ключами;
Ей красно солнушко не огрѣетъ,
И буйны вѣтры её не обвѣютъ,
Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
На добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ.

Довольно я видѣлъ вашу сестру, говоритъ братьямъ Алёша, а, бывало, «у ней и на грудяхъ леживалъ». Братья готовы схватиться съ нимъ на ножахъ, но Алёша совѣтуетъ имъ дождаться ночи и, выѣхавъ въ поле чистое, пуститъ комомъ снѣга въ окошко сестры: услышите, какъ она вамъ отвѣтитъ (та-же подробность и въ №№ 1, 2). Она отвѣчаетъ, какъ Катерина въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Чурилѣ:

Ужь ты гой еси, Алешинька Поповичъ младъ!
Безъ тебя у меня кушанья призачѐрстнули,
Пи́тьица медвяны застоялися.

Братья хотятъ убить сестру — но Алёша проситъ её за себя за-мужъ.

Греческія пѣсни о Мавріанѣ и царѣ [1]) открываются сценой пира и похвальбы:

Μιὰ κυριακὴ καὶ μιὰ λαμπρὴ, μιὰν ὤμορφη ἡμέρα
Ὁ Μαυριανὸς κ' οἱ ἄρχοντες ἐκάνανε τραπέζι,
Κι' ἀθηβολὴ δὲν εἴχανε κι' ἀθηβολὴ δὲν πέρνει
Γιὰ τσ' ὤμορφαις, γιὰ τσ' ἄσχημαις καὶ γιὰ ταῖς τιμημέναις
Ὅνας παινάει τὴ μάνα του κι' ἄλλος τὴν ξαδερφή του,
Ἀρχίνησε κι' ὁ Μαυριανὸς, παινάει τὴν ἀδερφή του.
«Σὰ μὲ τὴν ἀδερφοῦλά μου κανένας δὲν τὴν ἔχει.
Ἀφίλητη κι' ἀτσίμπητη καὶ γελασμοὺς δὲν ἔχει·
Τί δὲν πλανιέται γιὰ φιλὶ, γιὰ 'σῆμι, γιὰ λογάρι
Κι' οὐδὲ πλανιέται γιὰ φλωρὶ καὶ γιὰ μαργαριτάρι».
Ὁ βασιλιὰς ποῦ τ' ἄκουσε, γυρίζει καὶ τοῦ λέγει·
«Κι' ἂν τὴν πλανέσω, Μαυριανὲ, τί νἆν' τὸ χάρισμά μου;»
«Ἐμένα τὸ κεφάλι μου κ' ἐσένα τὰ καλά σου».

На пиру, гдѣ всѣ хвастаются, кто матерью, кто племянницей, Мавріанъ, или Γιάννος, хвалится чистотой своей сестры, а царь беретъ его на словѣ и обѣщается овладѣть красавицей; закладъ о головѣ — или о царствѣ. Пѣсня развивается далѣе по типу, который, какъ увидимъ далѣе, присталъ и къ имени Алёши, только что вмѣсто сестры явится жена. Сестра Мавріана выдержала ухаживаніе царя: согласившись на свиданіе, она ставитъ на мѣсто себя одну изъ своихъ прислужницъ, которой царь, для знаменія, отрѣзываетъ палецъ. Когда позже онъ хвастается передъ Мавріаномъ, что исполнилъ свою похвальбу, оказывается, что дѣвушка его провела, и онъ принужденъ жениться на служанкѣ.

Польская (Kolberg, Pieśni narodu polskiego I, 208) и бѣлорусская (Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, 43) разсказываютъ объ убіеніи сестры за нарушеніе цѣломудрія; одна бѣлорусская (Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 258—9, № 453) — совершенно

---

[1]) Passow, Pop. Carmina, № 474 (Μαυριανός); Νεοελληνικὰ Ἀναλέκτα I, стр. 80—3, № 16 (Μαυγιανός); Jeannaraki, № 294; Legrand, Recueil, № 136; Δελτίον I, 3, p. 551—2, № 5.

въ чертахъ нашихъ былинъ объ Алешѣ и сестрѣ Сбродовичей: удержалось даже прозвище *Поповича*, являющагося почему-то — изъ за моря; образъ сестры, сидящей въ заперти; комъ снѣга замѣненъ — вѣнкомъ.

Ай ў Тлуцку на рынку
Хвалилися два браццы
Своей сястрой:
«Ёсь у насъ сястрица
За тридзевиць замками,
За тримя сторожами».
Отозваўся *поповичъ,*
Изъ-за мора раковичъ (?):
«Ни хвалицися, братцы,
Ды вашей сястрой:
Я ў вашей сястры быў,
Три ночи начиваў,
Три вечери вячериў,
Три обѣды обѣдаў».
Братъ зъ братомъ раду браў:
«Пойдземъ ў вишневы садъ
И звіёмъ вяночикъ,
Панясемъ къ сястрицы,
Кинимъ сястрѣ ў воконца,
Што намъ сястра промовиць?»
Отозвалась сястрица:
«Ня брюй, ня брюй, поповичъ,
Изъ-за моря раковичъ!»
Ой братъ зъ братомъ раду браў:
— Возьмемъ мы востры мечъ,
Снимимъ сястрѣ головуньку зъ плечъ.» —
«Ня сымицця ў субботу,
А снимицця ў нядзѣлю:
Якъ дзѣвоньки зъ утрыни идуць,
Стары бабы зъ обѣдни,
Дзѣвонькамъ на покояння;
Ни ховайця ў косцёли,
У косцёли три сцяны,
А ховайця при дорози,

Идзѣ поповичъ кони пасець,
Ёнъ жа мяне вспомянець,
И цяжинька ўздыхнець».

Была еще одна пѣсня о подобномъ-же похожденіи Алеши-пересмѣшника, которую мы попытаемся возстановить. Точкой отправленія намъ послужитъ старо-итальянское Cantare о мадоннѣ Еленѣ, упомянутое выше (гл. VI, стр. 226) по поводу Дюковой похвальбы.

Елена — царская дочь, выданная за-мужъ Карломъ Великимъ за messer Ruggiero di Mompelier. Она такая красавица, что кто ни видѣлъ её, всѣ въ неё влюблялись. Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, рыцари по обычаю принимаются хвастаться въ присутствіи императора, кто во что гораздъ: кто красивой сестрой, кто доспѣхами или замками, кто конями или милой, кто женой или богатствомъ.

X Chi si vantava di bella moglieri,
Qual si vantava di bella sorella,
D'aver bel' arme e correnti destrieri,
O ricco di cittade e di castella,
D'astor o bracchi o correnti levrieri,
O per amica aver bella damzella;
E chi si vanta d'oro e d'ariento,
E chi d'esser prodomo in torniamento.

Хвалится и messer Ruggieri:

XII Messer Rugieri si si fu voltato
Avanti a tutta l'altra baronia:
«Da poi che ciascheduno si è vantato,
Ed io mi vanto della donna mia;
E chi ciercasse il mondo in ogni lato,
Più bella donna non si troverie.
E questo dico, ch'io 'l posso provare,
Se ci à nessuno che 'l voglia contrastare.

Похвальба внушена, очевидно, не только красотой, но и честностью жены, потому что Guernieri «заморскій» (сл. строфы

XVI, XVIII: d'oltramare) тотчасъ-же отвѣчаетъ дерзкимъ заявленіемъ, что Ruggieri нечего гордиться женой, потому что онъ и самъ — съ ней близокъ: если не такъ, я готовъ поплатиться головой, говоритъ онъ и обѣщаетъ доказать на дѣлѣ справедливость своего навѣта. Карлъ даетъ ему мѣсяцъ сроку, и онъ отправляется ко дворцу Елены, три дня гарцуетъ вокругъ него, но её самое не видать. Ея прислужница показывается у окна; онъ разжалобилъ её разсказомъ о своемъ необдуманномъ хвастовствѣ и обѣщаніемъ жениться на ней, если она дастъ ему какую нибудь вещицу своей госпожи. Та разсказываетъ ему объ устройствѣ дворца, о красотѣ Елены, и даетъ нѣсколько ея драгоцѣнностей, между прочимъ кушакъ и кольцо, которыя и служатъ ему позднѣе вещественными знаменіями его знакомства съ женой Руджьеро. Руджьеро пораженъ неожиданными откровеніями и, согласно закладу, долженъ поплатиться головой; отпросившись у императора домой, онъ страшно тамъ неистовствуетъ: убиваетъ своихъ двухъ сыновей, а Елену бросаетъ въ рѣку. Но она спасается и является ко двору какъ разъ во время, когда ея мужа должны были вести на казнь; вызвавъ Гарньери на поединокъ, она поражаетъ его и предъ смертью заставляетъ его покаяться въ своемъ предательствѣ.

Мой выборъ «Пѣсни о мадоннѣ Еленѣ» — нѣсколько случайный: вмѣсто нея я могъ-бы остановиться на одномъ изъ многочисленныхъ, литературныхъ и народныхъ пересказовъ сюжета, извѣстнаго по новеллѣ Боккаччьо о Bernabò Lomellin da Genova — и Цимбелину Шекспира [1]). Дѣйствующимъ лицомъ является жена, иногда сестра; дѣйствіе либо развивается по типу

---

[1]) О распространеніи этого сюжета см. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 Aufl., I, стр. 257 слѣд.; Landau, Die Quellen des Decamerone, 2 Aufl. 1884, къ Dec. II, 9; Leonhardt, Ueber die Quellen Cymbeline's, Anglia V, 1—45; ib. VII, 120—127: Siegmund Levy, Eine neue Quelle zu Shakespeares Cymbeline; R. Köhler'a въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie 1883, № 7, p. 272—3; сл. еще ib. 1881, p. 110: отчетъ Либрехта о Cantare di madonna Elena, въ предисловіи къ которому также находятся библіографическія указанія.

приведенной выше греческой пѣсни, либо согласно съ содержаніемъ Cantare: нахвальщикъ, не достигнувъ своей цѣли, предъявляетъ мужу (или брату) вещественныя доказательства своей мнимой близости съ его женой (или сестрой); услужливая помощница помогла ему проникнуть въ покой, разглядѣть его убранство, похитить нѣкоторыя вещи неприступной красавицы (перстень, головной платокъ), подмѣтить родинку на ея груди и т. д. Эти откровенія убѣждаютъ мужа; увѣренный въ проступкѣ своей жены, онъ прогоняетъ её, хочетъ её убить, но намѣреніе не приводится въ исполненіе, иначе — некому было бы уличить навѣтчика. Въ сказкѣ румынскихъ Цыганъ невинно заподозрѣнная жена покинута въ челнокѣ на Дунаѣ; переодѣтая мущиной, она исцѣляетъ отъ его немощи какого-то слѣпаго императора, который оставляетъ ей въ награду свое царство. Мы встрѣтимъ подобную-же черту въ одной изъ слѣдующихъ русскихъ сказокъ, за которыми чувствуется древняя былина Владиміровскаго цикла, осложненная посторонними, пѣсенными и повѣствовательными мотивами.

1. Въ № 178 у Аѳанасьева разсказывается: «Во городѣ во Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ *Данило*-Безсчастный-дворянинъ: придетъ день воскресный — Владиміръ князь всѣмъ по рюмкѣ горькаго подаетъ, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ — кому награда, а ему все ничего! Наканунѣ было Свѣтлаго Воскресенія, въ страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на̀ руки сорокъ сороковъ соболей, *велитъ къ празднику шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей заливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать»*. — Данило не знаетъ что дѣлать; старуха, которой онъ повѣдалъ свою бѣду, велитъ ему идти къ синему морю, и когда выйдетъ Чудо-Юда, схватить его за бороду и бить до тѣхъ поръ, пока оно не покажетъ ему *«Лебедь-птицу, красную дѣвицу»*. Такъ молодецъ и сдѣлалъ. — Черезъ малое время приплы-

ваетъ къ берегу Лебедь-птица, красная дѣвица, говоритъ Данилѣ: «Возьмешь-ли меня за себя? втѣпоры все будетъ сдѣлано». Тотъ соглашается. «Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать молодцовъ, все плотники, пильщики, каменьщики и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ. Беретъ её Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведётъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пили-ѣли, прохлаждалися, за однимъ столомъ обручалися». Данило ложится спать, а между тѣмъ шуба готова; красная дѣвица будитъ его: «въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣстъ; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться». Она даетъ ему *серебряную трость: «какъ выйдешь отъ заутрени*, *ударь ею въ грудь: весело птицы запоютъ*, *грозно львы заревутъ* (var. стань на правомъ крылосѣ; на отходѣ заутрени свои руки подыми, по собольей шубѣ поведи — весело птицы запоютъ). Ты сымай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывалъ бы о насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать — не пей чару до дна, не увидишь добра! *Да не хвались ты мною*, не хвались, что за едину ночь домъ построили съ тобою». Она даетъ ему еще два серебряныхъ яичка и одно золотое: серебряными пусть похристосуется съ княземъ и княгинею, а золотымъ — «съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить». Христосуясь съ княземъ и княгиней, Данило нечаянно вынулъ золотое яйцо. «Увидалъ это *Алеша Поповичъ*, *бабій пересмѣшникъ*. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастный ударилъ себя въ грудь серебряною тростью — птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-калѣкою и проситъ святой милостыни». Что мнѣ ему подать? спрашиваетъ себя Данило — и подаетъ ему золотое яйцо. Алёша, между тѣмъ, передѣлся и на пиру у Владиміра, когда Данило началъ съпьяну похваляться женой, хвастается, что и онъ её знаетъ. «А Данило говоритъ: Коли ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а коли не знаешь — тебѣ рубить голову». — Идетъ Алеша куда глаза

глядятъ, идетъ и плачетъ. Старуха, которой онъ покаялся въ своемъ хвастовствѣ, научаетъ его, что ему дѣлать: «Поди-ты къ такому-то дому, зови ее (Данилину жену) къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положитъ на окно цѣпочку; ты цѣпочку ту унеси и покажь её Данилѣ Безсчастному». Она служитъ Алеши доказательствомъ его знакомства съ женой Данилы, которому приходится рубить голову. Онъ отпрашивается у Владиміра напередъ сходить домой — проститься. А жена уже все знаетъ — и посылаетъ мужа позвать въ гости къ себѣ князя и княгиню и всѣхъ горожанъ; если Владиміръ будетъ отговариваться непроходными дорогами, скажи ему, что всё будетъ устроено. Владиміръ ѣдетъ: отъ его палатъ до дома Данилиной жены мостъ усланъ сукнами багровыми, убитъ гвоздями полужеными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую яблоки зрѣютъ; въ одной рѣкѣ пиво бѣжитъ, въ другой медъ, въ третьей вино, въ четвертой водка. Всѣ перепились, на пути остались; доѣхали лишь князь со княгинею, Данило да Алеша, садятся за столы, смотрятъ — когда-же выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица. Три раза зоветъ её Данило, не пошла къ гостямъ. Говоритъ Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «если бы это сдѣлала моя жена, я-бъ её научилъ мужа слушать». Услышала-то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «вотъ-де какъ мужей учатъ! Крылышкомъ махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую гора, по третью мохъ, по четвертую охъ!» Съ трудомъ они выбрались изъ грязи.

2. У Рыбн. II, № 51 первая половина сказки въ общемъ отвѣчаетъ предъидущей: Дворянинъ Безсчастный молодецъ служитъ у Владиміра Кіевскаго, жалуется, что не выслужилъ пока «ни слова гладкаго, ни перины мягкія». Услыхалъ это Владиміръ и «сталъ его жаловать: *даваетъ ему двѣнадцать соболей недѣланыхъ, и даваетъ краснаго золота невита нетянута, велѣлъ соболя подѣлать и двѣнадцать пуговицъ вылить, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу* соболиную къ Христосьской

заутрени». А дѣло было въ страстную субботу. — Молодцу помогаетъ «женщина престарѣлая»: заведя его въ палату бѣлокаменну, она его угощаетъ, укладываетъ спать, а затѣмъ приноситъ ему шубу соболиную, тросточку камышевую и три золоченыхъ яйца: двумя похристосуйся съ Владиміромъ и Опраксою, а третье сюда неси. — Далѣе о шубѣ и тросточкѣ нѣтъ рѣчи, и о нихъ не разсказывается ничего чудеснаго. — Похристосовавшись съ княземъ и княгинею, молодецъ возвращается назадъ по уговору, чтобъ похристосоваться съ старухой. Не со мной тебѣ христосоваться, говоритъ она и указываетъ ему на покой, гдѣ за двѣнадцатью дверями сидитъ красавица, какой въ свѣтѣ не видано и не слыхано. Онъ подаетъ ей яйцо золотое, она ему золотую ширинку; старуха предлагаетъ ему жениться на той дѣвицѣ: «посылай-ка князя Владиміра свататься, княгиню Опраксу въ поѣздъ зови». — Молодецъ идетъ къ Владиміру, который пожаловалъ его и пошелъ за него свататься. «Выводитъ дѣвицу престарѣлая женщина; то Владиміръ *князь вздрогнулъ на ея красоту;* и просватали за Дворянина Безсчастнаго молодца. Тутъ веселымъ пиркомъ и за свадебку».

«*У стольнаго князя у Владиміра былъ хорошъ почестенъ пиръ на многихъ князей на бояръ.... Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на почестномъ напивалися и всѣ на пиру порасхвастались. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвастаетъ отцемъ-матерью, который хвалится молодой женой.* Дворянинъ Безсчастный молодецъ ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: Чтò-же ты, Дворянинъ Безсчастный молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься?» — Молодецъ хвалится молодой женой: «нѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ. Изъ за того за столика задняго выскочитъ Ѳедька насмѣшникъ, самъ говоритъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкою три года живу, а про то никто не знаетъ». Владиміръ требуетъ доказательства: «принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами». — Престарѣлая

женщина указываетъ Ѳедькѣ домъ Дворянина Безсчастнаго молодца; сѣнная дѣвушка обѣщается помочь ему изъ бѣды, если онъ возметъ её за себя за-мужъ — и приноситъ ему монисты; вернувшись на княженецкій дворъ, онъ бросаетъ ихъ на дубовый столъ — и Владиміръ разжалываетъ молодца, сажаетъ его за задній столъ. — Когда пиръ отошелъ и всѣ разъѣхались, пошелъ домой и молодецъ, пораздумывая о томъ, какъ ему раздѣлаться съ женой. Заманивъ её на корабль, онъ продаетъ её заѣзжему гостю, который позарился дорогой на ея красоту; но она «схватила его на косу бедру» и сбросила въ море: «Ай-же вы, людюшки рабочіе! Если гдѣ будете разсказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срою! Идите въ королевство Португальское». Здѣсь она расторговалась. «А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король». Свѣча затеплилась надъ женой Безсчастнаго молодца, которая вмѣстѣ съ другими пошла къ царскимъ вратамъ, одѣвшись въ мужское платье. Ставъ королемъ, она черезъ три года снаряжается въ Кіевъ «ко ласкову ко князю ко Владиміру» и останавливается у престарѣлой женщины, которая оказывается ея матерью и разсказываетъ о себѣ, что она — жена Португальскаго короля, удалившаяся отъ непріятелей въ Кіевъ вмѣстѣ съ дочерью. Дочь она выдала за Дворянина Безсчастнаго молодца; жила она съ нимъ сначала хорошо, а затѣмъ пропала ни вѣсть куда. — Король обѣщаетъ старухѣ разспросить объ ея дочери у зятя, а на другой день спрашиваетъ Владиміра, нѣтъ-ли кого, кто-бы истопилъ для него баню. Тотъ посылаетъ Дворянина Безсчастнаго молодца. Признаніе происходитъ въ банѣ — и обнаруженъ ложный навѣтъ Ѳедьки, котораго и казнятъ.

3. Тождественна въ планѣ и въ большинствѣ подробностей сказка у Аѳанасьева № 179: вмѣсто Владиміра является царь Иванъ, вмѣсто Безсчастнаго молодца — такой-же безсчастный царевичъ Василій. Подарокъ царя тотъ-же: *сорокъ сороковъ*

черныхъ соболей, золота на пуговицы, шелку на петельки; «вотъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко Христовой заутренѣ, и чтобъ въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому» (далѣе: «чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія, кричали, мяукали коты заморскіе»). — Бабка-голубая шапка приводитъ царевича къ *Еленѣ Прекрасной;* онъ полюбился красавицѣ; по ея просьбѣ братецъ ея, *Ясёнъ Соколъ*, доставляетъ ему чудесный тулупъ, въ которомъ онъ отправляется къ заутренѣ. Елена даетъ ему три яичка: однимъ пусть похристосуется съ протопопомъ, другое отдастъ брату — что царевичъ и дѣлаетъ; третье тому, «кто тебѣ больше милъ». Выпрашиваетъ у него послѣднее яичко Алёша Поповичъ, но Василій отнѣкивается и приноситъ его Еленѣ. Не думала я, что ты мнѣ оставишь яичко, говоритъ она; теперь я согласна пойти за тебя: зови брата на свадьбу. Свадьба сыграна; позднѣе на пиру у царя, когда всѣ порасхвастались, Василій хвалится своей женой, какъ вдругъ подбѣгаетъ къ нему *Алеша Поповичъ* и говоритъ: «Ну, ужь хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ»! Гости говорятъ: «Коли ты спалъ съ нею, такъ поди-же съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Таже бабка доставляетъ Алешѣ кольцо Елены, а ему самому велитъ намочить голову — будто въ банѣ былъ. — Какъ и въ предъидущемъ варьянтѣ Василій царевичъ продаетъ жену купцамъ; Елена также становится царемъ и при тѣхъ-же обстоятельствахъ (свѣча у ней затеплилась при входѣ въ церковь) и посылаетъ за Васильемъ. Обманщики выведены на чистую воду и разстрѣляны.

4. Въ шенкурскомъ варьянтѣ, записанномъ Борисовымъ (Аѳанасьевъ, IV, стр. 452—58) «Горегорянинъ *Данило*-дворянинъ» служитъ семь лѣтъ, не выжилъ себѣ ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, и идетъ искать лучшаго мѣста. Бабка-голубая шапка приводитъ его къ *Настасьѣ царевнѣ*, которая шлетъ его «къ дядюшкѣ князю Владиміру: зови его въ тысяцкіе, жену

его Оброксу въ сватьи». Данило приходитъ къ князю, которому его гости говорятъ, чтобъ онъ не отдавалъ царевны за «чуже-страннаго»: «нѣтъ-ли у насъ людей хорошихъ? Накинь на ёво такую службу, чтобъ ему ввѣкъ не сдѣлать». Владиміръ даетъ Данилѣ послѣдовательно три задачи: выстроить къ утру церковь, чудесный мостъ, *сшить шубу («соболи не чинены, шолки не виты, золото не лито»).* Въ этой шубѣ Данило является въ церковь; однимъ золотымъ яичкомъ похристосовался съ попомъ, другимъ съ Владиміромъ, третье бережетъ про себя. Вышли изъ церкви. «Бѣжитъ по буеву Гришка фурлатильный, черненькій, маленькій, хроменькій, на одной ножкѣ подскакиваетъ, ищетъ борца противъ себя молодца». Этому-то Гришкѣ Данило угодилъ въ грудь третьимъ яйцомъ, сшибъ его съ ногъ, билъ и топталъ. — Такъ ему и надо, говоритъ позднѣе Настасья царевна — и снова посылаетъ къ Владиміру звать его въ тысяцкіе, Оброксу въ сватьи. Сказка кончается свадьбой.

Самарская сказка (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, № 18) представляетъ тотъ-же сюжетъ, что и предъидущія, но разработанный иначе, почему далѣе мы и не возмемъ её въ разсчетъ. Именъ нѣтъ; навѣтчикомъ является двоюродный братъ молодого купца, неудачно ухаживавшій за его женою и обращающійся къ помощи «ворожейки» («старуха-большое брюхо»). — «Поди узнай, что у нея на тѣлѣ есть», наказываетъ онъ ей и проситъ достать ея подвѣнечный перстень. Молодица была нездорова; старуха убѣждаетъ её сходить съ нею въ баню, полечиться; похищаетъ ея кольцо и говоритъ, что у нея «на правомъ плечѣ родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти па̀льцыевъ». Позднѣе навѣтчикъ пользуется этими свѣдѣніями и перстнемъ, чтобъ убѣдить мужа въ своей связи съ его женою; споръ былъ объ имѣньѣ, молодца обобрали, а онъ, вернувшись домой, завозитъ жену въ дремучій лѣсъ, откуда ни выйти, ни выѣхать. Ей удается не только выбресть, но и дослужиться до полковника, а мужъ очутился у ней въ денщикахъ. Сказка кончается признаніемъ — и наказаніемъ виновнаго

Составными элементами разобранной нами сказки-былины представляются мнѣ слѣдующіе:

1) Старая пѣсня, развивавшая тему Цимбелина, итальянскаго Cantare и подобныхъ имъ разсказовъ: мѣсто дѣйствія въ Кіевѣ, при дворѣ Владиміра; на пиру-во полу столѣ Данило *хвалится* своей женой; наша сказка № 2 почти сохранила былинное изложеніе:

У стольнаго князя у Владиміра
Былъ хорошъ почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ....
Всѣ на пиру наѣдалися
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались:
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ золотой казной,
Который хвастаетъ отцемъ-матерью,
Который хвалится молодой женой.

Имя навѣтчика по №№ 1 и 3: *Алеша Поповичъ;* оно стояло, вѣроятно, и въ пѣснѣ: по отношенію къ Данилиной женѣ онъ такой-же нахвальщикъ, какъ и въ былинѣ о сестрѣ Сбродовичей. — Древней пѣснѣ принадлежало, по моему мнѣнію, и имя *Данилы:* оно находится въ №№ 1 и 4 и въ былинахъ о женѣ *Данилы* (Ловчанина, Денисьевича) и Владимірѣ, представляющихся мнѣ параллелью къ возстановляемой нами пѣснѣ о Данилиной женѣ и Алёшѣ, но съ трагической развязкой. Былина начинается съ похвальбы на пиру, полузабытой у Кир. III, № 1, стр. 28—32, но сохраненной въ № 2 (р. 32—38):

Сильн-а-тъ хвалитса силою,
Богатой хвалитса богатествомъ,
Купцы-тѣ хвалятса товарами,
Товарами хвалятса заморскими;
Бояря-та хвалятса помѣстьями,
Онѣ хвалятса вотчинами.
Одинъ только не хвалитса Данила Денисьевичъ,

но, вызванный Владиміромъ, говоритъ:

Есь у меня золота казна,
Ишшо есь у меня и молода жона,
Ишшо есь у меня и платье свѣтное.

Центръ тяжести лежитъ, очевидно, въ молодой женѣ; только «безу́мный хвастаетъ молодой женой», говорится въ пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Рыбн. III, № 34, Гильф. № 135; Рыбн. II, № 30: Дюкъ); согласно съ этимъ развивае́тся далѣе и пѣсня о Данилѣ Ловчанинѣ, на жену котораго позарился — самъ Владиміръ, пытаясь устранить мужа, чтобъ овладѣть женой, но добиваясь только — самоубійства того и другого.

На сколько эта пѣсня о женѣ Данилы древня при имени Владиміра и не принадлежитъ-ли она къ порѣ пѣсенной детеріораціи его образа — этотъ вопросъ я оставлю пока въ сторонѣ. Замѣчу только, что и въ нашей сказкѣ № 2 *Владиміръ князь вздрогнулъ на красоту жены* Дворянина Безсчастнаго, котораго №№ 1 и 4 зовутъ именно *Данилой*. Это указываетъ на связи между былиной о женѣ Данилы (Ловчанина) и Владимірѣ — и предполагаемой нами пѣсней о женѣ Данилы (Безсчастнаго и т. д.) и Алёшѣ. Эти связи можно прослѣдить и далѣе: въ нашемъ № 4 жена Данилы названа *Настасьей царевной*, въ былинѣ о Ловчанинѣ Кир. III, № 1, стр. 28—32 имя его жены *Настасья* (Никулишна; въ № 2, р. 32—38: Василиса Никулишна по смѣшенію съ женой Ставра); въ пѣснѣ объ Алёшѣ и Сбродовичнѣ послѣдняя также названа *Настасьей* (или Натальей. Кир. II, № 3, стр. 67—9). Замѣтимъ, наконецъ, что и жена Добрыни, обойденная Алёшей, называется обыкновенно *Настасьей* и даже Настасьей Микуличной (Кир. II, № 2, стр. 3; № 6, стр. 11 слѣд.; № 8, стр. 17; № 9, стр. 20—22; № 1, 30 слѣд.). Можетъ быть, въ послѣднемъ случаѣ имя занесено изъ пѣсни о женѣ Данилы, оклеветанной Алёшей: не даромъ у Кир. II, № 7, стр. 16 Добрыня, вернувшись домой въ одеждѣ скомороха, называетъ себя — *Данилой Заморнинымъ*, т. е. пріѣзжимъ изъ за моря (сл. Гильф.

№ 172 = Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне*, вавилоняне — и *заморенина* Суздальца, выше, стр. 77). Можетъ быть, и въ одной редакціи былины о Молодцѣ и Королевнѣ (Гильф. № 278) первый, хвастающійся во хмѣлю своей связью съ царской дочерью, носитъ не даромъ имя *Данилы* (Игнатьевича), вмѣсто обычнаго: Ивана (сл. выше, стр. 116 слѣд.).

Рядомъ съ именемъ Настасьи являются въ нашихъ сказкахъ и другія имена: въ № 3 *Елена Прекрасная*, у ней братецъ *ясёнъ соколъ*; въ № 1: *Лебедь-птица — красная дѣвица*. Русская хороводная пѣсня[1]) несомнѣнно запомнила какія-то отношенія былиннаго *Алеши* пересмѣшника къ дѣвицѣ *бѣлой лебеди;* можетъ быть, и *ясный соколъ* пѣсни скрываетъ, за своимъ значеніемъ поэтическаго символа, память о *ясномъ соколѣ* сказки.

Ахъ, и по морю! Ахъ, и по морю
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая, со лебедушками
. . . .
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю,
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью,
Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.

Отъ символическихъ образовъ лебеди и сокола пѣсня переходитъ къ реальнымъ: дѣвушки и молодца: дѣвушка собираетъ тѣ перья,

Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія русск. народа III, стр. 32, № 17.

Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
«Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь, красна дѣвица душа!»
Она-жь ему, она-жь ему,
Она-жь ему не поклонится.

Парень грозитъ ей, въ будущемъ, тѣми непріятностями, которыя предстоятъ ей, когда она выйдетъ за него за-мужъ; она извиняется:

Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
Я думала, я думала,
Я думала, что поповскій сынъ,
Что поповскій сынъ, воръ Алешинька.

Въ варьянтахъ этой пѣсни [1]) имени Алеши нѣтъ; но воръ Алеша, обманувшій Лебедь Бѣлую, хорошо извѣстно намъ изъ нашего № 1.

2) Былина о Данилѣ, не впору *похвалившемся своей женою*, развита была мотивами широко распространенной сказки: о вѣщей женѣ, помогающей мужу исполнить трудныя *задачи*, на него возложенныя, но *запрещающей ему хвалиться ею.* За неисполненіемъ этого завѣта слѣдовало обыкновенно ея исчезновеніе — и это окончаніе удержано въ нашемъ № 1, тогда какъ другіе придержались развязки, указанной ходомъ древней былины. — Малорусская сказка изъ собранія Рудченка (№ 34), сложенная изъ цѣлаго ряда чуждыхъ другъ другу мотивовъ, начинается извѣстнымъ намъ общимъ мѣстомъ: «Як був собі безщасный Данило, да служив, служив год и другий.... Що дослужить грошей, да де заховае, то огледицця — аж уж й нема». Оставивъ одно мѣсто, онъ соглашается служить бѣдняку — изъ-за камня, лежавшаго у него передъ порогомъ. Въ камнѣ оказались деньги; Данило купилъ ладану на цѣлый золотой, «узяв там

---

[1]) Сахаровъ, l. c. стр. 54—5, №№ 1 и 2.

черепок, вийшов на могилу, наклав ладану, запалив». Въ награду за это ангелъ, посланный Богомъ, обѣщаетъ исполнить одно изъ его желаній: чего онъ хочетъ — здоровья, богатства или умной жены? По совѣту одного пахаря онъ избираетъ послѣднее, а самъ засыпаетъ на могилѣ. «Приходить з неба святого Петра дочка йому за жінку. Прийшла вона и будить його: уставай, Данило, ходім, де твій батьківскій грунтъ, да підем да повінчаемось! Він каже: Нема в мене грунту батьківського. От пішли. От він и повив — аж батьківьский грунт: так Бог дав, шо стало». Нашлась и хата, а въ ней и деньги, которыя, бывало, пряталъ Данило и не находилъ. — Панъ позарился на Данилову жену и задаетъ ему задачи: коли не исполнитъ ихъ, онъ заберетъ жену. Первая задача — сварить пиво, вторая — сдѣлать изъ дерева «живыя гусли». Привезъ Данило то дерево домой и плачется; жена утѣшаетъ его: «Не журись, Данило, лягай спать.— Данило ліг спочить. Устав — аж уже й гусли готові». Какъ заигралъ онъ, всё заплясало. — Послѣдняя задача: сходить на тотъ свѣтъ къ отцу пана и спросить, куда передъ смертью онъ спряталъ деньги — также исполняется Данилой при помощи жены. Панъ награждаетъ его. — Другую переработку сказки сл. у Драгоманова, Малор. народн. преданія и разсказы, стр. 295—9 (Нещастный Данило. Нач.: Був собі нещасний Данило. Де вже він не ходив, де не служив — все, шо не заробі, пак як за водою піде; нічого в ёго нема).

3) Прежде чѣмъ эта былина осложнилась элементами сказки, она могла быть сближена съ другой былиной, съ такимъ-же мотивомъ похвальбы, лишь иначе разработаннымъ: я имѣю въ виду пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ. Какъ Дюкъ хвалится своимъ имѣніемъ, конями и матушкой, такъ и Данило могъ хвастать первоначально своей женой — и кое-чѣмъ и другимъ, какъ Данило Ловчанинъ — женой и золотой казной. Съ точки зрѣнія Дюковскихъ пѣсенъ трудныя задачи, которыя въ современныхъ сказкахъ помогаетъ исполнить Данилѣ его жена, явились бы съ его стороны отвѣтомъ на требованіе — доказать ту или другую свою

похвальбу. Это объяснило-бы мнѣ, какимъ путемъ поющія петелки и пуговки Дюка перешли впервые въ былину о Данилѣ: понятыя сначала какъ моментъ *похвальбы*, онѣ очутились впослѣдствіи, въ освѣщеніи сказки, моментомъ *задачъ*. — Косвенное доказательство сосуществованія и взаимодѣйствіи (старой) былины о Данилѣ и Алешѣ и пѣсни о Дюкѣ — я склоненъ усмотрѣть въ тѣхъ пересказахъ послѣдней, которые замѣнили въ нихъ Чурилу — Алешей Поповичемъ: тотъ и другой являлися въ памяти пѣвцомъ съ типомъ навѣтчика, обличавшаго, хотя и злостно, неумѣренно расходившуяся богатырскую кичливость.

Дальнѣйшее возхожденіе по генеалогическому, «мысленному» древу былинъ поставило-бы насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: о томъ, какимъ образомъ привязывались къ имени Владиміра сюжеты вродѣ новеллы о Данилиной женѣ. Отвѣчу пока лишь на одну сторону вопроса. Извѣстенъ въ русскомъ эпосѣ мотивъ похвальбы: отъ нея погибаютъ русскіе (сл. гл. VII) и цареградскіе (сл. стр. 365) богатыри; хвалится Иванъ Гостиный сынъ своимъ конемъ — и принужденъ бѣжать на немъ въ запуски съ жеребцами Владиміра (стр. 38 слѣд.); хвастаетъ своей казной, конемъ и матерью Дюкъ Степановичъ — и долженъ дать отвѣтъ, постоять за свою тройную похвальбу (стр. 147 слѣд.), какъ Данило Ловчанинъ, Ставръ и замѣнившій его у Гильф. № 124 Добрыня. Обыкновенно такія кичливыя рѣчи слышались на пиру, во полу-столѣ; когда Владиміръ сталъ собирателемъ русскаго эпоса, его почестный столъ явился типическимъ и къ нему потянулись всѣ, хваставшіеся дотолѣ на сторонѣ. Разумѣется, это построеніе трудно опереть на фактахъ: если въ трехъ варьянтахъ пѣсни объ Алёшѣ и Сбродовичнѣ только одна (Кир. II, № 3, стр. 67—9) переноситъ сцену къ столу Владиміра, а бѣлорусская пѣсня даже помѣщаетъ её «ў Тлуцку на рынкѣ», то возможенъ двоякій вопросъ: являются-ли пѣсни безъ пріуроченія къ столу Владиміра отзвукомъ болѣе древняго пѣсеннаго развитія, или, наоборотъ, онѣ забыли, обобщивъ его, самый фактъ пріуроченія? Какъ-бы то ни-было, слабая внутренняя связь между

Владиміромъ и такими богатырями, какъ Дюкъ и Иванъ Гостиный сынъ, держащаяся главнымъ образомъ идеей похвальбы за столомъ, едва-ли не указываетъ, что именно въ этой сценѣ произошло соединеніе двухъ эпическихъ теченій, привлекшее къ княжескому столу заѣзжихъ молодцевъ, въ составъ русскаго эпоса бродячія, непріуроченныя темы. Свои или чужія — всё равно: ибо *народный* эпосъ всякаго *историческаго* народа по необходимости *международный*. — Что сцена похвальбы за столомъ утратила впослѣдствіи свое собирательное значеніе и стала общимъ мѣстомъ, показываютъ напр. нѣкоторыя пѣсни о Добрынѣ въ отъѣздѣ (Гильф. №№ 206, 215, 290 и др.), гдѣ она является незначущимъ запѣвомъ, не мотивирующимъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 10. *Птица-вѣстникъ.* Библіографія этого пѣсеннаго и сказочнаго мотива можетъ быть значительно пополнена. Такъ въ одной тосканской сказкѣ (Pitrè, Archivio, II, п, p. 168) голубь несетъ отцу дѣвушки, выданной за мага, ея письмо, писанное кровью на концѣ, оторванномъ отъ передника. Въ той-же роли могъ являться соколъ, котораго Сокольникъ передъ боемъ съ Ильей, отсылаетъ къ своей матушкѣ (сл. выше, гл. IX, 309, 311—12, 316—317), хотя въ большей части пересказовъ отпускъ сокола и выжлеца означаетъ иной актъ: въ предстоящей борьбѣ они не нужны богатырю, ему не до нихъ: «А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ, И корми ты свою буйну голову.... Полети ты, соколъ, на сине море, И корми свою буйну голову». Сл. сходный образъ, лишь въ другомъ примѣненіи, въ малор. щедривкѣ: молодецъ

Пустив коня в чисто поле,
Пустив хорта в темні лѣса,
Пустив сокола по під небеса;
І кінь біжить, пару лошадей мчить,
І хортъ біжить и зайенка мчить,
І соколъ летить и утёнку мчить,

пану на кушанье, добрымъ людямъ на здоровье (сл. Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. народа I, стр. 7). —

Къ птицѣ-вѣстнику сл. еще Вука Караџ. Србск. нар. песме, II, 45 (два ворона вѣщаютъ Милицѣ о Косовскомъ боѣ), 46 (соколъ = Илья несетъ птицу-ластовицу = књигу од Богородице); III, 88 (два врана-гаврана); Ломачевскаго, Сборн. пѣс. Буковинскаго народа, № 344 (воронъ вѣщаетъ матери о смерти сына); Чубинск., V, 888 (орелъ матери о томъ-же); Головацкаго I, 138 (пташка съ письмомъ). См. славяно-русскій Матеріалъ, собранный Потебней, Замѣтка о двухъ пѣсняхъ (Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 2, стр. 203 слѣд.), изъ которой я выберу кстати слѣдующія двѣ параллели къ румынской колядкѣ и мордовской пѣснѣ, разобранныхъ мною въ Разысканіяхъ VII, стр. 276—278. Первая записана въ Курской губерніи:

Сóкалъ съ канёмъ объ заклáтъ билси,
Онъ ни ў рупъ, ни ў два и ня вó-ста рублей,
Апъ сваей апъ буйнай галаве:
Каню бяжáть вакрýхъ лясý,
А сакалý лятéть чирѣсъ тёмнай лесъ
Да таво мéста да урóшнава,
Да калóдизя да стýдёнава.
Прибéхшы конь онъ вады́ испилъ
.... и лёхъ апачилъ.
Глядúть, сматрúть, апъ сакóлъ лятитъ:
«Кóнь ты мой, конь, ты добрá лошать!
Ни сяки ты мне буйнай галавè,
Атсякú сакалý прáвая крылó
.... сы правúльнымъ пиромъ,
Штоба мне саколý сидеть ни лятеть».
Въ сакалá крылья залятучіи,
А глáзушки завидýшшаи:
Лятéлъ сакóлъ чирясъ тёмнай лесъ,
Напалась сакалу стáда либядèй,
Убилъ, задралъ, лебидя белава,
За темъ сакóлъ замешкалси. (l. c., p. 200—1).

Малорусская пѣсня (l. c., p. 201—2, изъ Максимовича, Укр. Н. П. М. 1834, стр. 148—9) открывается образомъ казака,

сидящаго на могилѣ и разглядывающаго свои смертельныя раны; непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ бѣгъ взапуски орла съ конемъ:

Закладався орел зъ конем,
А за тиї криниченьки:
«Ой чи скорійш ти добіжиш,
Мені крильця повтинаеш».
— «Ой ти скорійш да долетиш,
Мені ноги повтинаеш».
Ой кінь бѣжить, земля дрожить,
Орел летить, перо дзвенить;
Ой кінь біжить все ярами,
Орел летить все лугами,
Кінь до води прибігае,
Орла брата виглядае:
Орел летить і несміе,
Коня брата непізнáе.
«Даруй, коню, крилечками,
А хто ходить ніжечками» (?).

Къ стр. 12 *(не убивать спящаго врага)*. Въ одномъ греческомъ изреченіи, приписанномъ Александру Великому, онъ отстраняетъ совѣтъ друзей — напасть на враговъ ночью, ибо это не царское дѣло. Къ примѣрамъ, мною собраннымъ (Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Сентябрь, стр. 65), присоединю еще и нашу Пчелу (изд. Безсоновъ, стр. 29): Сей (Александръ) молимъ сыи отъ дружины нощию напасти на сопостаты и рече: не царския есть крѣпости побѣда. — Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, Trois poèmes grecs, p. 14): дружина совѣтуетъ Ахиллу напасть на враговъ ночью; онъ отвѣчаетъ:

426 καλὴ ἔναι ἡ στρατιωτική, ἄρχοντες, ἡ βουλή σας,
ἀλλὰ γενναῖον καὶ δυνατὸν οὐκ ἔναι ἔργον τοῦτο·
τοῖς ἀνισχύροις καὶ σαθροῖς δέδοται τὸ ἐξάφνης·
εἰ γὰρ καὶ νῖκος ποιήσωμεν, εἰς ἐντροπήν μας ἔναι.

Сл. Eckenliet, строфа 195: Фазольтъ подозрѣваетъ, что Дитрихъ

убилъ его брата Экке во снѣ: hetestu slâfende in erslagin, — es müese mich verdriezen.... her Dietrîch sprach «mirst leit dîn haz — und daz du mich sô schendest. — Du must mir drumb ze buose stân».

Къ стр. 13 (Армури v. 86) Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, l. c. p. 18:

561 καὶ οἱ δώδεκα μὲ τοὺς ἕτερους κόπτουν εἰς τὸ φουσάτον,
τὰς ἄκρας ἐθερίζασιν οἱ δώδεκα μὲ θράσος.
Ἐἰς ἄκραν ἐπιλάλησεν ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ μέγας
καὶ μὲ τὴν ἄλλην ἔσμιξεν ἄκραν, συγκόπτων πάντας.

Къ стр. 25 прим. 2: сл. Nyrop, Den oldfranske Heltedigtning, p. 334—5.

Къ стр. 29. Жена велитъ князю Сауру вернуться съ похода, ибо она беременна. Онъ отвѣчаетъ: «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ». Выраженіе это указываетъ, быть можетъ, на полузабытую подробность: мужъ, недовольный безплодіемъ жены, идетъ въ походъ, грозя навсегда съ ней разстаться, если къ его возвращенію она не окажется матерью. Такъ у Псевдокалисѳена и его отраженіяхъ (о Филиппѣ и Олимпіадѣ); сл. средне-греческ. поэму объ Ахиллѣ, l. c. стр. 2, vv. 35 слѣд.

Къ стр. 56 прим. 1). Работа D'Ancona'ы явилась впослѣдствіи въ сборникѣ его Studj di critica e storia letteraria (1880); сл. стр. 300—2. Съ канвой легенды объ Ильѣ-архитекторѣ сл. подобный-же разсказъ въ апокрифическихъ дѣяніяхъ ап. Ѳомы: Господь продаетъ его купцу Abbanes, посланному царемъ Гундофоромъ пріискать *архитектора*. Сл. Lipsius, Apocryphe Apostelgeschichten I, 249; ib. II, II, 89 (объ ап. Варѳоломеѣ).

Къ стр. 63 прим. 1: сл. *Описаніе бѣга* въ Aiol, ed. Foerster, v. 4236 слѣд.: Aiol бьется о закладъ съ Macaire скакать взапуски на коняхъ:

Et se li miens peut vaintre, si me pleuis
.m. mars de blanc argent et .c. d'or fin
Et del destrier a faire tout mon plaisir.
Se li tiens uaint li mien, iel fae ausi.

Онъ даетъ ему ускакать впередъ «un grant arpent de tere bien mesure» (4312) и всё-же перегоняетъ Macaire'а, надъ конемъ котораго глумится молодежь.

Къ стр. 72 (къ описанію *чудеснаго ворона* въ былинахъ). Сл. Гильф. № 49, стр. 243.

Къ стр. 73 прим. 3. Сл. въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως l. c., p. 34, v. 1089: дѣвушка говоритъ Ахиллу: ἐγέιρου, χροσοπτέρυγε φάλκων, ἀπὸ τῆς κλίνης.

Къ стр. 74 прим. 1: сл. Рыбн. III, № 51, стр. 282: Чумбалъ.

Къ стр. 81: (*Пленкъ—Франкъ*). Собственное имя изъ эпитета: сл. Девгенія Акрита нашей повѣсти; сѣв. Lóðbrókr вм. Ragnarr (Lóðbrókr) и друг.

Къ стр. 111 прим. 3: Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως l. c., p. 37—8, v. 1221 слѣд. (Ахиллъ поетъ, подъѣзжая къ замку любимой дѣвушки).

Къ стр. 126: Волынецъ, Галица, Корела у Гильф. № 249.

Къ стр. 138 (*воронъ вѣщаетъ битву*). Сл. Ефименко, Матеріалы, № VII (передъ встрѣчей Алёши съ Татариномъ).

Къ стр. 191 прим. 2. (*механическія поющія птички*). Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως ed. Wagner l. c., p. 23—4, v. 739 слѣд.: золотой платанъ и на немъ золотыя птички: 743 ἐπνέασιν

οἱ ἄνεμοι καὶ ἐκεῖνα ἐκηλαδοῦσαν. Въ романѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (ed. Wagner, l. c., p. 304, v. 2195 слѣд.) вода поднимается вверхъ по вѣткамъ искуственной виноградной лозы, отчего ея плоды наливаются и зрѣютъ; на вѣтвяхъ порхаютъ птички, точно живыя. — Сл. еще описаніе Порова дворца въ моей статьѣ: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, Ж. М. Н. Просв. 1884, Сентябрь, стр. 49—51.

Къ стр. 218 (сл. стр. 222, прим. 1): *Чудеса Гугонова дворца.* Въ неизданной старофранц. поэмѣ о Sone de Nansay, отрывки которой были напечатаны Scheler'омъ, по Туринской рукописи, подробныя извлеченія (изъ той-же рукописи) сдѣланы мною, встрѣчаемъ слѣдующее описаніе:

On mist la table en 1 praiel
Tel c'onques hons ne vit plus biel;
Sur les murs deviers mer estoit,
Mais un biaus mures l'enclooit
Qui de marbre liois fu fais:
N'est oisiaus qui n'i soit pourtrais
Ne bieste ne pissons de mer,
Mult est plaisans a regarder.
X lupart sur les murs avoit,
Et cascuns la geule beoit,
Et par engien ensi tournoient
La geule u vent adies avoient:
Quant vens i fiert, cascuns sonnoit,
Diviers sons cascuns s'acordoit,
Ki tant sont biel a escouter:
Nus ne s'en poroit soeler,
Jamais nul jour n'anuieroit
Par dales qui santé aroit.

Къ стр. 226 (*Похвальба*) Обычай gabs и voeux былъ извѣстенъ и на сѣверѣ, гдѣ такъ называемыя heitstrengingar были въ ходу на рождественскихъ пирахъ, тризнахъ и т. п. Сл. Vigfusson and Cleasby, Icel. engl. Dict. a. v.

Интересный обращикъ *похвальбы* во полу-столѣ представляетъ Sones de Nansay (сл. выше, прим. къ стр. 218): Sones является въ Норвегію, къ королю Alains, ожидавшему нападенія Ирландцевъ и Шотландцевъ:

Li fil le roi ont Sone pris,
Bas sont a une escame assis.
Dont veïssiez mes aporter,
Aussi c'om les puisast en mer;
Chiervoise et vin partout avoit,
Car lor coustume telle estoit:
Longement sisent au mangier
Tant qu'asses peüst annuier
Qui ensi ne l'eüst use,
Car il se sont si abuvre
Que cascuns sa fable contoit
Leur nus for lui ne l'escoutoit;
Tant erent en grant de parler,
Nus ne peüst tout escouter.
Li tiers du jour fu en mangier,
Cascuns estoit en haubregier,
L'escu au col, ou poing l'espee —
Tout ert Irlande a mort livree,
Et ensi que cascuns disoit
«Que li rois d'Escoche i venrroit
Et seroit li premiers tues,
Ses frères qu'est emprisonnes
N'en istera, ce ne puet iestre,
Tant que Dieus sauwe men brach diestre».
Ensi partout se combatoient
Et puis le hanap embrachoient.

Sones удивляется этому, а царевичи объясняютъ ему, что таковъ обычай страны:

Ensi wellent le temps passer
En boire, en mangier, en parler,
En manechier chias qui n'i sont;

L'usage de lor pays font,
Et se primerains vous levies,
D'yaus honnis et-blasmés series.

Къ стр. 226, строка 2-ая снизу: читай русскихъ вм. другихъ.

Къ стр. 234 прим. 2. Параллель къ слѣдующему разсказу представляетъ у того-же С. Галльскаго монаха (II, п) извѣстная сцена, когда Откеръ и Дезидерій смотрятъ съ башни на приближающееся войско Карла, а Дезидерій въ каждомъ появляющемся отрядѣ думаетъ увидѣть императора.

Къ стр. 238—250 (*Микула Селяниновичъ*). О сюжетѣ былины говорили проф. Вс. Миллеръ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Декабрь: По поводу Трояна и Бояна Слова о Полку Игоревѣ (сл. рецензію проф. О. Миллера въ Русск. Филол. Вѣстникѣ II, 233) и М. Халанскій, Замѣтки по славянской народной поэзіи I. Къ былинѣ про Микулу Селяниновича. Русск. Фил. Вѣстн. 1881 г., стр. 270—73. — Мое объясненіе имени Hugon, стр. 250, чисто гипотетическое, которое я не пытаюсь помирить съ моимъ прежнимъ отождествленіемъ: Hugues = Hugdietrich (сл. выше, стр. 202—3). Hugdietrich, можетъ быть, отражаетъ франкскаго Hugo-Theodoricus, но тождество имени не обусловливаетъ франкскаго содержанія эпическихъ разсказовъ о первомъ.

Къ стр. 266, строка 6: (у Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116), какъ и въ № 22 Гильф. (Илья Муромецъ и Идолище) значеніе видѣнія не объяснено.

Къ стр. 267 (*оживаніе рыбъ, какъ знаменіе гибели*) Сл. Караџић, Рјечн. а. v. Високи Стефан: онъ бьется съ Турками, прогналъ ихъ за море, а въ море бросилъ свой буздоханъ, приговаривая: когда выйдетъ тотъ буздоханъ на берегъ, тогда и Турки возвратятся. Море тотчасъ же выбросило буздоханъ.

Сл. его-же, Срб. нар. п. II, №. 74, ст. 95—6 (о Маркѣ Кралевичѣ).

Къ стр. 268—269 (*Турско царство навасало*). Сл. Dozon, Болг. п. № 39: Наше царство достанало, — Турско царство настанало.

Къ стр. 371, строки 4—6 (*Прожорливость Идолища и Бонякъ*). Сл. южно-русскія преданія о *Бунякѣ-людоѣдѣ* у Костомарова, Богданъ Хмѣльницкій I т., стр. 180; Драгомановъ, Малор. народн. преданія и разсказы, стр. 224—225.